

love_sf

Ольга
Валентеева
<https://coollib.net/a/146239>

Зов пустоты

Счастье и любовь слишком скоротечны. Полли считала, что в её жизни все решено: выпускные экзамены, а через месяц — свадьба с любимым. Но судьба распорядилась иначе, и жениха Полины обвиняют в страшном преступлении. На что она готова, чтобы защитить свою любовь? И правда ли, что Пустота куда более справедлива, чем люди?

ru

Ольга
Валентеева

FictionBook Editor Release 2.6.6
28.4.2019
FC735117-C552-443B-9297-D99B8A8AD9ED
1.0

Ольга Валентеева
Зов пустоты

Часть первая

Глава 1

Шажок, еще шажок. Темно, хоть глаз выколи. Но я продолжала уверенно пробираться между кроватей к огоньку у входной двери. Мечтала, чтобы половицы не так скрипели, но они, как назло, пели от каждого шага. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

— Полли, ты куда? — над одной из кроватей поднялась белокурая головка. Конечно, в кромешном мраке я не видела цвет волос собеседницы, но знала, что волосы Катарины именно светлые.

— Сейчас вернусь, спи.

Кати, видимо, решила, что я иду в уборную, потому что затихла, а я продолжила путь. Скрип-скрип.

Выглянула в коридор, огляделась по сторонам. Никого! Видимо, наставницы надеялись на наше послушание и коротали вечер не у комнаты студенток, которым в полночь положено было спать, а за игрой в карты. Играли они лучше мужчин, готова поклясться! Я даже немного завидовала их таланту. Тем более, что сейчас страсть степенных колдуний к карточным играм была мне на руку. Я незамеченной проскользнула мимо двери наставниц и выбралась на улицу. Лето уже вступило в свои права, но вечера все еще были прохладными. Жаль, что при себе не было накидки, а тоненькое платьице ветер продувал насквозь. Но это все пустое! Я лавировала по дорожкам, стараясь не попасть ногой в какое-нибудь защитное заклинание, пока не добралась до забора. Когда впереди показалась решетка, увитая виноградом, я тихонько свистнула. Виноград тут же затрещал под чужим весом, и рядом прыгнул мужчина, закутанный в темный плащ.

— Ты все-таки пришла, — шепнул он, привлекая меня к себе.

— Конечно. Еле выбралась, одна из воспитанниц провинилась, и наставницы весь вечер учили нас жизни, — тихонько засмеялась я, прижимаясь к любимому. Он укутал меня в плащ, чтобы не мерзла, и коснулся поцелуем волос. — Ты долго ждешь, Анри?

— Около часа. Но я верил, что ты придешь.

Я вглядывалась в любимое лицо. В полумраке сада его было плохо видно, но я и так знала каждую черточку. Зеленые глаза, прямой нос, четко очерченный рот. Мне не надо было видеть, чтобы знать.

Губ коснулись губы, и я потерялась для всего мира, растворилась в ощущениях.

— Как же я хочу наконец-то быть с тобой, — шептала любимому.

— Потерпи. До выпускного всего неделя.

— И целый месяц-до нашей свадьбы. Так долго. Анри!

— Мы ждали дольше, Полли.

Да. гораздо дольше. Целых два года. Мы познакомились, когда за окном падал снег, а наставницы готовили нас к первому выходу в свет. Для репетиций танцев они пригласили студентов выпускного курса военного училища.

Среди них был и Анри.

Сейчас он давно уже не студент, а гвардеец личной стражи магистра Таймуса, одного из трех правителей Гарандии. Вот только по закону он не мог стать моим супругом, пока я не завершу обучение в магическом коллеже.

И хоть перед светом мы давно были женихом и невестой, встречаться приходилось украдкой, чтобы не узнали наставницы.

Иначе они бы сообщили моей матушке, а она — женщина крайне строгих нравов. Могли и отказать Анри в моей руке. Поэтому мы таились и прятались, но час избавления был близок. Через неделю был назначен выпускной. Я уже сдала все экзамены и теперь маялась от нетерпения, потому что почти сразу за выпускным должна была последовать свадьба.

— Потерпи. — Анри целовал мои губы, щеки, глаза. — Скоро нас никто не разлучит, клянусь.

— Я знаю, знаю. Но все равно так тяжело.

Колокол на городской башне пробил полночь. Я нехотя выбралась из объятий любимого.

— Тебе пора. — сказала с грустью. — Иначе будут неприятности. Да и мне тоже.

— Я не хочу уходить.

— Я тоже не хочу, Анри. Но ты сам сказал — надо потерпеть. Поэтому иди.

— Люблю тебя.

— Люблю.

Еще один поцелуй — и Анри ловко забрался обратно на стену, а я осторожно прокралась обратно к зданию общежития. Уже почти миновала главное препятствие в виде комнаты наставниц, когда дверь со скрипом отворилась.

— Мадемуазель Лерьер? — раздался грозный голос наставницы Жаннетт. — Где вы были?

— Я выходила в сад, наставница, — ответила, опустив глаза. — В комнатах так душно, у меня разболелась голова, и захотелось подышать воздухом.

— Вам следовало спросить у меня позволения, юная госпожа.

— Я думала, вы уже отдыхаете.

— Вам. Следовало, — отчеканила Жаннетт.

— Просту меня простить, — присела в реверансе.

— То, что вы без пяти минут выпускница, ни капли вас не извиняет, — качнула головой моя мучительница. — Завтра вам запрещено выходить из комнаты, только в столовую и уборную. И изучите главу пятнадцатую истории Гарандии. Наизусть.

— Будет сделано, наставница.

— Ступайте. И подумайте о своем поведении. Вы бесчестите имя матушки.

Я поторопилась вернуться в комнату, легла и закрыла глаза. Ничего дурного я не сделала!

Анри — мой жених и скоро станет мужем. То, что нам запрещено видаться вне светских приемов, несправедливо! Но спорить с Жаннетт я бы не стала под страхом казни.

Наставница была лучшей колдуньей Гарандии и когда-то занимала должность личного советника магистра света.

Ничего: осталась неделя. И я закрыла глаза, абсолютно счастливая, еще не зная, что это был последний день моего счастья.

Утро выдалось таким солнечным, что хотелось петь и танцевать. Другие воспитанницы отправились на дополнительные курсы — музыка, танцы, поэзия, а я осталась сидеть у окна и любоваться на солнце сквозь стекло с увесистой книгой в руках. Книга была нудной. Нет, сама история родной страны меня всегда интересовала, но в учебнике она была изложена настолько сухим языком, что хотелось вышвырнуть книжку в окно. Глава пятнадцатая и вовсе рассказывала о том, что в Гарандии знает каждый ребенок. Это становление магического триумвирата. Когда-то в Гарандии была монархия, но постепенно с развитием магии она изжила себя, и после революции, которая состоялась пятьдесят лет назад, власть в стране разделили три магистра — магистр света, тьмы и пустоты. Если со светлым и темным было все понятно, то магистр пустоты призван был обеспечивать нейтралитет между двумя другими, потому что в пустоте ни света, ни тьмы нет. Имена магистров я и так знала наизусть

— они менялись не столь часто, всего лишь раза три за эти пятьдесят лет. Самым старым был магистр света, у которого служил Анри. Ему перевалило за шестьдесят. Маистру тьмы было чуть больше тридцати, а лица магистра пустоты и вовсе никто не видел.

Я старательно повторила все имеющиеся сведения и уже после обеда сдала урок наставнице Жаннетте. Уф! Хотя бы можно будет прогуляться с подругами перед ужином, раз строгая наставница сменила гнев на милость. Подруг по коллежу у меня было не так много — та самая Катарина, которая стала невольной свидетельницей моей ночной прогулки, светлая магичка Дилора и ведунья Алисия. Сдружились мы еще с первого курса и старались держаться вместе. Я отыскала подруг и потащила на улицу. Мы разместились в небольшой беседке, увитой розами, и болтали обо всем на свете. Но даже ближайшим подругам я не говорила о том, что ночью тайно встречалась с Анри. Девушки — народ болтливый, а это может плохо закончиться не только для меня, но и для него.

— Наконец-то завтра привезут наши выпускные платья! — щебетала Дилора. — Я уже жду — не дождусь. А Раймон обещал быть на балу. Я так хочу его увидеть!

Раймоном звали одного из воздыхателей Дилоры. Мы с девочками не считали, что между ними происходит что-то серьезное — сердце Дилоры было переменчиво, как весенний ветер.

Но, тем не менее, слаженно кивали. А я представляла, как Анри увидит меня в новеньком бальном платье — персикового цвета, украшенном бутонами роз. Стоило оно целое состояние, но матушка расщедрилась, чтобы её дочь блистала на фоне других выпускниц, и никто в столице не сказал, что род Лерьер экономит на своих детях.

— А я до сих пор сомневаюсь, — трещала Катарина. — Может, надо было остановиться на голубом, а не на зеленом? Буду, как лягушка!

Мы принялись убеждать Катарину, что зеленый цвет ей к лицу. Обычная девичья болтовня, в которой так мало серьезного — и которая забывается, стоит разойтись по разным углам. Я кивала и смеялась, но мысли были далеко... И все-таки замечательно, что выпускной уже через неделю. Стены коллежа казались тесными, как никогда, а разлука с Анри — нестерпимой!

— Ой, что-то тучи набежали, — первой подняла голову Алисия.

И правда, мы не заметили, как полчаса назад чистое небо вдруг стало серым, грозовым. Не к добру...

— Что-то маги упустили, — хмыкнула Дилора.

— Или студенты-погодники в своей башне опять начудили, — пожала плечами Катарина.
— Может, вернемся в общежитие? — предложила я.
— Ты что, Полли! Грозы боишься?

И подружки дружно захихикали. Нет, я не боялась грозы, но хотелось как можно скорее очутиться за надежными стенами, сидеть у окна, слушать раскаты грома и радоваться, что меня-то гроза обошла стороной. Поэтому я поднялась с облюбованной скамейки и медленно пошла к общежитию. Девчонки, хоть и смеялись, но тут же меня догнали.

Намокнуть не хотелось никому.

Мы уже почти дошли до порога общежития, когда все-таки грянул гром, и на землю упали первые тяжелые капли. Вот только сразу за громом послышался глухой удар колокола.

— Что это? — замерла Дилора.

— Где? — Катарина из-за грохота ничего не услышала.

В шум дождя вмешался еще один глухой удар — бом. И сердце ухнуло в пятки. Колокола никогда не звонили просто так. И еще раз — бом.

— Это траурный звон, — прошептала Алисия, и улыбка мигом покинула её лицо, как и краски.

Она сделалась белой, как полотно. — Который из трех колоколов звонит?

— Солнечный, — тихо проговорила Дилора. — Это точно солнечный. Неужели светлейший магистр скончался?

Бом... Я подумала об Анри, который сейчас находится где-то рядом с этим перезвоном, ведь сегодня — его смена в карауле у великого Таймуса Светлого. Что же случилось?

— Девочки, немедленно внутрь! — появилась в дверях общежития Жаннетта, и даже её лицо, всегда будто вырезанное из мрамора, казалось таким испуганным.

— Что произошло? — жалобно спросила её Алисия.

— Вы же слышите — Солнечный звонит. Ждем официальных известий.

Мы переглянулись — и поспешили в свою комнату. Тяжелее всего — ждать. А общежитие уже гудело, как огромный улей. Гудело тихо и зловеще. Тут и там перешептывались, сбивались в стайки, переходили от одной стайки к другой. И все никак не могли понять, почему Солнечный колокол, венчавший светлую башню, звонил в неурочный час. Прошло около пятнадцати минут, когда перелив колокольчиков позвал всех воспитанниц в большой зал. Значит, наставницы что-то узнали и готовы сделать заявление. Почему-то стало страшно и жутко. Я старалась держаться поближе к подругам. Мы выстроились в четыре ровных ряда — по количеству курсов — и приготовились выслушать новости, какими бы они ни были. А перед нами замер педагогический состав во главе с верховной колдуньей — мадам Симоной.

— Воспитанницы и выпускницы, — заговорила она, и уже по голосу стало понятно, что дела плохи, — только что мы получили ужасное известие из городской мэрии. Великий магистр света Таймус был убит в собственной башне.

Убит? Я ожидала, что маг мог скончаться от болезни или магического истощения, но — убит?

По рядам полетел шепоток, но мадам Симона глянула на нас так, что все закрыли рты.

— Нет причин для паники, — продолжила она. — Убийца задержан и будет наказан по всей строгости закона. Имя его пока что не разглашается до выяснения обстоятельств совершенного преступления. Нас же призвали усилить контроль над дисциплиной, поэтому до выпускного бала отлучки в город запрещены. Под запретом свидания с родными и письма.

Прогулки разрешены только по территории коллежа в сопровождении наставниц.

Потерпите, через неделю после выпускного бала начнутся каникулы, и вы сможете повидать близких. А пока что уделите время учебе и самопознанию, ибо никто не знает, что теперь ждет Гарандию.

Мадам Симона ушла, а мы так и стояли, будто кто-то опустил тяжелый покров. Я не могла поверить в то, что слышала. Отказывалась понимать. Да, магистры умирали — все люди смертны, но не убивали пока ни одного. У кого же поднялась рука? Почему? Тем более, магистр Таймус был очень открытым человеком, иногда приезжал к нам в коллеж, подбадривал, выделял стипендии и гранты. И вот он погиб...

Я вернулась в общую комнату и села на диван, закрыла лицо руками. Как там Анри? Все ли с ним в порядке? Пострадал ли кто-либо, кроме магистра? Мне никто не мог дать ответ. Но в ту минуту я даже не подозревала, каким этот ответ окажется.

Глава 2

Наш коллеж гудел, словно улей. Я, как и все, не находила себе места. Ночью никак не могла уснуть. Стоило закрыть глаза, как снился Анри. Во сне он уходил от меня, а я все бежала, бежала — и никак не могла его догнать. От этого было больно настолько, что утром подушка оказалась мокрой от слез. Я проснулась поздно. Голова гудела, будто не спала, а плясала на балу или зубрила уроки. В столовую пришла позднее всех — и не смогла проглотить и ложки супа.

Только выпила сладкий компот из сухофруктов. Почему-то наш повар считал, что он крайне полезен для женского здоровья.

Неделю не видеть Анри и умирать от неизвестности. Я сидела у окна в библиотеке и листала трактат по светлой магии.

Выписывала в блокнот то, что казалось интересным, и так хоть немного отвлекалась от скверных мыслей. Но они все равно были сильнее и забирались в голову, не спрашивая разрешения. Что теперь будет? Когда смогут избрать нового магистра?

Обычно, когда силы магистра начинали слабеть, он готовил преемника, но ведь Таймуса убили, и неизвестно, назвал ли он имя наследника силы. Все это пугало, но больше всего — неизвестность.

— Полли! Полли, вот ты где, — вбежала в библиотеку растрепанная Катарина. — Там тебя ищет мадам Симона! Быстрее.

Да, к директору лучше поторопиться, поэтому я вернула книгу библиотекарю и, подхватив юбки, помчалась за подругой.

Мадам Симона не любила ждать. А еще она не любила, когда её воспитанницы появлялись на пороге растрепанными и взмыленными, поэтому наградила меня тяжелым недовольным взглядом. Вот только в кабинете мадам была не одна. За её спиной стояли двое мужчин.

Один помоложе, наверное, одногодка Анри, второй — старше, лет тридцати пяти. Его лицо казалось высеченным из камня, и он смотрел на меня так жутко, что почему-то затряслись руки.

— Вот она, герцог Дареаль, — сурово сказала мадам Симона. — Полина Лерьер, выпускница этого года.

Герцог Дареаль? Главный дознаватель магистрата? У меня душа ушла в пятки, и ладони вспотели.

Зачем он здесь, и что ему от меня нужно?

— Мне надо поговорить с вашей воспитанницей наедине, мадам Симона, — голос Дареаля походил на карканье ворона, который прилетел по мою душу.

— Нет уж, — неожиданно воспротивилась мадам Симона, и я готова была её расцеловать. — Полина — юная незамужняя девушка. Я не позволю порочить её репутацию. Говорить будете при мне.

— У нас есть высочайшее распоряжение, — нахмурился дознаватель, но директор осталась непреклонна.

— Или так, или никак, — заявила она. — Полли, милая, присядьте.

Я заняла свободное кресло и чинно сложила руки на коленях, а мадам Симона замерла за спинкой кресла, как дух-хранитель.

— Мы вас слушаем, — сказала она.

Следователи переглянулись — и, видимо, что-то для себя решили.

— Хорошо, мы принимаем ваши условия, — сказал Дареаль. — Мадемуазель Лерьер, кем вам приходится граф Анри Вейран?

Сердце пропустило удар.

— Он — мой жених, — тихо ответила я. — Что с Анри? Он ранен? Погиб...

— Лучше бы он погиб. — зло сказал молодой следователь, а Дареаль взглянул на него неодобрительно.

— Когда вы виделись в последний раз? — вместо ответа спросил он.

— Вы не сказали, что с Анри.

— Вас это не касается, мадемуазель.

— Меня касается все, что касается моего жениха.

— Может, тогда и вину за убийство магистра Таймуса вы с ним разделите пополам?

— Что?

Я замерла. Во рту стало сухо, а пальцы вцепились в ткань платья настолько сильно, что на ней, наверное, останутся зацепки.

— Вы слышали меня правильно, — холодно повторил главный дознаватель. — Ваш жених обвиняется в убийстве магистра Таймуса. Его вина доказана. Наша задача — выяснить, не стоит ли за ним кто-то еще. Поэтому будьте так добры, мадемуазель, ответьте на вопрос. Когда вы в последний раз виделись с графом Вейраном?

— Вчера.

Я опустила глаза. От мадам Симоны так и веяло неодобрением.

— Мы встретились с ним ночью в саду всего на несколько минут, — решила быть честной до конца. — Говорили о выпускном, о нашей свадьбе.

— Вам ничего не показалось странным?

— Нет, все было, как всегда. — Глаза защипало от слез. — Послушайте, Анри не мог этого совершить! Он очень хороший, добрый человек, и гордился тем, что служит у магистра Таймуса. Он бы никогда...

— В этом будем разбираться мы, мадемуазель Лерьер. — перебил меня Дареаль. — Вам же советую забыть об этом человеке и порадоваться, что не успели стать его женой, иначе участь ваша была бы незавидна. Скажите, не называл ли граф Вейран каких-либо имен? Не просил передавать писем?

— Нет. Анри мало рассказывал о службе. Мы виделись крайне редко, герцог Дареаль.

Мне хотелось, чтобы наш разговор закончился. Мне нужно было остаться одной, подумать, осознать.

В то, что Анри — убийца, я не поверила бы никогда! Он — человек кристальной честности.

И то, что говорили эти люди, казалось бессмыслицей, чьей-то дурной шуткой.

— И все же вспомните. — настаивал главный дознаватель. — Может, он был за что-то обижен на магистра?

— Нет. он говорил, что магистр Таймус — справедливый человек.

— Тогда почему он его убил?

— Он не убивал.

— Вы не можете этого знать! — Дареаль наседа на меня.

— Могу. Анри — не убийца.

— Вы ошибаетесь.

— Нет.

Наш разговор походил на какую-то плохую пьесу. Я чувствовала себя куклой — оболочка осталась на месте, а мысли и чувства были где-то далеко. Дареаль спрашивал, я односложно отвечала — ничего больше. Только то, что Анри не виноват. Наверное, даже если бы я лично видела, как Анри убил Таймуса, не поверила бы своим глазам и доказывала его невиновность.

— Что вам известно о друзьях жениха? — Дареаль решил зайти с другой стороны.

— У него было не так много друзей, только однокурсники и сослуживцы.

— Имена?

— Мы с ними лично не знакомы.

— Имена, мадемуазель! — громыхнул Дареаль.

— Герцог Дареаль, — вдруг раздался голос мадам Симоны. — вы выходите за рамки приличия. Попрошу вас немедленно покинуть мой коллеж.

— Эта девчонка перестанет быть вашей воспитанницей уже через неделю, — рыкнул дознаватель. — и тогда мы с ней поговорим иначе.

— Эта девчонка, как вы выразились, наследница одного из древнейших родов Гарандии, и никогда — вы слышите — никогда не опустится до того, чтобы запятнать свою честь! Теперь прошу простить.

Герцог Дареаль вылетел из кабинета, даже не поклонившись. Его молодой коллега последовал за ним, обернувшись на прощание, как бы извиняясь. А я закрыла лицо руками. Слез не было. Я все еще не верила, не понимала. А мадам Симона мягко коснулась моих волос.

— Ну-ну, девочка, — пробормотала она. — В одном этот ворон прав. Хорошо, что ты не успела связать свою судьбу с юным графом. Дознатели никогда не выпустят его из своих лап, даже если поймут, что ошиблись.

— Нет, так нельзя. — Я подскочила с кресла. — Надо что-то делать! Анри не мог!

— Ты совсем юная, — вздохнула Симона, — и почти не видела жизни за стенами коллежа. Поверь, Полли, даже самый честный на вид человек может оказаться отъявленным подлецом.

— Только не Анри!

— Я повторю тебе слова Дареаля, дитя. Забудь об Анри Вейране. Вычеркни его из своей жизни. Ты молода, красива, знатна. У тебя все впереди. А с графом пусть разбирается герцог Дареаль.

Я опустила глаза. Спорить не было сил. Хотелось забиться в самый дальний угол коллежа и реветь, пока дыхание не кончится в груди. Я пробормотала скупые слова благодарности и бросилась прочь.

Дальше, дальше! В сад. Но дверь оказалась заперта. Точно, ограничения... Тогда я забилась под лестницу, туда, где хранились швабры и тряпки, и тихонько заплакала. Боль рвала грудь. Рушилось все, что казалось таким близким и осязаемым. Анри! Как они могли подумать? Не разобравшись, не расставив все по местам! Я была уверена, что он ни при чем. Кто угодно, только не Анри. Я бы, скорее, поверила в то, что небо упадет на землю, чем в то, что Анри может убить невинного человека. Голова кружилась. Нет, так нельзя! Но я не знала, как ему помочь, как оправдать. Что могла выпускница пансиона против орды дознавателей? Ничего. Поэтому оставалось в отчаянии заламывать руки и плакать.

К вечеру я напоминала призрак самой себя. А еще заметила, что другие девушки, даже мои подруги, сторонятся меня. Что ж, новости распространяются быстро. Откуда мне знать, не подслушивал ли кто-нибудь у кабинета Симоны? А, может, удалось получить весточку из внешнего мира? У меня не было сил даже обижаться. Надо раздеться и лечь спать. Чтобы завтра утром... Что? Что мне делать завтра? Послезавтра? Через месяц, год? Моя жизнь в один момент потеряла смысл. Все, к чему я стремилась, рухнуло. Кто-то его перечеркнул, поставил под вопрос само мое существование.

Но я убеждала себя, что все разрешится. Раз Анри невиновен, его освободят. Ведь освободят же?

Поэтому пошла в спальню.

Нужно поскорее уснуть, и тогда приблизится миг, когда все встанет на свои места. Только дойти до комнаты я не успела.

— Полина! — окликнула меня мадам Жаннетта. — Пройди, пожалуйста, в кабинет директора.

Снова? Что-то изменилось? К добру или нет? Я поспешила за наставницей. Сердце билось гулко и быстро-быстро, когда во второй раз за день распахнула дверь в кабинет мадам Симоны. И снова она была там не одна.

Напротив неё в кресле сидела моя матушка.

— Полли! — кинулась она ко мне, стоило войти, и стало заметно, что она в ужасе. — Собирайся немедленно, я забираю тебя из коллежа.

— Но почему? — Я смотрела на маму — и не понимала. — А как же диплом? Выпускной?

— Вы уже сдали все экзамены, Полина, ваше обучение завершено, — чопорно сказала Симона. — Поэтому вот ваш диплом.

И на стол лег свиток с тремя печатями — моя цель и мечта, потому что окончание коллежа означало свадьбу с Анри. Но теперь меня ничего не ждет, и появление матери расставило все на места. Не будет никакой свадьбы. Ничего не будет.

— Благодарю, мадам Симона, — ответила я. — Эти годы принесли мне не только знания, но и уроки жизни, я не забуду их.

Раз мне больше здесь не место — что ж, стоит поторопиться. Потому что в стенах пансиона я ограничена, а мать сможет рассказать мне, что случилось на самом деле. Чтобы Кристина Лерьер — и не знала? Этого не может быть. Матушка была одной из первых леди столицы и знала решительно все. Поэтому я холодно простилась с мадам Симоной — холоднее, чем хотелось бы, но мы все сказали друг другу еще днем. Затем обняла мадам Жаннетту — она всегда хорошо ко мне относилась, хоть и бывала излишне строга. Подругам не сказала ни слова. Видела только их наполненные слезами глаза, но и они шарахались от меня, будто от прокаженной. Что ж, вот и перевернута очередная страница моей жизни. Счастливая страница, в которой у меня было будущее. А сейчас я боялась, потому что не знала, каким будет следующий шаг. Знала только, что как раньше уже не будет.

Подхватила небольшую сумку — платья пришлют потом на дом, а вот книги и безделушки стоило забрать самой. Туда же отправилась самая ценная вещь — шкатулка, подарок Анри. В ней хранилась брошка, когда-то принадлежавшая его бабушке.

Анри хотел сделать мне подарок на свадьбу, но не удержался и отдал брошь раньше. Что ж, я сберегу её, чего бы это ни стоило.

В последний раз взглянула на комнату, где прожила последние годы, на свою опустевшую кровать — и решительно направилась к выходу. Матушка ждала меня у экипажа и в нетерпении ходила из стороны в сторону. Вуалетка на шляпке дрожала от ветерка.

— Наконец-то! — заметила она меня. — Не беспокойся, я пошлю кого-нибудь за твоими вещами. Надо торопиться, Полина. Нам еще собираться. Вряд ли мы в скором времени вернемся в столицу.

— Куда мы едем? — спросила тихо.

— В родовое имение твоего деда. Там можно будет переждать тяжелые времена.

— Мама, я...

— Полли, разговоры потом. Садись в экипаж.

Мне оставалось только послушаться. По крайней мере, от матери я получу ответы, которых мне так не хватает сейчас. И узнаю, почему обвиняют Анри. Тогда уже можно будет решить, как мне быть.

Глава 3

Я не любила наш столичный дом. Он всегда казался мне излишне помпезным, а после смерти отца из него будто выпили жизнь. Что толку возвращаться домой, когда знаешь, что тебя там не ждут? Я любила свою мать, но наши отношения были с легкой толикой прохладцы. Мы не делились секретами, не обсуждали что-то, о чем обычно говорят мать и дочь. Срок траура давно минул, у матушки было много ухажеров, она имела вес в обществе. А я училась и дома бывала только на летних каникулах и в период зимних балов. Слишком редко, чтобы отношения потеплели.

С отцом было не так. Демиан Лерьер был одним из сильнейших магов, с ним считались магистры тьмы и света. Но это не мешало ему быть любящим отцом. Увы, у него так и не родился долгожданный сын, была только я — и принесла бы своему мужу еще один титул. Громкий титул, что скрывать. Каким бы сильным магом не был отец, это его не спасло от рук наемного убийцы. Кому была выгодна его смерть? Многим. Матушка предпочла не искать истину, а спасти свою жизнь. А я отправилась в коллеж, подальше от чужих глаз. Поэтому особой радости от возвращения домой я не испытывала. Тем более что здесь предстояло провести всего несколько часов. Матушка заметалась по комнатам, подгоняя прислугу, а я обессилено села на диван в гостиной и замерла. Мне надо было поговорить с матерью, узнать, что ей известно об аресте Анри.

— Полли, ты здесь, — наконец, появилась она в дверях. — Ты бы прилегла, вставать рано.

— Не хочу, — качнула головой. — Матушка, куда мы так торопимся?

Я знала ответ, но хотела услышать от неё лично.

— Ладно, давай поговорим. — Мама села напротив. Её красивые светлые волосы растрепались — в детстве я всегда жалела, что мне достались русые локоны, как у папы, а сейчас, наоборот, радовалась. Она ломала в руках веер. Эту неотъемлемую часть любой светской дамы.

— Мама?

Молчание затягивалось.

— Послушай, Полли, — наконец, сказала она. — Я разорвала твою помолвку с Анри Вейраном.

— Что? — Я даже с дивана подскочила. — Зачем?

— Разве ты не понимаешь? — Мать тоже перешла на повышенный тон. — Я знаю, к тебе приходил главный дознаватель.

Симона сообщила мне. Полина, я не хочу, чтобы ты отправилась за этим юношей в пропасть! Как я могла подумать, что наследник Вейранов окажется убийцей? Хотя, его отец...

— Что — его отец?

— Тоже был на особом счету у тайной службы, — закончила матушка.

— На особом счету? — Вот теперь я ничего не понимала!

— Да, старший Вейран всегда был несколько вольнодумен. Какое-то время ему это прощали, пока он не стал опасен, а затем мягко предупредили... Они тогда надолго покинули столицу. Видимо, дурное зерно проросло в старшем сыне.

— Не говори так! — воскликнула я. — Анри не мог убить магистра Таймуса.

— Он сделал это, Полли. Сняты магические слепки. Все говорит об одном! И Анри был у тела Таймуса, когда того нашли, слышишь?

— Это ничего не значит.

— Это значит, что он — убийца, Полли. И ты, как его невеста, попадаешь под подозрение.

Поэтому нам тоже лучше какое-то время здесь не показываться. Все утихнет, успокоится. Я постараюсь как можно быстрее найти для тебя более достойного супруга.

— Я не выйду замуж за другого! — едва не закричала я.

— Не обсуждается, — отрезала мать. — Хочешь и вовсе остаться старой девой? Тогда лучше сразу вступи в орден пустыннолиц. Не факт, что на тебе вообще кто-то теперь захочет жениться.

— Я люблю Анри.

— Разлюбишь.

Да что с ними со всеми? Безумие! Хотя, я понимала, в чем дело. Мать никогда не любила отца. Это была просто выгодная партия. Как она могла знать, что это такое, когда не можешь жить без кого-то? А я не могла жить без Анри! Да, глупо, но это было так.

— Иди спать. — Мать поднялась с дивана.

— И как семья Анри отнеслась к разрыву помолвки? — спросила я.

— Какое мне дело? Они теперь в опале. Думаю, собираются так же быстро, как и мы. У них еще младший сын, надо подумать о нем.

— Я никуда не поеду.

Решение показалось простым, как никогда. Не поеду — и все тут. Я должна быть рядом с Анри. Что бы ни решил суд.

— Поедешь. — Мать, как и мадам Симона, не терпела отказов.

— Нет!

— Послушай, — в серых глазах мелькнула тоска и усталость, — если я и тороплю тебя с отъездом, то только для твоего же блага, Полли. Дознаватели уже взяли тебя под прицел. Думаешь, они оставят тебя в покое только потому, что ты — Лерьер? Нет, не оставят. Ты отречешься от своего Анри после первой же пытки!

Пытки? Перед глазами все поплыло, к горлу подкатила тошнота. Нет, нет...

— Иди к себе. Собери то, что действительно нужно, — печально сказала матушка. — Мы уезжаем надолго.

Я поднялась и медленно пошла к лестнице. Какая-то часть меня сейчас умирала. Наверное, та девочка, которая училась в коллеже магических искусств и мечтала выйти замуж за лучшего парня на свете. Её больше не было, осталась я.

Незнакомая, непонятная, пустая. Моя комната встретила привычным огоньком светильников, предметами мебели, знакомыми с детства. Кровать под бежевым покрывалом казалась чужой. Чужими были книги, расставленные на полках. Это была комната девочки, но не взрослой девушки. Куклы с вытаращенными глазами, в которых я никогда не играла. Забавные картины на стенах.

Я открыла сумку, которую захватила из коллежа. Выложила книги, оставила шкатулку, огляделась по сторонам. В том, что не поеду с матерью, я уже не сомневалась. Взгляд цепко выхватывал детали. Нужно взять пару смен белья, несколько приличных платьев — магия поможет все это вместить. Украшения, заколка, которую когда-то купил отец, медальон с портретами родителей, деньги — увы, слишком мало, но всегда можно будет продать украшения. Я собиралась быстро. Слуги не беспокоили меня, матушка руководила совсем другими сборами. Сумка была готова, но дом стоял на ушах. Мне не уйти незамеченной. Поэтому я позвала служанку. Она помогла мне раздеться и лечь. Матушка приказала отдохнуть? Что ж, я — послушная дочь. Постепенно шум затих... До рассвета оставалось около часа или чуть больше, когда я поднялась из постели и спешно оделась. Захватила сумку. Теперь главное, чтобы никто не увидел.

Выглянула в коридор. Никого. Можно было применить магию, чтобы скрыть свое присутствие, но на магию среагируют охранные заклинания, а этого я желала меньше всего. Поэтому отказалась от заклинаний и тихонько прокралась к лестнице.

Уже собиралась спускаться, когда услышала голоса. Разговаривали две служанки, поднимаясь вверх.

Я тут же спряталась за колонной, и они прошли мимо, не заметив меня. Когда звук шагов стих, снова вернулась на лестницу и быстро спустилась вниз.

Выйти через центральный вход — значит, попасться на глаза охране. Охранников у нас было не так много, мы больше полагались на магию, но у входа дежурили всегда. Я свернула к кухне. Здесь было темно и тихо.

Немного побродила по узким коридорчикам — и оказалась у заветной двери во двор с хозяйственными постройками. Миновала его так быстро, будто за мной гнались демоны, и добежала до калитки, которой пользовались слуги. Она была заперта. На этот раз выбирать не приходилось — я применила магию и выбежала на улицу. Кинулась прочь от дома, но прежде, чем свернула за угол, увидела, как к дому подъезжает несколько черных экипажей. Неужели за мной?

Ускорила шаг, а стоило свернуть — побежала. Быстрее, быстрее! Юбка путалась под ногами. Я подхватила её, стараясь ускорить шаг. Ну же! Вот только куда идти? У меня не было никого, кто бы спрятал, помог. Нужно спрятаться, переждать. Я поплутала еще немного прежде, чем замерла перед дверями постоянного двора. Вывеска гласила: «Приют путника». Само здание выглядело не особо уютно — серые стены и крыша, чуть запыленные окна. Зато вряд ли кто-то подумает, что наследница Лерьеров решит спрятаться в таком захолустье. Поэтому я набралась смелости и вошла.

Внутри оказалось жарко, даже душно. Я огляделась в смятении — в общем зале было малоллюдно. Трое мужчин сидели за дальним столом и воздавали должное местной выпивке. Остальные, видимо, спали — все-таки час был поздний.

— Чем могу помочь, юная леди? — окликнул меня высокий мужчина с объемным брюшком, которого я поначалу не заметила.

— Здравствуйте, — откликнулась я. — Мне нужна комната... на неделю. Может, две.

— Тогда вы пришли по адресу. — широко улыбнулся хозяин. — Можете звать меня дядюшка Дон. Думаю, вам нужна одноместная комната?

— Да.

— Это будет стоить два серебряных за день.

— Хорошо.

Сейчас мне было все равно, сколько стоит комната. Хотелось где-то преклонить голову и немного отдохнуть. Поэтому я безропотно пошла следом за хозяином вдоль узкого коридора. Из-за некоторых дверей доносился богатырский храп, за другими было тихо. Наконец, мы добрались до предпоследней двери, и дядюшка Дон щелкнул в замке ключом.

— Прощу, юная леди...

— Мартина, — ответила я. — Мое имя — Мартина.

— Вот и познакомились. Взгляните, в комнате есть кровать, шкаф, стол и стул. Даже зеркало есть, старинное. Все, что нужно девушке ваших лет. Уборная за дверью, подогрева воды нет, уж не обессудьте.

Разве подогрев воды — это беда? После ареста Анри я знала, как выглядит настоящая беда. У неё глаза главного дознавателя магистрата, а голос директора Симоны или мамы, который твердит: «Забудь». Но я не желала забывать. Поэтому свернулась клубком на чужой кровати, пропахшей сыростью, и дала волю слезам. Слезы лились ручьем, вымывая из сердца боль.

Становилось немного легче, но затем горечь снова накатывала волной, и я захлебывалась плачем. К утру, обессилив от горя, я уснула.

Когда проснулась, время перевалило за полдень. Хотелось есть — несмотря на опустошение, организм требовал своего, и я заставила себя подняться с кровати. Зеркало отразило далеко не радужную картину. Возникло ощущение, что на лице остались живыми только глаза. Щеки пылали лихорадочным румянцем, под глазами залегли тени. Заставила себя умыться и одеться, а затем вышла в общий зал.

Сейчас здесь было куда многолюднее, чем ночью. Люди веселились, смеялись, обсуждали последние новости.

— А, леди Мартина! — заметил меня хозяин. — Желаете отобедать?

— Да, пожалуй, — ответила я, хоть при мысли о еде только затошнило, а затем заняла место в дальнем углу, чтобы лишний раз не попадаться никому на глаза. Подавальщица, девчонка лет четырнадцати, поставила передо мной тарелку с аппетитным рагу, чай и булочки. Я взялась за вилку. Поначалу не прислушивалась, что говорят за соседними столиками, но знакомое имя привлекло внимание:

— И все-таки гибель Таймуса слишком загадочна. — говорил юноша лет двадцати пяти. — Ни за что не поверю, что этот парнишка-гвардеец действовал один.

— А может, не он? — спрашивал его друг.

— Говорят, он. Но сам подумай. Таймус — сильнейший маг, а этот парень — вчерашний курсант. Что он, совладал бы с магистром? Да и зачем ему? Нет, Пит. тут нечто другое.

— А мой брат служит в городской тюрьме, — вмешался в разговор третий. — Парень этот не признаётся ни в чем. Братец рассказывал, весь арсенал дознавательский, разрешенный магистратом, на него перевели — ничего.

Сегодня главный дознаватель поехал к магистрам тьмы и пустоты за разрешением на использование запрещенных методов.

Вилка выпала из моих рук. Я отодвинула тарелку, кинула хозяину плату за обед и пошла прочь. Ноги дрожали, я почти не понимала, куда иду, но вместо того, чтобы вернуться в комнату, вышла на улицу. Сегодня было ветрено. Ветер тут же растрепал волосы, не защищенные шляпкой. А я все шла и шла. Мне надо было поговорить хоть с кем-то. С кем угодно, кто мог помочь. Пойти к родителям Анри? Посреди белого дня это равнялось бы самоубийству. Раз тайная служба наведлась и в коллеж, и ко мне домой, значит, за их домом следят, и только ночью... Ночью можно было бы попробовать. А сейчас я брела без определенной цели, не глядя по сторонам. Надо же, магистр Таймус погиб — а в столице ничего не изменилось.

Будто и не было его. Будто светлая башня не осталась без хозяина. О том, что случилось непоправимое, можно было судить только по разговорам людей. Я прислушивалась к ним в надежде узнать хоть что-то, но слышала только досужие домыслы.

Кто-то считал, что Анри виновен. Кто-то — что за ним стоят другие личности. Уверенных в его невиновности не находилось.

Уже ближе к вечеру я свернула в один из скверов, без сил упала на скамью и просидела, пока не стемнело. К дому Вейранов шла очень медленно, постоянно оглядываясь. Надо прокрасться к заднему ходу, как и у меня дома, а затем попросить слуг проводить меня к хозяевам. Хотелось верить, что они не откажутся меня принять после того, как матушка разорвала помолвку.

Когда оставалось только пару поворотов, напустила на себя морок — элементарное заклинание, которое по зубам любому сыщику, но от простых людей меня защитит. Я будто прогуливалась вдоль забора, приглядываясь к каждому встречному.

Окна горели — значит, хозяева дома, а не бегут в панике из столицы, как моя мать.

Наконец, я заметила почти скрытую зеленью калитку. В последний раз огляделась по сторонам — и дернула на себя. Ожидаемо, закрыто. Привычное заклинание на замок... и меня тут же втащили внутрь два дюжих молодца.

— Кто? Что надо? — рявкнули в лицо.

— Я — Полина Лерьер. — пробормотала в испуге, — невеста Анри Вейрана.

— Мадемуазель Лерьер? — старший из охранников отпустил мой локоть. — Но что вы здесь делаете?

— Хочу поговорить с графом Вейраном и его супругой, — ответила я. — Если вы не верите, кто я, они подтвердят.

— Что ж... — кажется, мне удалось поколебать решимость охраны. — Идите за нами, мадемуазель Лерьер.

Мы миновали узкую дорожку, ведущую к дому, попетляли по коридорам. В отличие от моего дома, здесь царил оживление совсем другого рода. Все в особняке Вейранов будто готовились к войне.

— Что происходит? — спросила у охранника.

— Нам угрожают. — ответил тот. — Требуют, чтобы мы немедленно покинули столицу, иначе ответим за грехи месье Анри.

Только не на тех напали!

— Зубы обломают, — фыркнул второй парень. — Сюда, мадемуазель. И подождите минуту, я о вас доложу.

Я очутилась в уютной гостиной. Здесь было свежо и светло, будто ничего и не происходило. В воздухе витал запах мяты, окна наглухо закрывали тяжелые шторы. Я присела на край софы, но почти сразу же поднялась на ноги — в дверях появилась мать Анри, графиня Анжела Вейран. Она была чуть старше моей мамы, но при этом её отличало настоящее величие, которое не знало возраста. Именно такой графиня Анжела и врезалась в мою память — с горделиво расправленными плечами, идеальной осанкой и колкой полуулыбкой на губах. Сильная женщина, которая знала, чего хотела от жизни, и не собиралась склоняться перед трудностями.

— Вы? — Она взглянула на меня свысока. — Мне казалось, мы с вашей матушкой выяснили все. мадемуазель Лерьер. и больше не о чем разговаривать.

— Я знаю, что матушка разорвала помолвку. — тихо ответила я, отступая перед великой силой этой женщины. — Но я не давала на это своего согласия. Я люблю Анри и по-прежнему желаю стать его супругой.

Взгляд графини немного потеплел, она будто сняла маску, и стала заметна неизбывная усталость.

Сколько бессонных часов она провела? Вряд ли меньше меня. Её старший сын мог в любой момент проститься с жизнью. Анжела знала об этом — и все равно держала себя в руках так, что никто не видел её боли.

— Я рада это слышать. — ответила она. — Анри всегда говорил, что ты — лучшая из всех, кого он знает. Мне казалось, что это блажь влюбленного мальчишки, но, видимо, я ошиблась. Зачем ты пришла, Полли? Не стоит, чтобы тебя здесь видели.

— Ко мне уже приходили дознаватели. Думаю, они хотят и меня арестовать. Но я сбежала. А к вам пришла потому, что мне никто ничего не говорит! Я не знаю, что с Анри. Не знаю, что там произошло. Я с ума сойду!

Непрошенные слезы обожгли глаза. Я постаралась незаметно смахнуть их, но Анжела, конечно же, все заметила.

— Тише, тише, девочка, — она обняла меня за плечи и усадила обратно на софу. — Мы тоже ничего не знаем. Может, нам известно чуть больше, только толку от этого нет.

— Но хоть что-то! — взмолилась я.

— Хорошо, я постараюсь... — Анжела сжала в кулачке белый кружевной платочек. — В тот день Анри ночевал дома и ушел на службу, как обычно. Должен был вернуться ближе к вечеру. Мы попрощались — я тоже проснулась рано, как знала.

Графиня замолчала. Минуту или две она сидела неподвижно, а я не решалась заговорить.

— А потом, уже после полудня... — наконец, она собралась с мыслями, — зазвонил колокол. Я тут же поняла, что с Анри что-то случилось. Конечно, не думала, что такое.

Думала, он ранен, или даже хуже. Ведь Таймус не жаловался на здоровье, и траурный звон мог означать только одно. Мой супруг тут же поехал на место происшествия. Там, сама понимаешь, все было оцеплено, но у нас много друзей в магистрате. Анри уже там не было, а Виктору сказали, что сын — убийца. Готова поклясться, Полли, прошло не более получаса. Как можно за полчаса выяснить все доподлинно, если в кабинете были только Таймус и Анри?

— Видимо, поэтому все так и решили, — тихо сказала я. — Раз посторонних не было.

— Полли, это могло быть, что угодно. Заклинание или сущность, или кто-то сумел-таки выбраться незамеченным. Мы столько всего передумали! Сейчас Виктор опять разговаривает с бывшими коллегами. Он ведь тоже долгое время служил в отделе дознания. — Да? Я не знала, — качнула головой. — Слышала только, что он — военный, как и Анри. — Сначала служил в гвардии, потом после ранения решил сменить род службы. Так вот. За эти пару дней мы подняли всех, кого могли. Но мне кажется, милая, что кому-то очень надо избавиться от Анри. К сыну никого не пускают, даже защитников.

Никого! Я даже не знаю, жив ли он...

И Анжела прислонила платочек к глазам.

— Жив, — уверенно ответила я. — Им нужен кто-то для суда.

Графиня склонила голову. В эту самую минуту распахнулась дверь в гостиную, и в комнату ворвался отец Анри. Увидел меня

— и замер с таким выражением на лице, будто перед ним была змея, а не человек.

— Вы? — спросил холодно. — Чем обязаны?

— Успокойся, Виктор, — Анжела поднялась ему на встречу и взяла мужа за руки. — Полли пришла сказать, что мадам Лерьер отменила помолвку без её ведома. Она, как и мы, хочет найти того, кто обвинил Анри в таком ужасном преступлении.

Похоже, Виктор не поверил, но внимание на меня обращать перестал.

— Я говорил с Карьеном. — отрывисто сказал он. — Тем служащим из отдела дознания, помнишь?

Иногда такие бумажные крысы знают больше, чем иные высокопоставленные личности.

— И что? — В глазах Анжелы читалась надежда.

— Ничего хорошего. Такое чувство, что отдел дознания прекрасно знает, что Анри невиновен, но им нужно назначить кого-то виноватым, а он подходит лучше других.

— Но почему никто ничего не делает? — воскликнула Анжела в отчаянии.

— Потому, что положение в столице шаткое. Магистр мертв. Надо дать людям виновного в его смерти, а не расписываться в своей беспомощности. Я не знаю, что с этим делать, Анжела. Карьен настоятельно советовал уехать.

— И отречься от сына? Ни за что!

— Я тоже так ответил, — вздохнул Виктор. — Но хотел бы, чтобы вы с Филиппом действительно на время...

— Нет!

Виктор не стал спорить — было совершенно ясно, что графиня не отступит. Я тоже в этом ничуть не сомневалась.

— Что ж, пусть так, пусть так, — повторил он.

Вдруг за окнами раздался шум.

— Что это? — обернулась Анжела.

Я первой подбежала к окну и увидела огни. Множество огней, которые стекались к особняку с окрестных улиц.

— Родители убийцы! — слышались разрозненные крики. — Горите в вечном пламени!

— Палачи! Не простим!

— Что они делают? — прошептала я. — Это ведь безумие.

— Покайтесь! — кричал кто-то. — Признайте, что ваш сын — чудовище.

— Отвечать должны все.

— Тебе надо уходить. — Вся растерянность Анжелы мигом исчезла, и она схватила меня за руку. — Прислуга выведет тебя через тот же ход, через который ты вошла.

— Энжи, тебе стоит уйти с Полиной, — хмурился Виктор, словно решая что-то.

— Без тебя? — Передо мной снова была не сломленная горем женщина, а гордая графиня. — Ни за что!

Я давала тебе брачные обеты — и не нарушу их.
 — Тогда поспешим. Полли не должны застать здесь. Это наша битва.
 Первые камни полетели в окна, но охранные заклинания отбили их, и мы слышали только глухой стук.
 — Полли, — Анжела сжала мои руки, — я верю, ты любишь нашего сына. Послушай, если вдруг ты увидишь его раньше нас, скажи, что мы очень сильно его любим, гордимся им и ни за что не поверим в его вину!
 — Скажу, — пообещала я. — А если вы встретитесь с ним раньше, передайте то же самое!
 — Жерар! — громко позвала Анжела, и в комнате появился один из моих недавних провожатых. — Выведи девочку и проводи до... Где ты разместилась?
 — На постоялом дворе, — ответила я.
 — До постоянного двора. Филипп еще не вернулся... Хотя, это, наверное, и к лучшему. Если увидишь его — уведи.
 — Слушаюсь, госпожа. — склонил голову Жерар. — Следуйте за мной.
 Я не сдержалась и обняла мадам Анжелу. Кивнула её супругу и побежала за Жераром. Ступеньки лестницы летели под ногами, а когда мы выбежали на улицу, в воздухе плыл запах гари.
 — Сюда, скорее, — командовал Жерар. — Надо поторопиться, мадемуазель, чтобы изнутри усилили охранные заклинания.
 Я бежала со всех ног. Мы выскочили за калитку — и вспыхнули щиты, ограждая дом от обезумевшей толпы. Я почувствовала, как меня окутывает заклинание отвода глаз — это постарался Жерар, чтобы никто не заметил, откуда мы взялись.
 — Быстрее, — торопил он меня. — Сюда, мадемуазель. Скорее же.
 Но дальше было не пройти. Дорогу нам перекрыли трое.
 — Эй, куда собрались? — гаркнул один.
 — А это ли не служака из дома Вейран? — узнал Жерара второй. — Ты-то нам и нужен, голубчик!
 — Бегите, — шепнул мне Жерар — и атаковал их.
 Я свернула в ближайший проулок. Надо было остаться! Надо было... Но что я могу? Я ведь не боевой маг, девушек этому не учат. Буду только путаться под ногами. Нет, надо привести помощь. Обратиться в ближайший участок службы порядка.
 Родители Анри не виноваты в том, что его арестовали. Они — уважаемые люди. Стоит поспешить, иначе их дом разберут по кирпичику! И я ускорила шаг, все еще надеясь помочь семье человека, которого любила.

Глава 4

Наверное, это безумно глупо — искать участок службы порядка, когда меня саму ищут дознаватели.
 Но в ту минуту я не понимала, что делаю. Только хотела помочь семье Анри, поэтому металась по запутанным улочкам, заполненным людьми.
 Кто-то нес факелы, кто-то тащил камни. Город будто обезумел, и посреди этого безумия я все искала знакомый знак. Наконец, впереди появилась желанная табличка с кругом, перекрещенным двумя мечами. Сюда! Я забарабанила в дверь с такой силой, что заболела рука.
 — Кого там принесло, на ночь глядя? — раздался голос изнутри, и щелкнул, открываясь, засов. — Что надо?
 Я уставилась на грузного мужчину в поношенной форме. Он же смотрел на меня как на муху, которая вдруг решила помешать его ужину.
 — Помогите! — воскликнула я. — Там толпа, они хотят ворваться в дом...
 — Чей дом, девочка? — Взгляд стражника тут же стал пристальным, настороженным.
 — Графов де Вейран.
 — А! — И мужчина тут же утратил ко мне интерес. — Вмешиваться не велено. И тебе не советую, если не хочешь провести несколько дней за решеткой. Ступай.

И дверь закрылась. Я в отчаянии ударила по ней ногой. Засов снова заскрипел — на этот раз, по мою душу, поэтому бросилась бежать. Туда, обратно, к дому Анри. Вот только прорваться я уже не смогла. Вспыхивали щиты, отражая атаку за атакой — об этом говорили отблески за крышами домов, а дальше бушевала толпа. За границами толпы притаились два черных экипажа. Тайная служба наблюдала издали, не вмешиваясь. Я тут же остановилась — а затем повернула направо в то время, как «демоны», как называли за глаза мужчин из тайной службы, остались слева.

Попыталась вклиниться в толпу — не тут-то было! Какой-то дядька в колпаке набекрень грубо оттолкнул меня:

— Куда прешь?

Обошла его — и снова потерпела неудачу. Я осознавала, насколько глупыми были эти попытки. Граф Вейран — сильный маг, он справится, а я буду только мешать под ногами. Но и оставаться в стороне не могла, поэтому предприняла третью попытку прорваться к дому. На этот раз мне повезло чуть больше — я даже добралась до соседней улицы, чтобы увидеть кольцо огня вокруг дома и безумные лица людей, полные гнева и ярости.

— Уничтожить!

— Истребить, как крыс!

— Не уйдут! — слышалось со всех сторон. И вдруг я заметила знакомое лицо. Филипп Вейран! Младший брат Анри. Он тоже пытался прорваться к дому, орудовал кулаками, зубами, ногами, но его раз за разом выносило обратно, будто волной, а при последней попытке и вовсе кто-то наотмашь ударил Филиппа по лицу. Взметнулась магия. Толпа оживилась — среди неё тоже хватало магов, и я поняла, что мальчишку просто разорвут на части!

— Филипп! — кинулась к нему, схватила за рукав камзола.

— Полина? — Он вытаращил глаза, будто я ему приснилась.

— Идем.

Я увлекла его в сторону, в какую-то нишу, не представлявшую интерес для толпы.

— Пусти! — вырвался он. Отчаянный, растрепанный, с кровавой ссадиной на лбу и наливающимся синяком на скуле. — Мне надо домой.

— Нельзя, не сейчас. Они растерзают тебя. Твои родители внутри, а ты-то снаружи!

— Ноя...

— Тихо. — Я заметила, что к нам подозрительно прислушивается женщина в переднике. — Иди за мной.

Я схватила Филиппа под локоть и потащила прочь. Он не упирался — признал, что права. Мы шли, пока толпа не осталась позади, и только тогда я замедлила шаг.

— Что происходит? — почти шепотом спросил Филипп. Он был в ужасе, я видела это. Но что мог мальчик, которому едва минуло шестнадцать, против разъяренной толпы? Так же мало, как и я. Он тоже это понимал, вот только смириться не мог. И если бы не я, он бы ни за что не ушел.

— Я была у тебя дома, когда они начали собираться. — шептала торопливо. — Не знаю, чего они хотят, но тебе лучше пока пойти со мной. Вернемся утром. Рано или поздно они утихомирятся, а на особняке хорошая защита. Если ты попытаешься прорваться внутрь, родителям придется выйти тебе навстречу.

— Ты права. — Филипп опустил голову. — Но служба порядка...

— Я была там. Мне отказали. Можем обратиться в главное управление, только стражник сказал мне, что приказано не вмешиваться. Значит, у них такой же приказ.

Филипп запустил в темные волосы испачканную пятерню. Он признавал мою правоту, только смириться не мог. И все же шел следом, а я свернула к постоялому двору. Толпе не прорваться в особняк. Говорила себе это снова и снова. А если и прорвутся, что они могут против наследников древнего магического рода? И все-таки я не понимала!

Разве виноваты родители Анри, что его обвиняют в преступлении?

— Знаешь, Полина, — снова заговорил Филипп, — мне показалось, что кто-то специально натравил толпу на наш дом. Зачем людям его громить? Да, магистр Таймуса все любили, и что с того? При чем здесь мама и папа?

Я молчала. Что мне ему сказать? Что сказать почти еще ребенку, который знает, что над его близкими нависла беда — и ничего не может сделать? Только крепче сжала его локоть, чтобы никуда не делся. Так мы и шли до самого постоянного двора.

Тихонько нырнули внутрь, чтобы оказаться за спасительными стенами, и торопливо прошли в мою комнату.

— Входи, — пропустила я Филиппа. Мы оба забыли о манерах, обращаясь друг к другу на «ты», хотя до этого виделись только на помолвке. Фил зашел, оглянулся по сторонам, обернулся ко мне:

— Почему ты здесь живешь?

— Сбежала из дома, — ответила, присаживаясь на стул. — Мать хотела, чтобы я уехала из столицы, но не могу. А когда уходила из дома, видела, как у ворот остановился экипаж дознавателей.

— Они считают, что вы с Анри заодно?

— Они предполагают, что это могло быть так.

Филипп ударил рукой по стене. Его глаза, зеленые, как и у брата, блестели злыми слезами.

— Я не понимаю! Не понимаю, Полина. Анри ведь не мог. Почему все твердят одно? При этом настоящий убийца разгуливает на свободе, а его даже никто не ищет. Хотят предоставить народу наиболее вероятного преступника?

— Видимо, так.

— Твари!

И Фил рухнул на соседний стул, закрывая лицо руками. Я протянула руку, погладила его по плечу, но он отшатнулся. Ему не нужна была моя жалость.

— Где ты был допоздна? — решила, что тему лучше сменить. Вот только ответ поставил меня в тупик:

— Пытался пробраться в светлую башню. Почти получилось, заметили в последний момент, еле ноги унес.

Заметили в последний момент? Покосилась на Филиппа уже совсем другим взглядом.

— Это безрассудно.

— А что ты предлагаешь? — фыркнул он. — Ждать? Пока Анри казнят? Просто потому, что так надо?

— Если бы тебя поймали, ему было бы еще хуже. Сказали бы, что ты решил замести следы.

— Два дня спустя?

— А им-то какая разница?

Филипп опустил голову, признавая мою правоту. Так мы и сидели какое-то время, не глядя друг на друга. Время перевалило за полночь. Глаза слипались.

— Может, ляжем спать? — спросила я.

Фил так посмотрел, что вопрос показался неуместным. Поэтому, не раздеваясь, сама забралась под покрывало и закрыла глаза, на всякий случай, оставив пустым другой край кровати. Не прошло и четверти часа, как кровать скрипнула. Филипп все-таки лег. Вот только уснуть не мог — вскоре я услышала тихий всхлип. Еще и еще один.

Развернуться — сбежит. Я все-таки ему чужая. А лежать и слушать — разрывается сердце. Я не выдержала, повернулась, чуть не уткнувшись носом в пушистый затылок. Погладила по спине и затихла — пусть знает, что я рядом.

— Спасибо, — донесся тихий ответ. — Спасибо, что не веришь.

Я вздохнула, посомневалась мгновение — и обняла мальчишку. Так и уснула, а когда проснулась, снаружи едва рассвело.

Постоялый двор тонул в тишине, которая казалась злобещей. Полежала немного, не желая будить Филиппа. Вот только разве он спал? Стоило пошевелиться, как он обернулся:

— Ты проснулась? Может, пойдем уже?

Да, его мысли были не здесь — и мои тоже. Поэтому собиралась я быстро — поправила платье, переплела волосы, накинула тонкую шаль с капюшоном. Утром бывает прохладно, и она не вызовет вопросов, а капюшон пригодится. Фил и вовсе только причесался. Он казался таким бледным! И вчера мы были настолько измотанными, что даже не обработали его раны. Сейчас он еле оттер кровь со лба, я заклинанием убрала синяк и ссадину с его лица. Почти похож на обычного мальчишку.

— Идем! — взмолился Филипп.

— Хорошо, хорошо.

Снаружи было свежо и пусто. Будто толпа, набушевавшись за ночь, улеглась, подобно шторму на море. За всю дорогу до богатых кварталов мы едва встретили пару человек. Улицы будто вымерли, и было не по себе.

— Знаешь, у меня такое чувство, что вчера нам все приснилось, — не выдержал гнетущего молчания Филипп.

— У меня тоже, и уже не первый день, — ответила я. — Все время кажется, что я проснусь, и все будет, как прежде. Но не будет.

Фил задумчиво кивнул. А я впервые обратила внимание, как непохожи они с Анри. Анри был светлым, открытым человеком.

Рядом с ним было тепло и уютно. Он часто смеялся и улыбался. Фил был совсем другим. Я, конечно, понимала, что мы встретились не при наилучших обстоятельствах, но, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте Фил по характеру казался одногодкой Анри.

Сосредоточенный, хмурый, упрямый. Я рядом с ним чувствовала себя не взрослой, а ребенком под строгим присмотром старшего брата.

— Не лети, — перехватила его за локоть. — Надо соблюдать осторожность.

Фил только дернул плечом — и снова помчался вперед. Поэтому и получилось, что на площадь, которая находилась за пару улиц до их дома, он вырвался раньше меня на пару биений сердца. И еще не видя, что там, я поняла

— нечто страшное.

Потому что с мгновение назад живого лица сразу схлынули краски жизни. Филипп замер, судорожно хватая ртом воздух. Я выбежала за ним — и замерла.

Площадь была пуста. Только в центре маячила импровизированная виселица. Кто сколотил её так быстро, я не знала.

Материалом послужили обуглившиеся доски, которые скрипели от малейшего ветерка. А на ней...

Хотела бы я не видеть и не знать, потому что родителей Филиппа можно было узнать только по грязной одежде. Я видела вчера это платье графини Вейран, и костюм графа тоже казался знакомым. А на лицах и телах не было живого места. Сплошная рана, будто налетел ураган — и изломал, швыряя на камни. К горлу подхватила тошнота. Я закусил губу, слепо шаря руками, чтобы найти хоть какую-то опору.

И только в эту минуту с губ Филиппа сорвался рык. Даже не рык — рев раненного зверя. Я схватила его в охапку, прижала к себе, не давая развернуться обратно.

— Не смотри, — шептала, удерживая. — Не смотри.

Он дышал тяжело, глухо. Но больше не пытался обернуться, а у меня выбора не было. Я не верила!

До конца не верила, что кто-то мог совершить подобное. На виселице было выведено углем: «Смерть тем, кто породил убийцу». Как? Как так можно?

Как? Спрашивала себя снова и снова. Только вчера я говорила с графиней Анжелой. Только вчера её супруг приказывал Жерару проводить меня, чтобы толпа не отыгралась за то, что вышла из их дома.

— Идем, — осторожно увлекла за собой Филиппа, — идем, Фил.

— Я хочу домой, — просипел он.

— Да, хорошо, только идем.

Мы свернули на ближайшую улочку. Я все еще держала Филиппа так крепко, как только могла, но теперь потому, что его шатало из стороны в сторону, и я боялась, что он упадет.

— Я не понимаю... — шептал он. — Я не понимаю, Полли. Я не верю!

Дернулся назад, но я перехватила — и повела дальше. Мы дошли быстро, но приближаться было опасно, поэтому вместо того, чтобы направиться прямо к дому, я осторожно выглянула из проулка.

У дома по-прежнему дежурили черные экипажи. Ждали? Нас, нас ждали! Особняк, вопреки ожидаемому, был почти цел, но ни окон, ни дверей не осталось. Площадь вокруг была черной, выжженной. Там, где вчера были сад и цветник, остался пепел.

Стены тоже чернели, будто на них обрушилась стена огня.

— Убью! — Фил кинулся к экипажам. Я едва успела его схватить за пояс и почти зашвырнуть обратно в проулок.

— Нет нет, пожалуйста, нет, — шептала ему. — Они и тебя убьют.

— И пусть! Пусть! Зачем мне жить, если... Зачем?

И он рухнул на колени, закрывая лицо руками. Я опустила рядом с ним, что-то шептала на ухо, какой-то бред, который призван был его успокоить, но, на самом деле, не имел смысла. Осторожно помогла подняться на ноги и потащила прочь.

Фил уже не упирался. Он шел, как во сне. Слезы катились по щекам, но он их не чувствовал.

Натыкался то на один, то на другой угол.

— Тише, тише, — шептала я. — Уже недалеко.

Постоялый двор начинал пробуждаться. Ржали лошади, переговаривались конюхи, но в общем зале было всего четверо и хозяин.

— Вы рано гуляете, Мартина, — улыбнулся он мне.

— Встречала брата, он только что приехал, — загородила спиной Филиппа. — За комнату придется доплатить?

— Да, еще по серебрушке за день.

— Хорошо, я доплачу.

— А завтрак? Будете?

— Нет. позднее.

И увлекла Филиппа в коридор. У него на лице было написано все, что случилось, а хозяин мог нас выдать первому же патрулю. Поэтому успокоилась только тогда, когда за нами захлопнулась дверь комнаты.

— Вот и все. — выпустила его из железной хватки, а сама заперла дверь на щеколду.

Филипп слепо зашарил рукой перед собой, добрался до кровати и лег, отвернувшись лицом к стене. Он больше не плакал, но тем было страшнее. Глухое, мертвое молчание воцарилось в комнате. Я забила в дальний угол, бесшумно рыдая. Слезы все катились и катились.

Почему? За что? За что с ними так? Надо было убедить Вейранов уйти со мной, надо было... Хотя бы графиню Анжелу, но я не смогла!

Не смогла.

— Я убью их.

Вздрыгнула от звука чужого голоса, в котором с трудом угадывался голос Фила.

— Кого? — пересела на кровать.

— Тех, кто убил родителей. Тех, кто подставил Анри. Найду и убью.

Фил говорил спокойно, и от этого было только страшнее, потому что это не были обещания, рожденные моментом душевной слабости, нет. Это было обещание, клятва.

— Прости, что приходится возиться со мной. — Фил поднялся и сел рядом. Он стал казаться еще старше, и мне было не по себе.

— Не извиняйся, я...

— Сейчас надо добиться, чтобы Анри оправдали. Ты мне pomoжешь?

— Конечно.

— Спасибо.

И снова лег лицом к стене. Я не стала его трогать. Только легла на свою половину и закрыла глаза, потому что так и видела пустынную площадь с виселицей на ней. Я сделаю все, чтобы Анри оправдали. Но как потом ему рассказать, что случилось с его семьей?

— Прости, что приходится возиться со мной. — Фил поднялся и сел рядом. Он стал казаться еще старше, и мне было не по себе.

— Не извиняйся, я...

— Сейчас надо добиться, чтобы Анри оправдали. Ты мне pomoжешь?

— Конечно.

— Спасибо.

И снова лег лицом к стене. Я не стала его трогать. Только легла на свою половину и закрыла глаза, потому что так и видела пустынную площадь с виселицей на ней. Я сделаю все, чтобы Анри оправдали. Но как потом ему рассказать, что случилось с его семьей?

К вечеру у Филиппа начался жар. Он в горячке метался по постели, а я применяла все известные заклинания исцеления. Они помогали на полчаса, на час — и пытка начиналась снова. Кажется, он уже не понимал, где находится. То звал меня, то разговаривал с родителями, и становилось жутко. Я держала его за руку и истово молилась светлым богам, чтобы сохранили мальчику жизнь и рассудок. Я не знала, как он справится. Как вообще можно справиться с тем, что он видел, но должна была хоть как-то облегчить его боль.

— Фил, миленький, — гладила горячую ладонь, — ты только не сдавайся. Я тебя никогда не оставлю, обещаю. Мы справимся.

Он вряд ли меня слышал. Только смотрел мутным взглядом — и снова закрывал глаза. Ночь превратилась в пытку. На рассвете мы оба забылись кратким сном, чтобы затем все продолжилось опять. В обед я заставила Фила выпить хоть немного бульона. У него не было сил сопротивляться — оставалось подчиниться. Сама по-прежнему не чувствовала голода, но тоже заставила себя поест, иначе мы сляжем оба, а мне надо было вылечить Филиппа. Он весь горел, но, кажется, уже не бредил. Только все время молчал. Даже если я обращалась к нему, делал вид, что не слышит, и мне становилось так больно.

Но забота о Филе отвлекла меня от жутких мыслей. Надо быть сильной. Надо — ради него. Потому что у него и вовсе никого не осталось. Конечно, у графов Вейран должны быть другие родственники, но вряд ли они рискнут забрать мальчика к себе.

К ночи снова стало хуже. Я то проваливалась в сон, то просыпалась, и к утру будто лишилась чувств — но, скорее, это был слишком крепкий сон. А когда проснулась, кровать была пуста.

— Фил? — Тут же подскочила на ноги. — Филипп!

— Тише ты. — Моя пропажа появилась в дверях уборной. С его волос стекала вода. — Я всего лишь решил умыться. Думаешь, далеко уйду?

— Тебе лучше! — С сердца будто камень упал.

— Да, немного. Прости за причиненные неудобства, я...

— Прекрати! Ты не виноват. Есть хочешь?

Филипп пожал плечами. Ни да, ни нет. Я рискнула и пошла в общий зал, заказала завтрак, по времени больше похожий на обед, и с подносом вернулась в комнату. Фил сидел на кровати, разглядывая что-то на стене. Он похудел, наверное, в два раза — всего за пару дней. Но казался спокойным, хоть я и понимала, что видимость обманчива.

— Ешь, — поставила на стол тарелки. — Суп с гренками пахнет просто замечательно.

И сама взялась за ложку, чтобы подать положительный пример. Филипп вздохнул, но взял свободный стул и сел к столу. Ел он медленно, больше думая, чем жуя. И я знала, о чем.

Поэтому его вопрос не стал для меня сюрпризом:

— Что слышно об Анри?

— Ничего. Я не выходила на улицу, все время была с тобой.

— И что мы будем делать дальше?

— Есть у меня мысли, — ответила ему. — Во-первых, хочу поговорить со старинным другом отца. Он — хороший человек, может помочь. Во-вторых, Анри сам себя не оправдывает. Нам нужен толковый защитник. Об этом я тоже хочу попросить маркиза Тревира. У него куда больше знакомых, чем у нас с тобой.

— А он тебя не выдаст? — поинтересовался Филипп, вылавливая гренку из супа.

— Откуда мне знать? Разве можно понять, кому стоит доверять, а кому — нет? Но я хотя бы попытаюсь.

— Я с тобой.

— Нет. Фил. Тебя, скорее всего, ищут.

— Тебя тоже, — тут же нахмурился мой новый друг. — Поэтому, Полли, мы пойдем вместе. Если что, я сумею тебя защитить.

Я рассмеялась, а Фил, кажется, обиделся, потому что еще больше помрачнел.

— Между прочим, у меня были лучшие учителя в стране, — буркнул он.

— И чему же они тебя учили? Травки собирать? Пускать солнечных зайчиков?

— Полина, ты что, еще не поняла? — В глазах Фила читалось удивление. — Я — темный маг. Не светлый, как Анри и родители.

— Темный? — Теперь настала моя очередь изумленно таращиться на Филиппа. — Но как?

Темная магия в Гарандии встречалась куда реже светлой — и, что уж скрывать, была сильнее. Но Филу всего шестнадцать.

Ему до входа в пору магической зрелости еще как минимум два года, а то и больше. А до шестнадцати у нас вообще учили только общим заклинаниям.

— Мой дед — темный, — ответил он. — По маминой линии. Видимо, от него передалось. Мама сначала расстроилась, но отец говорил, что это к лучшему. Поэтому я действительно смогу тебя защитить, Полина. Да, не от всего и не от многотысячной толпы, но смогу. Глупый храбрый мальчишка. Сердце сжалось от горечи. Как уберечь его от этого кошмара? Никак. Уже никак. Придется выбираться вдвоем.

— И когда мы пойдем к твоему знакомому? — Фил отодвинул тарелку. К счастью, почти пустую.

— Завтра. Ты пока еще слаб, да и твой внешний вид... Надо купить тебе одежду. Не так же идти.

Выглядел Фил и правда потрепанно. Единственная рубашка пропахла чадом факелов, кровью и потом.

Сейчас он надел жилет на голое тело — а что оставалось делать? Поэтому сначала покупки и трата наших скудных средств, а потом уже визиты.

— Обещаешь, что будешь тут? Я пройду до ближайшей лавки, — спросила его.

— Обещаю, — кивнул Филипп и снова лег. а я быстро собралась и поспешила прочь, предварительно убедившись, что дверь изнутри заперли на щеколду.

Что ж, за эти два дня мир не сдвинулся с места. Люди не перестали спешить по своим делам, торговцы — зазывать в лавки, дворники — мести улицы, а аристократы — ехать в роскошных экипажах. Одновременно между мной и ними будто пролегла пропасть. Мне казалось, что все на меня смотрят, хотя, на самом деле, это было не так. Поэтому я шла, опустив голову. Надо купить легкую накидку с капюшоном, потому что шаль все-таки не сильно подходила к времени года.

А средств не так много, как мне бы хотелось. Чтобы продать украшения, нужно найти покупателя. Нужно, нужно, нужно. И если мы найдем защитника, ему тоже придется платить. Что же делать?

Зашла в первую попавшуюся лавку.

— Чем могу помочь, мадемуазель? — Тут же появился рядом дородный торговец.

— Мне нужна одежда для брата. Ему шестнадцать, он приблизительно такого роста, как я, худощавый.

— Что именно нужно?

— Все, — призналась я.

Торговец понимающе кивнул, попросил подождать и скрылся, а в лавку вошли еще две женщины. В ожидании своей очереди они бродили вдоль прилавка, разглядывая милые женскому сердцу побрякушки: деревянные сережки, бусики из разноцветных кристаллов, тонкие браслеты с вплетенными оберегами.

— Нет, ты представляешь? — говорила одна. — Они еще и медлят! Надо было казнить убийцу на месте, это было бы правильно.

Я тут же насторожилась.

— Ну почему же? — ответила вторая. — Говорят, заседание будет открытым. Если так, я пойду и послушаю.

— Когда же оно состоится?

— Через три дня в полдень.

Через три дня в полдень? Я едва дышала, стараясь не упустить ни слова.

— От обвинения будет выступать сам главный дознаватель. Давненько такого не было, — продолжала одна из покупательниц. — Хотя бы ради того, чтобы увидеть, как герцог Дареаль ведет дела, уже стоит туда пойти. Все-таки магистры пожаловали ему столь высокий титул не за красивые глаза.

Вспомнила холодный, колючий взгляд герцога — и стало не по себе. Точно уж не за него, дамы правы.

— А вот и я, — появился торговец с кипой одежды. — Здесь все, что вы просили, мадемуазель.

— Благодарю. — ответила ему, быстро выбрала накидку, заплатила требуемую сумму — и выбежала из лавки. Было тяжело дышать. Анри! Болезнь Фила отвлекла меня от мыслей о нем. Нет, я все равно думала о нем каждую минуту, но все равно ничего не могла поделать. А сейчас надо действовать быстро. Три дня, так мало! Я бежала по улице, когда какая-то старуха перехватила меня за руку.

— Постой, милочка, — прошамкала она беззубым ртом. — Давай, погадаю.

— Не надо, бабушка, я спешу, — постаралась вырваться, но старуха держала крепко.

— Не пожалей монетки, девочка, я ведь знаю, что говорю.

— Ну хорошо, — решила, что лишний медяк — невеликая ценность, а старушке, может, и правда нужнее, чем мне. Мы отошли чуть в сторону, чтобы не мешать прохожим, и странная женщина забормотала заклинание, все сильнее сжимая мою ладонь.

Вдруг она уставилась на меня глазами без зрачков. Я вздрогнула, а старуха заговорила:

— Справа у тебя — яркий свет, слева — извечная тьма. За спиной у тебя — серый пес, а впереди — пустота. У пустоты нет голоса, у пустоты нет границ. Но у неё есть царь, и у него есть имя. Когда свет покроется черными пятнами, когда тьма озарит жизнь солнцем, когда пес станет беречь твой сон, тогда пустота позовет тебя. Только тебе решать, идти ли к ней. Только тебе решать, станет ли свет — светом, и останется ли тьма — тьмою. Береги то, что тебе дано. Береги тех, чьи нити судьбы переплетены с твоей. Иначе пустота поглотит тебя.

Пальцы ведьмы разжались. В том, что она была ведьмой, я больше не сомневалась. Старуха сделала знак, отводящий беду.

— Иди. — прошамкала она. — Мне не нужна твоя монета, девочка. Иди, однажды ты поймешь.

И заковыляла прочь, а я замерла, пытаюсь прийти в себя. Я ничего не понимала! Причем здесь свет и тьма? Причем пустота?

Сразу возникла ассоциация с магистрами, но серый пес никак не вязался с ними.

Четвертого магистра не существует.

Предсказание звучало страшно. Мне хотелось бежать домой так быстро, чтобы заболели ноги, но я вынуждена была идти медленно, не привлекая внимания.

— Жители Альсенбурга, — послышался чей-то голос, — магистрат объявляет награду в сто золотых за поимку Филиппа Вейрана, особо опасного преступника, сообщника убийцы Анри Вейрана. Особые приметы...

— Иди. — прошамкала она. — Мне не нужна твоя монета, девочка. Иди, однажды ты поймешь.

И заковыляла прочь, а я замерла, пытаюсь прийти в себя. Я ничего не понимала! Причем здесь свет и тьма? Причем пустота?

Сразу возникла ассоциация с магистрами, но серый пес никак не вязался с ними.

Четвертого магистра не существует.

Предсказание звучало страшно. Мне хотелось бежать домой так быстро, чтобы заболели ноги, но я вынуждена была идти медленно, не привлекая внимания.

— Жители Альсенбурга, — послышался чей-то голос, — магистрат объявляет награду в сто золотых за поимку Филиппа Вейрана, особо опасного преступника, сообщника убийцы Анри Вейрана. Особые приметы...

Опустил на стол кошель, полный монет

— Это откуда? — спросила тихо.

— Из нашего дома, — подтвердил Филипп мои худшие опасения. — Охрану сняли — поняли, что я не вернусь, поэтому...

Послышался шум. Я тут же закрыла дверь на щеколду.

— Что там? — насторожился Фил.

— Готова поспорить, что за тобой следили, — ответила я. — Странно, что раньше не схватили. Хотя, может, надеялись, что ты приведешь к другим подозрительным личностям?

— О чем ты?

— Тебя ищут, Фил, и обвиняют в том, то вы с Анри — сообщники.

Я заметалась по комнате. Вариантов было не так много. Этаж первый, но если выбьем окно

— шум услышат все. Надо действовать иначе. А Фил уже приник к двери.

— Идут.

— Пожалуйста, господа, — говорил хозяин постоялого двора. — Вот тут у меня живет почтенная мадам Лакорис, ей уже за семьдесят. Вот тут — молодые супруги. Тут — девушка с братом. Здесь двое парней.

По наши души. Мы с Филиппом переглянулись. Может, уйдут? Филипп опустил на колени и принялся что-то чертить на полу.

— Ты что делаешь? — зашептала я.

— Обманку. Прости, я не заметил их заклинания, но могу их увести. Они будут думать, что я пошел дальше.

Фил пробормотал что-то, капнул на пол несколько капель крови. Шаги в коридоре замерли.

— Уходит! — крикнул кто-то, и раздался топот ног. Вот так-то! Что бы ни сделал Филипп, у него это получилось.

— А теперь собираемся, быстро, — засуетился он, пряча свой кошель в мою сумку. Я подхватила купленные для него вещи.

Было бы. что собирать. Замерла перед дверью в коридор, осторожно её приоткрыла. Я мало использовала магию в повседневной жизни. Светлая магия — не то, чем пользуешься каждый день. Ей можно подлечить, ослепить — если иметь достаточно силы, поддерживать чужие заклинания. А еще я вспомнила одно из заклинаний, изученных в коллеже — и благополучно забытых на полках памяти. Проверила им коридор — никого живого. Махнула рукой Филу и вышла первой. Он тут же вырвался вперед. Мужчина, что уж там.

— Осторожно, — шепнула в спину.

Фил обернулся и кивнул. Да, странная из нас парочка. Надо добраться до какого-нибудь сквера и заставить его переодеться, чтобы не привлекал внимание.

— Там кто-то есть, — почувствовала через заклинание и указала на угол.

— А, Мартина! — послышался знакомый голос, и к нам шагнул хозяин постоялого двора. — Уже уезжаете?

— Да, пришли неважные вести, отец заболел, — солгала я, зная, что моему отцу уже никакие болезни не страшны. — Придется срочно ехать. Спасибо за все, дядюшка Дон.

— Так давай я верну деньги за оставшиеся дни!

— Нет, не стоит. Пусть останутся как компенсация.

— Тогда счастливого пути, дети.

Я пробормотала слова прощания и поспешила к двери. Но стоило переступить порог постоялого двора, как заметила две фигуры в черной форме. Нас ждали.

— Фил, — сказала тихо, — я отвлеку их, ты беги. Встретимся в сквере на Кленовой улице.

— Я не побегу.

— Филипп!

— Я не буду больше бегать. Полли. Идем.

И с наглым видом пошел прямо мимо тайной службы. Маги проводили нас взглядом — и снова уставились на дверь. Это еще что такое? Мы миновали две или три улицы прежде, чем я поинтересовалась:

— Филипп, почему они нас не заметили?

— Так маячок же говорит, что мы далеко, — ответил тот. — Зачем тревожить честных граждан? А в лицо они меня, видимо, не знают.

Я подумала, что после двух дней горячки я бы тоже не узнала в бледном, измотанном мальчишке, одетом в обноски, сына блистательного графа Вейран. Что ж, на первый раз нам удалось обмануть тайную службу. Второго раза не будет. Как и собиралась, в ближайшем же сквере заставила Филиппа переодеться. Куда пойти? Снова на постоянный двор? По всему выходило, что так. Сниму комнату на пару дней. За это время мы не только поищем защитника для Анри, но и квартиру для нас.

Мы какое-то время побродили по улицам прежде, чем нашли новое пристанище. На этот раз вывеска гласила «Черная стрела». Почему стрела? Почему черная? Я так устала от переживаний, что мысли в голове спутались в огромный клубок, поэтому, стоило расплатиться с хозяином за двухместную комнату, я рухнула в постель, оставив тихо ругающегося Филиппа примерять новый гардероб. Немного посплю — и рискну посетить друга отца. Если он не поможет, рассчитывать не на кого.

Глава 6

— Полли, а ты уверена, что друг твоего отца не выдаст нас властям? — поинтересовался Филипп, следуя за мной по пыльным улочкам столицы.

— Как я могу быть уверена, Фил? — поправила капюшон приобретенной накидки. — Кто друг, кто враг... Все перепуталось.

— Это точно.

Разговор иссяк. Фил все чаще думал о чем-то своем, я старалась не беречь его душу. Он все еще винил себя за незамеченный маячок. Но что мог маг, который даже не прошел инициацию? Слишком мало. Оказалось, что Фил решил забрать драгоценности из тайников их дома, пока этого не сделали другие. В кошельке, который он принес, были деньги — не слишком много, дом ограбили раньше, несколько ожерелий и колец, хранившихся в тайниках, и пара амулетов, точного действия которых Фил не знал, а я смогла разобрать только, что они относятся к защитному типу.

Почему Филипп задумал забраться в дом днем? Да потому, что ночью нас там точно ждали. Могли бы ждать. Тайная служба, судя по всему, не стала маячить у здания. Вместо этого они растянули сеть слежения, на которую и наступил брат Анри.

Сеть среагировала, а он даже не заметил — и ушел на постоянный двор с прицепленным заклинанием слежения.

Филипп и сам понимал, что наша гибель пролетела крайне близко. Хмурился, отводил взгляд. Но на вылазку снова пошел со мной, и даже слушать не пожелал отговорок. И мне, если честно, с ним было спокойнее. Потому что, стоило остаться одной — и ужас, первобытный страх поднимал голову. А Филу я была нужна сильной и спокойной, и я старалась такой и быть.

Дом маркиза Авертаса находился в том же районе Альсенбурга, что и особняк графов Вейран.

Огромный, из светло-серого камня. Когда отец еще был жив, мы частенько тут бывали, я играла с детьми маркиза, а папа обсуждал с другом накопившиеся дела. Когда отца не стало, общение сошло на нет. Матушка не стремилась поддерживать связи мужа. Ей больше нравилось блистать в свете и принимать комплименты восхищенных поклонников. Но когда мы все-таки виделись с маркизом, он всегда относился ко мне очень хорошо и говорил, что в случае необходимости я всегда могу к нему обратиться.

Я постучала молоточком в кованые ворота. Наверняка, сейчас где-то в доме сработал особый звоночек, возвещающий о приходе посетителей. Не прошло и пяти минут, как на дорожке появился слуга маркиза.

— Добрый день, — поклонился он нам, обозревая одежду и оценивая, стоит ли вообще разговаривать.

— Что вам угодно?

— Нам необходимо поговорить с маркизом Авертасом, — ответила я.

— Вам назначено?

— Нет, но передайте, что у меня послание от его давнего друга. Думаю, он будет рад нашей встрече.

— Как вас представить?

— Полина. Просто Полина, — ответила я. Раз уж нас ищут, стоит на время забыть о своем титуле и роде. Слуга поспешил обратно в дом, а мы с Филиппом переглянулись. Захочет ли маркиз принять нас?

Вскоре слуга появился вновь.

— Прощу вас, — распахнул перед нами ворота. — Следуйте за мной.

Мы медленно прошли по дорожке между цветущих розовых деревьев и вошли в дом. Здесь пахло дорогим парфюмом и немного кожей от новенькой мебели. Мы миновали большой холл, поднялись по лестнице на второй этаж, и слуга попросил нас обождать в гостиной.

— Мне тут не нравится, — сказал Филипп, разглядывая большую, просторную комнату.

— Почему? — насторожилась я.

— Не знаю. Наверное, теперь все дома подобного типа будут навевать у меня не самые хорошие мысли, — пожал он плечами.

Продолжить разговор мы не успели — в дверях появился маркиз Авертас. За прошедшее время он ничуть не изменился.

Высокий, широкоплечий, с большим орлиным носом и маленькими прищуренными глазками, но широкой, располагающей к себе улыбкой.

— Полли! — всплеснул он руками. — Девочка моя! Я думал, ты уехала из столицы.

— Здравствуйте, месье Авертас. — шагнула я навстречу.

— Можешь назвать меня, как и прежде — дядя Раймон.

Я улыбнулась. Маркиз всегда напоминал мне о папе. Он крепко меня обнял, будто не веря, что видит перед собой.

— А кто же твой юный друг? — обратился взгляд на Фила.

— Это — Филипп Вейран, — почти шепотом ответила я.

Дядя Раймон тут же нахмурился, а Фил отвел взгляд. Конечно, он не стыдился своего имени. Скорее уж, того, что теперь оно вне закона.

— Значит, юный Вейран, да? — хмыкнул маркиз. — Присаживайтесь, молодые люди. Поговорим.

Мы чинно расположились на диванчике, а маркиз сел напротив в большое кресло.

— Я слушаю тебя, Полина, — сказал он, а я так растерялась, что не знала, с чего начать.

— Дядя Раймон, — пыталась подобрать слова. — вы знаете, в каком положении я оказалась. И в каком положении оказался Филипп. Нам нужна ваша помощь. Мне больше не к кому пойти. Мать хотела увезти меня, но речь идет о моем женихе, и я не оставлю Анри.

— Ты вся в отца, Полина, — вздохнул Раймон. — Такая же упрямая. Я бы посоветовал тебе послушаться мадам Кристину и уехать из столицы. Но ты ведь не согласишься?

— Нет. — Я качнула головой.

— Какой же именно помощи ты от меня ждешь?

— Мне нужен защитник для Анри, — ответила я. — И, возможно, вы знаете, где можно надежно укрыться на время.

— Защитник? — Маркиз пожевал черный ус. — Милая моя девочка, ни один защитник в Альсенбурге, если только он в трезвом уме и здравой памяти, не возьмется за дело твоего жениха. Речь идет не о рядовом преступлении, а об убийстве светлого магистра. Прежде всего, это ставит под урон всю Гарандию. Пока магистров двое, мы ослаблены перед врагами.

— Но Анри — не убийца!

— Откуда тебе знать?

Повисло молчание. В наступившей тишине голос Филиппа прозвучал особенно резко:

— Идем, Полли. Здесь тебе не помогут. Будем действовать сами.

— А вы бы помолчали, молодой человек, — рыкнул маркиз. — Не в вашем положении показывать гордость.

— В каком положении? — Филипп чуть приподнял брови. — Если вы о том, что меня хотят арестовать, так пусть сначала найдут.

— И этот весь в отца, — пробормотал Раймон. — И все-таки с защитником я вам не помогу. Но могу помочь с убежищем.

Скажите, где вас искать. Я подыщу надежную квартирку.

Говорить не хотелось — я не могла настолько доверять маркизу Раймону. Он это заметил и улыбнулся:

— Полина, дитя мое, я видел, как ты росла, и глубоко уважал твоего отца. Поверь, мне ни к чему выдавать вас законникам.

Пусть ищут сами, право слово. Тем более, что ты уж точно не имеешь отношения к убийству магистра, как и твой юный друг.

Но я не хочу, чтобы ты попала в какую-нибудь ловушку. Поэтому, если хочешь, я дам магическую клятву, что никому не раскрою твоего убежища.

— Не надо. — Почувствовала, как заалели щеки. — Я вам верю. Мы остановились на улице Восьми королев. Там постоянный двор, его сложно не найти.

— Хорошо, в ближайшие дни жди новостей.

— И дядя Раймон... не могли бы вы узнать, как продвигается следствие по делу Анри?

Хоть что-то!

— Я попытаюсь, — пообещал маркиз. — Будем держаться вместе.

— Спасибо!

Мы попрощались и заторопились в обратный путь. Филипп хмурился и молчал. Он быстро шагнул рядом, заложив руки в карманы жилета, и оставалось только представлять, что творится в его голове. Я тоже чувствовала себя неудобно. Хотелось верить дяде Раймону. Хотелось, но до конца не могла.

— У меня есть идея, — вдруг заговорил Фил. — А что, если нам поискать комнатуху в домах напротив постоянного двора?

Можно будет заглядывать туда время от времени, не появится ли сообщение от маркиза.

— Думаешь, он нас выдаст?

Филипп кивнул, и я была с ним согласна. Мне все чаще казалось, что выхода нет. Что нас загнали в угол. Но в словах Филиппа был смысл. Вот только начинало темнеть, и эту ночь в любом случае придется провести на постоялом дворе.

Поэтому, как только мы вернулись в еще не обжитую комнатуху, Фил тут же опустился на колени перед дверью. Что он пытался сделать, я не знала — как и любая светлая, я была далека от темной магии, но Фил выглядел так сосредоточенно, что это казалось бы смешным, если бы не опасность, которая нависла над нашими головами.

— Что ты делаешь? — наконец, не выдержала я.

— Растягиваю сеть. Если её коснется посторонняя магия, будет маленький взрыв.

— Знаешь, давай продолжим после ужина. Я умираю с голоду, — призналась честно.

— Давай, — Фил нехотя согласился. Опять не собирается ничего есть? Но мальчишка потащился за мной в общий зал. Там играла музыка — какие-то уличные бродяги так хорошо пели под гитарные аккомпанементы, что я даже заслушалась. Подавальщица поставила перед нами тарелки с жарким и овощами, а также кувшин с компотом. Фил покосился на еду — и взялся за ложку. Приборами здесь не баловали.

— И все-таки, где нам искать защитника? — задумчиво сказал он.

— Боюсь, что все будет так, как и сказал дядя Раймон. За дело никто не возьмется, — ответила я.

— Кхм-кхм, — вдруг послышалось за спиной. — Прошу прощения, господа, но, кажется, вы сказали — защитника?

Я обернулась. За спиной стоял парень лет двадцати двух, с физиономией уличного пройдохи. Невысокий, с густыми каштановыми волосами и редкими забавными веснушками на носу.

— Да, — ответил Фил, смерив парня таким взглядом, будто хотел заглянуть под кожу.

— Тогда я — к вашим услугам, — наш собеседник, не спрашивая, подвинул стул и сел за наш стол.

— Вы — защитник? — не особо поверила я.

— Он самый. Пьер. Пьер Лафир. Диплом показать? Новенький, только выдали.

И перед нами на стол лег самый настоящий диплом школы законников. С печатью, подписью директора — и тройками по всем предметам. Мы с Филиппом переглянулись — и я тихонько захихикала, а Фил отвернулся.

— Боюсь, вы не сможете нам помочь, месье Лафир, — сказала я. — У нас очень сложное дело.

— Сложные дела — это мой конек! — Лафир заулыбался во весь рот и придвинул к себе тарелку с овощами. — Не смотрите, что диплом новенький, опыта у меня ого-го! У меня есть стопка рекомендаций. Доедайте — и пойдем в вашу комнату, покажу.

— Ну хорошо, — неожиданно согласился Фил. Видимо ему, как и мне, нетерпелось увидеть эти рекомендации.

Мы быстро расправились с ужином, в чем Лафир с удовольствием нам помог, и поднялись на второй этаж. Наверное, Лафир был первым человеком за последние дни, от кого не ощущалось опасности. Всю дорогу до комнаты он расписывал свои достоинства как защитника, а стоило закрыться двери, как перед нами на стол легла увесистая стопка писем.

— Рекомендация, — прочитал Фил, — от жителей деревни Большие Оглобли в количестве десяти человек, выдана Пьеру Лафиру в благодарность за быстрое и качественное расследование пропажи козы Долорес и возвращение её хозяйке.

— А эта, — я потянулась за вторым письмом, — выдана месье Лафиру от вдовы Иртены Фави за изгнание призрака почившего мужа.

— Выдана месье Лафиру мадам Карлитой Фальсоне, — зачитал Филипп, уже едва сдерживая веселье, и уже за одну его слабую улыбку я была благодарна. —

Подчеркивается, что месье Лафир проявил чудеса храбрости в погоне за вором, укравшим... невинность мадам Фальсоне?

И мальчишка забавно покраснел, а я рассмеялась.

— Достаточно, — махнула рукой. — Простите, господин Лафир, но наше дело настолько серьезное, что врад ли вы захотите за него браться. А если и захотите, толка не будет.

— Что вы говорите, мадемуазель! — паренек солнечно улыбнулся. — Чем сложнее, тем лучше. Выкладывайте, обговорим условия.

Мы с Филом переглянулись. С другой стороны, это пусть какой-то, но шанс. Шанс на то, что у Анри будет защита на суде.

— Хорошо, — решила я. — Речь идет о деле графа Анри Вейрана.

— Ничего себе! — присвистнул Пьер. — А вы кем ему приходитесь?

— Я — его невеста.

О Филе решила промолчать. Слишком уж дорого ценится его голова, и бедный выпускник школы законников может польститься на легкую прибыль.

— Невеста, значит. — Пьер мигом стал серьезным. — Я, как и все остальные, слышал об обвинении, предъявленному графу Вейрану. Но не знаю деталей.

— Нам они тоже неизвестны, — ответила я. — Только то, что моего жениха обвиняют в убийстве магистра света, а он этого не совершал.

— Вы уверены?

— Целиком и полностью.

Пьер удивленно присвистнул.

— Что ж, — взъерошил он и без того растрепанные волосы, — я готов взяться за ваше дело. Тем более, как я слышал, первое слушание будет уже через два дня.

— Да, — кивнула я.

— Сразу скажу, возьму недорого, потому что шансы невелики. Три золотых меня устроит.

И еще мне нужно письменное подтверждение от кого-то из родственников, что я обладаю полномочиями вести это дело.

— Я напишу, — откликнулся Филипп. — Я его брат.

Вот кто его за язык тянул? Но Пьер Лафир только серьезно кивнул.

— Слушайте, — вдруг просияло его лицо, — а вам, случайно, жилье не нужно? У меня есть замечательная комната! Заходи и живи.

— Как далеко? — спросила я, хоть душу и грызли подозрения.

— Да напротив! Я сюда каждый день обедать или ужинать хожу, потому что сам не силен в стряпне. Так как? Переберетесь? Два медяка в день, мне много не надо.

— Идет, — кивнула я.

Мне даже было все равно, что за комната у Лафира. Мы ведь все равно собирались уйти с постоянного двора. А если мы будем жить почти напротив, то сможем узнавать, нет ли вестей от дяди Раймона.

— Отлично! — протянул мне руку Пьер и крепко пожал ладонь. Затем протянул руку Филу.

— Берите вещи, господа. Будем праздновать новоселье. А еще у меня есть вопросы — где-то с десятков. Или с сотню. Да не пугайтесь так, идем.

И увлек нас за собой. Может, и не стоило доверять случайному знакомому. Но так уж вышло, что говорить о доверии близким людям не приходилось, а Пьер Лафир, хоть и казался пройдохой, тем не менее, располагал к себе. И я верила, что у него есть шанс нам помочь.

Глава 7

Позднее я часто спрашивала себя, почему решила довериться совершенно незнакомому человеку, учитывая, что близкие люди вдруг оказались такими чужими. И находила один

ответ — не знаю. Я не знала, что заставило меня пойти за Пьером Лафиром. Не знала и того, почему вдруг решила поделиться с ним тайной. А еще более странным оказалось то, что и Филипп доверился ему. Пьер обладал особой магией личности — как иначе объяснить то, что мы перешли через дорогу и вошли в дом напротив, хотя полчаса назад таились ото всех на свете и старались защитить магически комнату постоянного двора. — Особых удобств у меня нет, — вещал Пьер по дороге. — Но уборная имеется, и ванная тоже. Горячая вода, правда, только с помощью бытовых заклинаний. Сами понимаете, это дело не дешевое. Что еще? Ах, да. Комнат всего две. Одна моя, одна ваша. Но во второй есть кровать и диванчик, поделитесь. А мне в гостиной будет удобнее, я давно там пообвыкся — стол, шкаф, все, что нужно для работы.

Я начала терять нить повествования. Филипп и вовсе зевал на ходу. Его странным образом успокаивала эта болтовня. Мы поднялись по старой скрипучей лестнице меж ряда покосившихся дверей, добрались до верхнего этажа, и Пьер прикоснулся к точно такой же двери, как и предыдущие. Видимо, замок был магическим. Уже хорошо. Я в теории знала, как создать подобное, но на практике пока не пробовала.

— Коснитесь дверной ручки, — потребовал Пьер, — я представлю вас духу дома.

Мы с Филиппом переглянулись. Ситуация казалась все более абсурдной, но просьбу мы выполнили. Пьер произнес заклинание — и на мгновение ручка вспыхнула золотом.

— Готово, — радостно сказал он. — Теперь вы сможете входить и выходить из дома в любое удобное время. Учтите, если решите привести гостей — не получится. Попытаются войти — останутся без рук.

Как мило! Я начинала смотреть на Пьера другими глазами. Все-таки надо быть очень сильным магом, чтобы создать для дома духа-хранителя и наделить его такими полномочиями.

Внутри оказалось светло и чисто. Светильники зажглись, стоило переступить порог. Две маленькие комнатухи, узкий коридорчик, кухонька, ванная и уборная. Не та обстановка, к которой мы привыкли, но лучше, чем на постоялом дворе.

— Вот спальня, — Пьер толкнул дальнюю дверь.

Как диван и кровать втиснулись в такую маленькую комнатку — это вопрос. Но втиснулись, а с ними — шкафчик и пара стульев. Ничего, главное, что здесь более безопасно, чем где-либо еще.

— Можете оставить вещи — и жду вас в гостиной, у меня есть вопросы по делу, — сообщил Пьер.

Больше всего на свете хотелось спать, но времени оставалось все меньше и меньше, поэтому мы оставили в шкафу скудное имущество и минут десять спустя уже сидели на старом скрипучем диване. Сам хозяин квартиры занял место за столом, махнул рукой — и перо взмыло над свитком.

— Рассказывайте все, что знаете, — потребовал он.

Увы, рассказ вышел скудным. Да, Анри был на службе. Да, все считают его убийцей, но это не может быть правдой. Почему напали на его родственников? Откуда нам знать? Мог ли Анри вмешаться в чужие дела? Мог, конечно. Вмешаться, но не убить. Пьер спрашивал и спрашивал. Филипп клевал носом. Закончилось все тем, что он уснул, откинув голову на спинку дивана. А Пьер вдруг взглянул на меня так пристально, будто хотел увидеть, что там у меня внутри.

— Скажите-ка, Полина — уж простите за неофициальный тон, на что вы готовы, чтобы вернуть жениха? — спросил он.

— На все, — ответила я.

— И забраться со мной в башню света?

— Да, — ответила тихо. — Хоть в башню света, хоть в городскую тюрьму.

— Увы, тюрьма нам не по зубам, — усмехнулся Пьер. — Но мне надо взглянуть на место, где произошло убийство. Я, конечно, не дурак — понимаю, что там уже все прибрано, однако, есть шанс, что наши противники что-то проглядели. Есть ли у вашего жениха личные враги, Полина?

— Я не знаю, — склонила голову. Что вообще мне было известно об Анри кроме того, что люблю его? Что он — сын графа и светлый маг? Слишком скудно, слишком неправильно.

Но любовь слепа, она часто ставит вопросы — и редко дает на них ответы. Поэтому я и не спрашивала, а любила и все.

— Придется выяснить. Как и сказал, мне понадобится ваша помощь. А вот нашему юному другу пока лучше держаться в стороне. Не хватало еще, чтобы его обвинили в соучастии. Точнее, его и так обвинили, но что нельзя выбить из взрослого мужчины, в том можно заставить признаться мальчишку. Даже если он ничего не совершал.

А ведь Пьер был прав. Поймай тайная служба Филиппа, что с ним будет? Мне стало не по себе. Чувство страха, отступившее ненадолго, усилилось.

— План действий таков, — говорил Пьер, крайне мало напоминая того странного парня, который подсел к нам на постоялом дворе. — Утром я иду добиваться встречи с Анри Вейраном. Уверен, с первого раза не получится, но я умею быть настырным. Затем постараюсь хотя бы взглянуть на материалы дела. Получится — честь и хвала службе порядка. Не выйдет — значит, я все равно взгляну на них, но уже не законным путем. А вот ночью мне понадобится ваша помощь, мадемуазель. Потому что проникнуть одному в башню света, пусть и лишившуюся своего хозяина — самоубийство.

— Я сделаю все, что нужно, — сказала тихо.

— Не сомневаюсь. А сейчас будите Филиппа — здесь он не выспится, и ложитесь спать. А я пока подумаю, что еще можно сделать за эти два дня.

Я осторожно притронулась к плечу Фила.

— А? Что? — Он осоловело заморгал.

— Ты уснул, — ответила я. — Давай переберемся в спальню.

— Да, хорошо. — Филипп зевнул во весь рот, забыв о приличиях, и поплелся в спальню. Он рухнул на диванчик и, кажется, уснул почти сразу. И почему-то мне казалось, что наш новый знакомый приложил к этому руку. Сама я переоделась и легла. Спать хотелось безумно. Я сопротивлялась несколько минут — и тоже отбыла в страну снов.

Вокруг плыл белесый туман. Я понимала, что сплю, и ничего не могла поделать. Руки и ноги не слушались, голова гудела, словно чугунный колокол. Впереди стоял кто-то — в сером балахоне, который сливался по цвету с туманом. Я не видела лица, только слышала голос:

— Чем ты готова пожертвовать ради любимого, Полина Лерьер?

— Всем, — отвечала уверенно.

— А стоит ли он того?

«Стоит ли?» — спрашивала пустота, и вопрос эхом отзеркаливало от стен. Я проснулась в холодном поту. Лоб взмок настолько, что казалось, будто только что вышла из ванной.

Анри... Как ты? Где ты? Все, чего я хотела — увидеть, прикоснуться хотя бы на миг, сказать, что люблю и не верю.

Снова заснуть не получилось. Впрочем, за окнами уже светало. Я слышала, как бродит по коридору хозяин квартиры, что-то насвистывая под нос. На диване мирно спал Фил. А я лежала и тарасилась в утренний полумрак, чувствуя себя такой беспомощной, что хотелось плакать.

Нет, нельзя. Я должна быть сильной — ради Анри. Ради того, чтобы вызволить его, доказать, что он — не преступник.

Хлопнула входная дверь. Пьер отправился на штурм, а мне оставалось только слоняться по квартирке. Готовить я ничего не умела. Подумала — и решила, что завтрак стоит приобрести на постоялом дворе. Быстро оделась и сбежала вниз по лестнице. Заодно спрошу, не было ли для меня записки.

Вот только дойти до двери постоялого двора я не успела. Уже переходила улицу, когда увидела подозрительного типа. Он стоял на углу улицы и вглядывался в лица прохожих. Весь в черном — точно один из тайной службы. И вместо того, чтобы пойти туда, куда собиралась, я развернулась и поспешила в противоположном направлении. За мной никто не погнался. То ли меня не заметили, то ли ждали кого-то другого, но проверять я не собиралась. Прошлась вдоль улиц, купила копченых колбасок, хлеба, молока, а душа уходила в пятки. И все-таки, за мной или нет? А в квартире ведь остался Фил. Если он пойдет меня искать? Что тогда?

Заторопилась обратно. Прежде, чем свернуть на ставшую знакомой улочку, осторожно выглянула из-за угла. Никого. Вдохнула воздух глубже, набираясь храбрости, и пошла к

двери. Но не дошла до нее каких-то пять шагов, когда на плечо опустилась чужая рука. Я ойкнула и обернулась. Да, тот самый мужчина в черном.

— Полли, я полагаю? — спросил он.

— М-м-м, — промычала что-то невнятное.

— Вам записка от дядюшки Раймона. Просил передать лично в руки.

О, свет! Это всего лишь слуга маркиза Авертаса. Вот я глупая.

— Спасибо, — пробормотала, забирая письмецо в белом конверте. — Передайте дядюшке привет.

— Обязательно, — усмехнулся мужчина и пошел прочь. Я дождалась, пока он скроется за углом, вошла в дом и еще на лестнице распечатала письмо.

«Дорогая Полли, — было написано там, — я нашел человека, который сможет помочь твоей маленькой проблемке. Точнее, проблеме твоего жениха. Запоминай: улица Семи прях, дом шесть. Гастон Вайхес. Скажешь, что ты от меня. Записку тут же сожги. Удачи!» Только здравый смысл удержал меня от того, чтобы немедленно бежать на улицу Семи прях. Вместо этого я поднялась по скрипящим ступенькам, коснулась дверной ручки и вошла в квартиру. В дверях спальни тут же появился Филипп. Судя по сосредоточенному виду и одежде, он действительно собирался меня искать.

— Полли! — В его глазах мелькнуло облегчение. — Ты вернулась! Почему ты меня не разбудила? Я уже не знал, что и думать.

— Я проголодалась, — заставила себя улыбнуться, чтобы казаться не напуганной и взволнованной. — Решила купить что-нибудь на завтрак. Не будем же мы обедать Пьера. А еще мне передали вот это.

Протянула Филиппу записку. Он быстро пробежал взглядом скудные строчки, прошептал заклинание — и бумага вспыхнула на мгновение черным пламенем, чтобы осыпаться под ноги пеплом.

— Что скажешь? — тихо спросила я.

— Ты никуда не пойдешь, — отрезал Фил. — Я знаю, кто такой этот Гастон Вайхес. Он — один из верховных судей Гарандии. И у него были крайне напряженные отношения с моим отцом. Поверь, помощи от него ждать не стоит.

— Но Фил, если это наш шанс?

— Шанс? Смеешься? А если это ловушка? Где гарантия, что он тут же не выдаст тебя законникам или тайной службе? Нет, Полли. Нет.

Я понимала, что он прав, и на самом деле у меня нет причин доверять ни маркизу Раймону, ни уж, тем более, одному из верховных судей. Но так хотелось найти хоть какую-то ниточку! Обрести почву под ногами, поверить, что все еще можно изменить.

— Давай завтракать, — решила не тревожить Филиппа. Я подумаю над предложением маркиза Авертаса. Однако сначала попробую вместе с Пьером пробраться в башню света. Кто знает? Может, посторонняя помощь мне и не понадобится.

Фил набросился на хлеб и молоко. Все-таки за последние дни он почти ничего не ел, а шестнадцатилетний мальчишка должен хорошо питаться. У меня же аппетит снова отсутствовал. Поэтому я ела только для того, чтобы подать пример Филу. Впрочем, едва мы успели позавтракать, как в коридоре раздались шаги, и на кухню влетел взъерошенный Пьер. Его одежда сбилась, волосы больше напоминали воронье гнездо, но глаза лукаво блестели.

— А, вы оба тут! — Обрадовано проговорил он и кинул в рот кусочек колбаски. — Не придется повторять дважды.

— Ну, что там? — Я изнывала от нетерпения.

— А что там? — хмыкнул Пьер. — Конечно, к вашему Анри меня не пустили.

Сердце ухнуло, глухо и безнадежно.

— Зато я все-таки выбил разрешение защищать его на суде.

Глупая надежда снова подняла голову.

— А документы? Ты видел документы? — спрашивала я.

— Да, — Пьер плюхнулся на стул, и тот жалобно заскрипел. — Это было непросто, скрывать не стану, но документы я видел. Протоколы допросов, осмотра места происшествия. И пока что я не понимаю, почему этого парня обвинили в убийстве. Вину свою он, ожидаемо, не признает. Судя по протоколам осмотра места происшествия, в

комнате сохранились следы его магии, но Анри утверждает, что пытался спасти магистра и применял заклинания исцеления. Следов боевых заклинаний либо проклятий не обнаружено. А, и вот еще! В кабинете на тот момент находились двое, Анри и сам магистр. Это-то и заставляет следствие говорить о его виновности. Но не доказано, что там не могло быть кого-то третьего. Вместо двух человек на посту почему-то оказался один. Почему? Где свидетельства напарника Анри? Куда он вообще подевался? Вопросов множество, на самом деле, и завтра я снова попытаюсь прорваться в тюрьму. Они еще попомнят Пьера Лафира!

И Пьер грозно поднял над головой надкусанную копченую колбаску.

Глава 8

Время до вечера тянулось мучительно долго. Пьер то появлялся, то исчезал снова, а мы с Филом бродили из угла в угол. На душе было беспокойно. Да и разве могло быть иначе? Я думала об Анри, вспоминала наше знакомство. Я ведь с первой встречи поняла, что это — мой человек. Пусть еще не возлюбленный, но мой. Оказывается, так иногда бывает. А сейчас над его головой нависла угроза, которую я так старалась, и никак не могла отвести. Снова и снова возвращалась к этой мысли. Два дня. Сегодня и завтра. Послезавтра будет уже поздно что-то менять. Сегодня — визит в башню. Завтра... Завтра мне нужно посетить судью на улице Семи прях. И я не удивлюсь, если именно его назначат судить Анри. Фил молчал. Я могла только догадываться, что за мысли бродят в голове подростка, который только что потерял обоих родителей и может лишиться брата. Но он оказался сильнее, чем я думала. Филипп ничем не выдавал того, что творилось в душе. Он то листал книги и старые газеты, найденные на полках, то подолгу замирал у окна, напряженно думая о чем-то. И я старалась не мешать. У каждого свои методы борьбы с горем. Видимо, это был его способ.

А вот вечером я не знала, что делать. Да, мы с Пьером собирались в башню. Но ведь стоит заикнуться об этом, как Фил потащится за нами, а нам надо было как-то оставить его дома. Проблему решил Пьер. Ему стоило щелкнуть пальцами — и Филипп отчаянно зевнул, пожелал нам спокойной ночи и ушел в спальню.

— А ты сильный маг, — заметила я.

— Просто полезное заклинание, — пожал плечами Лафир. — Правда, не всегда действует. Собирайтесь, мадемуазель. Нас ждет далекое путешествие. Советую отдать предпочтение темным тонам и удобным юбкам.

Мой гардероб и так был скуден, но нужное платье в нем все-таки нашлось. Темно-коричневого цвета — то самое, которое служило формой в коллеже на первом курсе в сочетании с белым кружевным воротничком и манжетами. Воротничок теперь в прошлом, а платье осталось. Оно доходило до середины лодыжки, открывая туфли, и при этом не считалось неприличным. Волосы я собрала в пучок, лицо прикрыла вуалеткой. Вот и все, что сейчас могла себе позволить.

— Отлично выглядишь, Полли, — Пьер оценил мой наряд. — Что ж, нам пора.

Сам он тоже выбрал темный тон костюма. Сейчас Пьер походил на служащего средней руки, не особо богатого, чтобы сорить деньгами, но и не слишком бедного, чтобы экономить на одежде. Он предложил мне локоть, я взяла его за руку, и мы двинулись вдоль улиц столицы. Шли пешком, чтобы не привлекать внимание. И, видимо, чтобы никто не смог затем подтвердить, что мы подъезжали к башне света. По дороге говорили мало.

— Наш план таков, — шептал Пьер на ушко с таким видом, как будто говорит комплименты.

— Я купил амулет невидимости. Увы, малозарядный. Надо заставить охрану открыть ворота и проникнуть внутрь.

— Как заставить? — спросила я.

— Подумаем на месте. Знаешь, дорогая Полли, иногда стоит положиться на удачу. А удача любит смелых. Не находишь?

Я не знала, что ему сказать. Наверное, никогда об этом не задумывалась. До недавнего времени моя жизнь была спокойной и размеренной. Мне не приходилось надеяться на удачу — я и так имела все, о чем могла мечтать. Кто же знал, что все может рухнуть в один момент?

— Не думай слишком много, — Пьер сразу заметил, что я его не слушаю. — Поверь, непрошенные мысли — как яд. Разъедают сердце и душу. А еще очень быстро пускают корни.

Захочешь вырвать из сердца — и не сможешь, потом выкорчевывать только с частичками души.

Я качнула головой. Больше всего меня заботило, получится ли провернуть нашу безумную затею. Еще несколько поворотов — и мы очутились у светлой башни. Я иногда бывала здесь раньше и видела саму башню снаружи, но никогда — изнутри. Впрочем, башня — это крайне условное название. Лучше сказать, мини-городок, который вырос вокруг высокого здания со шпилем, флаг на котором сейчас был украшен черными лентами в знак траура. Вокруг башни селились те, кто в ней работал. Здесь же располагались и казармы, где жил Анри. Но войти внутрь могли немногие.

— Слушай меня, — остановился Пьер и мигом стал серьезным. — Сейчас ты должна будешь отвлечь охрану.

— Я?

— Ты. Мне важно попасть внутрь. Вот медальон.

Мне на шею опустилась тонкая цепочка.

— Сумеешь одурачить охранников — догонишь, — усмехнулся Пьер и толкнул меня в спину.

Я пошатнулась и едва удержалась на ногах, вскрикнув от неожиданности. Увы, этого хватило.

Один из двух стражников, замерших у ворот башни, кинулся ко мне, в то время как второй оставался на посту.

— Чем могу помочь, мадемуазель? — угрюмо спросил он.

— Там! — Я развернулась и указала рукой за спину. — Там был мужчина, и мне показалось... Мне показалось, что он хочет убить вас.

— Убить меня? — поразился тот.

— Да. У него было оружие, и он шел сюда, но, видимо, я его спугнула.

Маг сдержанно кивнул, приказал мне оставаться на месте и помчался в направлении, противоположном тому, куда исчез Пьер. Он скрылся за углом, а я кинулась ко второму стражнику.

— Помогите! — закричала на ходу. — На вашего напарника напали!

Тот ожидаемо помчался на помощь, а я активировала медальон и шмыгнула за ворота.

Мне следовало бы подумать, что защита на башне не только физическая — что такое двое магов? — но и магическая. Однако задумалась я об этом тогда, когда чуждая магия скользнула по телу. Ожидала звона колоколов, рева защитных заклинаний — одним словом, чего-то, что выдаст мое присутствие, и уже собиралась бежать прочь, но... ничего не случилось. Зато я почувствовала, как на запястье сжимаются невидимые пальцы. Это мог быть только один человек.

— Быстрее, нам еще оттуда выбираться, — пробормотал Пьер, увлекая меня куда-то за башню. Откуда ему известно, куда идти? Я начинала сомневаться, что мой новый знакомый так прост, как написано в его рекомендациях, потому что он действовал четко и уверенно. Вместо парадного входа — небольшая дверца на кухню. Вместо главных залов — хозяйственное крыло.

— Магистра убили в кабинете на вершине башни, — продолжал бубнить Пьер, пока мы поднимались по ступеням винтовой лестницы. — Пошевеливайся, Полли! Иначе мы присоединимся к твоему жениху.

Я начинала задыхаться от бега, но еще несколько витков — и мы очутились перед наглухо закрытой дверью. Впрочем, Пьера это не остановило. Он опустил ладонь на замок, прошептал что-то — и замок щелкнул, открываясь. Пьер вошел в комнату первым. Я поспешила за ним, запоздало понимая, что наша невидимость уже не действует. Дверь закрылась, отрезая нас от внешнего мира.

— Чем могу помочь, мадемуазель? — угрюмо спросил он.

— Там! — Я развернулась и указала рукой за спину. — Там был мужчина, и мне показалось... Мне показалось, что он хочет убить вас.

— Убить меня? — поразился тот.

— Да. У него было оружие, и он шел сюда, но, видимо, я его спугнула.

Маг сдержанно кивнул, приказал мне оставаться на месте и помчался в направлении, противоположном тому, куда исчез Пьер. Он скрылся за углом, а я кинулась ко второму стражнику.

— Помогите! — закричала на ходу. — На вашего напарника напали!

Тот ожидаемо помчался на помощь, а я активировала медальон и шмыгнула за ворота.

Мне следовало бы подумать, что защита на башне не только физическая — что такое двое магов? — но и магическая. Однако задумалась я об этом тогда, когда чуждая магия скользнула по телу. Ожидала звона колоколов, рева защитных заклинаний — одним словом, чего-то, что выдаст мое присутствие, и уже собиралась бежать прочь, но... ничего не случилось. Зато я почувствовала, как на запястье сжимаются невидимые пальцы. Это мог быть только один человек.

— Быстрее, нам еще оттуда выбираться, — пробормотал Пьер, увлекая меня куда-то за башню. Откуда ему известно, куда идти? Я начинала сомневаться, что мой новый знакомый так прост, как написано в его рекомендациях, потому что он действовал четко и уверенно. Вместо парадного входа — небольшая дверца на кухню. Вместо главных залов — хозяйственное крыло.

— Магистра убили в кабинете на вершине башни, — продолжал бубнить Пьер, пока мы поднимались по ступеням винтовой лестницы. — Пошевеливайся, Полли! Иначе мы присоединимся к твоему жениху.

Я начинала задыхаться от бега, но еще несколько витков — и мы очутились перед наглухо закрытой дверью. Впрочем, Пьера это не остановило. Он опустил ладонь на замок, прошептал что-то — и замок шелкнул, открываясь. Пьер вошел в комнату первым. Я поспешила за ним, запоздало понимая, что наша невидимость уже не действует. Дверь закрылась, отрезая нас от внешнего мира.

И принялся сам, будто пес. Я оробела, стало вдруг не по себе. Пьер будто это почувствовал — обернулся, улыбнулся.

— Все в порядке, Полли, — сказал мягко. — Я просто работаю.

Я отступила, чтобы не мешать — но на самом деле, чтобы оказаться от него как можно дальше. Сейчас я почти боялась Пьера. Его лицо изменилось — черты лица стали резче, жестче, и сам он начал казаться старше. Я закусила губу. С кем мы связались? Впрочем, кем бы ни был Пьер, что бы мне ни почудилось — я готова была на что угодно, чтобы спасти Анри.

— Уходим, — вдруг сказал Пьер. — Здесь больше ничего.

Мы выскользнули из комнаты. Вошли-то мы под пологом невидимости, а как выйдем? Но оказалось, что стоило нам спуститься по лестнице — и медальоны снова заработали. Мы медленно и степенно дошли до ворот, стараясь не столкнуться ни с кем по пути. Стражники уже вернулись на пост, и ворота снова оказались недоступными. Тогда Пьер поднял с земли камень поувесистее, прицелился, размахнулся — и кинул через забор. Камень поднял такой шум, будто рухнула, как минимум, глыба. Стражники снова бросились туда, а мы миновали ворота и поспешили скрыться в противоположном направлении.

— Думаешь, нас не заметили? — спрашивала я, снимая с шеи медальон, пока рядом нет посторонних.

— Заметили, конечно, — ответил Пьер, и внутри все похолодело. — Но не найдут. Я позаботился, создал с тем камнем ложный след. Плохо то, что мы узнали не так много, как я рассчитывал. В кабинете пусто. И все выводы можно свети к одному: действовал сильный маг. Вряд ли темный, иначе бы защитный купол раньше отреагировал на его магию. И вряд ли чужой, потому что мы — исключение из правил. Охрану ослабили из-за смерти Таймуса, слишком много посторонних людей приходит в башню.

— Скверно, — прошептала я.

— Да, нехорошо. Но сейчас надо все обдумать и решить, как строить защиту. А еще мне хотелось бы навестить коллег, поэтому только провожу тебя до дома.

— Я сама дойду.

— Нет!

Разве с ним можно было спорить? Пьер подхватил меня под локоток и почти потащил к дому. Я едва успевала перебирать ногами и пару раз чуть не упала, но он вовремя удерживал меня на грани падения. О том, что произошло в светлой башне, я старалась не думать, но вопросов было все больше и больше. Как Пьер сумел обмануть защиту? Как проверил, что видели зеркала, если для этого нужен огромный магический потенциал, столь редкий в Гарандии, и особое разрешение? А главное, почему нас даже не пытались остановить? И если он мог справиться сам, зачем ему понадобилась я? От такого количества вопросов голова болела немилосердно. Я чувствовала себя разбитой, хотелось поскорее прийти домой и лечь, иначе, казалось, не устою на ногах. Пьер оставил меня у самой двери.

— До утра не покидай квартиру, хорошо? — попросил почти ласково и исчез, будто и не было. Я постояла минуту — и вошла в дом. Поднялась по ступенькам, открыла дверь...

— Где ты была? — раздалось из темноты.

Фил? Он же должен был спать до утра.

— Я? М-м-м, — замялась, не зная, что сказать.

— Ты и Пьер. Я видел в окно.

И в его глазах мелькнула почти что обида. Не за себя, за брата. Видимо, в силу возраста решил, что Пьер специально усыпил его, чтобы утащить меня на свидание.

— Мы ходили в башню света, — решила признаться прежде, чем Фил додумает все остальное.

— Что?

Такого ответа Филипп не ожидал. Он удивленно заморгал, как большой соенок. А я улыбнулась. Забавный он, когда не хмурится.

— Да, — пришлось рассказывать все от начала до конца, — Пьер считал, что там мы найдем следы настоящего убийцы. Вот только, если верить зеркалам, в комнате магистр был один.

Пьер говорил, убийца мог поднять щиты, и тогда зеркало его не уловило.

— Подожди. Если Пьер смотрел в зеркало, не найдут ли вас по нему?

— Я думаю, что нет.

Филипп посмотрел мне в глаза — и все понял. Он задумчиво кивнул.

— Странная у Пьера магия, да? — спросил тихо.

— Очень странная, — согласилась я. — Ты даже не представляешь себе, насколько. Иначе мы бы вряд ли вышли из светлой башни живыми.

— А зачем он водил туда тебя?

— Этого я так и не поняла.

Фил снова задумался о чем-то своем. Он кусал губы, пытаясь поймать какую-то мысль, но мысль не давалась. А я спросила:

— Ты давно проснулся?

— Где-то через полчаса после вашего ухода. Сам виноват, проглядел заклинание, а оно было достаточно простым. И не светлым, поэтому и не заметил.

— А каким? Темным?

— Нейтральным, скорее. Они хорошо маскируются, но это меня не оправдывает.

И Филипп снова обиженно насупился. Видимо, считал, что мы должны были взять его с собой.

— Прости, — сказала я. — Ты бы не отпустил нас вдвоем.

— Не отпустил бы, — согласился тот. — Но в следующий раз вы меня не проведете.

— Следующего раза не будет.

О том, что я собиралась совершить еще одну крайне опасную вылазку, я решила не говорить. Хотя, думаю, Фил и так догадывался, что не удержусь. Но пока что мы оба молчали, будто это было нашей общей тайной. И о судье только думали, а не говорили.

— Давай спать, — почти взмолилась я.

— Я выпался.

— А я тогда лягу.

Быстро переоделась в гостиной, пока хозяин комнаты временно отсутствовал, и едва удержалась от соблазна заглянуть в его стол и бумаги. Нет, нельзя! Спать, спать, спать!

Глава 9

В котором часу вернулся Пьер, я не знала. Только утром мы встретились на кухоньке — я искала остатки вчерашней еды, а Пьер, кажется, лишал её нас.

— Доброе утро, — сказала растерянно.

— Доброе, — защитник лучился благодушием. — Прошу простить, я позаимствовал ваши припасы. Сегодня же куплю что-то из продуктов. Правда, повар из меня тот еще.

— А я вообще готовить не умею.

И к чему мне было это умение? Вот только оказалось, что в жизни бывает всякое.

И, видимо, это «всякое» сейчас наступило для меня.

— Это дело нехитрое, — Пьер пожал плечами. — Вари себе и вари. Кстати, я достал для тебя пропуск на завтрашнее заседание суда.

И помахал передо мной тонким кусочком серебристого картона с печатью магистрата. Темного.

— Как тебе это удалось? — Едва удержалась, чтобы не выхватить пропуск из его пальцев.

— Не скажу, что сложно — не люблю лгать. Но иногда связи решают все. Со мной училось много талантливых личностей. И уж они-то не коз по селам ищут.

Я улыбнулась. В историю с козой верилось все меньше, но выводить лжеца на чистую воду пока что не собиралась. Пусть! В том, что Пьер преследует какие-то свои цели, я уже не сомневалась. Захочет — расскажет. Главное, чтобы спас Анри.

— Я уйду ненадолго, — сказала ему. — Хочу поговорить со знакомым отца, пока есть время до суда. Филу не говори, пусть спит.

Филипп и правда еще дремал. Последние дни вымотали его. А может, это вчерашнее заклинание снова набрало силу? Как бы там ни было, я не стала его будить. Вместо этого оделась и уже шла к двери, когда в спину долетел вопрос:

— Скажи хоть, где тебя искать, если пропадешь?

— Филипп знает адрес, — ответила я. — До встречи.

И поспешила прочь, пока Пьер не решил меня проводить. Гастон Вайхес, один из верховных судей Гарандии... Я не ждала от этого человека снисхождения, но раз дядя Раймон советовал с ним поговорить, значит, надо решиться и сделать это.

День выдался теплый и солнечный. Я спешила вдоль узеньких улочек столицы в надежде, что месье Вайхес окажется дома. Сегодня был выходной, но я понимала, что у судьи могут быть свои дела. Улица Семи прях находилась достаточно далеко от дома Пьера, поэтому когда я туда добралась, солнце было уже высоко, а по лбу катились бисеринки пота. Все-таки в накидке было жарко.

Серый каменный дом за решетчатым забором мог принадлежать кому угодно: как горожанину средней руки, так и зажиточному торговцу. Но меньше всего на свете можно было представить, что здесь живет судья. Я мысленно вознесла мольбу светлым богам — и взялась за молоточек. Какое-то время в доме царила тишина. Затем послышались тяжелые шаги, твердые, решительные, а когда я увидела мужчину, который открыл дверь, сомнения иссякли. Передо мной был сам верховный судья.

Ему можно было дать как сорок, так и все пятьдесят. На голове наметились глубокие залысины. В темных волосах мелькала седина. У плотно сжатых губ также наметились жесткие морщинки. Он глянул на меня суровым, тяжелым взглядом, и захотелось стать маленькой и незаметной.

— Чем обязан? — гаркнул в лицо.

— Месье Вайхес? — растерянно спросила я.

— Нет, его дедушка.

— Простите? — изумленно захлопала ресницами.

— Он самый, мадемуазель. Чем могу служить?

— Я от маркиза Раймона Авертаса, — пробормотала, понимая, что в горле откуда-то взялся ком.

— А! — Взгляд судьи стал еще строже. — Входите.

И пропустил меня в дом. Внутри было душно — неужели он не пользуется охлаждающими заклинаниями? Царил полумрак — маленькие окошки за тяжелыми шторами плохо пропускали свет. Я оглядывалась по сторонам. Не хотелось бы жить в таком доме.

— Сюда, — Вайхес указал на дверь в гостиную. — Проходите, присаживайтесь, мадемуазель...

— Полина.

Судья кивнул, будто и не сомневался, кто перед ним. Сказал ли ему маркиз мое настоящее имя? Откуда мне знать... Но даже если не говорил, судья все понял, готова поклясться в этом. Я присела на темно-серый диван под небрежно наброшенной накидкой.

Вайхес взял стул, поставил его напротив — и я сразу почувствовала себя на допросе.

— Итак, мадемуазель? Что привело вас в мою обитель?

— Я... — замялась немного. — Я думала, маркиз Авертас...

— Маркиз изложил мне суть проблемы, но хотелось бы услышать от вас.

— Я уверена в невиновности Анри Вейрана, — наконец, отыскала слова. — Но никак не могу её доказать. Помогите мне.

— Помогите... — Судья поднялся со стула и начал прохаживаться передо мной. — Вы не можете не понимать, мадемуазель Полина, что дело серьезное.

— Я понимаю, — опустила взгляд.

— Сомневаюсь. Опасно и недальновидно в него вмешиваться, но...

— Но? — Я в надежде уставилась на Вайхеса.

— Я мог бы помочь вам. Мое слово является решающим при вынесении приговора, знаете ли, и судить вашего... гм... друга буду именно я.

— Помогите! — Не помня себя, кинулась к нему. — Помогите, умоляю вас! Я заплачу, сколько скажете, любые деньги.

— Милочка, кто вам сказал, что меня интересуют деньги?

И Вайхес прошелся по мне таким взглядом, что кожа покрылась мурашками. Я сделала шаг назад.

— Что вы имеете в виду? — спросила тихо.

— Только то, что денег у меня достаточно. Нововидувавшей молодости и красоты...

Вайхес шагнул ко мне, сжал рукой подбородок, взгляделся в лицо. Я едва сдерживалась, чтобы не вырваться. Он испытывает меня? Или говорит серьезно?

— Скажу прямо — в качестве платы мне нужны вы.

— Я? Вы шутите?

— Мадемуазель, разве верховный судья может шутить?

И ладонь Вайхеса прошла по лифу платья, сжала грудь. Я размахнулась и ударила.

Звон пощечины наполнил комнату — и оборвался на высокой ноте.

— Ах ты, дрянь! — Вайхес кинулся ко мне, но я была быстрее и бросилась к двери с такой скоростью, что едва не запнулась через подол платья. — Грязная девка! Сама придешь, если не хочешь, чтобы твоего дружка казнили. Сама!

Но я не слушала его. Бежала, бежала, бежала. Казалось, что за мной кто-то гонится. Я понимала, что это не так. Дыхание сбивалось. Глупая! Какая же я глупая! Теперь Анри будет только хуже. Вайхес ни за что не вынесет справедливый приговор, пока...

Вот только о его условии нельзя и думать. Я прекрасно это понимала. Нет никаких гарантий, что он сдержит данное слово. А Анри? Разве я смогла бы потом посмотреть в глаза жениху?

Нет, никогда! Я свернула за угол — и едва не сбита с ног человека в сером балахоне.

— Простите, — пролепетала, с трудом удерживаясь на ногах.

— Смотрите, куда бежите, мадемуазель, — прошелестел хриплый, будто неживой голос. — Иначе придется плакать над разбитыми коленками.

И фигура двинулась дальше. Я не видела лица говорившего, его скрывал капюшон, вот только мороз пробежал по коже, и посреди летнего дня стало холодно. Коленки? Если бы все закончилось коленками! Слезы покатались по щекам. Я зло вытирала их ладонями.

Хватит!

Хватит рыдать, хватит быть слабой. Так ничего не удастся изменить. Надоело чувствовать себя пустым местом — и быть им тоже надоело. Уже почти у порога дома еще раз вытерла лицо краем накидки и поспешила в нашу квартирку. Завтра в полдень состоится суд, а у нас по-прежнему нет ни одного шанса спасти Анри. Ни единого!

Толкнула дверь. Странно, но две комнатухи уже стали привычными. Пьера, ожадаемо, не было, зато Филипп возился на кухне, пытаюсь сделать что-то с продуктами. Значит, Пьер, как и обещал, сходил за покупками.

— Полли? — Фил обернулся, отодвинув в сторону тарелку с кривыми бутербродами. —

Где ты была? Пьер сказал, что я должен знать. Ты же не...

— И что ты ответил Пьеру? — спросила устало, присаживаясь к столу.

— Что понятия не имею.

— Правильно, не надо ему знать.

— Значит, ты была у судьи, — Филипп тут же нахмурился.

— Была, — кивнула обессилено. — И знаешь, сколько сейчас стоит человеческая свобода?

— Сколько?

И кто меня тянул за язык? Но Фил ждал ответа, и я сказала:

— Она стоит моей чести.

Щеки мальчишки покраснели от гнева.

— Надеюсь, ты не согласилась? — спросил он, едва сдерживая злость.

— Конечно, нет. Но теперь, боюсь, судья сделает все, чтобы Анри ответил за чужое преступление. Что я наделала!

Уронила голову на руки. Филипп несмело коснулся моего плеча.

— Ты поступила правильно, — ответил он. — Все сделала верно, слышишь? Я бы тоже пошел к этому... Вайхесу, и тоже бы не согласился. Поэтому не убивайся так. Завтра... завтра все станет ясно, да?

— Да.

Филипп поднялся и отошел к окну. Он смотрел на залитую солнцем улицу и на фоне солнечных лучей казался таким же чуждым, как цветы на снегу. Наверное, я сама казалась такой же. Хотелось одного — чтобы все это закончилось. Но — нет, не закончится. Даже с судом над Анри, потому что я не остановлюсь, пока не узнаю, кто настоящий убийца, кто сделал так, чтобы мой жених сейчас гнил в тюрьме, а я сама... едва не стала падшей девкой.

— Знаешь, мне снилась мама, — вдруг заговорил Филипп. — Она звала меня, а я испугался и убежал. Странно, да? Вроде бы, и жить невыносимо, и умирать страшно.

— Не говори так, — подошла к нему, обняла за плечи. — Надо жить, Фил.

— Ради чего?

Я не знала ответа, но сказала:

— Ради самой жизни. Ради меня, если хочешь. Я не выдержу, если с тобой что-то случится.

— Спасибо.

И снова отвернулся к окну, а я искала ответ на его же вопрос. Ради чего? Ради мести?

Ради того, чтобы поквитаться с врагами? Спасти все, что еще можно спасти. Хлопнула входная дверь, и в кухню ввалился сияющий Пьер.

— О, ты вернулась! — затараторил радостно. — Держи.

И протянул мне едва распустившуюся розу. Я взяла цветок и поднесла к лицу. Он пах так, что кружилась голова. Непрошенная улыбка появилась сама собой.

— Благодарю, — ответила от души. — Куда бы её поставить?

Мы вместе принялись искать вазу или бутылку, или хоть что-нибудь. Для этого пришлось перевернуть всю кухню. Фил измазался в муке — и где он только её нашел? Пьер достал из шкафа какую-то кастрюлю, надел на голову и принялся декламировать стихи поэтов древности. Выходило до того уморительно, что мы едва не забыли о причине поисков.

Затем все-таки решили: отобрали у Пьера кастрюлю и налили в неё воды. Чем не ваза? К столу сажались втроем, запыхавшиеся от поисков и довольные. Сразу стало все равно, что у нас нет изысканных блюд, а только бутерброды, созданные упорством Филиппа. Впрочем, бутерброды долго не прожили — мы проглотили их в один миг.

Я была благодарна Пьеру, кем бы он ни был, потому что камень на сердце снова будто стал легче. Нет, я не забыла о суде и судье, но то и дело отвлекалась на его шуточки, смеялась, как последний раз в жизни. И Фил перестал хмуриться, снова начал походить на себя самого.

Легли мы рано. И я готова была поклясться, что Пьер каким-то образом применил на нас магию, потому что глаза слипались так, что я едва нашла кровать и даже не переоделась. Зато ночь снова выдалась беспокойной. Мне снился зал, залитый светом свечей. Здесь не было никого, но передо мной находилась большая дверь, скованная цепями. Я насчитала семь замков на этих цепях. Подошла ближе, коснулась цепей — и воздух загудел. — Что тебе нужно в моей обители? — раздался голос, который уже слышала где-то. Хриплый, будто шелест осенних листьев. Я обернулась, но увидела только тень. — Мне нужна истина, — ответила я. — И помощь. — У пустоты не просят помощи, девочка. — Мой невидимый собеседник будто подошел ближе, потому что голос стал более отчетливым. — Но ты зовешь меня, и я приду. Тень дунула — и свечи разом погасли. Я вскрикнула и открыла глаза. За окном было светло. В комнате пахло розами — Пьер ночью перенес кастрюлю на наш столик. И мне предстояло самое страшное — суд над Анри.

Глава 10

— Что значит, я не пойду? — Филипп кричал так, что хотелось заткнуть уши. — Прости, малец. — Пьер развел руками. — Понимаешь ли, все дело в том, что у меня вышло добыть только один пропуск, и я беру с собой Полину. — Почему? Пусть Полли остается дома, а я... — Я не останусь, — тут же перебила его. — А вот тебе действительно лучше ждать нас здесь. — Ты думаешь, после того, что я видел на площади, меня еще можно чем-то испугать? — Филипп прищурился и стал так похож на отца, что я едва не осенила себя защитным знаменем. — Нельзя, — согласилась с ним. — Но пропуск все равно один. Поэтому и выбора нет. Пока наш спор не вышел на следующий уровень, быстро схватила накидку, обулась и поспешила за Пьером. Наш приятель тоже преобразился. На нем была кипенно-белая сорочка с воротником-стойкой, черный сюртук с тремя блестящими пуговицами и такие же черные штаны. А туфли блестели так, что, казалось, в них можно глядеться. Волосы, до этого буйно торчащие во все стороны, сейчас были тщательно зачесаны на пробор. Настоящий защитник. Фил все еще пытался спорить, когда мы выскочили за дверь и помчались на улицу. Мои аргументы иссякли, а вот его, похоже, нет. Шли быстро — Пьер не позаботился об экипаже, а здание суда находилось далеко, но мне было все равно. Я готова была идти, куда угодно. — Фух, — вытер Пьер вспотевший лоб, — оторвались. Я думал, мелкий не сдастся. — Я тоже, — призналась искренне. — Остановить Филиппа сложно. — Особенно учитывая, что перед нами — неинициированный темный маг. Ему надо учиться, и чем скорее, тем лучше. Пройти посвящение. А пока что он нахально питается нашей магией. — Что? — Даже глаза округлились от такого заявления. — А ты не чувствуешь? Своих сил у мальчишки мало, а эмоций — крайне много. Тьма частенько питается за счет света, когда нет других источников. Но ты не беспокойся, это пока что безобидно. Я, конечно, мог достать еще один пропуск, только вряд ли вид измученного брата его порадует. Как бы не сорвался. Глупый мальчик и так прошел по границе смерти. На его магии до сих пор отпечаток гибели. Он со временем растает, но пока его лучше не тревожить. — Откуда ты это видишь? — спросила тихо. — Секрет. — Пьер улыбнулся во все тридцать два зуба. — Главное, сама в обморок не ухни, я не смогу тебе помочь. — Не ухну, — ответила уверенно. — Вот и умница. Мы пришли.

Здание суда напоминало крепость — огромное, с маленькими бойницами окон и внушительным количеством стражи у входа. Вот сюда мы бы с Пьером точно не проникли тайком. Вдруг стало страшно. Так страшно, что захотелось сбежать, но надо было идти вперед. Пьер предъявил наши пропуска, лязгнула решетка — и мы очутились в узеньком коридорчике. После человеческой проверки нас ждала магическая. Поблескивали кристаллы, проверяя, нет ли при нас запрещенных магических предметов. Ничего не было, поэтому мы без вопросов прошли в большой зал, полный искусственного света. В центре была круглая площадка, с одной стороны которой располагалась клеть, с другой — высокая трибуна судей.

От площадки вверх уходили ряды скамеек. Правая часть была отведена для свидетелей, левая

— для зевак. Я спустилась ниже, села так, чтобы хорошо было видно заключенного. Рядом с клетью по обе стороны стояли две тумбы — для защитника и обвинения, которое должен был вести сам главный дознаватель. Я помнила ледяной взгляд этого человека. Страшный взгляд, вскрывающий душу ножом.

— Держись, Полли, и не выдай себя, — шепнул мне Пьер, а сам спустился ниже, на площадку. Открылась противоположная дверь. А вот и обвинитель пожаловал. Герцог Дареаль, обличенный особой милостью магистрата, был в коричневой мантии. На груди на золотой цепи поблескивал золотой знак, подтверждающий его право вести дознание от имени магистрата — ястреб, распростерший крылья в полете, на тройном круге. Я вглядывалась в суровое лицо с ужасом. Меня пугал этот человек с той самой первой встречи в коллеже.

Дареаль тоже занял отведенную ему тумбу. Загудели трубы, и из боковой двери двинулась процессия. Впереди — стража, за ними — судья Вайхес в алой мантии, следом — еще двое судей в синих мантиях, помощники верховного судьи. И снова стража, чтобы никто не напал со спины. Судьи расселись на свои места на возвышении.

— Внимание! — проговорил один из помощников, открывая кожаную папку. — Слушается дело Анри, графа Вейрана, который обвиняется в убийстве светлейшего магистра Таймуса. Обвинение представляет главный дознаватель магистрата Этьен Дареаль. Защиту представляет вольнонаемный законник Пьер Лафир. Верховный судья — Гастон Вайхес, судьи

— Жерар Клио и Антуан Фаррон. Ввести обвиняемого.

Сердце забило быстро-быстро. Я едва усидела на месте. А дверь, противоположная той, в которую вошли судьи, распахнулась настежь. Снова ряд охраны, а за ними... Я едва сдержала крик. От человека, которого я любила, осталась тень. Анри шел, низко опустив голову. Его руки были скованы такими тяжелыми кандалами, будто он мог их сломать. Из одежды была серая роба, босые ноги ступали по полу. Руки покрывали едва зажившие раны.

Но когда он поднял голову, я поняла — сломать Анри им не удалось. Он смотрел на судей с такой ненавистью, которую не смогли загасить ни допросы, ни пытки. Скрипнула, открываясь, дверца клетки, и Анри толкнули внутрь, запирая следом. Стража замерла по обеим сторонам клетки.

— Анри, граф Вейран, — заговорил Вайхес, — перед началом слушания я должен спросить вас: признаете ли вы себя виновным в убийстве светлейшего магистра Таймуса?

— Нет, не признаю, — раздался громкий, четкий ответ.

Судьи переглянулись.

— Что ж, тогда слово обвинению, — проговорил Вайхес. — Герцог Дареаль, прошу вас.

— В одиннадцатый день сего месяца, — прочел герцог, — магистр Таймус был найден мертвым в башне света, в своем кабинете. При нем находился гвардеец Анри Вейран. В кабинете магистра Таймуса были найдены остаточные следы светлых заклинаний, принадлежащих Анри Вейрану. Сам он был задержан на месте преступления. При этом свою вину отрицал, но утверждал, что в кабинет никто не входил и не выходил. Обвинение призывает признать Анри Вейрана виновным в совершенном преступлении и готово представить необходимые доказательства.

— Начинайте допрос обвиняемого, — махнул рукой верховный судья.

Я не сводила глаз с Анри. Хотелось быть там, рядом с ним. Чтобы знал, что не предала, не отказалась и никогда не поверю в его вину. Но мне оставалось только наблюдать издали и верить, что у нас есть хотя бы мизерный шанс его спасти.

— Расскажите о событиях того дня, граф Вейран, — потребовал Дареаль.

Да, граф... Пока Анри не осужден, титул остается за ним. Титул его умершего отца. Знал ли он о том, что произошло? Мне казалось, что знал. Так ведь легче сломать, заставить признаться в чем угодно.

— Я находился на посту с восьми утра, — спокойно ответил Анри, хоть его голос и неуловимо изменился. По его лицу читалось, что ему надоело пересказывать одно и то же раз за разом. — Около десяти мой напарник почувствовал себя плохо, и магистр Таймус отпустил его к лекарю. Я остался один. После обеда магистр Таймус приказал, чтобы его не беспокоили, и заперся в кабинете. Где-то через полчаса послышался шум. Я позвал магистра, никто не ответил. Тогда я постучал и вошел в комнату. Магистр Таймус лежал на полу. Он был еще жив, но уже без сознания. Я решил, что у него припадок, потому что не увидел крови. Призвал магию исцеления, другим заклинанием позвал на помощь. Но его было уже не спасти.

Я верила, что так оно и было. Но ведь Пьер утверждал, что в комнате не находилось посторонних. Тогда как же умер магистр?

— Был ли в кабинете кто-то еще, кроме магистра Таймуса? — спрашивал Дареаль.

— Нет, не было, — отвечал Анри.

— А входили ли в кабинет посторонние в течение дня?

— Тоже нет. Только утром доставляли бумаги из магистрата, но это повседневная процедура.

— Тогда кто же убийца, граф?

— Мне откуда знать? Это ведь вы — главный дознаватель.

И Анри колко улыбнулся. В зале поднялся шум, послышались выкрики, но судья призвал всех молчать.

— Как видите, — обратился Дареаль к судьям, — Анри Вейран был единственным, кто находился рядом с магистром Таймусом в момент смерти. Следов чужой магии в кабинете не зафиксировано, только магия графа Вейрана. Яда в крови магистра не обнаружено.

— Что же тогда заставило вас думать, что магистра убили? — вдруг подал голос Пьер. — Может, он скончался по естественным причинам?

— Вам слова не давали, — рыкнул Дареаль. — Но я отвечаю. Естественных причин для смерти магистра мы тоже не нашли. Он был совершенно здоров и скончался от удушья. Удушья магического свойства.

— Магического? Тогда как вы можете говорить, что не было других следов магии? Или же магический след тоже принадлежит графу Вейрану?

— Применялось заклинание с оборванной связью, нельзя определить не только, кто его призвал, но и то, темное оно или светлое.

— Почему же граф Вейран не уничтожил другие следы своих заклинаний, раз уж вы считаете, что он в этом силен?

— Протестую! Вопрос поставлен некорректно.

— Протест принят, — кивнул судья Вайхес. — Господин Лафир, приступайте к допросу обвиняемого.

— Слушаюсь, ваша честь. — Пьер слегка поклонился. — Скажите, граф Вейран, почему, когда ваш напарник занемог, вы не затребовали дополнить караул, как полагается по инструкции?

— Я хотел, — Анри с удивлением смотрел на Пьера. Что ж, вот и познакомятся. — Но магистр Таймус сказал, что важных встреч все равно не запланировано, и меня одного вполне хватит, чтобы нести караул.

— Вам не показалось, что магистр ждал кого-то особенного?

— Если честно, показалось.

Я решил, что он хочет сохранить в тайне чей-то визит, потому что он приказал принести обед в комнату, а ведь никогда не обедал в кабинете. Но, видимо, его гость не пришел, потому что из кабинета забирали чистые приборы. Обедал магистр один.

— Есть ли другие входы в кабинет магистра?

— Мне это неизвестно.

— Тайных ходов нет, — подал голос Дареаль. — Мои люди проверяли.

— Прошу прощения, но если вы их не нашли, это еще не значит, что их нет. Как насчет пространственных переходов? Кто-то искал их след?

— Само собой! — А Дареаль-то злился! Зато я изумлялась все больше. Ох, и Пьер! Сама судьба свела наши дороги.

— Вернемся к тому дню. — Пьер снова обернулся к Анри. — Какого характера шум вы слышали, граф?

— Сначала странный сип, а потом будто упало что-то тяжелое.

— А до этого? Не было никаких шагов, звуков разговора?

— Нет, стояла полная тишина. Я даже удивился.

— Могла ли она быть вызвана заклинанием?

— Не знаю. Но шум ведь я услышал, так что вряд ли.

Пьер кивнул каким-то своим мыслям.

— Что ж, пока что у меня нет больше вопросов, ваша честь, — обратился к суду.

Судья Вайхес о чем-то тихо переговаривался с помощниками, а затем приказал начать допрос свидетелей обвинения. Я же надеялась — так глупо и странно, но ведь доказательства вины Анри на самом деле нет. То, что он пытался исцелить магистра, еще не делает Анри убийцей. Перед судом предстал еще один гвардеец — тот, кто первым прибежал в кабинет по зову Анри.

— Виконт Рене Делар, — представился он. А я снова превратилась в слух, стараясь не упустить ничего, что помогло бы Анри.

— Виконт Делар, — обратился к нему Дареаль, — правда ли, что вы первым прибыли в кабинет после убийства и получения сигнала тревоги?

— Да, это так, — подтвердил молодой мужчина, чуть старше Анри.

— В котором часу это было?

— Сигнал зафиксирован в два часа пятнадцать минут.

— В котором часу магистра в последний раз видели живым?

— Прислуга убрала приборы в час пятьдесят.

— Значит, прошло всего лишь двадцать пять минут. Слишком мало времени, господа судьи, чтобы проникнуть в прекрасно защищенный кабинет и уйти из него.

— На самом деле, времени достаточно, — снова вмешался Пьер. — Особенно если все подготовить заранее.

— Вам откуда знать? — рявкнул Дареаль.

— Я тоже наводил справки. У вас еще будут вопросы к виконту Делару?

— Да. Опишите, что вы увидели в кабинете.

— Я увидел магистра Таймуса, он лежал на полу, — запинаясь, ответил тот. — И уже не подавал признаков жизни. Над ним склонился Анри Вейран. Он применял магию исцеления, но было уже поздно.

— Был ли в комнате кто-то еще?

— Нет, не было.

— Не почувствовали ли вы посторонней магии?

— Тоже нет.

Дареаль торжествующе взглянул на Пьера. В этот момент главный дознаватель напомнил мне большого серого волка — глаза блестели, голос казался рыком. Но Пьер вряд ли боялся волков, потому что уверенно повел свою линию допроса:

— Виконт, скажите, на каких местах находились предметы в комнате?

— Ничего необычного. — Делар пожал плечами. — Бумаги на столе были рассыпаны, а в остальном — все, как всегда.

— А окно? Шторы были задернуты?

— Нет, наоборот, окно было открыто. День стоял жаркий, собиралась гроза, и сильно парило — так, что даже заклинания не справлялись.

— Значит, преступник мог проникнуть в кабинет через окно и уйти так же, — обернулся Пьер к суду.

— Не мог, — вмешался Дареаль. — Слишком высоко. Даже если бы преступник нашел способ забраться на такую высоту, его бы заметили.

— И все же, не будем отказываться от этого варианта. Скажите, виконт, не было ли у Анри Вейрана причин ненавидеть магистра Таймуса? Может, тот был к нему несправедлив?

— Нет, не было. — Виконт казался растерянным. — Наоборот, я бы сказал, что магистр Таймус доверял Анри, иногда даже советовался с ним.

Анри опустил голову. Я знала, что он относился к магистру, как к наставнику, почти как к отцу. А кто-то не только убил его, но и хочет заставить Анри отвечать за это преступление. Ненавижу! Кем бы он ни был!

— Благодарю, вопросов больше нет, — сказал Пьер.

— Следующий свидетель обвинения — Андре Паскуаль, напарник графа Анри Вейрана в тот злополучный день.

Дареаль пристально смотрел на вошедшего. Тот же озирался по сторонам, явно чувствуя себя неуютно. Я ощущала его страх. А затем заметила, как на него смотрит Анри — с презрением. Что-то тут не то! Оставалось надеяться, что Пьер выведет его на чистую воду.

Глава 11

Я разглядывала напарника Анри с пристальностью, с которой рассматривают врага. Если бы он не ушел, то смог бы подтвердить невиновность Анри. Ему ведь могли заплатить, чтобы все получилось именно так, а не иначе. И, скорее всего, так оно и было. Поэтому от месье Паскуаля я изначально не ждала ничего хорошего.

— Месье Паскуаль, — обратился к нему Дареаль, — расскажите нам о событиях утра одиннадцатого июня. Почему вы покинули свой пост?

— Съел что-то не то, — пожал плечами высокий, плечистый мужчина со смуглым неприятным лицом. — Отпросился, ушел к лекарю. А Анри остался на посту.

— Лекарь подтверждает, что Андре Паскуаль обратился к нему около двенадцати дня с подозрением на отравление, — добавил Дареаль, передавая судьям бумаги. — В крови удалось обнаружить пищевой яд. Где вы завтракали тем утром, Андре?

— Вместе с Анри в общей столовой, — ответил тот. — А затем мы заступили на пост, и больше я ничего не ел.

— Мог ли граф Вейран подсыпать вам яд?

— Мог, — кивнул Паскуаль. — Я ненадолго отходил от стола, тарелка оставалась рядом с ним.

— Что ты несешь? — Анри кинулся к прутьям клетки, но разряд магии заставил его отшатнуться, а я едва сдержала вскрик. — Зачем мне тебя травить, Андре? Я знал, что ты меня ненавидишь, но не до такой же степени!

— Молчать! — рявкнул Вайхес. — Вам слова не давали. Продолжайте, герцог Дареаль.

— Значит, между вами и подсудимым были неприязненные отношения? — уцепился тот за зацепку, будто пес.

— Именно, — не стал отрицать Паскуаль. — Вейран всегда казался мне крайне мутной личностью.

— В чем это проявлялось?

— Он постоянно куда-то сбегал из казармы ночами.

И я знала, куда, но сказать не могла. Только сильнее сжала руки. Губы уже искусала в кровь.

— Куда же вы отлучались, господин Вейран? — обернулся Дареаль к Анри.

— Я виделся с моей невестой, — ответил тот.

— Да, только проблема в том, что вашу невесту никто не видел с момента выпуска из коллежа, даже её мать, так что подтвердить ваши слова никто не может.

Пьер посмотрел на меня, я кивнула. Если понадобится, сама докажу, что Анри ни в чем не виноват, и он действительно сбегал ко мне.

— Что вам еще известно по нашему делу? — спросил Дареаль у Паскуаля.

— Мало что, но я думаю, что у Анри был мотив для убийства магистра Таймуса. Раз уж мы заговорили о невесте Анри, магистр Таймус настоятельно советовал ему расторгнуть помолвку. Даже не советовал, приказывал.

Что? Почему это? Почему Анри ничего не сказал?

— Почему же? — повторил мой вопрос Дареаль.

— Видите ли, магистр Таймус видел в Анри своего ученика. Он хотел, чтобы тот продолжил обучение и достиг высших слоев светлой иерархии магистрата, но это не предполагает наличия жены. А магистр Таймус умел быть убедительным и упрямым. Возможно, между ними вспыхнула ссора, и... Я не говорю, что Анри все продумал, это могла быть случайность.

Я с силой сжала кулаки. По лицу Анри видела, что Паскуаль говорит правду. Значит, он отказался разрывать помолвку. Но не убивать же из-за этого магистрата! Простого отказа достаточно.

— Господин Лафир, ваши вопросы, — махнул рукой Вайхес, и Пьер вышел вперед.

— Господа, — обратился он к судьям, — я прошу не принимать во внимание показания месье Паскуаля ввиду личных неприязненных отношений с подозреваемым. Уверен, имеет место быть наговор.

— Протест отклонен.

Ничего другого я и не ожидала, а Пьер уже развернулся к Паскуалю.

— Скажите, любезный господин Паскуаль, почему вы отказались побеседовать со мной по этому делу до суда? — спросил он.

— Не считал нужным, — хмуро ответил Андре. — Спрашивайте здесь.

— Хорошо, спрошу. Не странно ли, что после дачи первых показаний вы неожиданно оставили службу в светлом магистрате и купили большое поместье неподалеку от столицы?

— Протестую, это не имеет отношения к делу, — вмешался Дареаль.

— Протест принят.

Судья Вайхес выразительно посмотрел на ряды зрителей. Подозревает, что я здесь? Хочет показать, что не пойдет на уступки в этом деле?

— Ладно, тогда спрошу другое, — отвлек меня голос Пьера. — Целитель оказал вам всю необходимую помощь, яд был нейтрализован в короткие сроки, так почему же вы не вернулись на пост?

— Я чувствовал общее недомогание. И магистр отпустил меня, — ответил Паскуаль.

— А ведь именно вашей обязанностью было найти для себя замену. Почему вы этого не сделали?

— Потому что магистр не посчитал нужным.

— Откуда вам это знать, если вы ушли к лекарю и не были свидетелем разговора? Не так ли, Анри?

— Так, — ответил тот.

Андре закусил губу.

— Да, я допустил оплошность, — ответил он. — Признаю.

— Вопросов нет, ваша честь.

Паскуаль, пылая от злобы, покинул зал суда. А к Вайхесу подбежал какой-то парень. Он что-то сказал судье, тот кивнул:

— У нас есть еще один свидетель обвинения. Просит её выслушать. Пригласите мадемуазель Инвир.

В зал вошла хрупкая низенькая девушка в простом черном платье. Я не знала её. Но, кажется, знал Анри и не понимал, что она здесь делает.

— Марица Инвир, — представилась она.

— Мадемуазель Инвир, — обратился к ней Дареаль. — Расскажите, пожалуйста, что произошло в тот день.

— Магистр Таймус ждал меня, — девушка опустила голову. — Он дал мне два одноразовых портала. Я немного опаздывала, а когда шагнула в его кабинет, Таймус уже лежал на полу, а над ним склонился Анри Вейран. И...

По щекам девушки покатились слезы.

— Это он! Он убил магистра Таймуса, я видела, — сквозь рыдания проговорила она. —

Прошу, накажите его за смерть магистрата!

— Что именно вы видели? — кажется, Дареаль был удивлен. Видимо, и для него появление мадемуазель Инвир стало сюрпризом.

— Он применял какое-то заклинание, а Таймус хрипел и пытался защититься, но не вышло.

А я... Я испугалась, и вместо того, чтобы ему помочь, активировала обратный портал и сбежала, пока меня не видели.

— Ложь! — крикнул Анри.

— Я не лгу и готова это засвидетельствовать, — прошептала девушка.

— Что ж, кажется, все ясно, — пробормотал Вайхес. — Но мы заслушаем и свидетелей защиты, конечно, если они есть.

— Подождите, у меня есть вопросы к мадемуазель Марице, — вмешался Пьер. — Скажите, кем вы приходились магистру Таймусу.

— Мы любили друг друга, — девушка опустила глаза. Вот тебе и седой магистр. Но, судя по всему, это было правдой. Откуда бы еще Анри знал эту девушку?

— Почему вы в тот день опоздали?

— Протестую, — вмешался Дареаль, но скорее по долгу службы, чем по необходимости. Может, главный дознаватель и не бесчестный человек?

— Протест принят, — ответил Вайхес.

— Можно мне сказать? — подал голос Анри.

— Нельзя, — зыркнул на него судья.

— А я все-таки скажу. Эта мадемуазель желала, чтобы мы с ней стали близки. А Таймуса использовала, он узнал об этом и запретил ей приходить в магистрат.

— Как вы можете! — ахнула Марица. — Я считала вас честным человеком, граф Вейран.

Она схватилась за сердце и рухнула в обморок. Вокруг засуетились лекари, девушку привели в чувство и вывели на воздух. Потянулись немногочисленные свидетели защиты. У Пьера было слишком мало времени. Я понимала это, знал и он. Поэтому почти не слушала сослуживцев, дающих исключительно хорошие характеристики, да и таких нашлось немного.

Вместо этого смотрела на Анри. Он будто почувствовал мой взгляд, чуть обернулся, и наши глаза встретились. Он узнал меня! Я готова была поклясться. Потому что вдруг улыбнулся, светло и счастливо. И я улыбнулась в ответ. Я рядом, любимый. И буду рядом, что бы ни случилось.

— Граф Вейран, — обратился к Анри Вайхес, — ваше последнее слово.

— Я невиновен, — отчеканил Анри. — И надеюсь на правосудие.

— Герцог Дареаль?

— Господа судьи, — обратился к ним главный дознаватель, — признаюсь, до сегодняшнего дня у меня были сомнения в вине графа Вейрана. Слишком странными казались показания, много было путаницы, да и на месте преступления не удалось найти ровным счетом ничего. Но свидетельства мадемуазель Инвир все расставили по местам. Я прошу признать виновным Анри Вейрана в убийстве светлейшего магистра Таймуса и вынести приговор максимальной строгости — смертную казнь.

Я закрыла лицо руками. Надежда таяла, её практически не осталась. Снова взглянула на Анри — он смотрел на судей с безнадежностью. Он тоже все понимал, но не собирался сдаваться.

Вайхес обратился к Пьеру:

— Ваше слово, месье Лафир.

— Господа судьи, — начал Пьер, выходя чуть вперед, — перед нами — непростое дело, в котором осталось множество белых пятен. Я считаю, что приговор такой серьезности нельзя выносить, основываясь на досужих домыслах, какими, без сомнения, являются слова мадемуазель Инвир. Поэтому прошу суд отправить дело Анри Вейрана на дополнительное расследование.

— Мы вас услышали. На этом суд удаляется для вынесения приговора, — Вайхес расправил плечи и снова довольно покосился на зал. Я уже понимала, что приговор будет обвинительным.

Понимала и не ожидала пощады, но дверь в зал вдруг распахнулась, и стало ощутимо холоднее. Фигура в сером балахоне словно плыла по полу, а не шагала. Не было даже звука шагов. Лица вошедшего никто не видел, его надежно скрывал капюшон. Но мне показалось, что это именно тот мужчина, которого встретила на улице.

— Приветствую, господа судьи, — раздался голос-шелест, навсегда въевшийся в мою память.

— Магистр Эйлеан? — Вайхес ошутимо вздрогнул, а все присутствующие, казалось, забыли, как дышать. Еще бы! Сам магистр пустоты крайне редко снисходил до дел простых смертных. Он не участвовал в жизни столицы, оставаясь на заднем плане, но всегда участвовал в жизни страны. Недаром в народе его прозвали серым кукловодом.

— Он самый, — ответил магистр, расправляя плечи. — Признаюсь, я тайком следил за ходом заседания суда и даже провел собственное расследование. И считаю, что сегодня суд не сможет вынести справедливое решение. Поэтому, пользуясь своим правом, я требую повторного слушания через... скажем, три дня. Более того, прошу включить меня в состав судей.

— Что?

Вайхес сильно напоминал рыбу — выпучил глаза и хватал ртом воздух.

— Право магистра, — с улыбкой, читаемой в голосе, ответил магистр пустоты.

— Ваше право, — верховный судья склонил голову.

На моей памяти сам магистр Эйлеан ни разу не участвовал в заседаниях суда. Что ж, все когда-то бывает впервые. Но почему сейчас? Потому что речь идет о другом магистре? Хорошо это или плохо? Я понимала только, что у меня есть целых три дня, чтобы что-то изменить. Три дня жизни для Анри. И надо сделать все, что в моих силах, чтобы приговор был иным.

Магистр пустоты развернулся и удалился так же бесшумно, как появился. И только тогда зал загудел улеем, зажужжал тысячей голосов. Я смотрела на Анри, а он смотрел на меня. Еще три дня.

Анри увели. Судьи также покинули зал заседаний, и я осторожно пробралась к выходу.

Где же ждать Пьера? Пойти домой? Или...

— Вот ты где! — довольный Лафир перехватил мою руку. — Что ж, чудеса случаются, да? У нас есть еще немного времени, а время сейчас жизненно необходимо. Я попытаюсь лично побеседовать с этой девицей, Марицей. Уверен, она получила хорошую сумму за ложь. Или же ей пообещали нечто иное? В любом случае, есть возможность узнать. Эй, Полли, что молчишь?

— Испугалась, — призналась честно. — Мне кажется, мы уже сталкивались с магистром Эйлеаном.

— Где? — изумился Пьер.

— Просто на улице возле... возле нашего дома, — решила не упоминать про визит к судье.

— Брось, магистры по улицам не ходят. Наверное, это был кто-то из теней.

Тенями называли служащих магистрата пустоты. Таких было немного, и их боялись так же, как и самого магистра.

— Да, ты прав. Видимо, я ошиблась.

— Пойдем же! Филипп там с ума сходит. А твой жених молодец. После застенок тайной службы — еще и огрызается. Начинаю понимать, почему тебе так хочется его спасти.

Да, надо спешить. Я сжала локоть Пьера, позволила ему вывести меня из толпы. Времени мало — эта мысль билась и билась в голове. Что делать? Что же мне делать? Если бы не магистр пустоты, судья вынес бы обвинительный приговор. Судья! Кожа покрылась мурашками.

— Что с тобой? — встревожено спросил Пьер. — Не беспокойся, Полли, я постараюсь за эти три дня найти то, что позволит спасти твоего жениха.

— Я тоже. Тоже постараюсь, Пьер, — ответила тихо. — Не уверена, что получится, но ради этого я готова на все.

И пока Пьер снова не начал задавать вопросы, скрылась в нашем доме. Филипп, ожидаемо, вынесся в коридор еще до того, как мы сами вошли в квартиру.

— Что? — только и спросил он, бледный, взвинченный. Вокруг Фила будто пульсировала темная магия.

— Приговор не вынесен, — ответила я, — идем, расскажу.

И увлекла мальчишку за собой в спальню. Мы сидели рядом на кровати, и я пересказывала события последних двух часов. Фил не задавал вопросов. Он слушал так внимательно, что иногда хотелось помахать рукой перед лицом, чтобы проверить, не уснул ли он. Лишь когда услышал о вмешательстве магистра пустоты, ахнул от изумления.

— Что, живописуешь, каким я был молодцом? — заглянул в комнату Пьер.

— Ты был превосходен, — искренне признала я.

— Так может, увеличим мой гонорар?

Я только рассмеялась, ведь понимала, что Пьер шутит, и для него дело Анри по какой-то причине стало таким же важным, как и для меня.

— И все-таки я не понимаю, — прервал Фил нашу перепалку, — зачем магистру Эйлеану вмешиваться в это дело?

— Может, он сам заинтересован, чтобы настоящий убийца светлейшего получил по заслугам? — предположил Пьер.

— Я тоже так подумала. Но что-то не дает покоя. Однако, хорошо, что он появился, иначе...

О том, что могло бы случиться уже сегодня, думать не хотелось. Я устала, морально и физически. И была еще одна мысль, которая не давала покоя. Но мне надо было принять решение. Одно-единственное, судьбоносное. И, кажется, я готова была его принять.

Глава 12

Весь следующий день я провела, будто в бреду. Всю ночь снился Анри — такой, каким я увидела его на суде. Измотанный, но сильный до последнего. Он звал меня, а я не могла ответить, потому что нас разделяли тюремные стены. И хотелось выть от бессилия что-то изменить. Утром ощущала себя больной. Пьер убежал еще на рассвете. Кажется, он всерьез вознамерился за три дня сделать невозможное, и я была благодарна ему за это. За то, что не оставил. Что рискнул своей карьерой защитника, которой такое спорное дело могло серьезно навредить. Он стал для меня настоящим другом, тем человеком, на плечо которого можно опереться в случае любой беды. Время перевалило за полдень. Я в деталях вспоминала суд, каждый жест, каждое слово и понимала: несмотря на вмешательство магистра пустоты, шансов мало. Наш неведомый враг сделал все для того, чтобы Анри казнили. В том, что показания Марицы куплены, я не сомневалась. Вот только как доказать это суду? Точнее, одному конкретному судье.

Ближе к вечеру я решилась. Сложнее всего было обмануть Фила. Он бродил за мной попятам, а я, в отличие от Пьера, не владела сонными заклинаниями.

— Пойду, пройдусь немного, — надоело мысленно изобретать причину.

— Я с тобой! — тут же откликнулся Филипп.

— Не стоит, тебя же по-прежнему ищут. Я скоро, обещаю.

Он мне не поверил, это было заметно по тяжелому взгляду, но возражать не стал. А я чувствовала себя лгуньей и предательницей, но мне надо было еще раз поговорить с судьей Вайхесом, объяснить... Может, он все же выслушает меня? Надежда была слишком маленькой, но я хваталась за любую. Если мне удастся переманить верховного судью на свою сторону, Анри оправдают.

Дорога уже показалась знакомой, только на этот раз мне не встретился мужчина в сером балахоне. Видимо, вмешательство магистра пустоты в мою судьбу было исчерпано на ближайшие три дня. Я дошла до знакомых ворот, взяла в руки молоточек, глубоко вдохнула воздух и постучала. Дверь открылась почти сразу, будто меня и ждали.

— А, юная мадемуазель Лерьер, — усмехнулся судья Вайхес и окинул меня сальным взглядом, таким откровенно похотливым, что захотелось немедленно уйти, и я с трудом заставила себя остаться. — Рад вам безумно. Входите.

И пропустил меня в дом. Только на этот раз повел не в парадную гостиную, а на второй этаж. Там тоже находилась гостиная, но гораздо меньше, уставленная мягкой мебелью — широким диваном и креслами.

— Вина? — предложил судья.

— Не стоит, — я подавила предательскую мысль выпить для храбрости. — Я пришла поговорить с вами. И надеюсь, что наш разговор надолго не затянется.

— Слушаю вас, мадемуазель.

И судья облизал сухие губы. Я сглотнула.

— Причина моего визита все та же, — ответила тихо. — На суде я заметила, что вы предвзято относитесь к этому делу.

— Что вы себе позволяете? — картинно возмутился судья.

— Я не желаю вас обидеть. Но Анри невиновен, вы сами видите.

— Доказательства свидетельствуют против него.

— Прямых доказательств нет. Я прошу вас, месье Вайхес. Я вас умоляю! Будьте справедливы.

Гастон поднялся и прошелся по комнате. Затем взял со стола пустой бокал и все-таки наполнил его вином, отпил глоток и поставил на место.

— А теперь послушайте меня, мадемуазель Полина, — начал он. — Вмешательство магистра Эйлеана выгадало вашему жениху еще три дня жизни. Но я расскажу вам, как будет проходить суд. Вместо трех голосов — четыре голоса. Если будет расклад три против одного магистра, граф Вейран все равно умрет.

— А если будет два на два? — спросила я.

— Тогда мы будем искать компромиссное решение. И, надеюсь, его найдем. Впрочем, я мог бы поговорить с коллегами, если бы вы сами были сговорчивее. Но, видимо, ваши чувства к Вейрану недостаточно искренни, раз вы не готовы идти на жертвы ради него.

— Давайте обсудим условия.

В чем-то судья был прав. Если есть хотя бы призрачный способ спасти Анри, я должна согласиться. И пусть потом сам Анри возненавидит меня, зато он будет жив.

— Вот так бы сразу, — усмехнулся Вайхес. — Мои условия вам известны. А я проголосую за оправдательный приговор для вашего жениха. Более того, в качестве жеста доброй воли я готов устроить вам встречу. Вы ведь хотите видеть Анри, Полина?

— Да.

Хотела больше всего на свете. Лицом к лицу, а не в тюремной клетке. Сказать, что люблю, что всегда буду любить. Обнять хотя бы на мгновение. Что мне терять? Честь? Я опустила глаза, чтобы судья не увидел слез.

— Я согласна.

— Так и знал, что вы умная девочка, Полли. Идите за мной.

Я поднялась с дивана на ватных ногах. Стены и пол менялись местами, и казалось, что вот-вот упаду.

— Идемте же. Поторопитесь, у меня не так много свободного времени, как у вас.

Мы миновали пару дверей, и судья толкнул третью. Ожидаемо, за ней находилась спальня. Темные тона, крепкая мебель, кровать под бордовым покрывалом. Все въелось в память, и год спустя я смогла бы описать, как Вайхес стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня так, что даже одетой хотелось прикрыться.

— Раздевайтесь.

Пальцы не слушались. Я не могла справиться с завязками, и судье пришлось помогать мне. Каждое его прикосновение отзывалось тошнотой. Но вот платье сползло на пол, и я осталась в тонкой сорочке, чулках и белье. Вайхес подошел ближе, провел пальцами по шее, заставляя запрокинуть голову.

— Вашему жениху повезло, — сказал он. — Не каждая решится на такое, далеко не каждая. Не беспокойтесь, об этом никто не узнает. Разве что ваш будущий муж, если не будете достаточно осторожны в первую брачную ночь.

Я отстранилась. Что я делаю? Надо уйти, бежать, но судья перехватил меня и с силой толкнул на кровать, а сам навалился сверху. Узловатые пальцы зашарили по телу, срывая сорочку, касаясь кожи. Я зажмурилась. Не думать. Думать о чем угодно, только не об этом.

— Смотри на меня, — обжег приказ.

Я открыла глаза. Мерзок, как же этот человек был мерзок! Каждое его прикосновение, каждое движение вызывало рвотный позыв. Я не представляла, как буду жить после этого, но подчинялась, потому что выбраться уже не смогла бы. А судья вспотел и покраснел. Его руки были везде. Я кусала губы, отворачивалась, но он заставлял смотреть на него снова и снова, ни на минуту не забывая, где я и с кем. Затем пришла боль. Я вскрикнула, дернулась, но разве кто-то меня отпустил? По щекам катились слезы. Я умоляла судью остановиться, но он двигался резко, прерывисто, и боль разрасталась, заполняя каждую клеточку тела. А затем все закончилось.

— Ванная там.

Вайхес, вальяжно развалившийся на смятой постели, махнул рукой. Я подхватила с пола белье и скрылась за дверцей. Меня душила истерика. Я сползла на пол, прижимая к себе сорочку, и рыдала так, что не хватало дыхания. Больно! Как же больно! Открыла кран. От воды повалил пар, и я так терла себя мылом, что, казалось, сниму кожу. Затем поспешно оделась и вернулась в спальню. Вайхес не сменил позу. Под его жгучим взглядом я надела платье.

— Жду вас завтра, мадемуазель. Около восьми вечера, не стоит вам лишний раз попадаться на глаза городской страже. Я отвезу вас к жениху.

Я ничего не ответила, только побежала прочь. Земля горела под ногами. Домой! Еще раз смыть с себя этот ужас, забыть. Разве я смогу забыть? Нет, никогда. Что же я наделала! Можно было сколько угодно говорить себе, что все — ради спасения Анри, только это почему-то не помогало. Если Анри узнает, он сам от меня откажется, и будет прав. Зачем я ему теперь?

Когда до дома оставалось пару минут, остановилась, перевела дыхание. Нельзя! Нельзя, чтобы Пьер и Филипп видели меня такой. Поправила платье, пригладила растрепанные волосы.

Не плакать. Главное — не плакать. Я медленно пошла к двери. В нашей квартире царил полумрак. Да, время было позднее. Вернулся ли Пьер? Может, нет? Но моя надежда не сбылась, он был дома и ждал меня, потому что в коридоре загорелся маленький светлячок.

— Пьер? — отшатнулась я.

— Где ты была? — спросил он устало.

— Я? Гуляла.

— Не ври! Не надо считать меня последним глупцом. За мной.

И почти толкнул меня в свою комнату, плотно закрывая дверь. Я села на стул, не зная, куда прятать глаза от стыда. Чудилось, будто горю заживо. Больно... Пьер сел напротив. Я боялась на него взглянуть, прочитав на лице осуждение, но он заговорил первым:

— Филипп рассказал мне о записке от маркиза Авертаса. Он, конечно, не хотел этого делать, но я заставил. Ты говорила с судьей?

— Да, — ответила чуть слышно.

— И согласилась?

Я всхлинула и закрыла лицо руками. Значит, не я первая, раз даже Пьер знает, какие условия ставит судья Вайхес. Рыдания душили меня, дыхание прерывалось. И я никак не ожидала, что на плечи опустятся теплые руки, и Пьер прижмет меня к себе, пересадит на свой диванчик.

— Глупая девочка. — Он гладил меня по голове, как маленькую. — Что же ты наделала? Думаешь, этот человек сдержит слово?

— Я не знаю... Я не...

— Тише, — шептал Пьер. — Не плачь. Сделанного все равно не воротишь. Может, ты поступила и правильно. Не мне судить, у меня никогда не было человека, за которого хотелось бы отдать жизнь. Скажу одно — если ты не сумеешь переступить через это, погибнешь. Поэтому будь сильной, Полина. Будь сильнее, чем этот проклятый судья, которому самое место в вечном пламени. Ты должна справиться. Слышишь? Тебе есть, ради кого жить.

Я постепенно успокаивалась. Видимо, Пьер применял на мне какую-то магию, потому что слезы иссякли, и внутри воцарилось странное безразличие. Ничего — ни боли, ни страха, ни отвращения.

— Это надолго? — спросила спокойно.

— Нет, только до утра. Что тебе пообещал Вайхес?

— Что на суде примет сторону Анри и даст с ним увидеться завтра. Если я увижу Анри, что мне необходимо у него узнать?

Эмоции схлынули, остался холодный расчет. И раз уж дело сделано, надо извлечь из него максимальную пользу.

— Спроси, знает ли он, кто это сделал, — ответил Пьер. — Любые подозрения, любые намеки, даже самые незначительные. Меня к нему не пустят, но ты можешь узнать что-то

важное. И скажи, чтобы не сдавался. Еще рано. Я, кстати, пытался поговорить с Марицей, но по адресу, который мне указали, она не появлялась уже пару дней. Что-то здесь нечисто. Завтра продолжу поиски. Во сколько ты пойдешь к Анри?

— В восемь вечера я должна быть у судьи.

— Я провожу тебя. И буду ждать у дома, пока вернешься. Не верю этой мрази. А теперь ложись спать. Сон — лучшее лекарство.

Я кивнула, будто тело было не мое, и поднялась с диванчика, но Пьер удержал меня:

— Спи здесь, не буди Филиппа, я снова истратил на него весь заряд сонного заклинания.

— А ты? — Мысль отказаться даже не мелькнула в голове.

— Мне надо поработать, я не буду мешать.

Пьер зажег светильник на столе, придвинул к себе бумаги и чернильницу, а я забралась под тонкое одеяло и закрыла глаза. После его заклинания все случившееся казалось не более чем ступенью к освобождению Анри. Да, утром все встанет на свои места, но сейчас постаралась уснуть. Ничего, Пьер прав. Рано или поздно этот негодяй Вайхес получит по заслугам. Все получают. И тот, кто убил Таймуса. И тот, кто обвинил в этом Анри. И даже главный дознаватель. Справедливость должна настичь каждого. И, каким бы ни был приговор, я сделаю все, чтобы так оно и было.

Глава 13

Я проснулась в чужой комнате, осмотрелась по сторонам, не понимая, что здесь делаю — и вдруг все вспомнила. Тошнота накатила волной, и я кинулась в уборную. Казалось, что душа вот-вот расстанется с телом. Лучше бы Пьер не применял свою странную магию! Я бы уже осознала. Не успокоилась бы, нет, но хотя бы поняла всю неотвратимость того, что произошло. А сейчас меня выворачивало наизнанку. Я едва нашла в себе силы подняться на ноги. Штатало из стороны в сторону, и когда добралась до кухни, чтобы попить воды, ко мне кинулся испуганный Филипп.

— Полли? — подхватил, не давая упасть. — Что случилось? Пьер сказал, ты приболела.

— Да, немного, — вытерла ладонью взмокший лоб. — Налей воды, пожалуйста. Это все нервы из-за суда.

Если бы из-за суда! Глаза защипало от слез, но я вцепилась в стакан и мелкими глотками пила воду.

Нет, не при Филе. Он догадается. Мне казалось, что произошедшее накануне выведено на лбу красной краской. Было стыдно и горько, и противно. Но уже ничего нельзя было исправить.

Оставалось только надеяться, что судья сдержит слово. Как же мне смотреть в глаза Анри?

— Тебе лучше лечь. — Фил протянул мне руку, помогая подняться, и довел до спальни. Я упала на кровать и закрыла глаза. Шевелиться не хотелось. Жить — и то не хотелось.

Исчезнуть, уснуть. Но сначала — увидеть Анри. Поэтому ближе к вечеру я сползла с кровати.

Фил все это время не сводил с меня глаз. Вот и сейчас тут же бросился ко мне.

— Все в порядке, — поторопилась его успокоить. — Мне надо переодеться.

— Куда ты пойдешь в таком состоянии? — воскликнул он.

— К Анри... Пьер договорился, чтобы нам устроили встречу.

Прости, Пьер, что вовлекла в свою ложь. Сам Пьер оказался легок на помине — в эту самую минуту хлопнула входная дверь, и появился наш друг. Он выглядел серьезным и сосредоточенным. Тут же выпроводил из комнаты Фила, чтобы я могла переодеться, и было слышно, как они о чем-то разговаривают на кухне. Я выбрала темно-зеленое платье, собрала волосы в косу, накинула шаль. Меня знобило так, что руки дрожали, как у больной. Вышла из комнаты — и разговор тут же стих.

— Нам пора, — засуетился Пьер. — Филипп, вернемся через пару часов.

— Хорошо. Скажите Анри, что я жив и здоров. Он там, наверное, с ума сходит.

— Обязательно, — пообещала, быстро обнимая Фила, и поспешила к двери. Путь до дома судьи казался даже привычным. Пьер шел рядом, и я все ждала, когда он заговорит.

Наверное, дела плохи, раз он вдруг стал будто другим человеком.

— Случилось что-то? — спросила тихо.

— Да, — ответил он. — Не хотел еще больше тебя огорчать, но повторно допросить Марицу не выйдет.

— Почему? — удивилась я. — Она уехала из города?

— Нет. Она мертва. Её тело обнаружили сегодня днем на дне одного из каналов. Говорят, несчастный случай. Сорвалась в воду, ударилась о камни. Но мы ведь с тобой понимаем, что это не так.

— От неё избавились, — хрипло прошептала я, вспоминая хорошенькую девушку, которая оклеветала Анри.

— И на суде скажут, что избавились от неё мы. Надо быть предельно осторожными, Полли. Я бы советовал тебе отменить визит в тюрьму, но... понимаю, что ты этого не сделаешь. Да и вдруг граф Вейран подтолкнет нас в нужном направлении? Я буду ждать тебя здесь же. Пьер остановился на углу дома. Всего один поворот — и окажешься перед воротами судьи. Мне снова затошнило. В памяти всплыли липкие прикосновения пальцев, губ.

— Тише. — Пьер опустил руку на плечо. — Тебе придется жить с этим, Полли, но не дай случившемуся сломить тебя. Иди.

— Спасибо.

Я сделала несколько шагов, которые отделяли меня от мучителя. Постучала. Дверь открылась быстро — судья меня ждал.

— Входите, мадемуазель. — Его губы расплылись в сальной улыбочке.

— Нет, я подожду вас здесь, — ответила поспешно.

— Что же вы так? Не бойтесь. Я — честный человек.

— Хочется верить. Идемте же.

Вайхес взглянул на меня как-то по-особенному, закрыл за собой дверь и увлек на улицу.

Экипаж ждал неподалеку. Мне было страшно в него садиться, но и не сесть я не могла.

Скоро я увижу Анри. Пусть только это будет важным.

Заскрипели колеса. Судья сидел рядом со мной и разглядывал так, будто желал проглотить. Его рука скользнула на мое колено.

— Не надо, — отодвинулась я. — Вчера мы с вами все решили.

— Не будьте такой жестокой, Полли. Неужели вам не понравилось?

Я промолчала. Молчи, Полина, молчи! Еще немного. И как только экипаж остановился, тут же спрыгнула на землю, не дожидаясь Вайхеса.

— Не спешите так, без меня вас никуда не пустят, — полетел в спину каркающий смех.

Мы стояли у городской тюрьмы. Я почти не бывала в этом районе города, а само черное здание с узкими зарешеченными окошками видела во второй раз в жизни. Даже смотреть на него было страшно. Сердце ухало о грудную клетку. Казалось, что вот-вот упаду в обморок.

— Идите за мной, мадемуазель Лерьер.

А если Гастон заманил меня в ловушку? Если в стенах тюрьмы уже ждут палачи, чтобы допросить по всей строгости? Я закрыла лицо капюшоном, чтобы никто не видел, как срываются слезы с ресниц. Сейчас узнаю, права я или нет.

Судья замер у кованых дверей, гулко постучал. Скрипнуло, открываясь, окошко. Кто-то взглянул на нас сквозь решетку — и распахнул дверь.

— Ваша милость, — поклонился он Вайхесу.

— Полно, — махнул тот рукой. — Я пришел по делу. Эту мадемуазель нужно проводить к заключенному.

— Сделаем, ваша милость.

И комендант, если судить по форме, подобострастно поклонился и поманил меня за собой:

— Идемте, мадемуазель. Смотрите под ноги, ступеньки у нас крутые.

Смотреть под ноги? Я чувствовала, как схожу с ума! Пол будто менялся с потолком в бесконечной пляске. Вайхес остался в маленькой комнатухе, куда пригласил его комендант, а мы двинулись вдоль узкого коридора к винтовой лестнице, а потом — вниз, вниз, куда-то на подземные уровни. Здесь пахло сыростью и плесенью. С потолка то и дело капала вода, попадала на одежду. Вдруг тишину пререзал чей-то истошный крик. Я вздрогнула, но комендант миролюбиво усмехнулся:

— Да, вот так и работаем, мадемуазель. Никакого покоя.

Я опустила глаза. С каждым шагом адти становилось все тяжелее. Звук шагов по тюремным плитам казался инородным, чужим. Наконец, комендант остановился перед маленькой зарешеченной дверкой. Сначала заглянул внутрь через окошко, затем открыл тройной засов и отпер замки.

— Входите, — сказал мне. — У вас четверть часа, не больше. И то, скажите спасибо его милости.

— Благодарю, — пробормотала я и шагнула в камеру. Здесь царил жуткий запах. Откуда-то тянуло испражнениями. Вонь смешивалась с сыростью, и к этому амбре примешивался едва уловимый запах крови и пота. Анри я поначалу не увидела — светильник был слишком тусклым. Но вдруг у противоположной стены кто-то зашевелился.

— Полина?

Этот голос я узнала бы из миллиона!

— Анри! — вскрикнула, не помня себя, и бросилась к нему. Да, это был он, мой Анри, судья не солгал.

— Полли, что ты здесь делаешь? — Анри не верил своим глазам, а я старалась не смотреть на его жуткую одежду, едва зажившие раны на теле. Только прижалась к нему и затихла, впитывая знакомое тепло.

— Я сплю? — спросил он.

— Нет, нет. — Я подняла голову. — Один из друзей отца... помог устроить эту встречу.

Лгать становилось все проще. Но сейчас это было необходимо, и я мысленно просила прощения за все, что натворила. Я не имела права находиться рядом с ним. Не после того, как отдалась чужому мужчине. Только глупое сердце все равно пело и тянулось к тому, кого я любила.

— Анри, — прикоснулась к щекам, заросшим щетиной. — Милый мой, любимый, хороший. Целовала упрямые губы, щеки, лоб. Думала, что задохнусь от счастья.

— Это так необдуманно, Полли, — выговаривал он.

— Да, да, знаю, — шептала в ответ и продолжала целовать, обнимать, впитывать каждое прикосновение. И Анри целовал меня в ответ. Его сухие губы пылали, я чувствовала идущий от него жар. Ничего, скоро все останется позади. Мы выберемся.

— Полли...

Он первым нашел в себе силы отстраниться. Да, нам надо было поговорить, потому что другого случая до нового слушания уже не будет.

— Как ты? — спрашивала я.

— Хорошо.

Ложь, еще одна ложь, теперь уже с его стороны. Но чего я ожидала?

— Я так хотел тебя видеть.

— Я тоже, — сжала его руки. — Все будет хорошо, Анри. Я ни за что не сдамся!

— Не надо, Полли. Будь осторожна, не вмешивайся в это.

— Я уже вмешалась.

Анри качал головой и смотрел на меня, как в последний раз. А мне хотелось плакать и смеяться одновременно. Все дурное забылось, пока он находился рядом.

— Люблю тебя, — прошептала самое главное.

— И я тебя, Полли.

— Кто это сделал, Анри? Кому понадобилось, чтобы ты очутился в тюрьме?

— Я не знаю. — Он качал головой. — Не знаю, Полли. Тот день был самым обычным, не считая болезни напарника. Но он часто покидал службу под предлогом болезни, я даже не удивился.

— Хоть что-то, Анри! Что-то, что поможет нам найти убийцу.

— В кабинете никого не было, Полли. Только магистр Таймус и я. Лишь одно...

— Что?

— Зеркала. Они будто покрылись инеем, но я не думал об этом, кинулся к магистру, а когда взглянул на них снова, все было в порядке.

Могло ли это быть заклинание, заблокировавшее память зеркал? Надо сказать Пьеру.

Вряд ли эта магия доступна всем и каждому.

— Полли, скажи... — Анри отвел глаза. — Что случилось с семьей? Мне сказали, что родители мертвы.

Я не знала, что ответить. Правду? Только не сейчас, когда он сам на волосок от смерти.
— Они погибли, — сказала тихо. — Но давай вернемся к этому разговору после, хорошо? Тоненькая ниточка надежды, что это «после» настанет.
— А Филипп? Ты не знаешь, где он? Он же не...
— Его там не было. Мы с ним случайно встретились. Ты не беспокойся, Фил со мной, я присматриваю за ним. Он очень волнуется и передавал, что жив, здоров и ждет тебя. И твоя мама... Я говорила с ней в тот день, когда она погибла. И она хотела, чтобы ты знал: родители ни на минуту не поверили в твою вину.
Анри отвернулся. Я не представляла, что творилось в его душе. Все эти дни неизвестности, мои слова. Но самое страшное было еще впереди.
— Спасибо, — сказал он. — И все-таки тебе не надо было рисковать и приходить сюда, Полли. Им все равно, кого казнить вместе со мной.
— Мы этого не допустим! — обещала и ему, и себе.
— Никому не нужна правда, Полли. Нужен кто-то, кого можно было бы выдать людям, как убийцу. И это я.
Я прижалась к Анри. Его сердце билось быстро-быстро — так же, как и мое собственное. Неужели выхода нет? Но судья обещал... Обещал ведь!
— Что бы ни случилось, чем бы все ни закончилось, — шептал мне Анри, — будь счастлива, Полли. Забудь обо всем, что происходит сейчас.
— Я не смогу!
— Сможешь. Так надо. Я хочу, чтобы ты была счастлива.
— Без тебя — ни за что.
Снова принялась целовать его. Времени оставалось все меньше, а сказать хотелось так много, но слова будто выветрились из головы. Ничего не осталось. Только тепло любимых рук. И я цеплялась за Анри, боялась отпустить — и понимала, что придется. Когда лязгнула, открываясь, дверь, внутри будто что-то оборвалось.
— Люблю тебя. — Анри нашел в себе силы улыбнуться. — Очень тебя люблю.
— И я тебя, — сказала в ответ. — Увидимся на суде.
Он кивнул. Можно подумать, у нас есть выбор.
— Пора, мадемуазель, — кашлянул комендант. — Ваш спутник уже заждался.
Я в последний раз обняла Анри и поспешила к двери. Не оборачиваться! Только не оборачиваться, иначе не выдержу. В горле стоял комок слез, но глаза оставались сухими. Прости меня, Анри. Прости за предательство, но это — единственный способ тебя спасти. Взбежала вверх по лестнице. Судья ждал у выхода.
— Вы долго, — недовольно сказал он.
Я не ответила. Вайхес понял, что ничего больше не добьется, и пошел к двери. Я последовала за ним. Вскоре тюрьма с её ранами-окнами осталась позади. На обратном пути судья молчал, и я была благодарна за это. Наверное, видел по лицу, что разговаривать я не могу. Экипаж остановился у его дома.
— Спасибо, — сказала я. — Надеюсь, вы сдержите слово.
— Не сомневайтесь, мадемуазель, — усмехнулся он. — До встречи.
Я вышла из экипажа и почти побежала туда, где ждал Пьер. Он, как и обещал, не сошел с места.
— Полли! — шагнул ко мне, как только появилась из-за угла. — Ну что?
Я покачала головой. Слов по-прежнему не было.
— Анри не знает, кому понадобилось от него избавляться, — ответила минуту спустя. — Но когда он вошел в кабинет Таймуса, на всех зеркалах была изморозь.
— Изморозь, говоришь?
Пьер задумался. Он протянул мне руку и увлек к дому. Я беззвучно плакала. Наверное, после событий последних дней способность лить слезы утрачу вовсе. А Пьер шел рядом и молчал. Хотелось спросить, что это могло значить, но не было сил.
Так мы и шли рядом, но будто бесконечно далеко друг от друга. Я устала, так бесконечно устала, что вся тяжесть мира опустилась на плечи. Пьер же казался непривычно задумчивым. Он вглядывался в окружавший нас полумрак, будто желал найти в нем нечто, что помогло бы нам. Ничего так и не нашел.

Дома тоже царила тишина. Только из-под двери спальни лился тусклый свет. Филипп не спал. Да и кто бы сомневался? Я приоткрыла дверь. Он стоял у окна — кажется, скоро это стекло заменит Филу весь мир. Подошла ближе, опустила руку ему на плечо. Фил не обернулся.

— Я говорила с Анри, — решила начать разговор сама. — Он в порядке, насколько это возможно. Очень беспокоится о тебе. Вот только о нашем предполагаемом преступнике ничего не смог сказать. Помнит лишь, что все зеркала в кабинете покрыла изморозь, а в следующую минуту они уже были самыми обычными.

— Изморозь? — обернулся Фил. — Это значит...

— Да, это значит, что я ошибся, и мы имеем дело не со светлой, а с темной магией, — из-за моей спины ответил Пьер. — И не совсем обычной. С зеркалами работает достаточно ограниченное число магов. Чаще всего это — приближенные магистра тьмы и студенты всего одной магической гимназии во всей Гарандии.

— Почему так? — спросила я.

— Зеркальный мир хрупок и опасен. Работать с ним тяжело, высок процент смертности. Заблудишься в лабиринтах — и уже никогда не выберешься. Поэтому отбор в гимназию крайне строг, а выпускники без усилий попадают в список темного магистра.

— Я не знала.

— Я знал, — откликнулся Фил. — Отец рассказывал мне. Её еще называют «Черная звезда».

— Именно, — согласился Пьер. Он был сегодня излишне задумчив, а я настолько растерзана эмоциями, что почти не обратила на это внимания. Больше думала о странном учебном заведении, куда есть ход только избранным. Значит ли это, что убийца магистра — непременно кто-то из выпускников? Или, может, магией зеркал овладел кто-то посторонний?

— Зато слова Анри дают нам предположить, что убийца проник в кабинет не через окно, как я думал, — продолжил вскоре Пьер, — а сквозь зеркало. Именно поэтому он в нем не отразился. Я уеду завтра утром, вернусь к вечеру. Хочу поговорить со старыми знакомыми. Если вдруг задержусь, пропуск будет лежать у меня на столе, возьмишь, Полли.

— Снова один? — возмутился Филипп.

— Да, один, — сурово ответил Пьер. — Нечего тебе делать на суде. Хочешь оказаться рядом с братом?

Мальчишка опустил голову. Резкий ответ, но правдивый. Филиппу действительно не стоило появляться рядом с Анри, это было слишком опасно.

— День был тяжелый. — Пьер первым заметил, что я едва держусь на ногах. — Давайте ложиться спать. Обещаю, я разузнаю все, что смогу, о тех, кто мог открыть зеркальный переход в магистрате. Спокойной ночи.

И удалился, насвистывая под нос какую-то песенку, а мы с Филиппом остались вдвоем.

— Скажи, Полли, — обернулся он ко мне, — как думаешь, Анри отпустят?

— Обязательно, — ответила я. — Иначе и быть не может.

— А если нет? Что тогда? Что с нами будет?

— Не думай об этом, — обняла его неловко. — Не думай, Фил.

Он промолчал. Только выбрался из объятий и лег, повернувшись лицом к стене. Я тоже почувствовала себя обессиленной, поэтому быстро сменила платье и забралась под одеяло. Сон не шел. Вместо сна перед глазами стояло бледное лицо Анри. И я снова задавала себе тот же вопрос, что и Фил. Сдержит ли слово судья? Удается ли нам помочь Анри? И если не удастся — как нам жить дальше?

Глава 14

Оставшийся до суда день прошел так, что позднее я не могла вспомнить, как ни пыталась. Все было будто в полудреме — я сама, мир вокруг, сузившийся до размеров комнатухи. Пьер, как и говорил, куда-то уехал, и мы с Филом остались вдвоем. А возникало такое

чувство, что одна, потому что мы сидели и молчали. Когда за окнами стемнело, а Пьер так и не вернулся, я поняла, что нервничаю. Кто будет защищать Анри, если не Пьер? Я была уверена, что если защитник оставит нас, то плохи наши дела.

Светало... Я лежала и смотрела на первые лучи солнца, скользящие по полу спальни. Сегодняшний день решит все. Понимала это как никогда ясно. Либо Анри оправдают, и мы будем вместе, либо осудят, и тогда моя жизнь тоже закончится. Не выдержала пытки тишиной, поднялась и пошла в ванную комнату. Поплескала в лицо холодной водой, стало немного легче. Затем, стараясь не разбудить Филиппа, тихонько оделась. До полудня еще шесть часов. Что же мне делать?

Есть не хотелось. Заставила себя выпить чашку травяного отвара — и то только потому, что слегка подташнивало от нервов. Взглянула на часы — стрелка будто забыла, как двигаться. Скорее бы... Хватит этой неопределенности. А Пьера все не было.

Полчаса спустя в кухню притаился Филипп. Он выглядел откровенно скверно. Скорее всего, уснул ближе к утру. Ночью я несколько раз слышала, как он ворочался.

— Пьера нет?

Ни «доброе утро» — хотя, какое оно доброе? Ни «здравствуй». Только вот это отрывистое: «Пьера нет?»

— Нет, — ответила я.

— Понятно.

Что ему понятно, уточнять не стала. Филипп, как и я, выпил чашку чая. На меня он не смотрел, а я не знала, что ему сказать, как поддержать. Наверное, потому что сама нуждалась в поддержке и сходила с ума от ужаса.

— Пора собираться, — сказала и ему, и себе.

Надела то самое зеленое платье, самое скромное из имеющихся в гардеробе, и шляпку с вуалеткой. Пьер не придет. Может, он будет ждать в зале суда? Тешила себя хрупкой надеждой, но, увы, шансов было крайне мало. Что-то случилось? Или... или он просто сбежал?

Но эта мысль настолько не вязалась с самим Пьером, что я гнала её прочь. Нет, Пьер бы нас не оставил. Он не такой.

Около одиннадцати часов захватила пропуск, попрощалась с Филом и медленно пошла к залу суда. Ноги не желали двигаться, в голове царил туман. Я показала пропуск на входе и заняла то самое место, которое отвели мне в прошлый раз. Огляделась по сторонам. Почему вдруг решила, что Пьер будет здесь? Неужели и он тоже... А если с ним что-то случилось? Если слишком ретивого защитника решили устранить? Сотни маленьких «если» иголочками впивались в мысли. Вот и полдень... Пьер не пришел.

С последним ударом часов в зале появились судьи. На этот раз среди знакомого трио была зловещая фигура в сером балахоне. Несмотря на то, что магистр пустоты решил помочь Анри, при одном взгляде на него хотелось осенить себя защитным знаменем. Я чувствовала себя пустой и жалкой. Даже Пьер покинул нас. Значит, все кончено?

— Извините, — вдруг запыхавшийся Пьер появился в дверях зала. — Опоздал немного.

Он почти навалился на тумбу, предназначенную для защитника, отыскал меня глазами и растерянно улыбнулся. Это значит, он что-то нашел? Или просто хочет меня поддержать? Но судьи не собирались ждать, пока я решу собственные проблемы с Пьером. На Вайхеса было больно даже смотреть, и к горлу сразу подкатывал ком.

Отворилась другая дверь, и в зал ввели Анри. Я отметила, что он выглядит хуже, чем при нашей встрече. Снова пытались выбить признание? Мрази. Другого слова не находилось. Анри держался, но все больше смотрел в пол, чем на окружающих его людей. Лишь на миг вскинул голову, стараясь отыскать меня взглядом. Потому что, кроме меня, больше некого. Так как я сидела там же, на миг наши взгляды пересеклись, но Анри тут же толкнул в спину, чтобы не задерживался. Он расправил плечи. Рано сдаваться, рано.

Поначалу все происходило точно так же, как и на предыдущем заседании. Те же свидетели, те же вопросы. Мне даже казалось, что в повторном заседании не было никакого смысла.

Пьер оборонялся, как мог — даже храбрее, чем ранее. Вот только показания Милицы зачитали из протокола, ведь девушка была мертва.

— Приглашаем свидетелей защиты, — провозгласил Вайхес.

Их лица тоже поначалу были знакомыми. Они, как по замкнутому кругу, повторяли одно и то же. Как вдруг для дачи показаний вызвали совершенно новое лицо.

— Данатель Редер, профессор темной магии, — громко огласил Пьер.

Судьи переглянулись. Видимо, никакого темного мага они не ждали. А по залу уже шел невысокий, суховатый старичок, если слово «старичок» применимо к темному магу. Да, он был стар и сед, но глаза глядели весело и живо, и передвигался месье Редер быстрее многих молодых.

— Добрый день, месье Редер, — обратился к нему Пьер.

— Здравствуйте, — кивнул профессор.

— Прежде, чем я задам вам свои вопросы, я хотел бы задать один вопрос подсудимому.

Разрешите, ваша честь?

— Разрешаю, — нахмурился Вайхес, чуя подвох.

— Граф Вейран, опишите еще раз в подробностях, что вы увидели, когда ворвались в кабинет магистра Таймуса?

Анри покосился на меня.

— Я увидел самого магистра, — начал он. — Светлейший Таймус лежал на полу, я сразу подбежал к нему, но еще заметил, что зеркала покрывает изморозь. Склонился над магистром, а когда поднял голову, никакой изморози уже не было.

— Протестую, — послышался голос Дареаля. — Ложь, не основанная на доказательствах.

— Протест... — начал было Вайхес.

— Подождите! — перебил его Пьер, нарушая всякую этику. — Профессор Редер — ученый, который является автором множества заклинаний. И, что более важно, практикующим темным магом с мировым именем, у которого есть допуск в башню света. Месье Редер, расскажите, пожалуйста, что вам удалось выявить в результате осмотра места преступления.

— Протестую, — снова вмешался Дареаль. — Протокола осмотра нет в документах дела.

— Потому, что профессор завершил его всего час назад, — ответил Пьер. — Прошу присоединить его заключение к делу.

— Протест отклонен. — Вайхес как-то странно взглянул на Анри. Если он не сдержит слова, я умру.

— Так расскажите же, что вы увидели, профессор, — Пьер снова обернулся к Редеру.

— Я снял магические слепки нового образца с предметов в комнате, — заговорил Редер. Его голос был сильным и звучным, и совсем не вязался со старческой внешностью. — И особое внимание уделил зеркалам. На них удалось обнаружить следы затертого заклинания, которое носит название «ласенсио» и является экспериментальным. То есть, известно ограниченному кругу лиц.

— В чем суть этого заклинания? — спросил Пьер.

— Оно позволяет поразить человека магически на дальнем расстоянии через зеркало. То есть, преступник не обязательно должен был быть в комнате. Он мог прийти к магистру ранее, побеседовать с ним и, допустим, установить точку заклинания на зеркало в кабинете, в котором отражался рабочий стол магистра Таймуса, да примет его свет.

Судьи просматривали документы, подписанные профессором. Дареаль тоже изучил их с особой тщательностью.

— Скажите, профессор, — начал он, — откуда вы узнали об изморози на зеркалах, если ни на одном допросе граф Вейран не упоминал о ней?

— Я ничего не знал об изморози, — качнул головой Редер. — Меня попросили осмотреть место преступления. Я выполнил просьбу и искал не конкретно это заклинание, а остаточный след любого.

— Как можно определить время использования? Может, это заклинание было наложено раньше, или наоборот, должно было сработать позднее?

— Время? Зачем время, если есть тело магистра? Мы ведь с вами понимаем, что раз обнаружился остаточный след, значит, именно этот тип атаки стал причиной смерти магистра Таймуса. Другие остаточные следы в кабинете исключительно светлые, и они не атакующего, а защитного типа. А также присутствуют следы заклинаний исцеления.

— И все же, могли эти следы возникнуть уже после преступления? Потому что осмотр кабинета был проведен со всей тщательностью.

— Ласенсио крайне трудно обнаружить. Еще раз повторяю, это был эксперимент, который не должен был использоваться кем-либо.

— Кто имел доступ к заклинанию? — спросил Пьер.

— Ограниченное количество лиц. Около пятнадцати магов.

— Ваша честь, — обернулся Пьер к Вайхесу, — я прошу отстрочить слушание по данному делу, провести повторный осмотр места преступления и допросить тех магов, которые на момент совершения преступления находились на достаточном уровне дальности.

Судьи зашущукались. Я замерла, забыв, как дышать.

— Ходатайство отклонено, — вдруг произнес Вайхес.

Нет! Почему? Ведь открылись новые обстоятельства. Кажется, этот вопрос рвался с губ Пьера, и не только его, но и Дареаля, который внимательно прислушивался к словам профессора. А я помнила рассказ Пьера о зеркальных коридорах. Вдруг в кабинете обнаружатся остатки такого?

— Суд обладает достаточным количеством сведений, чтобы принять решение, — продолжил Вайхес.

А может, он решил сдержать слово и на этом завершить расследование?

— Ввиду того, что в заседании принимает участие сам магистр Эйлеан, предлагаю вынести решение прямым голосованием. Кто за то, чтобы признать Анри Вейрана невиновным в убийстве магистра Таймуса?

Фигура в сером балахоне подняла руку. Один из судей, месье Фаррон, засомневался, покосился на Вайхеса — и тоже поднял руку. Двое? Всего двое? Если бы сейчас Вайхес...

Он же обещал! Обещал, чтоб ему провалиться! Но Вайхес продолжил:

— Кто за то, чтобы вынести вердикт «виновен»?

И поднял руку, а за ним последовал и месье Клио. Я закрыла лицо руками. Зря, все зря! Я предала Анри. Ради чего? Ради того, чтобы сейчас Вайхес с торжеством смотрел в зал? Ради того, чтобы Анри казнили?

— Что ж, — вдруг заговорил магистр Эйлеан. — Два на два. Мы не можем признать Анри Вейрана виновным. Но и невиновным признать не можем.

— И что вы предлагаете, магистр? — спросил Вайхес, и было видно, как от злости ходят его желваки. Он не ожидал, что Эйлеан станет упорствовать, ведь всем известно — если приговор суда оказывается спорным, то предпочтение отдается виновности подсудимого.

— Раз мы не можем рассудить, убил ли месье Вейран магистра Таймуса, пусть это сделает высшая сила, — холодно произнес Эйлеан. — Мой приговор — пустота.

Анри вздрогнул. Я так сцепила пальцы, что затем едва смогла расцепить их. Пустота? Все знали, что магистр Эйлеан обладает властью куда большей, чем оба его коллеги, потому что у него в подчинении находится пустота — великое ничто. Врата пустоты находились в башне магистра, и его задачей было удерживать их силу. Никто не знал, что там, за вратам.

Никто, кроме самого магистра, ведь пустота лично выбирает своего служителя. И, в отличие от темного и светлого магистра, не с помощью атрибутов, а по способности сдерживать её натиск и не дать вратам распахнуться. Отправить Анри туда, за ворота? Это хуже, чем казнь.

— Объяснитесь, — потребовал Вайхес.

— Все просто. — Эйлеан едва заметно пожал плечами. — Если граф Вейран невиновен, а я верю, что это так, пустота выпустит его, рано или поздно. Если же граф действительно убийца, который не заслуживает пощады, он окажется в пустоте навечно. Поверьте, это будет наказание, соразмерное его проступку.

— Да будет так, — глухо произнес Вайхес.

Я вскрикнула и едва не упала. Меня поддержала какая-то дама — видимо, сочла, что перед ней — излишне впечатлительная особа. Сам Анри был белым, как мел. Он снова нашел меня глазами, и я читала в его взгляде плохо скрываемый ужас. За свои двадцать один я ни разу не слышала, чтобы кто-то возвращался из пустоты. Да и желающих войти в неё не находилось. Если такие и были, назад уж они точно не вернулись.

— Когда приговор будет приведен в исполнение? — спросил Вайхес.

— На закате, — ответил Эйлеан. — А теперь я удаляюсь. Чтобы открыть врата, мне необходимо подготовиться.

И пошел прочь. Я сидела, обхватив себя руками. Пропустила и тот момент, когда увели Анри. Нет, надо помешать этому! Сделать хоть что-нибудь!

— Идем, Полли, — раздался надо мной усталый голос Пьера. — Я отведу тебя домой. Домой? Сейчас? Ни за что! Как мне смотреть в глаза Филиппу? Что ему сказать? Нет, нет... Я не оставлю Анри одного. Я должна... Должна поговорить с магистром, убедить его... Или хотя бы быть рядом в момент казни.

— Я не пойду, — ответила глухо. — Прости, не могу. Мне надо побыть одной.

— Полли, не делай глупостей, — нахмурился Пьер. — Ты же слышала магистра. Если Анри невиновен, он вернется.

— Ты слышал, чтобы хоть кто-нибудь вернулся из пустоты? — скупой спросила я.

— Да.

— А я — нет.

Врет. Пьер врет, чтобы меня успокоить. Но мне не нужен такой покой! Я пока еще не знала, что стану делать, только понимала, что сойду с ума, если останусь на месте.

— Полли...

— Я хочу прогуляться. Увцимся вечером.

Поднялась и прошла мимо Пьера. Да, следовало сказать ему, как я благодарна за помощь. Как ценю то, что он сделал для нас. Но — потом, вечером, когда все будет кончено. А сейчас я шла по улицам столицы. Слезы иссякли. Сил на горе больше не было. Внутри меня образовалась трещинка, когда арестовали Анри. Она увеличилась после ночи, проведенной с Вайхесом, а сейчас еще больше разрослась в разные стороны. Я никак не могла это остановить.

Глава 15

Я не помнила, как ноги принесли меня к башне пустоты. В отличие от магистрата света и тьмы, вокруг не стояли стражники, а в ворота мог войти любой, только не входил. Все знали, что тени не любят чужих, и однажды вошедший может уже никогда не вернуться. Но мне было все равно, вернусь я или нет. Какое-то время стояла, сквозь решетку разглядывая серые, потрескавшиеся кирпичи, из которых была сложена башня. Её, как и башню света, венчал колокол, который прозвали туманным. Вместе с солнечным и звездным, он оповещал жителей о самых важных событиях в жизни страны. Думалось, вернулся ли уже человек в сером балахоне в свои покои. Наверняка, да. Вряд ли ворота пустоты можно открыть без подготовки. А затем я толкнула створку ворот и вошла внутрь. На мгновение стало холодно, но ощущение быстро прошло.

Воздух вокруг вился сизовой дымкой, и на коже словно оставались маленькие капельки. Странное и жуткое место. Казалось, стоит отвернуться, и из пустоты шагнет кто-то и утащит за собой. Но я пришла не бояться. Я не могла помешать исполнению приговора Анри, но могла быть с ним в эту минуту. И, наверное, мне самой это было куда нужнее, чем ему.

— Кого-то ищите?

Я вздрогнула и обернулась. Никого! Откуда тогда голос?

— Мне... нужно поговорить с магистром Эйлеаном, — ответила я.

— Магистр не принимает, — ответил тот же голос.

— Передайте, чего его хочет видеть невеста Анри Вейрана.

Повисла тишина. Я поежилась — холод посреди лета стремительно усиливался.

— Вас встретят у входа, — наконец, донесся ответ. Я пошла к входу в башню. Стоило достигнуть двери, как она отворилась, и я шагнула в серое, мрачное помещение, сам воздух в котором казался спертый и едким. Если здесь так жутко, как же тогда там, в пустоте? Не думать! Не сейчас, иначе сойду с ума.

У входа меня действительно ждали — странное существо в таком же сером балахоне, как и у магистра.

Почему странное? Потому что там, где заканчивался балахон, не было ног. Мой провожатый будто висел над землей, и лица его под капюшоном я не видела. Наверное, стоило возблагодарить за это судьбу. Меня провели по длинным коридорам к лестнице, а затем начался долгий подъем, виток за витком. На пятом я сбилась со счета, затем — и с дыхания, когда мы, наконец, очутились перед дверью. Существо коротко постучало.

— Входите.

Знакомый то ли голос, то ли шелест. Я, внутренне замирая от страха, перешагнула порог. После знакомства с тенью готова была увидеть, кого угодно — даже призрака, но передо мной был человек. Балахон не скрывал артистичных, чуть художавых кистей рук. А на ногах магистра были самые обычные ботинки.

— Чем обязан, мадемуазель Лерьер? — без эмоций спросил магистр, и снова стало не по себе.

— Мне нужно с вами поговорить, — напомнила себе, зачем вообще сюда пришла. — Об Анри.

— Увы, о вашем женихе разговаривать бесполезно. — Магистр неопределенно пожал плечами. — Приговор вынесен и будет исполнен. Теперь отменить его не сумею даже я.

— Но вы пытались. Значит, знаете, что Анри невиновен, — настаивала я.

— Я могу только предполагать это, мадемуазель Лерьер. — И мне показалось, что в голосе магистра прозвучала усмешка.

— Если бы вы только предполагали, то не стали бы отодвигать слушание, — настаивала я.

— Я должен был убедиться.

— Убедились?

— Как видите, нет. Поэтому вы зря пришли, я не смогу пощадить вашего возлюбленного.

— Я пришла не за этим, — опустила голову. — Позвольте мне присутствовать при исполнении приговора. Я хочу быть рядом с Анри, раз уж это все, что могу для него сделать.

— Вы — храбрая девушка. — Кажется, мне удалось убедить бесстрастного магистра. — Не каждая согласится видеть, как её любимый человек отправляется на встречу с пустотой.

— Я люблю его.

— Это не ответ. Любовь — это слишком мало, мадемуазель Лерьер. Любить можно кого угодно. Соседа, который улыбается вам каждое утро из дома напротив. Или маленькую девочку, которая дарит цветы просто так, без повода.

— Неправда.

— Спорите? А у вас железный характер. Видимо, в этом все и дело. Кстати, мадемуазель, вернитесь домой, ваша матушка крайне обеспокоена. А раз ваше участие в преступлении господина Вейрана не было доказано, то и обвинять вас больше никто не будет. Поэтому живите, мадемуазель Лерьер. Живите, как будто ничего не было. Это единственный шанс стать счастливой.

— Забыть? — с горечью прошептала я. — Вы не первый, кто предлагает мне забыть.

Только это жестоко, не находите? Оставить за спиной человека, которому отдал сердце, из-за того, что на него решили переложить чужую вину. Нет, магистр Эйлеан, это невозможно.

— Тогда присутствуйте. Только не думаю, что граф Вейран будет этому рад. Не каждому понравится, когда на него смотрят в трудную минуту. Это обязывает держать лицо, знаете ли.

Я не понимала, чего от меня хочет магистр. Непросто разговаривать с кем-то безликим. Когда есть только этот серый балахон — и все, ничего больше. Непросто — и удушающее страшно. Но после этого дня я разучусь бояться. Раз и навсегда. Потому что ничего страшнее уже не случится.

— Ждите здесь, — сказал магистр. — Вас позовут. А мне нужно подготовиться.

И пошел к двери, а я так и осталась стоять посреди комнаты с чувством, будто меня только что осушили до дна. Затем впервые огляделась вокруг. Два кресла, массивный стол, багровый ковер на полу, темная обивка стен. Не хотелось бы мне работать в таком кабинете!

Зато он, наверное, много говорил о своем хозяине. О том, что это за человек. Магистр Эйлеан был совсем не похож на доброго, светлого магистра Таймуса. Не был он похож и на молодого магистра тьмы, по которому вздыхала не одна девушка в коллеже. Он был чем-

то... иным. Я не знаю, как еще назвать ощущения, которые охватывали меня рядом с ним. Страшно, жутко, непривычно. Пусто...

Не знаю, сколько я так просидела. В какой-то момент появилась тень, и передо мной поставили графин с водой и стакан. Только сейчас поняла, что хочу пить. Есть не хотелось. Наоборот, тошнота поднималась откуда-то изнутри. Жуткая, едкая, пронзающая. А когда тень появилась в дверях во второй раз, я поняла: пора.

Следом за безмолвным провожатым я спустилась на первый этаж. Но вместо того, чтобы остаться в зале, меня провели по переплетению коридоров к выходу. Неужели врата находятся снаружи? Почему тогда их никто не видел? Мы действительно оказались позади башни. Магистр Эйлеан уже был там. А перед ним... перед ним прямо из земли выросла арка.

Готова поклясться, что, когда я глазела на башню через решетку забора, никакой арки тут не было.

А с другой стороны к нам уже двигалась процессия. Впереди шли двое представителей тайной службы, за ними — Анри, со связанными за спиной руками, и еще двое магов. Анри заметил меня, замер на мгновение — и получил тычок в спину.

— Пошевеливайся, — рыкнул толкнувший его маг.

— Попрадержите коней, месье Враден, — обратился к нему магистр пустоты. — Анри Вейран и так осужден, ни к чему проявлять свою силу перед беззащитным.

Маг покаянно опустил голову. Я же боялась пошевелиться и не знала, что мне делать.

— Граф Анри Вейран, — снова заговорил магистр, — вы были приговорены верховным судом Гарандии к заключению в пустоте. Хочу сказать вам следующее. Раз люди не смогли судить, виновны вы или нет, то пусть это сделает высшая сила. Пустота справедлива, и если вы невинны, найдете выход обратно в наш мир. Если же виновны, сочувствую вам, потому что пустота не знает пощады. В качестве последней милости позволяю вам попрощаться с вашей невестой, которая проявила чудеса храбрости, чтобы сохранить вам жизни, и великое мужество, чтобы сейчас быть здесь. Освободите его руки, граф Вейран — человек чести, и не станет убегать.

Охрана переглянулась, но спорить с магистром никто не рискнул, поэтому мгновение спустя путы на руках Анри исчезли сами собой, и я бросилась к нему. Он прижал меня к груди, а я хватала ртом воздух и боялась задохнуться. Больно, как же больно!

— Спасибо, Полли, — прошептал Анри. — Я рад, что могу попрощаться с тобой.

— Ты вернешься. Ведь правда? Вернешься?

— Вряд ли, давай смотреть правде в глаза. — Он грустно улыбнулся. — Но я хочу, чтобы ты знала. Я люблю тебя больше жизни и надеюсь, что ты встретишь того, с кем будешь счастлива.

— Нет, Анри!

— Да, Полли. Не жди меня. Не надо.

— Не говори так!

По щекам покатились предательские слезы, а ведь я обещала себе быть сильной. Не получилось...

— Время, — произнес неумолимый магистр.

— Прощай, — тихо сказал Анри.

— До встречи.

Он поцеловал меня — так, как целуют в последний раз в жизни, а затем обернулся к магистру:

— Открывайте уже врата.

Тот кивнул, поднял руки на уровень груди, и земля под ногами задрожала. Я вскрикнула, а арка засветилась, и на месте пустого провала вдруг очутилась дверь. Магистр опустил на неё обе ладони, прочитал заклинание, и тряска прекратилась, а дверь открылась с мерзким скрипом.

— Прощай, — в последний раз сказал мне Анри и пошел к двери. Он казался спокойным, хоть я и понимала, что это не так. Но Анри не был бы собой, если бы выказал хоть каплю страха. У самой двери он обернулся, улыбнулся мне — и шагнул в пустоту.

— Нет, — прошептала я, закрывая лицо руками. — Пожалуйста, нет.

Раздался глухой звук. Дверь захлопнулась, отделив меня от человека, которого любила.

Стражники попрощались с магистром и удалились. Остались только я и он. Магистр замер передо мной на мгновение — и пошел к башне.

— Подождите, — поспешила за ним и схватила за рукав балахона. — Скажите, что там, в пустоте?

— Там? — Магистр Эйлеан чуть обернулся. — Свой мир с жестокими законами, Полина. Иногда крайне жестокими. Люди сами заполняют пустоту тем, что они боятся в ней увидеть, не так ли?

Сердце болезненно сжалось. Я не знала, что ему ответить.

— Анри вернется?

— У него есть такой шанс. Но лучше рассчитывайте, что нет. И даже если граф Вейран однажды найдет выход, он станет другим человеком. Пустота меняет, уж я-то знаю. А теперь мне пора, мадемуазель Лерьер. Уходите, а возвращайтесь тогда, когда услышите туманный колокол. Если ваш жених найдет путь назад, и если к тому времени он все еще будет вам нужен, вы встретитесь вновь. Но на это могут уйти годы. Поэтому лучше послушайте его — найдите другого, создайте семью и будьте счастливы.

И магистр дернулся, чтобы уйти, а у меня было еще столько вопросов!

— Да постойте же вы! — С силой дернула за балахон.

Капюшон слетел с головы моего собеседника, и я беззвучно прошептала:

— Пьер?

Нет, это не могло быть правдой! Пьер же защищал Анри в присутствии магистра. Да и схожесть была крайне расплывчатая. У магистра Эйлеана волосы были серебристыми, как лунный свет, и опускались ниже плеч. И глаза были другими — тоже оттенка серебра. И лицо, которое на первый взгляд показалось таким знакомым, при более пристальном внимании выглядело тоньше, аристократичнее. Но в глазах магистра я читала правду.

— Значит, нам придется поговорить, — хмуро сказал он. — Иди за мной, Полли.

И зашагал к башне. Я бросилась следом, мечтая, чтобы это оказалось сном. Просто сном, который был — и закончился, растаял с рассветом. Вот только мой собеседник был реален. Слишком реален! И я не знала, как с этим быть.

Мы снова миновали знакомые коридоры, только в кабинет магистра подниматься не стали. Вместо этого прошли в личные комнаты. Это сразу стало понятно, потому что после серых и темных цветов здесь было куда светлее и даже уютнее. Пьер толкнул дверь в гостиную.

— Присаживайся, — указал мне на большое кресло, а сам сел напротив. Я заметила, что голос его снова стал прежним и принадлежал Пьеру, а не магистру. Что все это значит?

— Думаю, у тебя есть вопросы, — хмуро сказал мой недавний друг, неожиданно ставший чужим человеком.

— Есть, — тихо ответила я.

— Так задай их.

— Как? — Это, наверное, был один из основных вопросов, которые следовало задать Пьеру.

Тот задумчиво крутил в пальцах серебристую прядь волос.

— Что тебе ответить? Начну, наверное, с начала. Когда я услышал о смерти Таймуса, то находился очень далеко. А когда вернулся в столицу, выяснилось, что убийца найден.

Только что-то не давало мне покоя, и я решил сам проверить, виновен ли Анри Вейран.

Мне как-то не верилось, что он смог справиться с таким опытным магом, как Таймус. Вот я и искал... Решил, что ты-то должна знать нечто полезное. Так мы и познакомились.

— А твое лицо... И зачем... зачем мы проникали в светлую башню?

Пьер пожал плечами.

— Тот облик, который ты видела, был дан мне от природы. Увы, он изменился после тесного знакомства с пустотой. А башня... Мне нужно было проникнуть туда незамеченным.

Видишь ли, если бы кто-то прознал об официальном визите магистра пустоты, вокруг бы крутились ненужные люди. Следы бы еще раз старательно затерли. В общем, множество ненужного шума. Пройти тайно? Моя аура слишком примечательна, и надо было замаскировать её под чью-то еще. Например, твою.

Меня использовали. Вот и все, что я чувствовала. Но больно было не оттого, что Пьер оказался магистром пустоты, а оттого, что он лгал мне, а я считала его другом.

— А на суде? — спросила я, хотя уже догадывалась об ответе.

— Вместо магистра была моя тень. Я же хотел оправдать Анри методами закона. Увы, не вышло. Обычно я не люблю прибегать к правосудию пустоты. Она, знаешь ли, дама переменчивая и капризная. Но мне не оставили выбора и времени.

Я молчала. Что еще ему сказать? Позиция магистра была ясна, как день. Во мне накопилось столько горя и разочарования, что сил удивляться не осталось.

— Злишься? — спросил Пьер.

— Нет, не злюсь.

И это была правда. Внутри царило опустошение, сродни тому, что испытываешь, когда долго идешь к чему-то, а потом понимаешь, что ловила пальцами мираж. Вот и мой личный мираж водой протекал сквозь пальцы.

— Я пойду, — поднялась с кресла.

— Пстой, — Пьер догнал меня у двери. — Что ты будешь делать дальше?

— Последую твоему совету. Вернусь домой и забуду.

Конечно, я лгала, но пока что ответа, что делать дальше, не было. Нужно было вернуться в квартиру Пьера, забрать Фила...

— Кстати, чуть не забыл. Раз уж нет необходимости дальше скрываться...

Серебряный взгляд будто проникал под кожу, и становилось холодно.

— Филиппа не ищи. Дома его нет.

— Что?

Он издевается надо мной? Точно издевается!

— Где Фил? — спросила, стараясь сохранять спокойствие.

— Ему нужно учиться контролировать магию, Полли. Ты ничем ему в этом не поможешь.

А я могу, так что его ждет обучение.

— Где?

— Какая разница? Главное, что Фил станет сильным магом. Да и пока что ему лучше находиться подальше от чужих глаз. Не хочу, чтобы его постигла участь семьи.

Так, значит?

— Если тебе нужно остаться в той квартире, где мы жили, — продолжал Пьер, — оставайся.

Она принадлежит мне, но я там, как понимаешь, не обитаю.

— Я съеду, как только смогу, — ответила безразлично.

— Полли...

— Не надо, не говори ничего. Я благодарна, что ты пытался помочь Анри. Благодарна, что его не казнили. Но надеюсь, что мы больше не увидимся. Прощай.

И пошла прочь. Слез больше не было. Горечи не было. Была пустота — та самая, всепроникающая и вездесущая. Я шла по пыльным душным улицам в квартиру, в которой никто не ждет. И понимала, что есть всего две причины жить дальше. Первая — дожидаться Анри. И вторая — найти настоящего убийцу магистра Таймуса, чтобы больше никто и никогда не смел обвинить в этом моего любимого.

Часть вторая

Глава 16

Филипп

Бывают минуты, когда сердце замирает от боли и ужаса. Я никогда и никому не признался бы в том, как мне страшно! Наследнику Вейранов — и страшно. Стыдно... Брат бы рассмеялся в лицо, но судьба брата сейчас висела на волоске. И я не знал, чего ждать.

Мысленно готовился к худшему. Только бы Анри оправдали! Но шансов на это не было. Я понимал — и надеялся, потому что после смерти родителей... Не думать! О чем угодно, только не об этом, потому что сразу становилось так больно, что дыхание обрывалось. Я не знаю, как пережил эти дни. Каждую ночь снились кошмары. Они душили меня, выворачивали наизнанку, и я едва сдерживался, чтобы не кричать. Не хотел будить Полли, она и так спала крайне мало.

Почему их с Пьером так долго нет? Ничего хорошего это означать не могло. Да и кому я лгу? Себе? Надежда давно уже угасла, и сейчас я пытался сыграть в игру «убеди самого себя, что не все еще потерянно». На самом деле — все. Я понимал это с той самой минуты, когда оказался перед виселицей на площади. Все потеряно. Прошлого не вернуть. То, что было во мне хорошего и светлого, умирало в агонии, а я никому не смел об этом сказать. Хотелось одного — найти и уничтожить тех, кто совершил это с моими родителями. И я сделаю это, не будь я Филиппом Вейраном.

Скрипнула, открываясь, дверь. Я бросился в коридор, чтобы столкнуться с мрачным, усталым Пьером.

— Что? — спросил тихо.

— Идем. — Пьер увлек меня в гостиную. — Сядь.

— Его казнят? — Кулаки стиснулись сами собой.

— Филипп, выслушай...

— Нет, отвечай, Пьер. Анри казнят?

— И да, и нет. Так как суд не смог определиться, виновен твой брат или невиновен, было принято решение отправить его в пустоту.

— В пустоту?

Отец рассказывал мне о ней. Говорил, что это — особое пространство, другой мир, который возник в результате неудачного магического эксперимента. А Анри после таких рассказов ночами пугал меня. Мол, не буду слушаться — и пустота меня заберет. Она представлялась мне почти живой. Некое полубезумное существо, которое наказывает непослушных детей. Но она пришла не за мной, а за Анри.

— Филипп, если у твоего брата хватит сил, он выберется.

— Не утешай меня.

Я качнул головой, с удивлением понимая, что почти не больно. Боль отступила, оставив... пустоту. Пьер смотрел на меня с беспокойством. А я уже знал, что буду делать дальше.

— Я все равно найду его, — сказал Пьеру. — Убийцу. Раз нет правосудия по закону, значит, я добьюсь его сам.

— Не стоит, Филипп, — ответил тот. — Даже если ты узнаешь, кто убил магистра Таймуса, что ты можешь сделать? Тебе не хватит магии превратить муху в пылинку, а наш соперник силен.

— Я не только о Таймусе. И о родителях тоже. Мне кажется, за этим стояли одни и те же люди. Может, Анри узнал что-то лишнее? Или отец?

— Ты меня не слушал, — вздохнул Пьер. — Но я тебя понял. Знаешь, что я тебе скажу?

Есть несколько мест, с которых можно начать поиски. И одно из них мне недоступно.

— Тебе? Зачем тебе...

— Я так просто не отступлю, — перебил меня Пьер, предупреждая вопрос. — Не люблю бросать дела на полпути. Так как, Фил? Рискнешь пойти туда, куда не могу пройти я?

— Куда же это?

— В гимназию «Черная звезда». В её ворота пускают только темных магов, а я, как понимаешь, совсем не темный. Тебе как раз исполнилось шестнадцать, а вступительные экзамены уже начались.

— Зачем же мне туда? — Я не понимал, какое отношение гимназия имеет к смерти Таймуса.

— Зачем, я расскажу тебе после. Сначала поступи, — усмехнулся Пьер, будто не верил, что мне это удастся. Глупо поймал, как ребенка, потому что во мне уже поднимался знакомый дух противоречия.

— Только предупреждаю сразу: легко не будет, — продолжал защитник. — Это элитная гимназия, и пока ты не сдашь выпускные экзамены, путь за её пределы будет закрыт. Я смогу посетить тебя только после сдачи экзамена-посвящения.

— А само обучение? Сколько длится оно? — спросил я.

— Тоже по-разному. От года до восьми лет. Если по истечении восьми лет студент не доказывает, что обрел силу, он уходит без диплома. Или же никогда не возвращается, такие случаи тоже бывали.

— Я согласен.

Решение пришло быстро и просто. Я даже не сомневался, что поступаю правильно. Согласен — и все тут. Меня ничто больше не держало. Точнее, никто не держал. Полли проще будет без меня. Она уже получила диплом, сможет себя защитить, а я буду вечно ярмом на шее. Анри... Я верил в брата, но понимал, что шансы слишком малы. Значит, «Черная звезда» — не худший выбор. По крайней мере, мне некогда будет думать о том, что произошло. Некогда будет себя винить.

— Тогда собирайся, — ответил Пьер, будто и не сомневался в моем ответе. — Чем раньше ты попытаешься сдать вступительный экзамен, тем лучше. Количество мест ограничено.

— А Полли? Мне надо хотя бы попрощаться.

— Я сам ей расскажу, где ты. И передам, чтобы не беспокоилась.

— Хорошо.

Я покорно поднялся с диванчика и пошел в спальню, собирать скудные вещи. Пьер откуда-то притащил потрепанную сумку.

— Туда поместится, что угодно, — пояснил на мой недоуменный взгляд. За сумкой последовали письменные принадлежности.

— Деньги тебе не понадобятся, — говорил Пьер. — Поэтому, если хочешь, можешь оставить их мне на хранение.

— Нет, передай лучше Полли, — ответил я.

— Как скажешь. Готов?

Я окинул взглядом комнату, которая пусть на несколько дней, но стала моим домом. Когда Полли вернется, меня тут уже не будет. Хотелось написать ей хотя бы пару слов, но Пьер поторапливал. Видимо, он куда-то спешил. Я захватил сумку и пошел за ним. Мы шли пешком. Идти оказалось не так уж близко, и я едва перебирал ногами. Это что, часть вступительного испытания? Заморить кандидата до того, как он попадет в стены гимназии? Но, конечно, жаловаться не стал. Надо идти — значит, буду идти.

Пьер больше не заговаривал со мной. Чем дольше мы общались, тем яснее я понимал, что он лжет. О своем происхождении, о прошлом. Но у каждого есть свои тайны. Так к чему обижаться? Пьер и так сделал для нас больше, чем кто-либо другой. Не знаю, чем это вызвано, но я был благодарен ему. Тогда, когда другие испугались и отвернулись, Пьер не побоялся выступить на защиту Анри. Да, это не помогло. Но я верил, что у Анри хватит сил вернуться. А если нет... Если нет, я найду того, по чьей вине остался один в этом мире, и заставлю пожалеть.

— Пришли. — Пьер остановился посреди пустыря. Это он так шутит, что ли?

— И где же ворота? — спросил я.

— Апена! — громко сказал мой провожатый и начертил пальцами в воздухе знак, отпирающий замки. Задрожал воздух, и прямо перед нами появились черные ворота.

— Дальше ты сам, — сказал Пьер. — Помни, тебе надо продержаться как можно дольше. Как только пройдешь посвящение, увидимся. Удачи, Фил.

— Спасибо, — ответил я.

— И на будущее... За этими воротами ты перестанешь быть Филиппом Вейраном. К лучшему, чтобы тебя никто не узнал.

Я кивнул, прекрасно понимая, чем вызвано такое предупреждение. Да, наша семья теперь вне закона. И пусть моя причастность к убийству Таймуса осталась недоказанной, кто знает, как это аукнется в будущем?

— До встречи, Фил. — Пьер протянул мне руку.

— До встречи.

Я пожал прохладную ладонь. Что ж, пора. Пьер дождался, пока я подойду к воротам, и пошел прочь. Я не оглядывался. Ни к чему. Неужели за этими воротами придется провести несколько месяцев, или даже лет? Почему Пьер сказал, что срок обучения не нормирован? Я слабо представлял, что будет дальше. Знал только, что это — мой шанс. Собрался с мыслями и постучал. В воротах открылось маленькое окошечко.

— Чем обязаны? — поинтересовался мужской голос.

— Я хотел бы сдать вступительные экзамены в гимназию, — ответил громко.

— Даже так? — кажется, мой собеседник рассмеялся. — Что ж, удачи.

И ворота со скрипом отворились. Вот только за ними не было никого. Что за шутки? Кто тогда со мной разговаривал? Дух? Я вошел в заброшенный, поросший травой двор. Тут точно давным-давно никого не было. Но Пьер не мог ошибаться, и шутить бы надо мной не стал.

Значит, надо найти вход в гимназию. Я двинулся вдоль двора, вглядываясь в каждый угол. Плитка, когда-то достаточно красивая, сейчас выглядела серой и потрескавшейся. Тут и там торчали сухие палки, чуть поодаль было нечто, на что я сначала не обратил внимания. Но когда подошел ближе, понял, что это — ворота на кладбище. Дальше высились покосившиеся памятные знаки. Может ли там быть портал? Или что-то другое, что поможет найти вход?

Куда идти дальше? Самого здания не было видно. С одной стороны двора — кладбище, с другой — глухой забор, сквозь который ничего не было видно. Вариантов не осталось... Я шел среди надгробий, вчитываясь в имена и годы жизни. По всему выходило, что тут покоились совсем молодые юноши и девушки. Те, кто не сумел сдать вовремя экзамены? Может, здесь нерадивым ученикам полагается смерть? Я усмехнулся. Смерти я не боялся. Не после того, сквозь что пришлось пройти. Наоборот, время от времени приходили непрощенные мысли, что если бы я был дома, когда на родителей напали, то все бы давно закончилось. Но меня там не было. Именно поэтому я искал на старом кладбище следы входа в гимназию.

Передо мной замаячила дверь склепа. Дверь — это уже хороший знак. Она может вести, куда угодно. Я ускорил шаг, распахнул двери настежь и... В лицо полетело темное заклинание.

Взметнулись щиты — то, что получалось у меня лучше всего. Я выскочил за пределы склепа и осторожно заглянул внутрь. Пусто, никого. Чтобы проверить, запустил в проем заклинание-обманку. На этот раз все полыхнуло огнем. Значит, я на верном пути. Не станут защищать то, в чем нет смысла. Снова поднял щиты, и мир вокруг стал черно-белым. Осторожно двинулся внутрь. От первого заклинания уклонился, но рано было радоваться! С потолка сорвались острые колья, едва не пригвоздив меня к земле. Я начинал подозревать, что кладбище — не для студентов, а для соискателей. Не сдал вступительные экзамены — добро пожаловать на тот свет.

От кольев спас щит. Они рассыпались в пепел, а я теперь прошупывал пол перед собой в поисках ловушек. И даже несколько нашел! Этот склеп что, бесконечный? Стоило задать себе этот вопрос, как впереди показалась гробница. А там кто? Профессор, принимающий экзамен? Стало смешно. Что-то со мной не так...

Я подошел ближе. Сдвигать крышку или не сдвигать? Но раз уж вокруг больше нет дверей, сдвину. Чтобы мраморная плита поддалась, потребовалось приложить усилия. Я вспотел так, что пот заливал глаза, мешая видеть ясно. И это было к лучшему! Потому что, как только тяжелая плита упала на пол, поднимая мраморное крошево, из гробницы высунулась рука... И все бы ничего, если бы она не состояла только из костей.

— Кто посмел...

— Извините, вы не подскажете, как пройти в гимназию? — вежливо перебил я.

— Что?

Кажется, мой пока еще невидимый собеседник задумался, а я в который раз поразился. Интересно, эта потеря чувств временная или постоянная? Стану ли я снова... человеком? А за рукой показался и весь скелет. Ожидаемо, в профессорской мантии.

— Ты... — просипел он. — Учиться, значит, хочешь?

— Хочу, — кивнул я.

— Пролой каплю крови на крышку гробницы, и узнаем, есть ли у тебя право тратить мое драгоценное посмертие.

Я не стал перечить. Призвал магию, создал из неё клинок и наколот палец. Алая капля упала на крышку.

— Ух, ты! — оживился скелет, тряся челюстью. — Кого я вижу! Но о чем это я? Ах, да! Чтобы пройти дальше, нужна самая малость. Убей меня.

И прежде, чем я хоть что-то ответил, скелет ринулся на меня. Я никогда не считал себя слабым, но сейчас сама мысль о том, что могу победить этот мешок с костями, казалась абсурдной. Скелет оказался выше меня на голову, а от его оскала хотелось зажмуриться и больше никогда не открывать глаз. Страшно! Но мне надо было пройти дальше, и я приказал себе успокоиться. Глубоко вдохнул воздух, остановился на мгновение — и призвал магию.

Щиты готовы. Теперь надо атаковать.

Увы, мой арсенал атакующих заклинаний почти равнялся нулю. До шестнадцати лет само обучение атакующей магии было запрещено, поэтому скудные месяцы тренировок мало дали мне в плане умений. Если бы не это... Не время думать сейчас! С пальцев сорвались черные сгустки, врезались в скелет, вот только никакого ощутимого урона ему не нанесли. Он задумчиво поскреб костяшками пальцев лысую макушку.

— Как-то слабенько, — сказал задумчиво. — Надо лучше стараться, молодой человек.

Я только фыркнул. Еще какой-то суповой набор будет меня уму-разуму учить! Внутри поднималась волна протеста. Если между мной и обучением в «Черной звезде», а значит, справедливостью по отношению к Анри стоит этот скелет, значит, надо сделать так, чтобы его здесь не было. Не самая здравая и мудрая мысль, но другая в голову не пришла. Я издал негодующий крик и бросился на противника. Тот, кажется, не ожидал такой прыти, потому что клацнул челюстью и едва не рассыпался на части. А я орудовал кулаками, не чувствуя, что по пальцам уже льется кровь. Еще один меткий удар — и мой противник рассыпался в прах. Только упорство, никакой магии. Но если я ожидал, что сейчас в стене откроется переход или дополнительный коридор, то зря надеялся. Ничего не произошло. Я остался в склепе один. Может, все-таки стоило уничтожить скелет магией? Подошел к гробнице и заглянул внутрь в надежде найти ответ. И я нашел его! Крутые ступеньки уходили вниз. Я перемахнул через каменную стенку гробницы и поспешил вниз. Ожидал новых ловушек, но единственная опасность, которая меня поджидала, это скользкие ступеньки. Ноги разъезжались, и пару раз я едва не расшиб нос. Но вот ступеньки закончились. Еще один длинный коридор, в конце которого виднелась дверь, а на ней — табличка. Только подойдя совсем близко, я сумел разглядеть, что на ней написано. Там значилось: «Возврата не будет».

Что ж, меня устраивало. Я толкнул дверь — и едва успел уклониться от сгустка магии.

— Хм, неплохая реакция, — услышал я. — Повышенный магический фон, высокий интеллект.

А вот общий магический уровень крайне слаб.

Кто говорит? Я отчаянно завертел головой по сторонам, но никого не увидел.

— Кто вы? — спросил тихо.

— Я? Твой будущий куратор, — ответила пустота, мрак развеялся, и я увидел мужчину лет тридцати. Он был в черной мантии с застежкой в виде восьмиконечной звезды. И сам был таким же черным, как его мантия — смуглым, кареглазым, с иссиня-черными волосами. А еще от него веяло магией, настолько сильной, что становилось не по себе.

— Имя? — холодно спросил он, глядя на меня совсем недружелюбно.

— Филипп.

— Что ж, Филипп, в стенах «Черной звезды» нет титулов, и всем плевать, что за род стоит за твоей спиной. Поэтому на время ученичества забудь, кто ты и откуда пришел. Раз уж ты прошел вступительное испытание, думаю, нет смысла спрашивать, насколько велико твое желание учиться?

— Оно велико, — ответил я.

— И зачем же тебе именно наша гимназия? — продолжал допытываться куратор.

— Я хочу стать сильнейшим.

Да, я кривил душой, но лишь отчасти. Мне действительно нужно было научиться лучше контролировать магию, владеть ею, чтобы в будущем я всегда мог защитить то, что мне дорого.

— Отличный ответ, — усмехнулся куратор. — Тогда запоминай. Меня зовут Дерек Синтер. И на ближайшие месяцы, а может, и годы ты должен слушать каждое мое слово, выполнять любой приказ, не прекословя. Понял?

— Да.

— Что ж, — Синтер продолжал смотреть на меня так, словно желал проникнуть взглядом под кожу, — добро пожаловать в «Черную звезду», курсант.

Глава 17

Филипп

Раз я шел из склепа вниз — значит ли это, что «Черная звезда» находится под землей? Или это всего лишь подземный ход? Что за странное место? Столько вопросов! А оставалось только идти следом за куратором Синтером и оглядываться по сторонам, стараясь, чтобы этого никто не заметил. Синтер не оборачивался. Ему было все равно, следую ли я за ним. А я шел, стараясь унять невесть откуда взявшуюся тревогу. Учиться? Здесь? Пока что мрачные коридоры, похожие на подземные лабиринты, вызывали легкий страх. Ничего, привыкну.

Хуже уже не будет.

Еще один поворот — и мы очутились перед дверью, больше напоминавшей тюремную. С двумя засовами снаружи и маленьким окошком.

— Твоя комната, — сказал Синтер и толкнул дверь.

Это шутка? Только что-то не было похоже, чтобы куратор шутил. Внутри оказалось так же мрачно, как и снаружи. Помещение было маленьким, узким. В нем едва вмещалась кровать с матрасом, без постельного белья, навесной шкафчик над кроватью — видимо, чтобы сэкономить место, стол и стул. Маленькая дверца, видимо, вела в уборную.

А Синтер уже развернулся и собирался уходить.

— Пойдите, — перехватил его я. — А что дальше?

— Не все ли равно? — ответил Синтер и вышел, закрыв за собой дверь. На засов. Я что тут, пленник? Обернулся. У кровати стояла сумка с моими вещами, которую я потерял где-то в борьбе с ловушками и скелетом. Чего от меня хотят? Проверить на стойкость? Так я могу в этой комнате вечность просидеть! Или... Или, может, надеются проверить, смогу ли выбраться? Как понять? Решил, что лучше подождать и осмотреться. Поединок со скелетом — вещь утомительная, когда собственной магии мало, а использовать надо много. Хотелось спать. Я покосился на кровать, манящую серым матрасом, который, наверное, видел не меньше десятка курсантов, достал из сумки плащ и застелил кровать. Стоило лечь, и тут же провалился в сон.

Не знаю, что заставило меня проснуться. Но я вдруг понял, что сна нет ни в одном глазу, а откуда-то раздается неприятный шелест. Так шелестят крылья насекомых. Тут же подскочил с кровати, пытаясь понять, откуда идет шорох. Шкаф! Точнее, полка над кроватью. Распахнул её — и отпрянул, потому что вниз посыпались сотни, тысячи тараканов.

Что это, провалиться мне на месте?!

Сколько их там было? Тысячи? Десятки тысяч? Потому что вскоре пола под моими ногами не стало. Только шевелящаяся черная масса. Первый шок прошел, и я призвал магию. Бил и бил заклинаниями по проклятым насекомым, но их становилось только больше. Я забрался ногами на кровать, продолжая палить по тараканам, чем только мог. Взгляд остановился на полке. В углу что-то виднелось. Какая-то надпись. Еще одно испытание? Прицелился — и от полки остались только обломки досок, а тараканы исчезли. Фух! Вытер вспотевший лоб. Интересно, во всех гимназиях так? Или мне всю жизнь предстоит с тараканами сражаться? А дверь со скрипом отворилась. Прежде, чем обернуться, я призвал магию. Мало ли, а вдруг там какой-нибудь тараканий король? И уже жаждет попробовать меня на зуб? Или что там у них есть, у тараканов...

Но нет, в дверях замер посмеивающийся куратор. Его карие глаза весело блестели.

— Не смешно, — процедил я, забывая, кто тут главный.

— Тебе, может, и нет, а мне крайне весело. Ты уничтожил моих питомцев, Филипп.

— Мне жаль, — пожал плечами, обуваясь. Из-за тараканов все это время расхаживал босиком.

— Ты даже не испугался, — удивленно заметил тот.

— Бояться надо не тараканов, — фыркнул я. — Люди куда страшнее.
— Людей тоже не надо бояться, — добавил куратор. — Пусть они опасаются тебя.
Я кивнул. Мне бы этого хотелось. Чтобы никто и никогда не смел косо на меня смотреть.
— Иди за мной, — снова скомандовал Синтер.
— Куда? К божьим коровкам?
— А мы поладим, — похлопал он меня по плечу. — Нет, в другое крыло. Скоро состоится церемония вступления. Ваша группа уже набрана. Остальные детали узнаешь в большом зале.

— Вещи брать?

— Нет, без тебя доставят. Пошевеливайся.

Мы снова пошли по запутанным коридорам. Вскоре я сбился со счета, сколько поворотов пришлось миновать. Мы то спускались, то поднимались все выше и выше, пока серые камни не сменились серой же обивкой стен, а под ногами вместо голых плит не появился паркет.

Куратор толкнул еще одну дверь — большую, похожую на парадную, и мы очутились в огромном зале. Свет здесь был искусственным. Он лился из восьми светящихся шаров под потолок. Интересно, никогда такого не видел. А главное, в зале мы были не одни. Здесь находилось еще семеро парней. Думаю, все они были старше меня. Кто-то больше, кто-то меньше. А в центр комнаты уже вышел куратор Синтер.

— Итак, рад приветствовать вас в гимназии «Черная звезда», — заговорил он. — Многие из вас уже считают себя полноправными студентами, но это не так. Сейчас вы всего лишь соискатели, которые проявили чуть больше сноровки, смекалки и базовых умений. У каждого из вас есть потенциал. Не скажу, что он особо велик, но у меня будет время его оценить. С сегодняшнего дня вы — группа номер восемь. То есть, завершаете последний набор.

Шестьдесят четыре человека будут претендовать на звание первокурсников. И только шестнадцать получат возможность ими стать.

Мы переглянулись. Не радужная перспектива.

— Повторю то, что сказал еще на входе в гимназию, — продолжил Синтер. — Отныне у вас нет титулов, только имена. Вы все равны — и сын свинопаса, и потомок древнего рода. Либо вы действуете сообща, либо проиграете. Мне, как вашему куратору, хотелось бы, чтобы именно вы смогли продолжить обучение, но это зависит не от меня, а от вас. У «Черной звезды» есть свои правила. Не использовать магию друг против друга. Не выходить за пределы гимназии — назад вернуться нельзя. Выполнять задания честно. Тот, кто будет уличен в нарушении правил, немедленно потеряет право обучаться здесь. Это понятно?

Мы закивали, как болванчики.

— Тогда последняя новость на сегодня. У вас есть ровно месяц, чтобы доказать — именно вы должны стать первокурсниками. Каждый день вы будете заниматься и получать новые задания. Баллы за каждое суммируются. Вы не будете знать, сколько баллов получили ваши соперники. И только итоговый рейтинг покажет, кто из вас сильнее. А сейчас...

Синтер хлопнул в ладоши, и зал исчез. Я очутился посреди комнаты — гораздо более уютной, чем та, первая, рассчитанной на двоих. Мой сосед по комнате, простоватый рыжеволосый парнишка, неуверенно протянул руку.

— Майк, — представился он.

— Фил, — ответил я.

Что ж, видимо, учеба будет интересной.

Полина

Бывают моменты, когда не знаешь, как дальше жить. Я никогда не думала, что со мной случится нечто подобное, но разве меня кто-то спрашивал? Вот она, квартира Пьера, которая стала знакомой до каждой мелочи. В ней — ни следа вещи Филиппа, только сиротливо лежал на столе мешочек с деньгами и амулетами. Фил действительно ушел намного раньше. Для него будет к лучшему на какое-то время оказаться как можно дальше и от столицы, и от всего происходящего. Я верила, что Фил справится. Он был сильнее меня, несмотря на то, что я старше на пять лет. А мне оставалось только сидеть на кухне, смотреть на стены и чувствовать, как осыпается пыль после того, как рухнул целый мир.

Надо собрать вещи. Надо найти способ снова проникнуть в башню света. Надо... Я слабо представляла, как все эти «надо» воплотить и с чего начать, поэтому решила, что начну с малости — соберусь и навсегда переступлю порог этого дома. Сборы вышли недолгими. Правда, куда идти, все еще не решила. Раз уж следствие окончено, и мне не предъявлены никакие обвинения, может, вернуться домой? Матери там все равно нет, она должна была давно уехать, а мне нужны были все доступные ресурсы, чтобы продолжить расследование. Решение показалось верным. Да и страха больше не было. Только пустота. Кажется, я начала лучше понимать, что это такое. В пустоте нет ничего. Ни страха, ни боли. Изначально — нет, пока мы не заполняем её тем, что стремимся в ней увидеть. Кажется, об этом говорил Пьер. Хотя, это даже не его имя. Так странно... Я ведь даже не знаю, как зовут магистра пустоты. Знает ли вообще кто-нибудь? Приближенные — наверняка. А все остальные не желали раскрывать эту тайну. Зачем? Ведь пустота может прийти и за ними. На смену жаркому дню пришел душный вечер. На улицах суетились люди. У каждого были свои дела, заботы, цели. И где-то в глубине души я им завидовала. Что ж, понадобится время. Много времени, чтобы справиться с неминуемой потерей. Но я обязана справиться, чтобы дождаться Анри. А он должен выбраться во что бы то ни стало.

Вопреки ожиданиям, окна родного дома светились. Возникла запоздалая трусость. А если мама дома, что я ей скажу? Имею ли вообще право возвращаться? Но ведь она должна понять!

Должна? Ускорила шаг, чтобы проверить как можно скорее. Постучала в ворота. Открыли мне почти сразу.

— Мадемуазель Лерьер?

У старого охранника смешно зашевелились усы, будто он увидел призрака.

— Да, Антуан.

— Ой, что это я?

Старик засуетился, провожая меня к дому. Я расправила плечи. Что бы ни случилось, каким бы ни был ответ матери, я все равно — Лерьер, дочь своего отца. И не желаю, чтобы слуги судачили, будто вернулась домой, как побитая собака. Но почему-то дом казался чужим. Более чужим, чем квартира Пьера. Тут даже пахло иначе, чем когда была здесь в последний раз. А мать уже спускалась по лестнице, грациозная и величественная, как и всегда.

Удостоила меня холодного взгляда, её губы искривились.

— Явилась? — колко спросила она.

— Да, — ответила я.

Наверное, стоило извиниться. Брэд ли ей было приятно, когда моя комната оказалась пустой. И потом, мама ведь осталась в столице, хотя могла бы уехать подальше от тревог и волнений. Значит, ей не все равно, что станет с единственной, пусть и непослушной, дочерью.

— И зачем, позволь спросить?

Кристина Лерьер всегда умела держать лицо. Мне стоило бы этому у неё поучиться.

— Следствие завершено, — сказала в ответ, будто мы вели ничего не значащий разговор о погоде. — Опасность для нашей семьи миновала, не так ли?

— Если бы так!

Случилось что-то, о чем я не знаю?

— Ты опозорила наш род, — продолжала мама, замирая напротив. — Где-то шлялась столько дней, а теперь появляешься на пороге, будто ни в чем не бывало? О чем ты думала, Полина? О чем думала, когда сбегала из дома? Ты знаешь, сколько раз за это время дознаватели переворачивали особняк вверх дном? Сколько раз допрашивали меня? Кто поверит, что я не знаю, где находится собственная дочь?

Она была права. Хуже всего было понимать это. Я поступила глупо, но иначе Анри бы казнили, и даже не сегодня, а куда раньше. Я сделала то, что нужно.

— Хорошо, я уйду, — приняла решение. — И тебе не прадется за меня краснеть.

— И куда же ты пойдешь?

— Не знаю.

Я и правда не знала. Но прожила ведь как-то эти дни. Значит, и дальше проживу.

— Мало мне неприятностей, — фыркнула мама. — Надо еще, чтобы в городе судачили, будто я выгнала собственную дочь. Нет уж, оставайся здесь. Мне так будет спокойнее.

Переоденься, ты выглядишь, как нищенка. Чай подадут в малую гостиную через полчаса. И она ушла, а я осталась в оцепенении. Что это было? Матушка решила сменить гнев на милость? Или и правда волновалась? Но раз уж она хочет поговорить — а ничем другим приглашение на чай быть не могло — я решила, что не стоит отказываться. Сумку спрятала под кровать — кто знает, может, после нашего разговора все-таки придется уйти? За полчаса служанки сумели сделать из замарашки приличную мадемуазель, и в малую гостиную входила не измученная бледная Полли, а наследница рода Лерьер в вечернем платье абрикосового цвета, с идеальной прической и маникюром.

Матушка уже была там. За прошедшие минуты она успела сменить наряд, и теперь её платье винного оттенка прекрасно гармонировало с золотистой обивкой стен. Мама любила, чтобы все было идеально. Увы, только я быть идеальной не могла.

— Присаживайся, — указала она на стул напротив.

Вокруг тут же засуетилась прислуга, наливая чай, подавая пирожные. Красивое обрамление для некрасивой беседы. Я смотрела на руки, сложенные на коленях, а мать изучала меня с пристальностью дознавателя.

— Идите отсюда, — махнула она рукой, и прислужницы умчались, а мы остались вдвоем. — Рассказывай, Полли.

О чем? О знакомстве с магистром пустоты? О проникновении в башню света? О том, что случилось между мной и судьей Вайхесом?

— Полли?

Видимо, на моем лице отразилось что-то такое, что мать заволновалась.

— Все хорошо, — сама распространенная ложь на свете.

— Где ты была все это время?

Оказалось, что ответить трудно. Одна ложь повлекла бы за собой другую.

— Снимала комнату на постоялом дворе.

Мать возвела очи горе.

— Слышал бы тебя твой отец, — сказала она. — Его дочь — и постоянный двор.

— Ты не оставила мне выбора.

— Ты не знаешь, с какими силами спуталась, глупая.

Я не знаю? Лицо Пьера — не защитника Анри, а магистра пустоты — так и встало перед глазами. Увы, знаю, мама.

— Скажи спасибо, что вмешался один из магистров, — продолжала матушка. — Иначе все могло бы закончиться куда хуже. А теперь дело закрыто, и никто не станет обвинять невинную девушку. В этом нет необходимости.

Дело закрыто? Да, закрыто. А Анри блуждает в пустоте и будет блуждать, пока не сойдет с ума или не найдет выход. Наш разговор с матерью был бесполезен. Каждая осталась при своем мнении.

— Теперь, когда эта история с Вейранами осталась в прошлом, — продолжала матушка, — я хотела бы, чтобы ты позаботилась о своем будущем. Конечно, о выгодной партии думать не приходится, но...

— Я не выйду замуж. Никогда! — заявила матери в лицо и поднялась из-за стола. — И если ты продолжишь настаивать, то потеряешь дочь. Я лучше вернусь на улицу, чем выйду за кого-то, кроме Анри.

Кристина Лерьер пожала плечами и уставилась на чашку с чаем.

— Дело твоё. Но потом нечего кусать локти. Молодость не вечна, а ты — не настолько сильная магичка, чтобы кто-то закрыл глаза на твои похождения, Полина. Любовь — любовью, но рано или поздно тебе захочется иметь детей. Что тогда?

— Не стоит торопить события, — ответила я. — Пока что я хочу одного — чтобы меня оставили в покое.

И ушла, даже не пожелав доброй ночи. Очень хотелось выпалить матушке в лицо, что её планам на мой удачный брак в любом случае не суждено сбыться. Пусть поблагодарит судьбу Вайхеса. Никому не нужна светлая магичка, которая не блюла себя до свадьбы. Для темных все проще. У них магическая инициация проходит как раз через постель, и чем раньше, тем лучше. Но темных становилось все меньше. И я, увы и ах, к ним не относилась. Я бы, возможно, и не возвращалась домой, только куда легче будет искать магистра Таймуса, если все будут считать, что Полина Лерьер смирилась с приговором суда и забыла

о своем пропащем женихе. Надо уметь держать лицо. Это та наука, которую моя матушка преподавала мне в совершенстве. Вот только с чего начать? Наверное, с окружения Анри. Кто-то же подставил его под удар. Осталась самая малость — узнать, кто. Сны снились тяжелые и тревожные. Я стояла у башни пустоты, а передо мной замер кто-то. Почудилось, что Анри. Я кинулась к серому призраку — и попала в объятия магистра Эйлеана.

— Тебе здесь не место, — говорил он. — Жди, когда зазвонит колокол. Жди.

Глава 18

Полина

Утром я долго лежала и смотрела в потолок. Мысли в голове ползли вяло, как мухи по оконному стеклу. Я не могла не думать об Анри. О Филе, который оказался где-то далеко. О Пьере, который предпочел обманывать меня, прикрываясь маской друга. Кто следующий? Кто следующий меня оставит? Но нужно было найти в себе силы жить дальше. Это было нелегко — и необходимо. Я не сломаюсь. Не имею права. Не для того пережила эти страшные, невыносимые дни, чтобы сдаться сейчас.

Заставила себя встать. Позвала служанок, и они тут же захлопотали вокруг, спрашивая, какое платье предпочту надеть, какую хочу прическу. А мне было все равно. Настолько, что сама себе поражалась. Взглянула в зеркало — в нем отразилась незнакомая девушка в платье цвета зеленого яблока, с подобранными русыми локонами. В ней не было ничего общего с Полиной Лерьер. Она даже выглядела старше. Я улыбнулась — и девушка улыбнулась в ответ.

— Матушка спустится к завтраку? — спрашивала служанок.

— Баронесса уехала рано утром, — отвечали они.

Куда же? Разве мне кто-то докладывал? Мать никогда не посвящала меня в нюансы личной жизни. Сказать, что сильно расстроилась? Конечно, нет. Скорее, испытала нечто вроде облегчения. Приказала накрывать завтрак в малой столовой, а голова была занята разительными переменами, которые случились со мной всего за несколько дней. Наверное, так и бывает, когда рушатся иллюзии. Болезненно, неотвратимо, но иногда необходимо. За завтраком ела мало. Пробовала то одно, то другое блюдо в надежде, что проснется аппетит, но еда казалась похожей на безвкусную тянучку. Вдруг у двери возникло какое-то оживление.

— Мадемуазель Лерьер, — появился на пороге слуга. — Герцог Дареаль просит вас принять его незамедлительно.

Герцог Дареаль? Первой реакцией был ужас. Но потом с удивлением осознала, что боялась будто по привычке. А на самом деле было все равно. Что теперь может герцог? Он и так отнял у меня все на свете.

— Передайте, что я буду рада, если его светлость присоединится ко мне за завтраком, — ответила я.

— Но ваша матушка... — пробормотал было слуга, — будет недовольна.

Конечно, неприлично юной девушке наедине беседовать с мужчиной. Но здесь же полон дом слуг, а герцог казался мне благороднее некоторых судейских, хоть я и ненавидела его.

— Просите! И пусть на стол поставят еще один прибор.

Кажется, я хожу с ума. Как иначе объяснить, что не трепещу перед герцогом? Что принимаю его без позволения матери? В конце концов, если сейчас он захочет меня арестовать, никто не сумеет ему помешать. А следом за слугой уже появился мой недавний кошмар. Такой же, каким я запомнила его на суде: черный, как ворон, немного утомленный, но цепкий и собранный.

— Добрый день, мадемуазель Лерьер, — поклонился он.

— Здравствуйте, господин главный дознаватель, — ответила я. — Не ожидала вашего визита.

— Простите, что нарушаю приличия, но я приехал, как только узнал, что вы вернулись домой.

Хорошо хоть, не стал будить посреди ночи. И на том спасибо.

— Присаживайтесь. — Я приторно улыбалась. Улыбка намертво приклеилась к лицу — как бы потом не пришлось смывать с мылом. Дождалась, пока герцог сядет напротив, и махнула рукой, приказывая прислуге налить ему чай. А Дареаль изучал меня, чуть склонив голову на бок, будто большой пес или волк, который взял след добычи.

— Чем обязана столь раннему визиту? — спросила спокойно. — Все ли ладно во вверенной вам службе?

— Вашими молитвами, — ответил Дареаль, но прищур его стал еще более хищным. — Думаю, вы и так понимаете, зачем я здесь, мадемуазель Лерьер.

— Понятия не имею, — пожала плечами. — Кажется, вы вчера поспособствовали тому, чтобы моего жениха отправили в пустоту. Я думала, на этом вопросы закрыты.

— Увы, вопросов осталось больше, чем ответов.

Я осторожно глотнула остывающий чай.

— Попробуйте пирожные, — сказала гостю. — Они особенно удались.

Ради приличия Дареаль пришлось выпить немного чаю прежде, чем продолжать ненавязчивый допрос. А я успела сделать выводы. Первый — он здесь неофициально, иначе не сидел бы со мной за одним столом, а допрашивал в управлении. Второй — в деле Анри не все так ясно, как пытались выставить на суде. И Дареаль это понимает, но по какой-то причине решил не вмешиваться.

— Итак? — решила, что хватит играть в гляделки.

— Я все-таки хотел бы задать вам несколько вопросов, раз уж вы перестали от меня скрываться, — хмуро ответил герцог.

— Я не скрывалась. Вы просто плохо искали.

Он зло уставился на меня. Что ж, находить врагов — это тоже талант. Видимо, я как раз подыскала одного.

— И где же вы были, позвольте узнать?

— Там же, где и все — в зале суда.

— Так почему же не выступили, как свидетель защиты?

— Потому что меня никто не желал слушать.

И снова потянулась к чаю. Дареаль отвел взгляд. Признавал мою правоту?

— И все-таки, какие у вас вопросы? — решила, что хватит тянуть кота за хвост.

— Что вам известно об убийстве магистра Таймуса? — угрюмо спросил главный дознаватель.

— Что Анри не виноват. А кто виноват, должен был выяснить суд. Но вы просто заткнули рот простым людям, прикрывая свою ошибку. Так ведь удобнее. Правда, ваша светлость?

— Вы неправы, мадемуазель Лерьер. Если бы у меня были доказательства невиновности графа Вейрана, я бы не настаивал на обвинительном приговоре.

Я удивленно замерла. Значит ли это, что как раз герцог действовал исключительно в рамках закона? Я вспомнила, как он сомневался там, на судебном заседании. Но уже поздно.

— Ничего не изменить, — сказала тихо. — Но я верю, что рано или поздно настоящий убийца получит по заслугам.

— Если вы знаете что-то, что может в этом помочь, расскажите, Полина, — попросил тот.

— Анри и так вам все сказал. Это было темное заклинание, проведенное через зеркало.

Неужели в столице много магов, которые могут совершить подобное? Это ведь огромный уровень силы.

— Вы правы. Что ж, если узнаете что-нибудь важное, вы знаете, где меня искать. Только не приходите в управление. Лучше домой.

Даже так? Магистрат не дал герцогу разрешения на расследование? Или Дареаль боится навлечь немилость на свою голову?

— Хорошо, — ответила я. — Если вдруг что-то узнаю, сообщу. И я рада, что вы пытаетесь поступить по совести, герцог Дареаль. Правда, ни Анри, ни его родителям это уже не поможет.

— Последний вопрос, мадемуазель Лерьер, и я избавлю вас от своего присутствия.

— Где находится Филипп Вейран?

— Понятия не имею, — едва сдержала торжествующую улыбку. До Фила вам не добраться, господин дознаватель! — И в любом случае не сказала бы. Оставьте Филиппа в покое, вы и так лишили его всего, чего могли. Давайте закончим на этом, я устала.

— Благодарю за чай. — Дареаль поднялся из-за стола. — Боюсь, что мы не прощаемся, мадемуазель Полина.

— Очевидно, это именно так, — ответила я. — До встречи.

Герцог вышел из комнаты, гулко стуча каблуками сапог, а я замерла. Вот теперь стало не по себе. Неприятная дрожь пронзила тело. Что я только что творила? Сунула голову волку в пасть. Но зверь подавился и отпрянул. Надолго ли?

Поднялась из-за стола. У меня не было планов на день. В голове царил полная пустота. Но надо с чего-то начинать. И у меня появилась достаточно абсурдная на первый взгляд мысль. А что, если Анри подставили не потому, что он первым очутился у тела магистра, а, наоборот, кто-то сделал так, чтобы именно Анри попал под подозрение? Если за убийством стоит личный враг семьи Вейранов, который решил таким образом и свести старые счеты, и избавиться от магистра? Я слишком мало знала о семье Анри. Похоже, настало время узнать.

Полчаса спустя я выходила из дома, скрыв лицо капюшоном накладки. Было душно, собирался дождь, но я не обращала внимания на погоду. Просто шла и шла, пока впереди не показались обугленные стены особняка Вейранов. Здесь ничего не изменилось с того момента, когда мы с Филом приходили сюда после смерти его родителей. Только на стенах кое-где виднелись оскорбительные надписи. Так глупо... Пока граф Виктор был жив, никто бы не рискнул сказать ему подобное в лицо. Почему я пришла сюда? Сама бы не смогла ответить.

Мне надо было делать хоть что-то. Как-то отвлечься от того кошмара, в котором находилась последние дни. Может, последовать примеру Филиппа и пройтись по дому, надеясь, что никакая балка не рухнет на голову? Вот только даже добраться до ворот я не успела.

— Мадемуазель Лерьер? — тихонько окликнул меня кто-то.

Я обернулась, готовясь бежать от неведомой опасности, но передо мной был старый знакомый — Жерар, тот самый слуга, который увел меня из особняка перед нападением разъяренной толпы.

— Здравствуйте, Жерар, — грустно улыбнулась я. Жуткие воспоминания, но Жерар связывал меня с этим местом, с семьей Анри.

— Вам не стоит здесь находиться, — сказал хмурый, немолодой уже мужчина. — Идемте. А ведь Жерар, наверняка, работал в доме Вейранов не один день. Поэтому я покорно пошла за ним.

— Куда вас проводить? — спрашивал он.

— Туда, где мы сможем побеседовать, — ответила я.

Похоже, Жерар засомневался, а стоит ли, но все-таки кивнул и свернул к небольшой кондитерской. Станный выбор места для разговора, конечно.

— Владелица кондитерской — моя сестра, — тут же развеял Жерар мои сомнения.

Мы переступили порог, и в нос ударил запах ванили. Так вкусно! Даже стало немного легче. Полноватая женщина, которая вышла в зал при звуке колокольчика, кивнула Жерару и утратила к нам интерес, а мы расположились за дальним столиком. Молоденькая служанка подала нам чай и пирожные, не спрашивая. Я огляделась по сторонам. Несмотря на то, что кондитерская казалась бесконечно уютной, здесь было не так много людей. Только один столик, кроме нашего, был занят смеющейся парочкой, которой не было дела ни до кого вокруг.

— О чем вы хотели поговорить, мадемуазель Полина? — Жерар предусмотрительно решил не упоминать титулов.

— О ваших бывших хозяевах, — ответила я, тоже никого не называя напрямую.

— Не вмешивались бы вы в это, мадемуазель. — Слуга сокрушенно покачал головой.

— Поздно, я уже вмешалась, и отступать не стану.

Жерар отвел взгляд. Наверное, ему тоже было нелегко. Я заметила, что слуги Вейранов были преданы хозяевам. И большинство, видимо, погибли вместе с ними. А Жерар выжил потому, что спасал меня. И, наверное, как и я, не смог прорваться обратно к дому.

— Спрашивайте.

Мы поняли друг друга верно.

— Граф... Виктор подозревал, кто сделал так, чтобы именно его сын был признан виновным?

— Не совсем. У графа было много врагов. Он ведь когда-то служил в тайной службе. А честные люди в подобных структурах часто вызывают на себя чужой гнев.

— Например?

— Думаете, он обсуждал это со мной? Я помню только несколько достаточно спорных процессов. Например, дело судьи Гарднера. Тогда графу поступало столько угроз, что графиня с сыновьями была вынуждена уехать к дальним родственникам. Или дело банды Цикория, которую покрывали сильные мира сего. Я уже молчу о процессе против предыдущего магистра тьмы. Хотя, у графа и с новым-то отношения не сложились. Мне всегда казалось, что Виктора побаиваются. Понимаете?

Я ничего этого не знала. Наверняка, в то время была слишком юна или обучалась в коллеже. Там мы были словно оторваны от мира.

— И любой из них мог... — сказала задумчиво.

— Любой. Я уверен, те, кто осудили Анри, действовали не против него, а против его отца. Сам Анри был очень светлым человеком. Он бы никогда не сделал того, что ему приписывают.

Да и особо серьезными врагами не успел обзавестись. Или же...

— Что?

Я поняла, что Жерар чего-то недоговаривает. Сомневается, может ли мне доверять?

— Послушайте, — заговорила я еще тише. — У Анри все еще есть шанс спастись. И если он вернется, сомнений в его невиновности не останется. Но разве от этого исчезнут враги его семьи? Нет. А Филипп? Ему ведь тоже придется столкнуться с этим.

— Филипп исчез.

— Но он жив и здоров.

Жерар посмотрел на меня как-то странно — со смесью удивления и уважения.

— Это правда, мадемуазель? До него не добрались?

— Нет, — ответила я. — Он в порядке.

И Жерар впервые за весь наш разговор улыбнулся.

— Вы вернули мне надежду, мадемуазель, — сказал он. — Если увидите его, передайте, что мы очень ждем его возвращения.

— Боюсь, это будет нескоро, но передам.

— Благодарю вас. Тогда я должен сказать... Враги — это не единственная проблема графа Виктора, мадемуазель. Вторая была связана с господином Филиппом.

— И что же это? — насторожилась я.

— Не могу знать. По слухам, когда родился младший сын, и стало понятно, что он...

— Темный, — добавила я.

— Именно. Так вот, когда граф узнал об этом, он несколько дней черный ходил, а потом вроде бы успокоился. Но доверенная служанка графини рассказывала мне, будто было некое то ли знамение, то ли предсказание о ребенке. И оно никого не порадовало. Графиня даже плакала. А граф почти не приглашал к Филиппу сильных наставников в его типе магии. Будто пытался оградить от чего-то.

— Странно, — прошептала я.

— Более чем. А однажды в наш дом приходил предыдущий темный магистр. Как раз тогда, когда они сцепились с графом. И я слышал, как он сказал: «Что, боишься, что я твоего щенка раздавлю? Так я с детьми не воюю». Не знаю, связано ли это... — Жерар покосился на парочку, — со старшим сыном, но пока были живы граф и графиня, разве кто-то осмелился бы столкнуться с ними?

Мы замолчали. Мне нужно было обдумать все, что я услышала от Жерара. Значит, с одной стороны у графа Вейрана было очень много врагов. А с другой — что-то не так с магией Филиппа. Об этом же говорил Пьер. Что сила Фила настолько велика, что нужно как можно скорее обучать его управляться с ней. Во что же вмешался Виктор Вейран?

— Если вам понадобится помощь, мадемуазель, вы всегда можете найти меня здесь, — тихо сказал Жерар. — Я помогаю сестре, потому что мне некуда больше идти.

— Спасибо, — ответила я. — Уверена, рано или поздно истина раскроется.

— Я верю в это.

Мы тепло попрощались, и я вышла из кондитерской, а Жерар так и остался за столом перед нетронутым угощением. С чего начать? Филипп пока что в безопасности. До него не доберутся, потому что даже я не знаю, где точно он находится, а Пьер никому не скажет. Значит, нужно попытаться узнать, в чем была суть конфликта графа Вейрана с сильнейшими из его врагов, а особенно — с предыдущим магистром тьмы.

Глава 19

Филипп

Первые дни учебы выдалась тоскливыми. Они ничем не отличались от обычных занятий с преподавателями, и рассказывали нам то, что большинство и так уже знали. Правила элементарной магии, особенности магических потоков, простейшие темные заклинания. Даже при том, что я обучался не так долго, все это, как отпрыск магического рода, конечно, знал.

Поэтому на занятиях едва не зевал, да и после оставалось или тренироваться в маленьком зале, наполненном безобидными сущностями, или спать. А вот со сном возникли проблемы. Только здесь я до конца понял, что Пьер все время, пока мы жили в его квартире, напивал меня какими-то успокаивающими заклинаниями. Поэтому уснуть было легко, а сны почти не снились. Здесь же в первую ночь я проснулся от собственного крика. Резко сел, стараясь понять, где нахожусь. На мгновение показалось, что дома, в своей спальне, а потом пришло осознание, что дома-то и нет.

— Ты чего? — приподнялся на локте рыжий Майк.

— Ничего, кошмар приснился, — ответил, не узнавая собственного голоса, сиплого от крика.

— Ты это... Не ори так больше. Я чуть не поседел.

— Прости.

Отвернулся на другой бок и понял, что больше не засну. Так и промучился до рассвета, чтобы следующей ночью кошмар повторился снова. И снова, и снова. Майк не выдержал первым. Я случайно услышал, как он говорил куратору Синтеру:

— Не могу я, понимаете? Не могу. Только усну, а он орет, как ненормальный, и лицо такое страшное, будто бесы в него вселяются. Отселите меня куда угодно, хоть обратно в подвал, иначе рассудком тронусь.

Я не обиделся на него, только усмехнулся. Я не испытывал необходимости общаться с кем бы то ни было. Только наблюдал, как некоторые курсанты сбиваются в стайки, чтобы легче было справляться с учебными заданиями.

Другие, как и я, держались особняком, помня, что не все из нас попадут на первый курс. Синтер внял мольбам Майка и отселил его. Я остался в комнате один. Больше никто не мешал мне просыпаться в холодном поту и вспоминать, что мой кошмар — совсем не кошмар, а реальность. Что была и виселица, и два тела на ней. Иногда казалось, что вот-вот сойду с ума. Я до утра бродил по комнате из угла в угол, вспоминая каждый свой шаг в течение последних недель и испытывая такую жгучую ненависть к себе, что хотелось умереть.

Ненависть за то, что слаб. За то, что не смог защитить семью, не смог помочь Анри. Не был дома, когда решалась судьба моих родителей. И если днем учеба хоть немного отвлекала, то ночами становилось невоготу.

Так я и дожил до того дня, когда Синтер собрал нас в общем зале. Он лучился довольством. Значит, нас ждала какая-то гадость.

— Итак, дражайшие претенденты на звание первокурсников, — заговорил куратор, — сегодня вас ждет первое отборочное испытание. Оно добавит порядочно баллов к вашим учебным успехам. Да, они тоже оценивались, если кто не догадался. Поэтому советую

отнестись к заданию со всей серьезностью. Сейчас я раздам вам карточки, на которых будет записано, что вам нужно сделать. Высший балл получит тот, кто справится быстрее остальных. А так как условия задания равные, вам стоит поторопиться.

И Синтер выдал нам белые непроницаемые конверты. Уже было образовавшиеся группки тут же распались. Теперь каждый сам за себя. И задание у нас, судя по всему, одинаковое. Так что речь идет о скорости. Я распечатал конверт и пробежал взглядом по скупым строчкам.

«Вам необходимо достать рог горного абассина».

Как кратко и понятно... Во-первых, кто такой абассин? Во-вторых, откуда у него рога?

В-третьих — если он горный, как мне его искать? Что ж, начнем решать вопросы по порядку.

Я поспешил в библиотеку. Судя по тому, что никто не шел за мной, только я учился так плохо, что не знал о существовании абассинов. Маленькая библиотечка располагалась неподалеку от моей комнаты. Я пару раз забредал туда, поэтому знал дорогу. А вот библиотекаря в ней не было. И как же найти нужную информацию? Я замер перед тремя большими шкафами, забитыми книгами. Здесь можно провести целый день. Либо использовать простейшее заклинание поиска. Я сосредоточился, провел пальцами в воздухе, рисуя нужный символ, и прошептал:

— Информация об абассине.

Полки задрожали. Я ожедал, что вот-вот в руки прыгнет нужная книга, а вместо этого шкаф пустился в пляс, а с полок посыпались... нет, не книги, а маленькие зеленые существа, которые вопили и верещали так, что я зажал ладонями уши.

— Врешь! Не найдешь! — пританцовывали они вокруг меня. — Убегай, глупышка! Не получишь книжку!

— Плохие стихи, — попытался перекрыть их.

— Да? — изумились мелкие. — Почему это?

— Рифма хромает, — ответил я. — Но готов вам помочь, если вы поможете мне.

Зеленые существа зашущукались, видимо, решая, а стоит ли со мной связываться.

Наконец, вперед вышел самый крупный — наверняка, главарь.

— Будь по-твоему, — пискнул он и сплонул на пол. И зачем пачкать паркет?

— Мне нужна книга об абассинах, — ответил я. — Книга в обмен на рифму.

Зеленые почесали головы-тыковки, поросшие пушком, и закивали. Волна снова хлынула к шкафу, и в моих руках оказалась увесистая книга.

— Твоя очередь, — заявил главарь, а я уже отступал к выходу.

— Хорошо, — ответил у самой двери. — Слушайте. Надо мною вы смеялись, хохотали, потешались. Только зря так издевались — сами с носом вы остались.

И бросился бежать, захлопнув за собой дверь. Позади неся возмущенный писк. Да, поэт я тот еще. Это Анри мог сочинить что-нибудь, когда не был занят службой, а моих стихов учителя зачастую пугались. Но я обещал рифму? Обещал. Чем не рифма?

Запрыгнул на ближайший подоконник и уже собирался открыть книгу, когда на меня налетел кто-то из-за угла. При ближайшем рассмотрении узнал одноклассника, даже имени которого не удосужился спросить. Тот ничего не желал объяснять. Только вцепился в книгу, надеясь рывком вырвать из рук. Не тут-то было! Я держался за книгу так, будто от этого зависела моя жизнь. В какой-то степени так и было. Не удержался, огрел врага первым пришедшим в голову заклинанием. Пусть скажет спасибо, что это было всего лишь остоленение. Пока одноклассник пытался справиться с последствиями, я забрал книгу и раскрыл на нужной страничке. А оттуда на меня взглянул здоровенный бык. Только бык этот стоял на задних... ногах. А руками размахивал в воздухе. Это и есть моя цель? Как же мне найти её, а главное, как отпилить у горного абассина рог?

Увы, никаких действенных способов борьбы с абассинами книга не содержала, и я снова применил знакомое заклинание поиска. Оно сработало. Я оставил книгу на подоконнике и бросился за маячком. Правда, далеко уйти не успел. Еще двое одноклассников преградили путь.

— Эй, куда спешишь? — спросил верзила с оспинами на лице, Лойд.

— Туда же, куда и вы, — ответил я, пытаюсь его обойти. Конечно же, никто не собирался меня пропускать. Лойд и его помощник напали разом, повалили меня на пол и попытались приложить заклинанием, которое я едва успел отбить щитом.

— С ума сошли? — крикнул им.

— Нам надо дальше, — рыкнул Лойд.

— А мне, по-твоему, не надо?

Только кто меня слушал? Пока Лойд заходил справа, его приятель зашел слева. Ударили они слаженно — сразу два темных заклинания. Увы, видимо, задание отменяло правило не нападать друг на друга. Я поднял щит — свое самое сильное заклинание на сегодняшний день.

Его хватило, чтобы отбить заклинания, но не хватило, чтобы избавить меня от проблемы.

Двух проблем, если быть точным.

— Хватит! — рявкнул я. — Хватит, вы меня слышите?

А когда в грудь полетели два совсем не безобидных заклинания, злость взяла верх. Я не знаю, что сделал в ту минуту. Потом никак не мог вспомнить, но ладони вспыхнули черным светом, а одноклассники разлетелись в разные стороны. Совесть меня не мучила. Вместо этого я помчался вперед, на ходу призывая заклинание поиска. Как ни странно, «путь» возник. Легкое сияние уходило вниз, на те этажи, которые располагались на закрытых уровнях. Видимо, ради такого случая их открыли, и теперь я несся по ступенькам — лишь для того, чтобы меня едва не сбили с ног Майк и его новый сосед по комнате Рик.

— Беги, Фил! — крикнул на ходу Майк, взлетая вверх по лестнице.

Зачем? Я замешкался на мгновение, а затем услышал рев, от которого задрожали стены.

Кажется, у меня вот-вот состоится знакомство с горным абассином. Убежать я не успел.

Бык вылетел на меня. Из его раздувающихся ноздрей вырывалось пламя.

Мелькнула мысль, что это должна быть иллюзия. Отчислить — это одно, а вот убивать нерадивых студентов — это совсем другое. Но иллюзия на меня мчалась или нет, а воняло от абассина по-настоящему. Захотелось заткнуть нос, однако вместо этого надо было спасти свою жизнь. Поэтому я развернулся и побежал следом за Майком. Надо найти место, где абассин не пройдет. Он же огромный. Опять-таки, отпилить рог от живого абассина вряд ли получится. Что мне теперь, его убивать? Несмотря на то, что кое-кто пытался меня затоптать, ничего дурного мне абассин не сделал. Я бы с большим удовольствием убил кое-кого другого, кого здесь по определению быть не могло.

Может, в учебные коридоры? Там потолки достаточно низкие, и абассину прадется туго.

Я петлял, как заяц, которого пытался загнать в ловушку умелый охотник. Вправо-влево, пока впереди не замаячили знакомые двери классов. Помчался вдоль коридора.

Абассин взревел, его рога вычерчивали искры с потолка. А потом оножидасемо пригнулся, и я припечатал его магией оглушения. Тот покачнулся и упал. И как мне отделить от него рог? Пока я раздумывал над этим бесконечно важным вопросом, народу в коридоре прибыло. Еще трое одноклассников кинулись к абассину с явно кровавыми намерениями.

— Стоять! — гаркнул я. — Он мой!

— Чего это? — прищурился светловолосый Джой.

— Того это, — передразнил его я.

— Слушай, Фил, — вмешался второй парень, — мне нужен только хвост, остальное можешь оставить себе.

— А мне — копыто, — вторил Джой.

— А мне — голова, — вклинился третий.

В эту минуту абассин открыл глаза и посмотрел на меня так жалобно, что я отвернулся.

— Нет уж, — сказал остальным, — убивать мы его не будем. Кто из вас умеет создавать темную сеть?

— Я. — Джой поднял руку.

— Тогда мы держим абассина, а ты плетешь.

Решение пришло вовремя, потому что наша дооычка окончательно пришла в сею, взревела и попыталась жестоко мне отомстить. Я едва успел отпрыгнуть, а товарищи Джоя попытались заново оглушить абассина. Не подействовало! Видимо, у него выработался своеобразный иммунитет.

— Плетите быстрее, Джой! — крикнул я. — А вы петляйте!

И сам закружил по коридору, сбивая с толку огромного противника. Тот погнался за мной, но в узком низком коридорчике его маневры были ограничены. Поэтому он никак не мог достать никого из нас. Все было бы хорошо, если бы я не споткнулся. Вот только что убежал от абассина — и уже лежу на полу, едва не разбив нос, а абассин склонился надо мной. Я быстро создал щит, но противник разрушил его одним ударом лапы, схватил меня за ногу и приподнял над полом. Может, надо было его убить?

— Фил, давай! — крикнул откуда-то Джой.

Я дернулся, призывая магию. Абассин от неожиданности уронил меня на пол, и я отполз в сторону, а Джой применил сеть, опутывая нашу добычу. Абассин взвыл, попытался вырваться

— и не смог.

— Качественная работа! — крикнул я. — Теперь поднимаем его и тащим.

Оказалось, что даже вчетвером дотащить огромного абассина к точке сбора сложно. Мы волоком тянули его по полу, опасаясь, что сеть вот-вот треснет, а абассин вырвется. Тот дергался и ревел, натягивая плетение заклинания. Но вот остался всего один поворот до точки сбора, когда на нас вылетела еще одна группка.

— Эй, — крикнул её предводитель, — отдай быка!

— Это не бык, — ради справедливости заметил я.

— Все равно отдай!

Снова драться? Но тогда абассин вырвется, и всем будет мало места. Я сделал вщц, что собираюсь отпустить абассина, а потом резко кинул в лицо противникам заклинание ослепления, которому нас учили на днях. Они взвыли, а мы подхватили абассина и вывалились в большой зал, где нас ждал куратор Синтер.

Он был там — и уставился на нас с плохо скрываемым удивлением.

— Это что? — спросил, указывая на абассина.

— Наше задание, — просипел я, подталкивая добычу к куратору.

— Но, помнится, вам нужен был его рог, Филипп, — задумчиво заметил Синтер.

— А что на нем, рогов нет? — фыркнул я. — Вот же они! А вот хвост, который нужен ребятам, и копыта. Нигде ведь не значилось, что абассина обязательно убивать.

Синтер посмотрел на нас долгим, пронзительным взглядом — и вдруг рассмеялся. Он хохотал долго, хватаясь за бока и вытирая с глаз выступившие слезы.

— Подумать только, — расслышали мы сквозь смех. — Впервые на моей памяти кто-то решил пожалеть сущность и доставить её целиком. Из вас будет удивительный темный маг, Филипп. Если, конечно, вы завершите обучение до того, как вас сожрет кто-нибудь вроде абассина. Но задание выполнено, засчитано всем четверым. Можете проходить в общий зал.

И Синтер махнул в сторону противоположной двери. Мы потянулись туда — усталые, потные, но довольные собой, а абассин остался перед куратором. Оказалось, что дверь вела в другой зал, гораздо больший, чем тот, из которого мы только что вышли. Здесь было еще несколько групп, пока что достаточно небольших. Время от времени в разные двери заходили еще курсанты вроде нас. А когда каждая группа стала полной, перед нами появились и кураторы — восемь темных магов. Каждый замер рядом со своей группой. Мы кого-то ждали, но кого? Вскоре одна из дверей снова открылась, пропуская незнакомого мужчину. Он тоже был темным — разве в этом приходилось сомневаться? И посмотрел на нас, будто мы были мусором у него под ногами.

— Добрый день, претенденты, — заговорил он, а я все разглядывал бледное бесстрастное лицо, сжатые в плотную линию губы, темные короткие волосы. — Сегодня вы прошли первые экзаменационные испытания. Каждая группа показала свои результаты, которые будут занесены в общую таблицу. С этого дня вы будете тренироваться не по отдельности, а вместе, чтобы доказать, кто из вас достоин дальнейшего обучения в «Черной звезде». Признаюсь, некоторые из вас проявили подход, который меня удивил. Некоторые справились из рук вон плохо или не справились вовсе. Но окончательные результаты вы не увидите до самого последнего экзамена. Сейчас же время отдохнуть. Можете идти. Я уже было развернулся к двери в наш блок, когда дорогу мне преградил один из курсантов. И самое скверное, что я его узнал, как и он меня, потому что с его губ сорвалось:

— Быть того не может! Филипп Вейран!

Глава 20

Полина

Время летело — и словно не двигалось вовсе. Я по-прежнему не знала, с чего начать. У Виктора Вейрана были конфликты с сильнейшими людьми Гарандии, а меня, увы, никто не брал в расчет. Что может девчонка вроде меня? Я не могу войти в чужой дом, начать расспрашивать. Я даже на улицу старалась не выходить без надобности. Матушка наблюдала за мной — и мрачнела все больше. Я же будто затаилась и чего-то ждала. Казалось, судьба вот-вот даст ответы на мои вопросы, а судьба молчала...

Так пролетело две или три недели — дни скомкались для меня в единый водоворот, а я так и не стала ближе к предыдущему магистру тьмы или делу судьи Гарднера. Более того, о последнем я вообще знала крайне мало, а визит в городской архив сразу вызовет море вопросов. Тем не менее, я собиралась туда наведаться, только искала благовидный предлог. Я как раз рылась в домашней библиотеке, стараясь хотя бы там найти что-то интересное, когда с первого этажа послышался голос матушки:

— Полли! Полина!

Что еще стряслось? Уверена, её интерес не к добру. Спустилась с лестницы, которую придвинула, чтобы достать старинный фолиант с верхней полки, и пошла на зов. С матушкой мы столкнулись у лестницы. Она как раз поднималась, чтобы найти меня, а я шла ей навстречу.

— Ах, вот ты где! — Матушка казалась очень оживленной. — Полина, вечером приедут модистки. Нас пригласили на бал.

Бал? Она в своем уме? Я замерла на месте, не зная, как высказать все, что кипело в душе, и при этом не оскорбить мать.

— Я не пойду.

Единственный ответ, который сумела найти.

— Пойдешь, еще и как пойдешь! — Кристина Лерьер тут же скрестила руки на груди.

— Нет, мама. Какой может быть бал, если Анри...

— Что — Анри? Нет никакого Анри, Полли! Забудь это имя! Вейраны под запретом, их близкие родственники и вовсе носа в столицу не кажут. А бал — это способ показать, что у нас все в порядке, познакомиться с новыми людьми.

Едкая фраза уже крутилась у меня на языке, когда матушка добавила:

— Бал будет в магистрате. Оба магистра будут там, соберется только высший свет, поэтому то, что нам прислали приглашение — уже чудо. И потом, надо доказать нашу благонадежность. Модистки придут вечером. Точка!

— Хорошо, так и быть, — ответила я тихо и скрылась, пока могла держать себя в руках.

Бал? Какой бал? Я не знаю, как там Анри. Схожу с ума! Но там будут магистры... Двое, потому что к светлому алтарю пока еще никого не допускали.

И если Пьера я боялась, то с магистром тьмы надо бы познакомиться. Что там матушка сказала? Доказать свою благонадежность? Почему бы и нет? Он ведь должен знать, что за конфликт был у его предшественника с Вейранами. Но, конечно, об этом нельзя спрашивать в лоб. Тем не менее, хороший повод для встречи.

Я вернулась в библиотеку. Увы, свои книги отец хранил не здесь, уж не знаю, почему. Тут лежали только сочинения о любви и некоторые талмуды по светлой магии. А мне бы больше разобраться, что же собой представляет пустота. Иногда даже мелькала мысль попросить Пьера открыть для меня врата, но я гнала её прочь. Нельзя. Сначала надо выяснить правду.

Впрочем, одна из книг привлекла мое внимание. Это тоже было историческое сочинение, кстати, написанное моим дальним предком, если быть точной, пра-пра-прадедом. Тогда еще не было трех магистров, а Гарандией правил король. И королевский род контролировал

вместе тьму, свет и пустоту. Именно поэтому ему удавалось удерживать власть. А затем, когда в стране воцарилась тирания, первые магистры разделили магию королевского рода с помощью трех артефактов. Я так подозреваю, эти самые артефакты теперь и выбирали новых магистров. Один находился в светлом алтаре, другой — в темном посохе, и третий позволял открывать ворота в пустоту.

Здесь же находилось любопытное замечание, что у короля с пустотой был договор. Это что же получается, пустота — живое существо? Или некая сила? Мне всегда казалось, что это — другой мир. Получается, что нет? Интересно, а сейчас кто-то может обрести власть над всеми тремя артефактами? Видимо, маги постарались, чтобы такого не произошло.

Больше ничего интересного найти не удалось. Я со вздохом отложила книги, потому что пришли модистки. Они щебетали громко и неустанно, а мне казалось, что земля уходит из-под ног. Становилось все более тошно. Кажется, девушки это заметили, поэтому поспешно сняли мерки, я ткнула пальцем в первые попавшиеся фасоны, и они исчезли с глаз долой. Еще одна бессонная ночь, еще один мучительный день. Примерка, книги, примерка. Я чувствовала себя куклой, которая движется, говорит, дышит, а остается пустой. А если мать права, и Анри действительно больше нет? Я гнала эту мысль, а она возвращалась снова и снова. Мне надо было увидеть Пьера. Надо было задать всего лишь один вопрос. Наконец, день бала настал. Мне спалось хуже обычного, а в груди возрастало ощущение, будто нахожусь на пороге чего-то важного. Поэтому я ждала вечера с болезненным нетерпением. Матушка же приняла это за благоразумие.

— Вот так бы сразу, — говорила она, пока служанки укладывали мои волосы. — Познакомись с молодыми людьми, покажешь, какая ты у меня красавица. И не будь букой!

Улыбайся, а то на тебя смотреть страшно.

— Хорошо, — отвечала я, почти её не слушая.

— И еще, Полли, ради всех богов, не упоминай, что была обручена с Вейраном. Конечно, всем и так это известно, но чем меньше ты будешь привлекать к этому постороннее внимание, тем лучше.

— Как скажешь.

— Полина! Ты меня вообще слушаешь?

— Слушаю, матушка, — чуть обернулась я. — Улыбаться, не болтать. Все понятно.

Прическа как раз была закончена, я поднялась с кресла и прошла по комнате. Зеркало отразило тонкую, болезненно худощавую девушку в ярко-зеленом пышном платье, расшитом золотыми нитями. Девушка казалась мне чужой. И это платье, и украшения с изумрудами, и прическа. Кто она — и кто я?

— Поторопись же! — негодовала матушка. — Идем.

Мы спустились на первый этаж. Мысленно я пыталась представить, как привлечь внимание магистра тьмы. Что я о нем знала? Имя? Фернан Кернер. Знала возраст — самому молодому магистру было чуть больше двадцати семи. Самому молодому? Сколько же тогда лет Пьеру? Ведь выглядел он младше. Или же просто никто не знает возраст Пьера? Странно...

— Смотри под ноги! — недовольный окрик матушки, а я едва не споткнулась о порог. Надо собраться, сосредоточиться. Экипаж полетел по улицам столицы, а я комкала в руках веер. Он трещал и не сдавался.

— Ты поломаешь веер, Полли, — шикнула на меня мать.

И что с того? Я оставила веер в покое и принялась дергать оборки на платье. Это успокаивало. Матушка только воздела очи к крыше экипажа и отвернулась, чтобы не видеть безобразия. Она сама выглядела безупречно в ярко-синем платье, украшенном белой с серебром органзой и вышивкой. Наконец, экипаж остановился. Здание магистрата располагалось в самом центре столицы. Здесь три магистра обычно встречались за столом переговоров и решали особо важные вопросы из жизни Гарандии. А сегодня вокруг кипел праздник. Съезжались экипажи, шумели голоса гостей, доносились звуки музыки. А у меня на глазах были слезы. Я никогда и нигде не чувствовала себя такой чужой, как здесь.

Словно меня выдернули из привычной среды и поместили в чуждый мир.

— Полли? Что такое? — Матушка заметила, что я едва не плачу.

— Ничего, — качнула головой. — Соринка в глаз попала.

Конечно, мать мне не поверила, но предусмотрительно промолчала. За эти дни между нами установился хрупкий нейтралитет. Я делала вид, что все в порядке. Она делала вид, что верит мне. И мы обе знали, что беспробудно лжем.

Я вышла из экипажа. Прохладный воздух немного остудил голову. Что делать дальше? Как себя вести? Будь, что будет. Я шла за матушкой по дорожке, окруженной ровно подстриженными кустами. Яркий свет бил в лицо. А мысли разлетались в разные стороны. Наконец, мы вошли в бальный зал. В эту минуту показалось, будто все взгляды прикованы ко мне. Даже музыка будто стала тише, чтобы все присутствующие могли оценить: вот она, невеста убийцы светлейшего магистра. Захотелось спрятаться, но я расправила плечи и продолжила идти вперед, словно не замечая этих ненавадящих взглядов. Пусть катятся в пустоту. Как бы мне хотелось видеть всех их там, где сейчас Анри.

Матушка тут же заметила в толпе знакомые лица, зашебетала с подругами, а вокруг меня будто разверзлась пустыня. Мне это не мешало, не заставляло нервничать. Наоборот, успокаивало. Но мое счастье не длилось долго.

— Магистр тьмы Кернер, магистр пустоты Эйлеан, — провозгласил дворецкий, шире распахнулись двери, и в зал посреди воцарившейся тишины вошли двое. Я присела в реверансе, но украдкой все-таки наблюдала за магистрами. Меня интересовал Фернан Кернер, но и Пьера почему-то хотелось увидеть. Пьер не изменил привычке, только длинный балахон сменился на плащ с капюшоном, надежно скрывающим лицо. Фернана же я никогда раньше не видела вблизи. Он оказался выше Пьера почти на голову. Высокий, черноволосый. Его бледное, чуть вытянутое лицо чудилось потусторонним. Не человек, а оживший старинный портрет или статуя. Но больше всего мне запомнились огромные черные глаза. Магистр чуть повернул голову, и на мгновение наши взгляды встретились, а мне стало тяжело дышать. В его глазах клубилась сама тьма.

Снова заиграла музыка, магистры заняли место на возвышении, на котором традиционно ждали три кресла. Только сейчас на одно из них была наброшена непроницаемая черная ткань. Уже завтра претенденты смогут попытать счастья, чтобы стать следующим магистром света. Мне было плевать, кто им станет. Меня интересовали двое нынешних. После небольшого музыкального пассажа магистр Кернер заговорил:

— Жители Альсенбурга, сегодня заканчивается срок траура по нашему погибшему собрату Таймусу. Уже завтра начнутся испытания для тех, кто хочет проверить свой свет. Мы отдаем дань Таймусу, но жизнь продолжается. Поэтому веселитесь за того, кого уже нет с нами, и за того, кто прадед на смену Таймусу.

Заиграла музыка. Кавалеры тут же поспешили к понравившимся дамам, чтобы пригласить на танец или договориться о следующем. Я же, ожадаемо, осталась одна. Чтобы не мешаться под ногами танцующих, отошла к стене и принялась рассматривать гостей. Часть из них я знала. Даже заметила среди вальсирующих Катарину, свою подругу по коллежу. Конечно, выпускной ведь уже прошел. Она же предпочла сделать вид, что мы не знакомы. Только я приехала на бал не ради танцев и друзей.

Первый танец сменился вторым, второй — третьим, а я так и стояла в одиночестве, потому что моя матушка как раз не жаловалась на недостаток внимания. Зато у меня была возможность понаблюдать за магистром тьмы. Он скучал. Это было у него на лбу написано. И наблюдал за толпой, как за мушками, кружащимися у паучьей паутины. Мне стало жутко, я отвернулась.

— Можно вас пригласить, мадемуазель Лерьер? — раздался над ухом знакомый голос. Я упустила момент, когда ко мне подошел герцог Дареаль. Главный дознаватель сменил привычный наряд на черный с золотом камзол, белоснежную рубашку и темно-серые брюки.

— Я не танцую, — ответила тихо, ощущая, как в груди поднимается страх.

— Не бойтесь, я вас не съем.

Боюсь? Разве я боюсь его? Едва не рассмеялась Дареалю в лицо, но лучший ответ был иным, поэтому протянула ему руку.

— Хорошо, давайте потанцуем.

Этьен Дареаль осторожно обнял меня за талию и увлек в общий круг. Заиграл вальс.

Стоит признать, вальсировал мой партнер на удивление хорошо, будто в жизни занимался не тем, что обвинял невиновных людей, а учил танцам.

— Я кажусь вам смешным? — нахмурился Дареаль.

— Нет, что вы. — Стерла с лица глупую улыбку. — Просто задумалась о своем. Не думала, что вы посещаете балы, герцог Дареаль.

— А что же я, по-вашему, делаю в свободное время, мадемуазель Лерьер? — поинтересовался он. — Похищаю младенцев?

— Работаете, — ответила я, и теперь уже смеялся Дареаль.

Мне было неприятно находиться рядом с ним. Казалось, что он видит во мне больше, чем хочу показать. Хотелось спрятаться, стать маленькой и незаметной, но я заставляла себя улыбаться. Герцог может мне понадобится. Он — не последний человек в Гарандии, так что не стоит сразу записывать его в стан врагов.

— Признаться, я тоже не ожидал вас увидеть здесь, мадемуазель Лерьер, — признался Дареаль.

— Почему же? — спросила беспечно.

— Мне казалось, вы не в том... расположении духа, если можно так выразиться.

— Настроение у девушек переменчиво, как весенняя погода.

Дареаль не верил мне. Это читалось в каждом слове, каждом взгляде. А я не верила ему, так что мы находились в равных условиях. Поддерживать светский разговор оказалось на удивление легко. Я будто надела маску, и она заменила привычные чувства и эмоции. А самое удивительное, что после танца с герцогом нашлись еще смельчаки, желающие меня пригласить, но пришлось им отказать. Я ждала дамский танец.

Уже знала, что матушка будет недовольна, потому что я собиралась нарушить все приличия. Но разве магистры не мужчины? И при первых же аккордах знакомой мелодии я быстро попыталась пробраться к креслам магистров. Вот только дойти до цели не успела. Прежде, чем пригласила магистра Кернера на танец, передо мной возник знакомый серый камзол.

— Пьер, — подняла взгляд, встречаясь со странными серебристыми глазами.

— Простите, мадемуазель Лерьер, я едва не сбил вас с ног, — бесстрастно сказал магистр пустоты, оправдывая свой титул, и я никак не могла поверить, что это — тот самый Пьер, который помогал спасать Анри.

— Ничего, это я была неосторожна, — решила соблюсти вежливость. — Потанцуете со мной?

И кто тянул меня за язык? Но мне неожиданно показалось, что Пьер подошел именно за этим: чтобы не дать мне подобраться к Кернеру. И я решила, что стоит внести смятение в этот тихий омут.

— Да, потанцую.

Признаюсь, ответ стал для меня неожиданностью, а Пьер уже подал мне руку. Даже сквозь тонкую перчатку я чувствовала, как холодна его ладонь.

— Я не ожидал, что ты придешь, Полина, — отбросил он официальный тон, как только музыка заглушила наши голоса от чужих ушей, а я вдруг заметила, что в уголках его глаз будто серебрилась пыль.

— Матушка настояла, — решила, что откровенничать не стоит. Пьеру, как и Дареалу, нельзя доверять.

— Понимаю. Баронесса Лерьер умеет уговаривать?

— Да.

Пьер танцевал куда хуже Дареаля. Было заметно, что он не особо привык к танцам, но, тем не менее, уверенно вел меня и не оттоптал ноги. Я не знала, о чем с ним разговаривать. Между нами было слишком много тайн, чтобы просто так беседовать.

— Ты так и не узнал, кто...

«Убил Таймуса». Пьер понял и без слов.

— Нет, Полли. Увы, нет.

Я отвела взгляд. У меня был еще один вопрос, самый важный на свете, и только Пьер мог дать на него ответ.

— Он все еще жив.

Я повернулась чуть резче, чем следовало, и наступила Пьеру на ногу. Поспешно извинилась, но он словно чего-то ждал от меня.

— Ты уверен? — спросила тихо.

— Да. Пустота не лжет. По крайней мере, мне.

— Спасибо.

Именно об этом я и хотела спросить. Мне нужно было знать, сражается ли еще Анри, в порядке ли он. И ответ Пьера придал мне сил.

— Полли...

Музыка затихла. Пьеру оставалось только поклониться, и я поспешила прочь. Слишком много эмоций. Не справлюсь! Придется искать другой повод познакомиться с магистром тьмы.

Я выбежала в сад, чтобы хоть немного остудить голову. Бежала по аллеям, пока хватало сил, а затем рухнула на скамейку и сидела долго-долго. Вечер пах розами и мятой. А я чувствовала, как из меня уходит жизнь. Нет, рано сдаваться. Если у Анри получается, то получится и у меня.

Я поднялась со скамейки и медленно пошла обратно к бальному залу. Перешагнула его порог. Еще пару танцев оставалось до небольшого перерыва. Надо попросить матушку после обеда поехать домой. Я отыскивала глазами маму и сделала пару шагов к ней, когда дорогу мне заградил мужчина в черной мантии.

— Могу я пригласить вас на танец, мадемуазель Лерьер? — мягко спросил он. Это был сам магистр тьмы.

Глава 21

Филипп

Никогда не думал, что звук собственного имени сможет показаться мне громом среди ясного неба. За эти дни я привык быть никем. Даже испытывал от этого какое-то облегчение.

А главное — почти не помнил парнишку, который узнал меня. Кажется, он бывал на праздниках в нашем доме со своими родителями. Потому что вряд ли мы могли пересекаться где-то еще.

Но сейчас мне было все равно, кто он и откуда. Важнее было то, что все студенты, находившиеся в общем зале, уставились на меня так, будто я был болен опасной, смертельной и безумно заразной болезнью.

— Молчать! — гаркнул куратор Синтер, но дело уже было сделано. Что ж, я не собирался стыдиться своего имени. И уже не был наивным ребенком, чтобы не понимать, что последует дальше. Хотя, конечно же, не представлял полных масштабов катастрофы. Мы разбрелись по комнатам. Со следующего дня все претенденты на звание первокурсников должны были тренироваться вместе. В кои-то веки я порадовался, что живу один. Иначе пришлось бы наблюдать картину под названием «сосед по комнате собирает вещи». В том, что так было бы, я даже не сомневался. Но Майк переехал куда раньше, и я имел возможность побыть наедине со своими мыслями. А мыслей иногда бывало так много, что не знал, куда от них деваться. Боялся ли я следующего дня? Нет. После смерти родителей и приговора Анри страх стал чем-то иллюзорным, кажущимся. Я почти его не испытывал, за исключением редких минут сомнений — и ночных кошмаров, после которых каждую ночь просыпался в холодном поту. А в реальности кто-то будто набросил полог на мои эмоции. Я чувствовал — и в то же время не так. Не так, как до последних событий.

Вот и в эту ночь я боялся уснуть. Долго бродил из угла в угол, пару раз брался за учебник базовой магии — и снова возвращал его на стол. Наконец, решился и лег. И стоило уснуть, как тут же оказался на знакомой площади все перед той же виселицей. Когда это закончится?

Наверное, никогда.

Проснулся от собственного крика. Это тоже вошло в привычку. Поднялся, налил в стакан холодной воды и выпил маленькими глотками. Сердце ухало так, будто хотело пробить грудную клетку. Пытка и безумие. Иначе и не назовешь. Я пытался найти в учебнике средство, которое помогло бы не думать о доме и родителях, не беспокоиться о брате. И не

находил. А ведь оно должно было быть. Что ж, пока оно не найдено, придется забыть о сне. Я зажег светильник, придвинул к себе книгу и углубился в чтение. Некоторые заклинания испытывал сразу. Большая часть получалась без труда. Все-таки моя магия тоже видоизменилась. Даже ощущать её начал по-другому, будто маленький огонек, который тлел в груди, превратился в пламя. Теперь бы научиться этим пламенем пользоваться! А еще я помнил слова Пьера, что как только я сдам первый экзамен, и ко мне начнут допускать посетителей, он расскажет, что именно нужно найти в стенах гимназии, чтобы оправдать Анри. Пустота — пустотой, но людям рот не заткнешь. А о том, что брат может не вернуться, я и думать не хотел.

Утро застало меня за книгой. Голова гудела после бессонной ночи, но я привычно умылся холодной водой, оделся и, как только раздался звон колокола, направился на завтрак. Обычно вся группа завтракала в небольшой комнатухе неподалеку от спален, но на полпути меня догнал один из ассистентов куратора и сообщил, что нас ждут в общей столовой.

Я пошел за ним. Оказалось, что столовая находится этажом выше. Это было огромное светлое помещение, и сейчас его наполнял гомон и смех. Курсанты толкались, пытаясь поскорее заполучить заветную порцию, рассаживались вдоль столов. Я взглядом отыскал свою группу. Майк и еще двое парней уже сидели за столом, поэтому, забрав свою порцию, я двинулся к ним.

— Свободно? — спросил у Майка, указывая на три пустых стула.

— М-м-м, занято, — покраснел он.

— Понятно.

Я огляделся. Дальний стол все еще оставался пустым, и я прошел туда. Как и рассчитывал, последствия не заставили себя ждать. Но я и до этого мало общался с однокурсниками, так чему удивляться? Ожидаемо, мой стол обходили стороной, даже когда за другими не осталось мест. В толпе я узнал того самого парня, который вчера во всеуслышание назвал мое имя.

— А не слишком ли шикарно? — как раз говорил он приятелям. — Целый стол для него одного. Не хотел бы ты убраться, Вейран?

Выделил мою фамилию так, будто выплюнул. Я сделал вид, что его не слышу. Только быстрее заработал челюстями. До обеда еще далеко, а на голодный желудок не думалось. И магия страдала, поэтому я заставлял себя есть, как полагается.

— Эй, ты еще и оглох? — Парень замер напротив. В столовой воцарилась тишина. Все прислушивались к нашему разговору.

— Ты кто такой? — спросил я, подвигая к себе чай и обдумывая, какое заклинание применить, если кое-кто не угомонится.

Парень побагровел. Он что, магистр, чтобы я знал его по имени?

— Роберт Гейлен, — наконец, ответил он.

Точно, сын бывшего сослуживца отца. Родители общались с Гейленами не особо часто, и Роберта я видел раз или два. Зато он хорошо знал, кто я такой. Забавно.

— Приятно познакомиться, — ответил я.

— Так мы знакомы! — Роберт начинал злиться.

— Да? Извини, не припомню. Но если так, то неприятно.

Роберт пошел багровыми пятнами, а я залпом допил остывший чай и поднялся из-за стола.

— Увщимся на лекциях, — махнул Роберту рукой и пошел прочь.

— Выродок, — крикнул он мне в спину.

От выродка слышу. Плевать на оскорбления. А перейдет к активным действиям, найду, как его угомонить. Жаль, магию не применишь, запрещено. А вылететь из гимназии мне никак нельзя. Придется терпеть.

В том, что мой новый враг не угомонится, я даже не сомневался. Замкнутое пространство, минимум развлечений. Да и тип людей, к которому принадлежал Роберт, был в принципе мне понятен. Вокруг него, в отличие от ребят из нашей группы, уже начали собираться «единомышленники». Те, кто признавал в нем более сильного и умного, а, может, и более знатного, и надеялся урвать себе хлебное место, пока оно не занято другими. А как утверждает свою власть тот, кто не стал пока еще никем, по сути? Правильно, за счет других. Тех, кого можно безнаказанно унижить. Будь правила в гимназии не такими

строгими, я бы ему показал, с кем он связался. Да, мой арсенал был по-прежнему невелик. Но магия стремительно росла, и её хватило бы на одного негодяя.

Решив, что думать о старом-новом знакомом — велика честь, я захватил конспекты и пошел в лекционный зал. Теперь он был полон до отказа — все места заняты. Только рядом со мной ожидаемо образовалась проплешина. Но было одно «но» — мест в зале было ровно шестьдесят четыре, по количеству претендентов. И кто-то неминуемо должен был занять пустующие.

Я ждал. Так, наверное, паук ждет зазевавшуюся мушку. Кто же? Кто рискнет прийти на первую общую лекцию позднее всех? Количество свободных мест стремительно уменьшалось, вот их осталось четыре, три...

В аудиторию влетели трое запыхавшихся парней. Когда я понял, что один из них — тот самый Роберт, и без того поганое настроение стало еще хуже. Значит, лекция пройдет в крайне «теплой» обстановке. Роберт замер передо мной.

— Подвинься, — потребовал он, чтобы, видимо, рядом сидел один из его дружков. Через место от меня тут же началось волнение, я его будто кожей почувствовал.

— И не подумаю, — ответил я. — Приходить надо вовремя.

— Пожалеешь!

И я рассмеялся. Смеялся так, что заболело в боку, а Роберт глядел на меня, как на сумасшедшего. Наверное, я таким и казался, но после событий последнего месяца угроза Роберта казалась такой смешной. Пожалее? С какой это стати? Осталось ли хоть что-то, что я могу потерять?

— Вот псих, — прошептал Роберт и занял свободное место, а его приятелю пришлось занять второе. Прямо почетный эскорт!

Дверь открылась, место за кафедрой занял незнакомый преподаватель — мужчина лет сорока. Кажется, я видел его мельком с одной из групп. Наверняка, чей-то куратор.

— Добрый день, — начал он. — Меня зовут Найтел Фокс. В оставшиеся дни до первого экзамена я буду преподавать у вас теорию и практику магических потоков. Слушайте внимательно и тщательно конспектируйте. Тем из вас, кто пройдет дальше, конспект крайне пригодится. Кроме того, практикумы будут оцениваться достаточно высоко и прибавят вам дополнительные баллы. А без теории в практике, как известно, никуда. Записывайте.

Я придвинул стопку листов и взялся за перо. Хорошо хоть, учебными принадлежностями, как и формой, обеспечивала академия. Иначе тех средств, что у меня остались после погрома в особняке, не хватило бы надолго, а доступ к счетам отца... Это то же самое, что выйти на площадь и попросить: «Арестуйте меня». Кем-кем, а самоубийцей я не был. Роберт изловчился — и толкнул меня под локоть. На листе образовалась жирная клякса.

— Прошу прощения за неловкость, — пробормотал он таким тоном, словно желал меня проклясть, и толкнул еще раз. Я приказал себе успокоиться. Не время и не место. Но это было мое решение, не его. Третья клякса села на лист. Я отодвинулся, насколько это было возможно, а Роберт, наоборот, придвинулся.

— Слушай, тебе места мало? — спросил я шепотом.

— А если мало, то что? Уступишь мне свое?

Раздались единичные смешки. Свита поддерживала своего короля.

— Что там такое? — профессор Фокс поднял голову.

— Филипп утверждает, что материал лекции знает и так, — ответил Роберт, а я вспыхнул до корней волос. Ну, все! Кажется, в моем терпении только что пролегла глубокая трещина.

— Да? — Фокс пристально взглянул на меня. — И что же вам известно о магических потоках, Филипп?

— Я не говорил такого, — ответил профессору.

— Хотите сказать, ваш сосед лжет?

— Именно это я и хочу сказать.

Роберт принял вид настолько оскорбленный, что было бы смешно, если бы я не пылал от гнева.

— Идите оба сюда, — подозвал профессор Фокс. — Ну же!

Я спустился на кафедру, предчувствуя подвох. Роберт нехотя плелся за мной.

— Разбираться, кто из вас прав, а кто — нет, крайне долго и утомительно, — лениво заметил Фокс. — Поступим иначе. Кто бы из вас не нарушил дисциплину, отвечать будут оба.

А вот то, что лучше внимательно слушать лекцию, я вам сейчас докажу. Разойдитесь на десять шагов.

Да уж, влип. Кажется, сейчас профессор будет устанавливать свой авторитет в группе за мой счет. Спорить я не стал — бесполезно. Вместо этого отошел на положенное количество шагов и замер.

— А теперь ваша задача. — Фокс поглядел на нас свысока. — Сейчас перед вами появится заклинание. С помощью магических потоков вы должны направить его на противника, иначе оно обрушится на вас. Сразу скажу, заклинание крайне неприятное. Думаю, ни один, ни второй не желают сутки страдать недержанием. Приступим.

Заклинание материализовалось точно между нами. Это был небольшой темный сгусток, который завис всего на мгновение, и...

Я призвал щиты — это первое, что надо сделать, сталкиваясь с заклинанием. Затем попытался подцепить его магически, а Роберт ударил наотмашь. Маневр не удался.

Заклинание отлетело ко мне, ударилось о щит — и понеслось обратно в Роберта.

Осталось только немного его подтолкнуть. А вот мой противник защититься не успел.

Сгусток завис прямо перед его носом — и превратился в воздушный шар, который лопнул, залив противника водой.

— Вот так-то, — сказал профессор Фокс. — Думаю, не очень-то приятно чувствовать себя мокрой курицей. А вы, Филипп, все-таки что-то смыслите в магических потоках, похвально. И щиты выстроили правильно. Но это был всего лишь шарик. А если столкнетесь с настоящей магией? Роберт, идите сушиться. Филипп, займите свое место. Роберт взглянул на меня так зло, будто это я попытался выставить его дураком. Ну и пусть. Хотя, все-таки маленький огонек торжества зажегся в сердце. Ничего, справлюсь. Я занял свое место и продолжил писать лекцию, а вернувшийся враг решил пока что не связываться.

Пары летели быстро. Традиционно — до обеда лекции, после обеда — практикумы. Когда в столовой мне снова предоставили целый стол в личное распоряжение, я только обрадовался.

Ждал нового выпада от Роберта, но тот затаился. Видимо, обдумывал страшную месть. Я понимал, что он не уgomонится, только, как ни странно, злости не испытывал. Мне было все равно. Неприятно, не более того. Видимо, что-то во мне все-таки сломалось, теперь починить бы. Или не стоит?

Последний практикум закончился ближе к ночи. За временем можно было следить только относительно. Мы по-прежнему занимались на подземных этажах, и свет здесь был искусственным. Часы показывали восемь. На ужин я не пошел — есть не хотелось. Вместо этого направился в библиотеку. Задали много, а времени на выполнение заданий не было вовсе. Пришлось надолго зарыться с головой в книги. К полуночи рука болела от исписанных конспектов, а кровать казалась желанной, как никогда. Я даже надеялся, что от усталости кошмары отступят. Зря? Или нет?

Придется проверить опытным путем. А то скоро прадется идти к профессорам за заклинанием от бессонницы. А ведь профессора тоже знали, кто я. Не могли не знать, но никак не выделяли из числа других студентов.

Я отложил перо, потер уставшие глаза. Надо адти. Расставил книги по полкам, прикоснулся к магической печати, давая знать, что покидаю библиотеку, и вышел в коридор.

Сейчас его освещала всего лишь пара светильников. Все-таки ночь, кому прадет в голову сидеть в библиотеке, кроме меня? Я быстро пошел к своей комнате. Надо было еще прочитать один параграф — и спать.

Наверное, именно из-за усталости я упустил момент, когда дорогу мне преградили пятеро.

Ого! Роберт почти всю группу под себя подмял. Что же троих не дожал?

— Кого я вижу! — картинно изумился враг, словно это не он меня ждал. — Грызешь гранит науки? Надеешься попасть на первый курс? Так вот, я бы не советовал, Вейран.

Сколько еще он будет употреблять мою фамилию, как ругательство?

— А то что? — спросил я все еще спокойно.

— Пожалеешь, — пообещал Роберт.

— Я жалею только об одном — похоже, мне придется учиться с тобой в одной группе. Или ты сделаешь мне подарок и провалишь экзамен?

Роберт кинулся на меня первым. Уже хорошо — хоть совесть будет чиста. В эту минуту я не думал о том, что их пятеро против меня одного. Злость всколыхнулась волной откуда-то изнутри. Я ушел от удара — да, рукопашный бой не был моим «коньком», но и беспомощным в нем я бы себя не назвал. Четверка помощников пока что наблюдала.

Видимо, Роберт мечтал победить меня сам.

От второго удара я увернулся тоже. Затем пригнулся, чтобы Роберт подался вперед и приблизился на опасное расстояние, и ударил точно в нос.

— Тварь! — взвыл Роберт. Видимо, поражение командира и стало спусковым крючком для остальных. Они церемониться не собирались. Я тоже. Отскочил назад, чтобы за спиной была стена коридора. Все происходящее воспринималось на удивление ясно, будто и не было долгого утомительного дня. Я поднял щит — это заклинание вошло в привычку. Оно не было атакующим, а значит — запрещенным тоже не являлось. Первые удары щит принял на себя, а я кинулся вперед, решив сначала избавиться от наиболее серьезной угрозы. Ею казался верзила выше меня на голову и старше года на три. Он, конечно, не стал ждать, пока разобью ему лицо, и увернулся. Я пролетел чуть вперед, запоздало подумав, что не стоило этого делать, потому что теперь двое зашли за спину, а Роберт присоединился к товарищам. Мало ему носа!

— Что, щенок, кусаться решил? — прошипел он. — Может, позовешь на помощь мамочку? Ах, да, забыл! Нет у тебя мамочки, издохла.

Щелчок — и разум сдался. Вокруг пальцев заплескала магия. Не знаю, что меня остановило. Скорее всего, радость Роберта — он-то понимал, что меня исключат за такой тип заклинания. Заклятие уже неслось к Роберту, когда я развеял его. Вот только я отвлекся на атаку и вспомнил, что мы не одни, когда со всех сторон обрушились удары. Щиты рассеялись.

Я не сразу смог поднять их обратно, а потом уже было поздно.

Бить друзья Роберта умели. Удары сыпались так плотно, что я успевал отразить только половину из них, и то мои жалкие попытки, наверное, напоминали барахтанье котенка в луже.

— По лицу не бейте, — командовал Роберт. — Заметят.

Боль вышибла воздух из легких. Из глаз посыпались искры, а противники только усилили натиск. Я упал на пол. Кулаки сменились на ноги. Вот только подняться я уже не мог. Было так больно, что перед глазами стремительно темнело. А магия умоляла спустить её с цепи. Если бы я мог! Если бы...

Внезапно удары прекратились.

— Живой? — склонился надо мной Роберт.

— Катись к демонам на рога, — просипел я.

— Что, мало?

Я молчал. Не потому, что боялся его, а потому, что говорить тоже было больно.

— Расскажешь профессора — придем, — пообещал Роберт, и вся компания удалилась, а я так и остался лежать на полу в коридоре. Прошло, наверное, около четверти часа, когда смог магией унять боль и медленно подняться. По стенке добрался до своей комнаты. Часы показывали половину первого ночи. Я добирался сюда полчаса? Потому что дрались мы быстро. Надо было умыться, переодеться. Надо...

Я запер за собой дверь комнаты, закрыл лицо руками и замер. Внутри словно прорвало плотину. Будто все, что так долго держал под контролем, переполнило сосуд и полилось через край. В тишине мой тихий смех казался безумным даже мне самому. Когда он перешел в слезы — не знаю, но таких истерик у меня в жизни не было. Я свернулся на полу и ревел, пока не перестало хватать воздуха, а потом еще долго лежал, чувствуя, как привычная пустота возвращается на место. Вадел бы меня отец! Стыщился бы. Наверное, только эта мысль и заставила подняться на ноги и доплестись до кровати.

Я рухнул на подушку и закрыл глаза. Болело все, что только могло болеть, но так было надо — чтобы понять, что я все еще жив. А потом пришел сон, и радовало одно — эта ночь все-таки прошла без кошмаров.

Глава 22

Полина

Отправляясь на бал, я представляла какие угодно варианты знакомства с темным магистром, даже самые нелепые. Но никак не думала, что он сам подойдет ко мне и пригласит на танец. Вдруг стало жутко. Не страшно, а именно жутко, потому что было в его карих, почти черных глазах нечто звериное, заставляющее вжимать голову в плечи и чувствовать себя маленькой и беспомощной. Только я знала, зачем сюда пришла, и протянула руку магистру Кернеру. Нежная, плавная музыка никак не вязалась с самим образом этого человека. И когда мы вошли в круг танцующих, на мгновение показалось, что я сплю, и все происходящее мне снится.

— Мы не встречались с вами прежде, мадемуазель Лерьер, — заговорил магистр, осторожно придерживая меня за локоть, как того требовала фигура танца.

— Я училась в коллеже, — сделала вид, что не понимаю, куда он клонит. — Затем ненадолго покинула столицу, и лишь недавно вернулась.

— Где же вы были? — Кернер улыбался, но взгляд его оставался холодным.

— У дальних родственников.

Не самые тактичные вопросы, но я делала вид, что все хорошо. Мне было нужно это знакомство. Уж Кернер-то точно знал нечто такое, о чем не было мне известно, и, возможно, не только мне, но и Пьеру. Взгляд Пьера я чувствовала кожей. Он следил за моими перемещениями по залу. И готова поклясться, что взгляд этот был недовольным. Кернер тут же уловил мое замешательство.

— Ждете кого-то? — спросил он.

— Нет, — ответила я. — Просто не привыкла к подобной обстановке.

— Привыкнете. Молодые девушки быстро осваиваются на балах среди поклонников. Тем более, что вопрос замужества никто не отменял. Правда, мадемуазель Лерьер?

К чему он клонит?

— Я не тороплюсь выходить замуж, — ответила спокойно. — Думаю даже о том, чтобы продолжить образование.

— А я слышал, вы помолвлены.

— Слухи лгут.

Прости, Анри. Но темный магистр — не тот, с кем стоило обсуждать нашу помолвку. И надо было быть осторожной вдвойне, потому что магистр Кернер не только не внушал мне доверия, а и вызывал какой-то внутренний трепет.

— Что ж, это к лучшему, — говорил магистр. — У вас будет время присмотреться к возможным кандидатам.

— Согласна с вами, — чинно кивнула, как благовоспитанная девушка. Что же он имеет в виду?

Магистр замолчал, я тоже не торопилась возобновлять разговор. Как можно задать ему нужные вопросы? Мне казалось, что он старательно загоняет меня в угол. Зачем? Почему?

— Вы так смотрите на меня, будто побаиваетесь, мадемуазель Лерьер, — усмехнулся Кернер.

— А мне стоит вас бояться? — заставила себя улыбнуться.

— Я пока еще не решил.

— Когда решите, сообщите мне, будьте добры.

А Кернер вдруг рассмеялся, звонко и заливисто. Ближайшие пары обернулись и посмотрели на магистра так, будто боги сошли с неба. Но тот веселился совершенно искренне.

— Знаете, мадемуазель Лерьер, кажется, решение уже принято, — сквозь смех сказал он.

Вы — крайне храбрая девушка, и вряд ли будете бояться меня даже тогда, когда действительно стоит.

— Возможно, вы и правы.

Я пожала плечами, фигура танца сменилась, и мы на время поменялись партнерами с другой парой. И как это понимать? Магистр намекает, что следит за мной? Что стоило бы

опасаться? Или просто играет? Нет, не разобрать. А когда танец свел нас снова, от бывшего веселья не осталось и следа, и Кернер снова смотрел на меня взглядом более строгим, чем взгляд главного дознавателя.

Наконец, музыка затихла. Мы вежливо раскланялись, и я отошла в нишу у окна. Надо было отыскать матушку и попросить поехать домой, потому что я чувствовала себя совершенно изможденной. И раз уж магистр дал понять, что наше общение на сегодня исчерпано, то мне пора. Но вместо матушки ко мне подошел Пьер.

— Что хотел Кернер? — сухо спросил он.

— Это не имеет к тебе отношения, — чуть грубее, чем следовало, ответила я. Но усталость давала себя знать.

— Будь с ним осторожна, Полли. Фернан — тот еще змей.

— Я уже поняла. Только видишь ли, я не смогу жить спокойно, пока не докажу правду.

Это для Анри следствие закончилось. Для меня оно продолжается.

— Ты можешь на меня рассчитывать.

Я качнула головой. Могу рассчитывать? Смешно. Не на того, кто лгал мне столько времени, прикрываясь маской друга. Но и я была не в том положении, чтобы отказываться от чьей-либо помощи. Только не хотелось, чтобы эта помощь исходила от Пьера. Я все еще не понимала, что двигало им, когда он выдавал себя за другого человека. Не понимала, что движет им сейчас. Слишком сложно и фальшиво. Даже Кернер казался более понятным. Пока что...

— Ты не видел мою мать? Я хочу домой, — сказала тихо.

— Кажется, она разговаривала с маркизом Авертасом, — указал Пьер мне за спину.

А вот маркиза видеть не хотелось. Уехать одной?

— Я могу отвезти тебя, — предложил Пьер. — Кернер справится тут и без меня.

— Думаешь, матушку это порадует?

— Давай спросим у неё самой.

Я наблюдала, как Пьер подходит к моей матери. Она удивленно вскидывает брови, но затем лучезарно улыбается. Еще бы, магистры — первые люди в стране. Кажется, ей льстит внимание Пьера к нашей семье. Магистр пустоты махнул мне рукой, и мы вместе двинулись к выходу из зала. Странная компания в чужих глазах.

Снаружи было свежо и спокойно. Я подождала несколько минут, пока нам подали экипаж.

Пьер протянул руку, помогая занять свое место, и сел рядом. А мне стало не по себе.

Если Пьера Лафира я считала другом, то Пьера Эйлеана боялась до зубовного скрежета.

Может, потому, что он был мало похож на человека? Экипаж тронулся. Пьер устало потер виски. Видно, не одну меня утомил этот бал.

— Слушай, Полли, — отбросил он всякие церемонии, — постарайся держаться в стороне от убийства Таймуса, хотя бы временно.

— А я разве не держусь? — сделала вид, что не понимаю, о чем он. — Как видишь, езжу по балам, общаюсь с перспективными женихами.

Пьер улыбнулся и стал на мгновение похож на себя прежнего.

— Мы оба понимаем, о чем я.

Улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. Я задумчиво уставилась в окно.

— Удалось что-нибудь узнать? — спросила у Пьера.

— Нет. Но надо, чтобы прошло время, и настоящий преступник расслабился. И потом, вряд ли убил Таймуса тот, кому была выгодна его смерть. Имею в виду, должен быть исполнитель.

Значит, мы ищем минимум двоих.

— А максимум?

— Бесконечность. У Вейранов были свои враги, у Таймуса — свои. И у твоего жениха лично — собственные.

— У Анри были враги? — насторожилась я.

— Были. Но я ничего не расскажу, уж извини. Послушай мудрого совета и останься в стороне хотя бы полгода.

— Почему полгода? — Снова обернулась к Пьеру и вглядывалась в его лицо.

— Чтобы все утихло. Раньше Анри точно не вернется. В пустоте время течет иначе. А убийца может допустить ошибку, которая позволит нам его найти.

— Нам?

— Мне, — упрямо ответил Пьер.

Повисло молчание. Я смотрела на его лицо — неживое, высеченное из мрамора.

— Как ты стал магистром пустоты? — спросила тихо.

— Это долгая история, — усмехнулся Пьер. — А мы уже приехали. Давай в другой раз? И если буду нужен, ты знаешь, где меня искать.

Экипаж действительно остановился. Пьер проводил меня до двери родного дома, а затем бегом попрощался и уехал. Стоило признать, что этот вечер дал мне больше вопросов, чем ответов. Но и абсолютно бесполезным не стал. Только я совсем не знала, каким должен быть следующий шаг.

Не знаю, в котором часу вернулась матушка. Где-то посреди ночи я услышала её голос, отдававший приказание прислуге. Она лишь на мгновение заглянула в мою комнату, убедилась, что сплю, и ушла, а я тут же открыла глаза. Мне безумно не хватало Анри. Днем было легко храбриться, а с наступлением темноты тоска накатывала с новой силой, и становилось совсем невмоготу. Вот и сейчас я беззвучно плакала, хотя много раз обещала себе, что не буду. Потом вспомнила, что так и не спросила Пьера о Филиппе. Как он там? В порядке ли? Фила тоже не хватало. Он стал для меня младшим братом. Что ж, встреча с Пьером точно была не последней, еще спрошу. Но если бы что-то случилось, Пьер бы мне сказал, правда ведь?

Снова закрыла глаза и приказала себе спать. В ту ночь впервые за долгое время мне приснился Анри. Во сне я видела серый туман, который клубился под ногами. Сквозь него будто даже проглядывали очертания деревьев. Сначала я была одна. Все шла и шла, стараясь найти кого-то, еще не понимая, кого. А затем туман вдруг рассеялся. Мы стояли и смотрели друга на друга. Анри молчал, а я пыталась сказать хоть что-то, но не получалось.

— Уходи.

Всего одно слово слетело с его губ, и я проснулась. Подушка была мокрой от слез, а за окнами разгорался рассвет. Поднялась с постели и села у окна. Всего лишь июль, а такое чувство, что с момента вынесения приговора прошел целый век. Сколько еще ждать? И есть ли, на что надеяться?

Так я просидела до утра. Спустилась к завтраку, скорее, по необходимости, и заметила, что матушка так и лучится довольством.

— Доброе утро, — поприветствовала её.

— Доброе утро, Полли. Как спалось? — спросила она.

— Замечательно, — привычно солгала я.

Долго молчать матушка не собиралась. Как только нам налили чай, она тут же оживленно защебетала:

— Ты вчера произвела настоящий фурор, дорогая! Меня только о тебе и спрашивали.

Уверена, скоро вся эта история с Вейранами забудется, и ты найдешь достойную партию.

Я предпочла не отвечать и не спорить. Хочется матушке так думать — пусть думает. Я же твердо знала, что за другого не выйду. И у меня были неоспоримые доводы.

— Надо же, тобой заинтересовались даже магистры! — Не скрывала восторгов мать. — Что тебе говорил магистр Эйлеан? Наверняка, пригласил на свидание?

— Нет. — Качнула головой. — Он всего лишь заметил, что я неважно себя чувствую, и предложил отвезти домой.

— Ну да, ну да. Учитывая, что магистр Эйлеан — крайне необщительный человек, то это уже можно рассматривать как признание в симпатии.

И матушка с таким довольным видом откусила булочку, будто уже видела меня женой Пьера.

— А магистр Кернер! — продолжила чуть позднее. — Вы так красиво смотрелись вместе, что все любовались. Еще раз убеждаюсь, что судьба знает, что делает. Видимо, тебе суждено гораздо большее, чем брак с графом Вейраном, Полина.

Да, большее. Найти убийцу светлого магистра в компании магистра пустоты, подозревая при этом темного магистра. Я едва не рассмеялась, хотя смешного в ситуации как раз ничего не было.

— На следующей неделе нас приглашают в загородное имение барона Вольдена. У него, кстати, есть сын, очень многообещающий молодой человек.

— Я не поеду.
— Поедешь. — Матушка кинула ложечку на блюдечко так сильно, что раздался звон. — Поедешь, как миленькая. Надо позаботиться о своем будущем. Я, конечно, буду рада, если ты выйдешь за одного из магистров, но все-таки и к другим кандидатам присмотришься.
— Я. Не. Поеду.
— Полина, это не просьба, — нахмурилась матушка. — Ты поедешь. Разговор окончен. Не знаю, к чему привел бы наш спор, но в дверях появился слуга. Он держал в руках небольшой поднос с черным конвертом. Глаза матушки мигом стали огромными, как плошки.
— Письмо для мадемуазель Лерьер, — поклонился он.
Я протянула руку за конвертом, быстро распечатала его и прочла:
«Мадемуазель Лерьер, никак не могу забыть наш танец и хотел бы продолжить столь приятное знакомство. Надеюсь, вы не откажете мне в прогулке по Белому бульвару завтра в полдень. Магистр Фернан Кернер».

Глава 23

Анри

Мой постоянным спутником стал страх, и я ненавидел себя за это. Он пришел впервые тогда, когда я увидел умирающего Таймуса на полу в кабинете. Страх прорастал под кожу, впивался мелкими щупальцами. Я старался вырвать его оттуда, но не выходило. А затем начались бесконечные допросы и пытки. Меня лечили только для того, чтобы пытать снова. Требовали признаться в том, чего не совершал. Страх подружился с болью. Каждый скрип двери обозначал, что сейчас боль вернется, но страх приходил раньше. И в минуту вынесения приговора он вдруг вырос и превратился в первобытный ужас. Там, в темной сырой камере, я пытался вспомнить все, что знал о пустоте. Несколько часов... Вот и все, что осталось. Память подводила. По всему выходило, что пустота — это неведомое нечто, из которого крайне редко возвращаются. А если это все же происходит, то люди теряют рассудок. Я клялся себе, что выдержу. И думал о Полли. Только эта мысль все еще помогала держаться. О Полли, которая рискнула спуститься в мою тюрьму, которая не верила в мою вину. Я должен выстоять — ради неё.
Там, у врат пустоты, я увидел её всего на мгновение. Но есть мгновения, которые стоят вечности. Позднее все вспоминалось какими-то пятнами. Полли, а вокруг черные пятна — стражники, серое — магистр пустоты. Шаг — и врата закрылись.
Поначалу я ничего не увидел. Было... пусто. Затем постепенно чернота стала серой. Серый туман клубился у ног, серые облака ползли по черному небу. Шаг, еще шаг. Страх радостно поднял голову. Мне придется здесь жить? Или умереть?
Вдруг я услышал плач. Пронзительный детский плач. Раньше, чем подумал, откуда в пустоте дети, я уже бежал туда. Плач звучал все ближе, и вдруг оборвался на пронзительной ноте. Девочка в тоненьком белом платьице сидела на огромном валуне. Она казалась бы обычной, если бы не абсолютно седые волосы.
— Кто ты? — тихо спросила она. — Морок?
— Нет, я — человек, — ответил ей. — А ты? Как ты сюда попала?
— Я всегда здесь и была. — Девочка спрыгнула с камня. — С тех пор, как меня заточили. Кажется, я начинал понимать...
— Ты — пустота?
— Чаще всего меня называют именно так. — Моя собеседница серьезно кивнула. — Как твое имя?
— Анри.
— И зачем же ты здесь, Анри? — Она смотрела на меня взглядом более цепким, чем главный дознаватель магистрата.
— За справедливостью, — ответил я, а Пустота захохотала. Она вдруг стала выше и старше, и превратилась в женскую фигуру в сером балахоне. Капюшон надежно скрывал от меня её лицо.

— Справедливостью? Как глупо. — В голосе звучала насмешка. — Глупый-глупый Анри. Но я добрая. Я дам тебе шанс. Поцелуй меня.
— Что?

Но раньше, чем я успел пошевелиться, Пустота скользнула ко мне, вцепилась в плечи и коснулась губами губ. Я сразу продрог до костей.

— Вкусный! — радостно оживилась хозяйка врат. — Честный, да? Любящий. Глупый мальчик. Таких, как ты, слишком сладко ломать.

Я замер, не понимая, что происходит, а Пустота кружила вокруг меня в немыслимом танце. Её ноги не касались земли. У неё и вовсе не было ног, и вскоре вокруг меня летел серый вихрь. А когда пыль осела, я находился в комнате с десятками дверей. Двери были вмурованы в пол, стены и даже парили в воздухе.

— Смотри, Анри, — сказала Пустота на ухо, сзади опуская руки мне на плечи. — За одной из этих дверей — твой мир. Свобода, справедливость, любовь. И месть. Но лишь за одной. — А что за другими? — спросил я.

— О! Тебе лучше взглянуть самому. Это очень, очень забавно. Ищи выход, Анри, и, даю слово, я отпущу тебя.

Я обернулся. Позади уже никого не было, только вился легкий дымок, будто от костра. Какую из дверей открыть? Решил, что начну с самой дальней. Вряд ли выход может располагаться близко. Дверь была старой, серой, с большой круглой деревянной ручкой. Я толкнул её. Внутри клубилась тьма. Я сделал шаг, и дверь с грохотом захлопнулась, а из темноты начали проступать знакомый коридор, лестница, окна, за которыми не было света. Это же мой дом.

Я пошел вдоль коридора. Спустился этажом ниже — и очутишься возле входной двери. Сначала шел медленно, затем побежал, а из стен вдруг протянулись ко мне руки.

— Куда же ты, Анри? — звала меня мама. — Останься!

— Остановись, трус несчастный, — это уже отец. — Боишься собственной тени!

— Анри, ты нужен нам, — звала старушка-няня.

А я бежал и бежал. Коридор казался бесконечным, рук становилось все больше. И количество голосов тоже росло.

— Анри! — звали знакомые и незнакомые. — Останься...

Нет, нет. Ужас затопил меня изнутри. Я заметался, как в тисках. Нет, пожалуйста! По лестнице скатился кубарем, но тут же подскочил на ноги. Боль в этом иллюзорном месте была вполне реальной.

— Пустите! — закричал, зажимая уши руками. Не помогло! Я все равно слышал их.

Слышал дыхание за спиной — и боялся обернуться. А пол вдруг пошел волнами, будто стараясь сбить меня с ног. Бежать!

И я снова помчался вперед. Поворот, поворот. Дверь уже должна была быть передо мной. Я снова повернул. Мать и отец стояли у двери. Умом понимал, что они мертвы. Но, наверное, я не верил до конца. Сейчас поверил, потому что мать протянула посиневшую руку и поманила меня. Нет, надо обойти их, добраться до выхода. Я чувствовал, что там свобода! Что я смогу выбраться. Шагнул вперед — и мать шагнула ко мне.

— Ну же, Анри, — ласково сказала она. — Куда ты бежишь? Мертвым не надо куда-то мчаться. Здесь так тихо и спокойно. Останься с нами.

— Нет, нет. — Я отчаянно тряс головой.

— Что же ты, сынок? — вмешался отец. — Не думаешь о родителях. Оставайся. Скоро к нам присоединится Фил, снова будем все вместе.

— Вы до него не доберетесь.

Я говорил себе, что это — порождения пустоты, тени, но все вокруг было до того реально! Я узнавал каждую трещинку на стенах, узор на платье матери, каждый жест, каждый взгляд. Хотелось упасть на колени и закрыть лицо руками. Я рванул вперед, почувствовал, как ледяные руки вцепились в одежду, которая вдруг приобрела привычный вид и превратилась в гвардейскую форму. Толкнул дверь, пролетел по дорожке до ворот, обернулся — и увидел обугленные черные стены, надписи: «Смерть родителям убийцы». С губ сорвался не крик — вой. Нет, нет! Это неправда, этого нет!

Толкнул ворота — за ними клубился туман. Сделал шаг, нащупал в пустоте дверную ручку, толкнул. Сейчас!

И рассмеялся. Тихо, жутко. Потому что снова находился в той же комнате с десятками дверей. Ты права, Пустота. Похоже, будет забавно.

Филипп

Да уж, такого утра в моей жизни еще не было. Но все когда-то происходит впервые. Вот и я впервые сползал с кровати так, будто тело вот-вот грозило рассыпаться на маленькие кусочки. Да чтоб мне провалиться... А лучше — Роберту с его друзьями. Закусил губу, стараясь сдержать болезненный стон. Ничего, скоро станет легче. Темная магия, конечно, не лечит, но помогает по-своему бороться с повреждениями. Так что я призвал магию в надежде, что хотя бы обезболит, а там разберусь. Стало немного легче. Я умылся, оделся и потащился на занятия. И все было вроде бы неплохо до того момента, как увидел, что в расписании первыми стоят не привычные лекции, а практикумы.

Практикумы... С одной стороны, с моей магией все было в порядке. С другой, меня едва ощутимо покачивало при ходьбе. Как я буду создавать заклинания в таких условиях? Да, не видать мне сегодня баллов для экзамена.

Первый практикум был как раз у нашего куратора. Куратор Синтер читал курс основ боевых заклинаний. Пока что не темных, а универсальных общих, но из его лекций я уже почерпнул много интересного, и сегодня почерпнул бы еще больше, если бы не проклятый Роберт Гейлен. Я прекрасно понимал, почему Роберт ко мне прицепился. Сейчас я был удобной жертвой. За моей спиной не было семьи, которая вступилась бы за меня. К тому же, титул у Гейленов был какой-то мелкий, насколько я помнил, и вдруг мы поменялись местами.

Хотя, самое смешное то, что в отсутствие Анри я-то оставался последним графом Вейраном.

Титула нас никто не лишал.

Тряхнул головой. К демонам Гейлена! Наступит день, когда меня не будут связывать правила академии, и мы с ним поквитаемся. А пока что остается терпеть и ждать. Впрочем, и повторения ситуации допустить нельзя. Надо только понять, как.

Раздумья помогали бодрее тащиться в тренировочный зал, который был обозначен для практикума. Ождаемо, я добрался туда последним. Здесь собралась треть претендентов — чуть больше двадцати человек. И как же было «радостно» обнаружить среди них Роберта! Тот ухмылялся, даже не скрываясь. Я улыбнулся в ответ, и его перекосило. Не знаю, чем бы завершился этот обмен любезностями, но в дверях появился куратор Синтер, и начался практикум. Задача не была для меня сложной. Мы практиковали атакующие заклинания второго уровня. Третий уровень давался мне легко, второй я только начал изучать, когда Анри арестовали, но кое-что усвоил и был уверен, что проблем не возникнет. Только кто согласится стать со мной в пару? Придется куратору назначать партнера по практикуму самому.

Я слушал, как Синтер объясняет правила поединка. Три заклинания — меняемся. Затем снова. И так до бесконечности. Мне предстояло сначала защищаться, потом атаковать. Стоило Синтеру дать отмашку, и толпа студентов забурила, быстро делясь на пары. Ну, кто же тот несчастный?

Передо мной остался веснушчатый парнишка не из нашей группы. Маленький, щуплый. И это — темный маг? Я вздохнул. Он хоть моего возраста? А то неудобно выйдет. Парнишка задержался, ища пару, но пары ему не досталось. Он затравленно взглянул на меня.

— Не бойся, убивать не стану, — сказал я с улыбкой. А мой будущий противник только затрясся сильнее.

— Приступаем, — скомандовал Синтер.

Я возвел щиты и с легкостью отразил хлипкие атаки противника. Правда, третий щит получился какой-то косоватый, но его хватило против слабенького атакующего заклинания, даже не дотягивающего до второго уровня. Теперь моя очередь.

Я сосредоточился, вспомнил лекционный материал. Было одно заклинание, которое очень хотелось попробовать. Оно представляло собой черный шар, объятый пламенем. И радиус поражения у него был неплохой. Призвал магию. Она заплясала вокруг пальцев, и я сформировал шар. Ударил раз, другой, третий. Парнишка с горем пополам отразил атаки — тем более, я особо не старался и бил вполсилы. Теперь снова защита.

Парень прикрыл глаза, будто боясь даже смотреть на меня. Я увидел черную вспышку атакующего заклинания, поднял щит — и вдруг щит исчез, а заклинание врезалось в грудь, и перед глазами заплесали черные круги. Я попытался удержаться на ногах, но приглушенная боль всколыхнулась волной, и пришел позорный обморок. Сознание возвращалось урывками. Дико болела голова — так, будто сверло проворачивали в висках. Как же больно! Я то выплывал из тумана, то нырял опять, а надо мной слышались голоса.

— Говорил же тебе, что от Вейрана будут проблемы, — рычал кто-то.

— Проблемы и студенты — это синонимы, — отвечал куратор Синтер. — Но тому деятелю, который так над мальчишкой поработал, я бы руки оторвал.

— Скорее, ноги, — меланхолично заметил его собеседник.

— Нет, руки, чтобы создавать заклинания не смог. И почему этот дуралей сразу к целителям не пошел? — негодовал Синтер.

— Упрямый. Виктор был таким же в годы нашей юности.

Собеседник Синтера знал отца? Я попытался открыть глаза, но ничего не вышло.

— Намучаемся мы с мальчишкой, — вздохнул Синтер. — Если пройдет, конечно.

— А ты сомневаешься? Мне интересно одно — почему Виктор молчал? Он ведь понимал, что рано или поздно его сын придет к нам.

— Откуда мне знать?

А я все-таки сумел открыть глаза. Передо мной был только Синтер — хлопнула дверь.

Значит, второй собеседник поспешно удалился.

— Жив? — склонился надо мной куратор.

— Жив, — пересохшие губы слушались с трудом.

— Ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет.

Синтер усмехнулся. Похоже, другого ответа он и не ожидал.

— Откуда синяки? — спросил он.

— Упал.

— На кого?

— На пол.

Куратор тихо рассмеялся. Я же осторожно сел. Боль ушла. Видимо, целители все-таки поработали надо мной.

— А ты забавный парень, Филипп, — сказал Синтер. — И как пол? Нам ждать второго обморока?

— Нет, пол был не один. А я не хочу вылететь, поэтому магию не применял.

— Правильно, — тут же посерьезнел куратор. — Нарушать правила нельзя. На это никто глаза не закроет. Но могу дать тебе совет. В следующий раз, если пол окажется у тебя на пути, вызови его на магический поединок. Для этого есть защищенные залы, где вы особо друг другу не навредите, и это не будет считаться нарушением. Но — только в зале!

— Спасибо, — ответил я, понимая, что это действительно выход. — Воспользуюсь вашим советом.

— Позовешь — стану твоим секундантом, хочу посмотреть на тебя в бою. А пока отдыхай, на сегодня ты свободен. Обед принесут сюда.

И Синтер пошел к двери медпункта.

— Спасибо, — сказал ему вслед.

— Рано благодаришь, — ответил он, не оборачиваясь. — Может, для тебя и лучше было бы вылететь отсюда как можно раньше.

Дверь закрылась, я остался один. Вылететь? Нет, куратор, не выйдет. Сначала я найду то, что поможет Пьеру в расследовании. Да и потом, обучение обещало быть интересным.

Глава 24

Полли

Свидание с магистром тьмы. Я не понимала, что могло ему понадобиться от меня.

Подозревал, что у меня к нему свой, особенный интерес? Но я ведь это ничем не выдавала. Даже не смотрела в его сторону, а мысли читать он вряд ли умел. И, тем не менее, записка говорила о том, что приглашение мне не привиделось. Оно было реальным, осязаемым. Лежало на прикроватном столике. Конечно, матушка заставила меня написать ответ. И он был положительным. Но я понятия не имела, как себя вести, что делать. Не спрашивать же прямо, какие конфликты были у него с семьей Вейранов, и не известно ли ему, случайно, о сути противоречий между Виктором Вейраном и его предшественником. А раз я не могу задать этот вопрос, значит, придется юлить и стараться ничем не выдать своего интереса. Как же мне поступить?

Для прогулки с магистром я выбрала светло-зеленое платье. Достаточно легкое, чтобы не чувствовать, будто поджариваюсь на солнце, и достаточно закрытое, чтобы не допустить и мысли о том, что у нас свидание. Не хватало еще, чтобы весь город судачил. Хотя, разговоры и так пойдут. Но что мне эти разговоры? Одной темой больше, одной меньше. Моей репутации уже ничто не повредит. Поэтому улыбнулась своему отражению в зеркале. Ничто не напоминало о том, в каком ужасе я провела последние недели. Синяки под глазами от постоянной бессонницы замазали умелые служанки, а худоба... Девушка и должна быть тоненькой, как тростинка. Это даже приветствуется. Так что к встрече я была готова. Если бы еще не такая растерянность внутри...

Пора! Села в экипаж. Белый бульвар был один из любимых мест для прогулок в столице. Он тянулся вдоль реки, а название свое получил из-за белой плитки мостовой. Здесь чаще всего прогуливались знать, а у других сословий были свои любимые местечки. Сама я не помнила, когда была на Белом бульваре в последний раз. Во время учебы было некогда, с Анри мы гуляли зимой, а у речки всегда дул ветер, и мы выбирали другие места. По всему выходит, что уже лет пять моя нога не ступала на белую мостовую. Матушка навязала мне в сопровождающие глупенькую служанку. Та озиралась по сторонам с суеверным ужасом, а я думала о том, как бы от неё отделаться. Но приличная девушка не может встречаться с мужчиной наедине.

Экипаж остановился. Я осторожно спустилась на мостовую и огляделась. В полдень вся река казалась залитой солнцем. На воде играли блики света, делая её изумрудно-бирюзовой.

Вдалеке плавали прогулочные лодки. Красиво!

— Простите, что заставил ждать, — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулась, чувствуя, как сердце ухнуло в пятки от страха. Магистр тьмы поклонился и улыбнулся.

— Кажется, к тому же я вас напугал.

— Да, вы очень тихо подошли, — призналась я.

— Тогда прошу извинить.

И магистр Кернер предложил мне руку. Я опустила пальцы на его локоть. Все-таки мы не близкие люди, чтобы позволять себе нечто большее.

— Я рад, что вы пришли, Полина, — говорил магистр. — Можно называть вас по имени?

— Можно, — кивнула я.

— И вы зовите меня Фернан. Мне будет приятно.

— Хорошо, Фернан.

Имя казалось чужим — и чуждым, как и этот мрачный, суровый мужчина, который по какой-то прихоти пригласил меня на прогулку. Я обернулась. Служанка, как и положено, следовала на пять шагов позади нас.

— Наверняка, вы спрашиваете себя, чем вызвано такое настойчивое желание видеть вас с моей стороны, — говорил Фернан. — И я готов дать вам ответ, но взамен на услугу.

— Какую же? — Я старалась оставаться спокойной.

— Прокатитесь со мной на лодке. Я обожаю воду, но обычно мне не с кем здесь гулять.

Он издевается? Это ощущение становилось все сильнее, но я только улыбнулась и кивнула:

— Как скажете, Фернан. С удовольствием.

Мы медленно спустились вдоль бульвара к лодочной станции. Другие парочки косились на нас с легким удивлением. Я бы тоже косилась, если бы передо мной вдруг явился магистр тьмы под руку с девушкой. Но, к счастью, мы недолго были развлечением для зевак.

Следующую же лодку уступили нам. Фернан подал мне руку, помогая перебраться на шаткий борт, и усадил на скамейку, застеленную тканями. Сам же сел рядом, но не настолько близко, чтобы оскорбить. Лодка медленно двинулась по течению. Ей управляла магия, так что в лодке мы были только вдвоем.

— Итак, вернемся к нашему разговору. — Фернан вглядывался в мое лицо так пристально, что становилось не по себе.

— Да. Вы обещали рассказать, почему желали видеть меня, — осторожно напомнила я, опасаясь даже взглянуть на Фернана.

— О, здесь все просто! Вы понравились мне.

Я почувствовала, что краснею.

— Если это шутка, то не очень удачная, — ответила тихо.

— Почему же шутка? — Магистр откровенно потешался. — Я крайне редко позволяю себе шутить, Полина. Тьма шуток не любит.

— На балу были десятки девушек. Почему я? — теперь уже спросила прямо.

— Я заметил, что у вас есть ко мне вопросы. Не удивляйтесь! — перебил он прежде, чем я успела спросить хоть что-то. — Видимо, вы не сталкивались с менталистами.

Глядите, я уже раскрываю вам свою страшную тайну. Да, я — ментальный маг, Полли. Об этом мало кому известно, но считаю, что вы должны знать. А вы, увы или к счастью, не умеете защищаться от подобного типа магии. И мне стало любопытно, чем вызван такой жгучий интерес к моей персоне. Поделитесь?

Я молчала. Магистр же не собирался ждать.

— Хотите, я помогу вам, Полина? Ни для кого не секрет, что вы как-то связаны с делом Анри Вейрана.

— А может, это вы связаны с его делом? — ляпнула я — и закрыла рот, но было уже поздно. Думала, магистр разозлится, но он только рассмеялся.

— Право слово, Полина, — проговорил он, когда приступ веселья утих. — Какой мне смысл избавляться от вашего жениха? Да и от Таймуса, если на то пошло? Вы хоть знаете особенности магии, которая защищает Гарандию? Нет? Так слушайте, раз невнимательно учились в коллеже. Стабильность магического фона страны обеспечивают три артефакта. Света, тьмы и пустоты. Все три были созданы после того, как умер последний король и возникла необходимость в магистрах. Артефакты своевольны, особенно пустота. Уже сегодня к артефакту света выстроилась очередь из светлых магов, которые жаждут власти, но, готов поспорить, преемника Таймуса мы получим нескоро.

— Почему? — Я перестала понимать что-либо.

— Да потому что, Полина, так как гибель Таймуса была безвременной, его наследник, скорее всего, еще не вступил в полную магическую силу. Думаете, без магистра света нам с Эйлеаном достанется больше власти?

Что скрывать? Я действительно так и думала.

— Не тут-то было, — продолжал Фернан. — Нам это, наоборот, во вред. Пока одного магистра не хватает, наши собственные артефакты нестабильны. Пустота бунтует, Эйлеан бродит, как сыч. Тьма пока более-менее спокойна, но недовольна, что её тревожат. Поэтому в наших интересах было, чтобы Таймус жил как можно дольше и скончался от естественных причин.

— Тогда кто? — спросила я, признавая, что магистр прав.

— А вот тут-то и начинается самое интересное! Никто, кроме Анри, это быть не мог.

— Ложь!

Я подскочила, лодка опасно покачнулась, и Фернан едва успел перехватить меня раньше, чем рухнула в воду.

— Пойдите! — шикнул он, усаживая меня на скамью. — После заявлений вашего защитника я лично работал с зеркалами в башне света. Неприятное занятие, конечно, но действенное.

Там нет источника темного заклинания, а только оно могло вызвать изморозь на зеркале.

Там вообще нет тьмы.

— Маг мог быть светлым.

— Нет, Полли. Точнее, мог, но тогда он не должен был влиять на зеркала. Отсюда получается, что Анри врет. Врал.

— Нет. — Я упрямо качала головой, позабыв, где и с кем нахожусь. — Анри — не убийца. — А кто тогда? Хотя, я не чувствую на нем крови, это забавно. Но! Есть одно «но». Родовая сила Вейранов в башне все-таки присутствует. Если это был не Анри, это должен был быть его родственник по мужской линии, отец или брат.

— Глупости какие.

— Как хорошо вы знали семью своего жениха, Полина? — усмехнулся магистр. — Мне вот посчастливилось достаточно хорошо. А моему предшественнику так и вовсе. Что вы знаете о том, что отец Виктора Вейрана однажды пытался захватить артефакт тьмы?

— Ничего, — изумленно прошептала я.

— То-то же! Ничего.

— Об этом я и хотела спросить, — опустила голову. — Из-за чего не ладили Виктор Вейран и предыдущий магистр тьмы?

— Как водится, из-за женщины, — хохотнул Фернан. — Виктор никогда не был святым, уж поверьте. Нехорошо, конечно, осуждать мертвых, но если бы завтра выяснилось, что пройдоха Вейран жив, я бы даже не удивился.

Он лжет. Он определенно лжет. Но почему? И в чем?

— Вадите ли, Полли. — Теперь Фернан отвлеченно смотрел на воду. — Я, в отличие от многих, был учеником магистра тьмы, и только потом занял его место. Магистр Тейнер усыновил меня ребенком. Я считал его отцом. Поэтому прекрасно помню, как он схлестнулся с графом Виктором. И — да, причиной тому была женщина. Давняя возлюбленная магистра Тейнера, которой он так и не смог сделать предложение в силу статуса. Боялся даже дышать на неё. А Виктор Вейран затащил эту леди в постель. Потом, конечно, нашлись и другие причины. Виктор схватил жену, старшего сына и спешно уехал. А ту женщину я больше никогда не видел живой. Мой учитель ненавидел Вейранов, это верно. И пока он был жив, Виктор вел себя тише воды, ниже травы.

Я не знала, что сказать. У меня не было повода верить Фернану. Он хотел очернить отца Анри? Но зачем? Мне надо подумать об этом спокойно, без эмоций, а пока что...

— Не верите? — сразу понял Фернан. — Право ваше. Вы — умная девушка, Полина.

Заметьте, я не сказал ничего плохого о вашем женихе. Я не знал его. Ближе не знал, так, видел пару раз. Младшего же и вовсе не видел. Кстати, вы, случайно, не знаете, куда подевался мальчишка?

В кои-то веки я обрадовалась, что не знаю.

— Ясно, не знаете, — хмыкнул магистр. — Жаль, к нему у меня тоже есть вопросы. Узнаете, передайте, что мне хотелось бы встретиться с ним.

Лодка пристала к берегу. Фернан галантно подал мне руку и проводил до экипажа.

— Благодарю за прекрасную прогулку, — с улыбкой сказал он, но я не верила этой улыбке. — Надеюсь, мы еще увидимся, мадемуазель Лерьер. До встречи.

И зашагал прочь. Я долго смотрела ему вслед. И не понимала! Зачем он рассказал мне все это? Зачем пытался очернить отца Анри? Конечно, у графа Вейрана могло хватать своих тайн.

Скорее всего, так и было, потому что он сотрудничал с дознавателями. Но при чем здесь я? Или Анри и Фил? Свои тайны граф Вейран унес в могилу.

Экипаж тронулся. Я чувствовала себя скверно. До этого все происходящее казалось странным и запутанным, а теперь и вовсе смешалось в большой ком, который рос и рос до громадных размеров. Дома меня ждала матушка.

— Полли, зайди ко мне! — послышался её голос, стоило переступить порог. Я свернула к гостиной матери. Она нашлась там — вышивала у окна. Вышивка была страстью Кристины Лерьер. Уж не знаю, почему.

— Ну, что? — При виде меня она тут же отложила пяльцы.

— Ничего, — ответила я, присаживаясь напротив. — Это был сугубо деловой разговор, ничего личного.

— Деловой? — Тонкие брови матушки взметнулись вверх. — Какие дела могут быть у тебя с магистром тьмы?

— Он спрашивал о семье Анри, мама. И даже больше не спрашивал, а рассказывал.

Матушка мигом нахмурилась.

— И что же магистр Кернер хотел знать? — излишне резко спросила она.

— Где находится Филипп, к примеру. И что я знаю о делах Виктора Вейрана.

— И что ты сказала?

Откуда такой испуг?

— Ничего, — ответила я. — Не знаю, где Фил. И уж тем более ничего не смыслю в делах графа Вейрана.

— Умница. — Матушка подошла и потрепала меня по щеке. — Так и отвечай.

— Но мне действительно ничего не известно. В последний раз я водила Филиппа в день суда над Анри. И что за глупости нес магистр о прошлом месяце Вейрана?

Матушка отвернулась, чтобы я не видела её лицо. Тогда мне впервые показалось, что она знает больше, чем говорит. Но разве у неё допросишься?

— Твой отец дружил с Виктором, — наконец, задумчиво произнесла она. — И мне жаль, что все так получилось. Только надо думать о себе, Полли. Никто больше о тебе не подумает.

— Что ты имеешь в виду? — уцепилась я за тонкую ниточку.

— То, что тебе надо держаться подальше от этого семейства. Тех, кто от него остался. Так будет лучше.

Тех? Или мама имеет в виду и Анри тоже? Да, видимо, так и было. Ведь пустота — это не смерть. Я до сих пор до конца не понимала, что это такое.

— Давай обедать, я только тебя и ждала, — поторопилась матушка сменить тему. И, конечно же, больше к ней не вернулась. Время до вечера тянулось долго и уныло. Я все думала, думала — и ни к чему не могла прийти. Наконец, решила, что пора ложиться спать. Отпустила служанок, но мне не спалось, и я сидела у окна, смотрела на сияющий огнями город. Там была жизнь. А что осталось мне самой? Вдруг хлопнула балконная дверь в гостиную. Что такое? Я тут же выбежала в соседнюю комнату только для того, чтобы столкнуться с Пьером Лафиром. Именно им — магистр «надел» привычный для меня облик, чтобы не привлекать излишнего внимания.

— Ты?

— Я, — миролюбиво согласился Пьер. — Ждала кого-то другого?

Кажется, он сегодня не в духе. И я догадывалась, почему.

— Нет, я вообще никого не ждала. — Поправила оборки домашнего платья, радуясь, что не успела раздеться. — Тебе не кажется, что это — не лучший способ визита?

— Увы, днем ты слишком занята, — иронично ответил Пьер. — Но я ненадолго. Нехорошо мешать девичьему сну. Что от тебя хотел Фернан?

— И ты туда же! — вздохнула я.

— А кто еще?

— Матушка, конечно. Ей надо было идти в дознаватели, все выпытает.

Когда Пьер не сверкал серебристыми глазищами, мне было так легко с ним разговаривать, словно мы снова в квартирке напротив постоянного двора. И он — не всемогущий магистр пустоты, а обычный человек.

— Может, все-таки ответишь? — Пьер уселся на диван и уставился на меня. Пришлось присесть рядом.

— Тебе — отвечу. Фернан ясно дал понять, что следит за мной. Уж не знаю, как. А еще рассказал, что граф Вейран был неверен своей супруге, и из-за этого рассорился с предыдущим магистром тьмы. Как думаешь, это правда?

— Думаю, да, — склонил голову Пьер. — Точнее, я слышал нечто подобное, но не знаю, всему ли можно верить. О чем еще спрашивал Фернан?

— О Филиппе. И я ответила правду — что понятия не имею, где он находится. Надеюсь, он в порядке?

— В полном. За ним присмотрят. Сама понимаешь, Филу сейчас опасно находиться на виду, — задумчиво ответил Пьер. Нет, даже другое обличье уже не помогало. Он не выглядел обычным человеком. Или же не старался им выгладеть.

— Что? — спросил он, заметив мой пристальный взгляд.

— Пытаюсь понять, тебе-то зачем это нужно. И дальше заниматься делом Анри.

— Все просто, Полли, — Пьер впервые улыбнулся. — Мне нужен убийца Таймуса. Тот, кто решил расшатать равновесие. Другого светлого магистра у нас нет. Более того, его пока что

не может быть. А вдвоем мы не справляемся. Точнее, справляемся, но не так, как бы нам этого хотелось.

— Значит, Фернан Таймуса не убивал?

— Фернан — тяжелый человек, иногда подлый, но он — не самоубийца. Я подумал бы на него, если бы у него была хоть одна причина убить Таймуса.

Пьер взъерошил рыжеватые сейчас волосы. Стало заметно, как он устал. Наверное, дела действительно плохи.

— Я могу чем-то помочь тебе? — спросила, опустив ладонь на его руку. Пьер удивленно уставился на меня.

— А чем можно помочь пустоте? — ответил он. — Спасибо, Полли. Я справлюсь. Тебе же не о чем беспокоиться. Я бы настоятельно советовал тебе уехать, но знаю, что ты не слушаешься.

— Пока Анри не вернется — нет.

— На это могут уйти годы.

— Я подожду.

— Глупо.

Пьер пожал плечами и отвернулся. Я тоже не знала, что еще ему сказать. Только убрала ладонь, которая до сих пор произвольно сжимала его пальцы.

— Я пойду, — поднялся он с дивана. — Если буду нужен, приходи. И постарайся больше не встречаться с Фернаном. Он может быть опасен.

«Не опаснее тебя», — подумалось мне, но я промолчала, а Пьер исчез так же, как и появился — через балкон. Его никто не видел. Не залаяли псы, не всполошилась охрана. И магия, готова поспорить, не отреагировала. Будто он перемещался по воздуху. А я осталась одна. Что ж, день не прошел зря. Все-таки следовало навестить городской архив. Вдруг там найдутся записи о событиях прошлого? Уехать? Нет, у меня слишком много дел. И пока не покончу с ними, не успокоюсь.

Глава 25

Филипп

До вечера меня не выпустили из лазарета. Целительница, молодая светлая магичка, заглядывала каждый час, проверяла что-то, понятное только ей, качала головой, давала капли. Я же чувствовал себя хорошо. Даже лучше, чем прежде. Все-таки ритм занятий и тренировок давал себя знать, а больше всего — бессонные ночи. Здесь же она сплела какое-то заклинание, которое позволило мне выспаться, а потом напоила отварами и снадобьями, способными поставить на ноги и лося. Вечером я почти что сбежал от неё.

— Если что, приходи! — напутствовала меня целительница.

Приду, если проблемы со сном не исчезнут. Это я уже понимал ясно, как никогда. Или же дожждаться Пьера и спросить, как ему удалось отключать мое сознание раньше? Вот мысли о поединке я пока что гнал прочь. Да, я брошу Роберту вызов, если он позволит себе еще хоть один выпад в мою сторону. Куратор Синтер напоследок рассказал, как сделать это магически правильно. В том, что этот выпад последует, я даже не сомневался. Но сейчас надо было бороться с мыслями. До итогового экзамена оставалось всего ничего. И лучше уделить время учебе, а не своему заклятому врагу. Хотя, какой из Роберта враг? Не подвесит же он меня на главной площади...

Я не мог избавиться от этих мыслей. Только, казалось, успокоился — и они возвращались снова. Если бы сейчас кто-то предложил стереть мне память, то согласился бы, не раздумывая. Лучше ничего не помнить, чем хранить такие воспоминания. Не думать! Не думать, или я сойду с ума!

С этой мыслью вместо своей комнаты свернул в библиотеку. Ничему меня жизнь не учит, но в комнату возвращаться расхотелось. Я с головой ушел в книги. Ну почему здесь так мало информации? И станет ли её больше, когда получу статус полноправного студента? Снова начала болеть голова, и пришлось плестись в свою комнату. Хорошо, хоть жил один. По дороге столкнулся с Майком. Тот сначала отпрянул, а потом, кажется, решил.

— Привет, — промямлил он. — Слышал, ты заболел.

— Да, немного, — ответил я, хотя разговаривать не хотелось.

— И... как ты?

— Лучше. Уже почти здоров. Как прошли занятия?

— Спокойно, — сказал Майк. — Фил, ты это... не обижайся на меня. Я ничего против тебя не имею, честно.

— Я не обижаюсь. — И это было правдой. — Все в порядке. До завтра.

И пошел прочь. У Майка хотя бы хватило ума прислать, что сама ситуация глупа. Если я пройду дальше, им придется учиться со мной, хотя они того или нет. Участвовать в совместных практикумах, прикрывать спину друг друга. И профессора не будут спрашивать, как они ко мне относятся.

В комнате было тихо и пусто. Я слишком хорошо выспался днем, чтобы уснуть сейчас, поэтому уселся на кровать и придвинул учебник. Лекции ведь пропустил. Скупые строчки неплохо отвлекали. Ровно до той поры, когда раздался стук в дверь. Так как друзей у меня не было, значит, это враги.

— Кто? — спросил, не торопясь открывать дверь, на которую лично повесил защитное заклинание.

— Люк, — раздался неуверенный голос. — Куратор Синтер поручил мне передать тебе конспекты лекций.

А, куратор позаботился. Я открыл дверь — и получил заклинание в лицо. Простенькое ослепление, но в тот момент разбираться было некогда. Защита сработала, как надо. Заклинание отзеркалило в несчастного Люка. Почему несчастного? Потому что я чувствовал неподалеку еще несколько источников магии и знал, кому они принадлежат.

— Что со мной? Что это? — Люк слепо шарил руками по лицу. — Сними!

— Не стану, — ответил я. — Сам его использовал, сам и снимай. Эй, Гейлен, тащись сюда, если не трус!

Ожидаемо, послышались быстрые шаги. Кто-то желал довершить начатое накануне. А я не торопился выходить за пределы комнаты.

— Чего тебе, Вейран? — рыкнул он. — Мало было?

— Мало, — кивнул я.

— Так что, добавить?

— Слушай сюда, Гейлен, — спокойно сказал я. — Если бы ты оскорбил меня, я бы плюнул тебе в лицо и забыл. Но ты затронул мою семью. По законам гимназии я бросаю тебе магический вызов. Прими его — или извинись. Старен альтис!

Заклинание взметнулось в воздух и осыпало нас золотым дождем. Интересно... Роберт, похоже, не знал, что ему делать. Не сдаваться же на глазах у Люка. Хотя, как раз Люк нас видеть не может, но за углом ведь гораздо больше людей.

— Я принимаю вызов, — сухо ответил он. — Где и когда?

— Где — указано в правилах гимназии. Тренировочный зал. Завтра в обеденном перерыве. Если я одержу победу, надеюсь, ты закроешь свой поганный рот и принесешь публичные извинения.

— А если победа будет за мной, станешь моим рабом до конца первого курса, — хохотнул Роберт.

— Идет.

Я захлопнул дверь у него перед носом. Настроение стремительно улучшалось. Да, я — не лучший боец в Гарандии, и опыта у меня маловато, но ради такого случая постараюсь!

Оставалось только продумать, как вести поединок, и для этого у меня была целая ночь.

Что я знал о магии рода Гейлена? Почти ничего, кроме того, что видел своими глазами. Да, Роберт был сильным магом и чаще всего выполнял задания быстрее остальных. Заметно, что у него хорошая подготовка. Наверняка, его-то родители тщательно готовили к поступлению в «Черную звезду», мой же отец даже не заикался о возможности обучения в ней. Я собирался поступать совсем в другое учреждение. Но все-таки Роберт, как и я, еще не прошел инициацию. Значит, уровень силы у нас не должен разительно отличаться. Я придвинул к себе чистый лист. Надо подумать...

К утру у меня было несколько вариантов защиты и нападения, и я впервые за долгое время отправился на занятия с легким сердцем. Роберт был там же и смотрел на меня с плохо

скрываемым торжеством. Нет, я не проиграю! А время до обеда тянулось так долго, что хотелось его поторопить. Больше всего на свете я ненавидел ждать. Вот и сейчас маялся, записывая обширные пояснения профессора Гарриета, преподавателя теории преломления пространства. У-у-у, как же долго!

Наконец, вторая пара подошла к концу, наступило время обеда. Пора! Я поспешил к тренировочному залу. В это время он должен быть пуст, но даже если нет, правила магических поединков никто не отменял. Толкнул дверь — и замер. Пуст? Как бы не так. Роберт пришел не один. Еще парней тридцать желали взглянуть на мой позор. Что ж, так даже лучше. Не скажут, что бой был нечестным.

Роберт шагнул ко мне с выражением такой самоуверенности на лице, что я поморщился.

— Ты все-таки явился, Вейран, — выплюнул он.

— Конечно, это ведь я бросил вызов, — развел руками. — Смотрю, ты тоже подготовился. Позвал тех, кто потом будет тащить тебя до лазарета?

— Гаденыш! — зашипел Роберт.

— От такого же слышу. Давай приступим, скоро практические, не хочу опоздать.

Мы замерли друг напротив друга. Чтобы начать поединок, надо было принести клятвы и активировать защиту зала. Поэтому я начертил в воздухе символ круга и произнес:

— Я, Филипп Вейран, вызываю на поединок тебя, Роберт Гейлен, и клянусь сражаться честно. В случае поражения стану твоим рабом до конца первого курса.

По залу полетели смешки. Если я проиграю, мне смешно не будет. Но я не думал о поражении.

— Я, Роберт Гейлен, — заговорил мой противник, — принимаю твой вызов и клянусь сражаться честно. В случае поражения обещаю прилюдно принести извинения и не выражаться оскорбительно в адрес твоей семьи.

Стоило заставить его добавить «и твой лично», но мне было все равно. Я кивнул и отошел на положенные десять шагов. Мы замерли, испеля друг друга взглядами, пока вдруг не раздался перелив колокольчиков. У «Черной звезды» своя сигнальная система.

Поэтому я был уверен, что за нашим поединком пристально наблюдает куратор Синтер, а у Роберта не получится меня обмануть.

Роберт кинулся на меня. Я же не сдвинулся с места. Только улыбнулся, даже не поднимая щитов. Ближе! Он поздно понял неладное и не успел остановиться, одной ногой влетев в мою ловушку. Щелк! Заклинание оцепенения. Не достаточно сильное, чтобы долго его удерживать, но хватит, чтобы составить план атаки. Щелк-щелк. Это еще два заклинания, которыми я наградил Роберта. Он все-таки вырвался и отступил. Ума прибавилось! Я же, наоборот, пошел в атаку. Зашел слева. Роберт выставил щиты, но уж с чем-чем, а со щитами мы «на ты». Я развеял их, а Роберт применил атакующую боевую магию. Теперь настало время моих щитов. Они тоже пали под яростью заклинания, но перед этим создали его копию и отзеркалили обратно в Роберта. Он постарался защититься, но тут-то и сработала одна из меток, которыми я его наградил. Щиты не поднялись, и Роберт отлетел на несколько шагов назад, вскрикнув от боли.

Есть! Я заставляю его признать поражение. Пока он поднимался, я атаковал снова и снова, а щиты так и не срабатывали. Нет, мне не хотелось нанести ему существенный вред. Это были мелкие, досадные заклинания. Вроде спотыкания или временной слепоты. Не все попали в цель.

— Зараза! — взвыл Роберт после очередной удачной атаки, а я заметил, что толпа вокруг разделилась. Часть болела за Роберта, а часть вдруг начала поддерживать меня.

— Ну же, — подначивал я. — Что, уже сдулся? Легко сражаться пятерым против одного, а с глазу на глаз — не очень?

— Ненавижу!

Кто кого, Роберт. Кто кого. Хотя вдруг осознал, что во мне нет ненависти к нему. Есть обада, но не ненависть. Странно... Впрочем, сейчас анализировать было некогда. Я ушел от очередной отчаянной атаки. Щиты Роберта заработали. Пора!

И сработало второе тайное заклинание. Из воздуха выткалась липкая паутина и спеленала противника по рукам и ногам. Вот так-то!

Роберт упал, завозился, но избавиться от паутины быстро — это пока не наш уровень заклинаний. Я подошел и замер над ним.

— Ну что, признаешь себя проигравшим? — спросил, в душе ликуя от торжества.

— Да, — ответил-выплюнул он.

Я щелкнул пальцами, и паутина исчезла. Кажется, Роберт едва сдержался, чтобы не вызвать меня на повторный поединок.

— Слушаю тебя. — Замер перед ним, скрестив руки на груди.

Мой противник поднялся и произнес, взглядом обещая мне все муки мира:

— Я приношу свои извинения, Филипп.

— За что?

— За то, что оскорбил твою семью. Извини.

— Извинения приняты, — кивнул я.

Позднее мне казалось, что наши профессора только этого и ждали, потому что тренировочный зал вдруг наполнился людьми. Куратор группы Роберта схватил его и что-то кричал, размахивая руками, а ко мне пробрался куратор Синтер и сказал с усмешкой:

— А ты хорош в бою, Филипп, я в тебе не ошибся. Но руководство гимназии крайне раздосадовано вашей выходкой. Вас хочет видеть сам!

И многозначительно указал пальцем на потолок.

— Но ведь поединки разрешены, — сказал я.

— Да, — весело подтвердил куратора. — Только я не говорил, что не наказуемы. Главное, слушай и со всем соглашайся. Наш директор — мужчина отходчивый.

Мне на мгновение показалось, что Синтер получает от ситуации какую-то свою радость. Может, он не ладил с куратором Роберта? Но, конечно, спрашивать прямо я не стал. Только пошел следом за ним в кабинет директора. Нас догнали Роберт и его наставник. В отличие от меня, противник выглядел подавленным. Видимо, не ожадал, что за все приходится платить.

Оставалось надеяться, что до отчисления не дойдет. Но ведь Синтер обещал, что этого не случится, а я ему верил.

Наверное, мы впервые поднялись в наземную часть «Черной звезды», потому что здесь появились окна. И за окнами был разгар лета. Правда, листья почему-то оказались не зелеными, а желтоватыми. Может, сильно жарко? Все-таки магистра света больше нет, значит, некому контролировать световую активность.

Еще один лестничный пролет — и мы остановились перед кабинетом. Синтер постучал.

— Войдите, — раздался знакомый голос. Тот самый, который я слышал у своей постели в лазарете.

Мы перешагнули порог. За столом сидел мужчина лет сорока пяти. Смуглый, черноволосый, черноглазый. Типичный темный маг. И смотрел на нас так сурово, что стало не по себе. А если меня все-таки исключат? Что тогда?

— Эдуард Рейдес, директор гимназии, — шепнул мне Синтер.

— Я в состоянии представиться и сам, Дерек, — рыкнул на него директор Рейдес. — Но раз уж ты сделал это за меня, начну с главного. Кто дал право вам, двум соплякам, даже не студентам, проводить магический поединок?

Мы слаженно опустили головы. Молчать и не спорить.

— Я вас спрашиваю!

Я кусал губы, чтобы не заговорить и не сделать хуже.

— Кто выступил инициатором поединка?

Роберт покосился на меня и промолчал. А это уже странно!

— Я, — ответил честно.

— И в чем же была причина вызова? — Директор поднялся из-за стола и нависал над нами, как коршун.

— Роберт оскорбил моих близких. Я вызвал его на поединок.

О нашей стычке в коридоре предусмотрительно молчал. О ней директор знает и так.

— А разве вам не говорили при поступлении, что за порогом «Черной звезды» у вас нет близких, родных, друзей? Недаром мы не используем здесь фамилии.

— Говорили, — кивнул я. — Прошу простить, но о мертвых я не позволю говорить дурно.

— Я понимаю вашу ситуацию, Филипп. Но она не дает вам права своевольничать. А если бы вы покалечили друг друга?

— Но на зале ведь защита.

— Точно, — прищурился директор. — И откуда же вы о ней узнали?
Я прикусил язык. Ответить — подставить под удар куратора. Нет уж.
— Филипп!
— Я ему сказал, — вмешался Синтер.
— Потому что я спрашивал, где можно тренироваться без риска для жизни, — поторопился вмешаться я. — И раз там есть защитное поле, значит, и поединок можно провести.
— А откуда вы узнали о его правилах?
— Они не отличаются от правил других магических поединков, — пожал плечами. — Приношу искренние извинения, больше этого не повторится.
И опустил голову.
— Ну, а вы что молчите? — развернулся директор к Роберту.
— Я признаю, что виноват, — ответил тот и тоже склонил голову.
— Дети, сущие дети, а уже туда же! — негодовал директор. — Вроде бы, и правил не нарушили, и отчислять вас не за что, но... Поступим вот как! Снимаю у каждого пять баллов при поступлении и, чтобы помирились быстрее... Филипп, вы ведь живете в комнате один?
— Да, — ответил, не понимая, куда он клонит.
— Теперь уже нет. Роберт, перебирайтесь к нему. Быстрее помиритесь. А теперь оба вон! Доигрался. Вот и все, что мелькнуло в голове. Мало мне своих проблем, так еще и насмешки Роберта теперь станут круглосуточными. Оставалось надеяться, что после вступительного экзамена нас расселят, а до него оставалось всего ничего.

Глава 26

Анри

Я не знал, сколько уже здесь нахожусь. Пытался как-то определять время, но разве это возможно в пространстве без дня и ночи. «Тридцать семь», — чертил палочкой на пыли. Тридцать семь — не дней, а дверей, которые я проверил, и только что тридцать седьмая с гулким хлопком лопнула в воздухе. Сколько их еще осталось? Я пытался посчитать, но каждый раз сбивался со счета. Они кружили, меняли свое местоположение, и я не был уверен, что к ним не добавляются новые.
Игры с пустотой продолжались. Я пытался снова и снова только для того, чтобы обнаружить себя все в той же комнате, из которой нет выхода. Выл от отчаяния, но поднимался на ноги и шел к следующей двери. Сил оставалось все меньше. Все меньше веры.
Нельзя было даже забыться сном, потому что любые физические потребности в пустоте отсутствовали. Ни сон, ни еда не заботили меня. Только очередная дверь.
За каждой были свои испытания. За эти тридцать семь раз я и сгорал заживо, и тонул, и боролся с неведомыми чудовищами, и выбирался из наглухо заколоченного гроба. Фантазия Пустоты не знала границ. А я никогда не мог представить, что ждет в следующий раз.
Мелькала трусливая мысль не пытаться больше, лечь и умереть. Рано или поздно смерть прадет, ведь ничто не длится вечно. В такие минуты я начинал жалеть о несостоявшейся казни, о том, что не погиб сразу, без мучений и боли, потому что в этом пространстве все было слишком реально. Я даже научился чувствовать, от каких дверей идет больше опасности, от каких — меньше. Потому что страх приходил раньше, чем открывал очередную дверь, и чем сильнее был страх, тем больший ужас ожидал меня за дверью.
Тридцать седьмая дверь выпила силы досуха. Я долго лежал на спине и смотрел в бездонное черное небо с плывущими серыми облаками. Всегда неизменное небо. А оно будто смотрело на меня. Наверное, так и сходят с ума. Я был близок к этому. В голове творилось демоны знают что. И тени жутких существ уже мерещились мне не только за дверями, но и здесь. Галлюцинации...

— Может, сдашься уже, Анри? — хихикнул кто-то рядом. Я заставил себя сесть. Явилась! В том же сером балахоне, так похожем на одеяние магистра пустоты. Может, они с ним — родственники?

— Не дожدهшься, — ответил резко. — Если, конечно, ты не обманываешь меня, и выход действительно есть.

— Он есть, Анри Вейран. Я никогда не лгу. — Пустота качнула головой. — Только есть ли смысл бороться? Там, в реальном мире, тебя никто не ждет.

— Ложь! — стиснул кулаки. — Ты лжешь!

— Почему это? — Пустота даже оскорбилась. — Нет, дорогой граф, и не думала.

— Меня ждет невеста.

— Что?

И Пустота рассмеялась так звонко, будто я сказал лучшую шутку на свете. Она хохотала, хватаясь за бока тонкими бескровными пальцами.

— Невеста! — промолвила сквозь слезы смеха. — Прости, Анри, но твоя Полли живет дальше. Она молодая, красивая. Ты ведь сам просил её позабыть о тебе. У неё новая жизнь, новый жених.

— Неправда!

Да, я просил. Но я был уверен, что не вернусь. Эгоизм? Возможно, но вера, что Полли все еще ждет меня, придавала сил.

— Я могу доказать, — хмыкнула Пустота, будто оскорбившись. — Позволишь?

Она замерла у меня за спиной и опустила ладони на глаза. А затем пришли видения. Вот Полли гуляет по Белому бульвару с мужчиной в черном. Я не видел лица — в пустоте не было четких очертаний, разглядел только силуэт, но не узнать Полли не мог. А вот она в постели... с другим мужчиной...

— Не верю! — вырвался из хватки Пустоты. — Я не верю тебе!

— Зря, — ответила она. — Видишь ли, Анри, я ничего не придумываю сама. Природа обделила меня воображением. Но я могу читать картины внешнего мира.

— Но за дверями...

— То, что за дверями, ты создаешь сам. Это твои самые затаенные страхи, в которых ты, может, даже никогда себе не признавался. Это детские кошмарные сны, которые обрели плоть. Так что это не я мучаю тебя, Анри. Ты сам мучаешь себя.

Я замер, пытаясь осознать то, что только что услышал. Я сам? Но если это так...

— Тебя никто не ждет, — продолжала петь Пустота. — Любимая забыла тебя, брат ненавидит.

— Что ты такое говоришь? Фил не может...

— Ох, Анри. — Она вздохнула, будто устала от моего общества. — Ты ведь разрушил его жизнь. Из-за тебя погибли ваши родители. Из-за тебя он не может вернуться в родной дом. И поверь, ему сейчас несладко.

— Покажи мне брата, — потребовал я.

— Как прикажете. — Пустота присела в реверансе — по крайней мере, балахон качнулся именно так — и снова опустила ладони на глаза. Я водел темный коридор, едва освещаемый светильниками, и фигуру, скрючившуюся на полу. Видел тех, кто наносил удар за ударом руками, ногами.

— Отпусти! — взвыл я. — Мне нужно к брату!

— Ошибаешься, он тоже тебя не ждет. Думаешь, Филипп не понимает, кому обязан тем, что даже имя свое теперь без страха назвать не может? Думаешь, ему приятно быть братом убийцы?

— Я никого не убивал! — кричал ей.

— Ты этого так и не доказал. И не докажешь, пока не выберешься отсюда. Но стоит ли выбираться, Анри? Стоит ли?

Пустота рассмеялась снова, и серая фигура рассыпалась пылью, а я так и остался сидеть на полу перед дверями, и теперь не знал, стоит ли пытаться снова.

Филипп

Слова директора прозвучали для меня, как приговор. Радовало одно — для Роберта тоже, потому что мой новоявленный сосед мрачнел на глазах. Он даже как-то ссутулился, словно надеясь разжалобить «судью», но директор остался непреклонен.

— Идите, дети мои, — произнес он патетично, и мы пошли прочь. При этом мне показалось, что я слышал смешок куратора Синтера. Вот еще лис! Но злиться на него не было смысла.

Все-таки поединок помог мне успокоиться и почувствовать себя отмиренным, а это уже немало. Поэтому я спокойно вернулся в комнату, убрал свои вещи с пустой кровати — их было немного — и приготовился идти на последний на сегодня практикум. Роберт появился в дверях, когда я уже собирался уходить. Мрачный, как туча, недовольный и полный негодования.

— Что? — спросил, уставившись на меня.

— Да ничего, — ответил я и пошел прочь. Что Роберт не тронет мои вещи, не сомневался — пришлось соорудить для них защиту, и вряд ли он справится с этим заклинанием.

Вошел в кабинет практической магии — и понял, что судьба снова подставила мне подножку. Ну почему? Почему из тридцати двух парт свободной была только одна? И раз Роберта здесь нет, значит, придется нам побыть соседями и здесь. Надеюсь, хоть тут директор не распорядился?

Делать нечего. Я занял место за партой, достал учебник, покосился на набор колб. Что-то мне это не нравилось... Почти перед началом пары в дверях появился Роберт. Ему ситуация не понравилась еще больше. Он плюхнулся на соседний стул и зло посмотрел на меня.

— Опять ты, Вейран?

— Опять ты, Гейлен? — фыркнул я и отвернулся, давая понять, что обмена любезностями не состоится. А в дверях уже появился профессор Снорд, преподаватель практической магии.

Опять-таки, базового уровня.

— Добрый день, студенты, — бегло заговорил он. — Знаю, что добрый не для всех, но хорошо все то, что хорошо заканчивается, да?

И покосился на нас. Мы слаженно кивнули.

— Сегодня нам предстоит прелюбопытнейшее задание. — Профессор потер руки в предвкушении. — Мы будем создавать зелье преобразования. Оно позволяет менять внешность и оставаться неузнанным. Как вы понимаете, неоценимое умение для темного мага. И опять-таки, как понимаете, вашу магию оно не замаскирует, только лицо, поэтому не советую под зельем отправляться грабить лавки. Лучше уж подглядывать за девчонками. И профессор хохотнул, довольный своей шуткой. Мы же помрачнели. Откуда в нашей гимназии девчонки?

— Итак, кто слушал меня внимательно на лекции, тот помнит, что для зелья преобразования мы используем корень титинника белого, добавляем щепотку ведьмовского порошка, капельку спирта и заклинание «астраверте». По часовой стрелке, не иначе. Если вы все выполните верно, то тот, кто выпьет зелье, приобретет задуманный вами внешний вид. Да-да, тестировать приготовленное вами зелье будут соседи по парте.

Мы с Робертом покосились друг на друга. Я понял, что пощады не будет. Он, наверное, решил то же самое. Мы придвинули к себе наборы колб. Что же мне придумать?

— Что, слабак, воображение отказало? — шепнул Роберт.

— А тебе известно, что такое воображение? — чуть обернулся я.

— Филипп, Роберт, все обсуждения потом! — шикнул на нас профессор.

Потом так потом. Наверное, не следовало мне злиться, но Роберт умел ляпнуть под руку, и вместо невинного изменения цвета волос я задумал нечто иное. Магия легла, как надо — так всегда случалось, когда у меня было неплохое настроение. Увы, в последнее время я не мог им похвастаться, но сегодняшняя победа откровенно радовала. Поэтому и заклинание удалось на славу.

Роберт мучился куда дольше. Что-то мне подсказывало, что получилось у него не зелье преобразования, а яд, потому что жидкость вышла буроватая. Даже пить было страшно.

— Мы готовы, — подозвал Роберт профессора.

Я бы не был так уверен...

— Что ж, — профессор Снорд покосился на наши «произведения». — Вейран, пейте первым.

Я пожал плечами. Пить так пить. Залпом осушил жидкость — к счастью, раствор оказался безвкусным. И...

— Ничего, — провозгласил профессор. — Вы допустили ошибку в формуле заклинания, Роберт. Филипп, не волнуйтесь, это была всего лишь слегка подкрашенная вода. Теперь вы, Роберт.

Гейлен зло покосился на меня — и выпил. Мгновение ничего не происходило. Не вышло? Но затем он схватился за голову, а я рассмеялся, потому что теперь череп противника венчали длинные крепкие козлиные рога. Они красиво вились и чуть загибались к затылку. Загляденье!

— Вейран! — взвыл Роберт и едва не бросился на меня, но я увернулся, а профессор перехватил недруга, пылающего жаждой мести.

— Ай-й-й-й, — погрозил он Роберту. — Это ведь всего лишь заклинание. Ничего, к вечеру отвалится.

Теперь уже смеялись все. Даже невозмутимый профессор и друзья Роберта, а он только зыркал зло и, видимо, мечтал меня убить.

— Прости, ничего личного, — сказал я и отвернулся.

Впрочем, поиздевался над соседом не только я. Другие студенты щеголяли большими ушами, красными носами, тройным подбородком. Никто не обижался — все дружно посмеивались над новой «находкой». А я чувял, что месть Роберта последует скоро. После практикума мы потянулись этажом ниже, в жилые комнаты. И вдруг все замерли разом.

— Что там? — спросил я толкущегося впереди Мика.

— Предварительные списки! — вскрикнул тот и принялся работать локтями.

Признаюсь, в эту минуту я забыл и о графском титуле, и о предвзятом отношении, и о злющем враге. Вместо этого так же, как и все, ринулся к большому стенду, на котором значился список фамилий, и отыскал свою. Седьмое место! Тьма! Все из-за дуэли, иначе было бы третье. А восьмым значился мой новый сосед по комнате, который как раз поторопился исчезнуть с чужих глаз. До экзамена оставалась всего неделя. Надо за это время не понизить свою позицию.

В комнату идти не хотелось. Я посадел немного в библиотеке — самом непопулярном месте на этаже и, наконец, поплелся к себе. Роберт, ожидаемо, был там же, потому что рога по-прежнему вились над его головой. Он читал какую-то книгу и даже промолчал, когда я появился в дверях, забрал полотенце и пошел умываться. Промолчал он и когда я вернулся. Не к добру!

Впрочем, мне было некогда думать об этом. Хотелось спать. Я погасил светильники со своей стороны и лег. Раздеваться не стал — мало ли, что стукнет Гейлену в голову. Еще изрежет одежду, наплевав на защиту. Мало ли? Закрыл глаза. Все-таки день выдался утомительный. Поэтому вскоре моя бдительность дала крен, и я уснул.

А во сне перенесся на знакомую площадь у знакомой виселицы. Только почему-то была зима, а не лето, и сыпал снег, а я стоял на снегу босыми ногами и смотрел на покачивающиеся на ветру тела. Я даже держал себя в руках, пока тело матери вдруг не пошевелилось, а её глаза не распахнулись и уставились на меня.

Кажется, я опять сорвал голос... Потер пальцами виски, зажег светильник, разгоняя сумрак комнаты.

— Вейран, ты в своем уме? — раздался тихий вопрос.

— Когда как, — ответил я, не глядя на Роберта, и повернулся на другой бок, лицом к стене. О том, чтобы уснуть, уже не было речи. А встать — тоже не выход, Роберт ведь не отстанет. Буду делать вид, что сплю.

Меня хватило на полчаса. После этого болеть начало все, что могло болеть. Тело затекло. Демоны с ним, с соседом. Я обернулся. Мой светильник снова не горел — видно, Роберт погасил. Я тихонько поднялся, стараясь не скрипеть половицами, взял со стола учебник и пошел в коридор. Посижу где-нибудь на подоконнике до рассвета.

— Ты куда? — долетело в спину.

— Гулять, — ответил я.

— А! Ну-ну, смотри, не заблудись.

Хорошее напутствие. Я разместился на ближайшем окне, призвал светлячок и погрузился в чтение. Меня никто не потревожил. Но на рассвете, кажется, задремал прямо там, на подоконнике. Потому что вдруг услышал женский голос:

— Мальчик, проснись. Тебе сюда нельзя.

Резко открыл глаза, огляделся по сторонам. Приснилось? Только по полу вилась странная сизоватая дымка, но она быстро растаяла. И как это понимать? Зато за окном уже серело. Я спрыгнул с подоконника и пошел собираться на занятия, надеясь, что за этот день рога не вырастут у меня.

Глава 27

Полина

Увы, всем моим планам на ближайшие дни не суждено было сбыться. Матушка вдруг вспомнила, что нас приглашали в загородное имение барона Вольдена. Мы спорили до хрипа в горле — конечно же, я не желала никуда ехать, но когда Кристина Лерьер меня слушала?

Поэтому спустя пару дней мы уже тряслись в душном экипаже к обещанному «маленькому озерцу и пьянящему запаху трав», как описывал свое имение барон. Конечно же, со слов матушки. Мне же загородное имение виделось клеткой, потому что матушка без умолку трещала о том, что было бы неплохо провести там пару недель.

Барона Вольдена я почти не знала. Это оказался мужчина лет пятидесяти, с благородной проседью в волосах и мягкой, кошачьей улыбкой. Он осыпал комплиментами матушку, затем меня и заверил, что безумно счастлив видеть нас обеих. Я ему не верила и понимала, что моя пытка началась. Пытка длиною в четырнадцать долгих, томительных дней. Я была вынуждена гулять, улыбаться, делать вид, что все хорошо — и слышать шепотки за спиной. Однажды бродила по парку, когда мимо прошли две женщины возраста матери. Они даже не стали дожидаться, когда я уйду.

— Это что, та самая? — шептала одна в спину.

— Да, та самая. Зачем барон вообще пустил эту, с позволения сказать, девушку в дом?

Понятно ведь, что она тоже причастна. Говорят, её от казни спас любовник.

— А я слышала, что её любовник — сам магистр тьмы.

— Так, может, вы у него лично спросите, правда это или нет? — обернулась я к сплетницам. — Ради такого случая договорюсь о встрече.

— Мы не о вас, милочка, — картинно закатила глаза блондинка.

— Слишком много чести, — добавила брюнетка, и они поспешили прочь. А я чувствовала себя оплеванной. Если бы здесь был Анри, никто бы косо не глядел в мою сторону. Мне так его не хватало! Каждую ночь мечтала об одном — увидеть его во сне, но он даже не снился. Жестокий...

Когда настал день отъезда, я едва не порхала от счастья. Матушка тепло распрощалась с бароном, и мы наконец-то поехали домой!

— А у меня для тебя сюрприз, Полли, — проговорила матушка, когда ворота особняка остались позади.

— Какой же? — без особого интереса спросила я.

— Барон Вольден намекнул, что он не против сделать тебе предложение. Правда ведь, чудесно?

— Что? — Я обернулась так резко, что закружилась голова. — Я не выйду за него замуж, мама.

— Подумай, Полли. Барон богат! Да, это не тот муж, которого я желала бы для тебя, но в нашей ситуации не приходится выбирать, раз уж ты упустила более выгодных кандидатов.

— Мама, я вообще не собираюсь замуж! Ни за кого! — кричала я.

— Не ори! — припечатала она. — Прикажу — и выйдешь. Я сама дам за тебя согласие барону, если он придет. А ты будешь сидеть, закрыв рот, поняла?

— Не буду.

— Пожалеешь.

Я уже жалела, что вообще вернулась домой. Лучше было бы держаться подальше, но, увы, Полина Лерьер может открыть гораздо больше дверей, чем просто Полина. Что мне делать?

Я ни за что не предам Анри! Даже если небо рухнет на голову. Матушка замолчала, а я беззвучно глотала слезы. Как только экипаж остановился у дома, помчалась переодеваться. Не выдержу больше ни минуты!

Мне хотелось уйти как можно дальше и побыть одной. Не слушать матушкиных наставлений и уговоров, никого не видеть. Я устала! Устала настолько, что чувствовала себя древней и дряхлой. Не физически, а глубоко внутри. Поэтому уже спустя час вышла на улицу и пошла, куда глаза глядят. Без сопровождения, зудящего за спиной. Без надсмотрщиков, будто от них есть толк. За время, проведенное в доме барона, я не раз и не два думала, что сделаю, когда вернусь. И теперь направлялась к коллежу. Да, летние каникулы были в самом разгаре, но мадам Симона очень редко покидала свое детище. И потом, наверняка, уже начались вступительные экзамены. Поэтому я надеялась найти директора на рабочем месте.

Вот и знакомые ворота. Сколько же с этим местом связано воспоминаний и надежд! Здесь в саду мы тайком встречались с Анри, обсуждали выпускной, свадьбу. Интересно, куда подевалось мое выпускное платье? Наверняка, пылится где-нибудь дома. Жаль, что он так меня в нем и не увидел. Анри...

Его имя въелось в сердце настолько прочно, что я с ним просыпалась и засыпала. Наверное, это был определенный род безумия. И сейчас стены коллежа напоминали о нем, о том, что мечталось, но не сбылось. О моей погубленной жизни. Я подошла к двери и постучала. Открыли почти сразу. На пороге замерла мадам Жаннетта.

— Мадемуазель Лерьер? — удивленно уставилась она на меня.

— Здравствуйте, мадам Жаннетта, — ответила тихо, опасаясь, что меня тут же прогонят прочь, но вместо этого наставница вдруг крепко меня обняла.

— Девочка моя, — прошептала она. — Я думала, больше не свидимся. Проходи, проходи скорее.

И увлекла меня в свою комнату. Я смотрела на знакомые стены, вспоминала счастливые дни. Между мной и ними пролегла пропасть. Насколько глубокая, что не перепрыгнуть, не переплыть.

— Как ты? — спрашивала мадам Жаннетта.

— Сложно, — ответила честно.

— Полли! Если бы ты знала, как мы беспокоились. Матушка искала тебя, когда ты сбежала, и здесь в том числе. А эти черные демоны из тайной службы перерыли все на свете, разве что под кровать ко мне не заглядывали. У!

И мадам погрозила кулаком неведомым «демонам».

— Я очень скучала, — призналась ей искренне. — Коллеж — это лучшее, что было в моей жизни.

— Рано так говорить, Полли. — Мадам Жаннетта взяла меня за руки. — Все еще впереди.

— Если бы! Я вообще-то пришла к мадам Симоне. Она здесь?

— К сожалению, она вернется только к концу недели. А что такое?

— Мне нужен пропуск в городской архив.

— Ты знаешь, я могу сама тебе помочь, — заулыбалась мадам Жаннетта. — Главный архивариус — мой кузен. Давай напишу ему записку, и он тебя примет.

— Я была бы очень благодарна!

Неужели хоть какая-то хорошая новость за последние дни?

— Вот. — Мадам Жаннетта бегло набросала на листе послание к брату. — Он — хороший человек, не откажет. Может, выпьешь со мной чаю?

Я хотела было отказаться, но мадам лучилась такой радостью, что пришлось ответить:

— С удовольствием.

Около часа мы сидели и пили чай. Я вкратце поведала мадам Жаннетте о своих злоключениях. Конечно, то, что можно было рассказать. Она охала и качала головой.

— Ты всегда можешь прийти сюда, Полли, — напутствовала меня напоследок. — Мы будем только рады.

— Спасибо. — Крепко обняла мадам Жаннетту и пошла прочь, но камень на сердце стал немного меньше. Однако, чем дальше я уходила от коллежа, тем сильнее становилось чувство, что за мной наблюдают.

Я не знала, чем его объяснить. Только тревога все нарастала и нарастала. Свернула за угол и решила выждать немного, не повернет ли кто-то за мной. Уловка оказалась действенной. Не прошло и минуты, как из-за угла показался мужчина в черном плаще. Он остановился, пытаюсь понять, куда я подевалась, а мне удалось рассмотреть его лицо. Какая неожиданная встреча!

— Здравствуйте, герцог Дареаль, — окликнула его я. — Не меня ли ищете?

— Здравствуйте, мадемуазель Лерьер, — главный дознаватель магистрата обернулся и неожиданно улыбнулся. — Вы меня заметили. Теряю сноровку.

— Чем обязана? — подошла ближе.

— Увидел знакомое лицо, хотел поздороваться, — спокойно лгал герцог.

— И поэтому так и не подошли?

— Как раз собирался.

И взглянул на меня честным, пронзительным взглядом.

— Тогда вы достигли своей цели. Я могу идти?

— Конечно, — кивнул он.

Я продолжила путь. Герцог, уже не скрываясь, пошел за мной. Мы миновали улицу или две прежде, чем снова пришлось остановиться.

— Еще скажите, что вам со мной по пути, — окликнула главу «демонов».

— А вы сомневаетесь?

Да он издевается! Но почему-то не было обидно. Я ведь и не сомневалась, что за мной станут приглядывать.

— И куда же вы едете одна без сопровождения, мадемуазель Лерьер? — поинтересовался герцог.

— В городской архив, — решила, что стоит сказать правду.

— Что юная мадемуазель забыла в архиве? — изумился он.

— Стремлюсь к самообразованию, знаете ли. Люблю много читать, — говорила уже на ходу, потому что герцог не отставал.

— Библиотека Лерьеров оскудела? — продолжал потешаться он.

— Иногда полезно пройтись. А если начистоту, зачем я вам понадобилась, герцог Дареаль?

— Если начистоту... — Лицо герцога посерьезнело. — Я бы советовал вам оставить дело Вейранов, Полина. Для вас это может быть опасно.

— Угрожаете?

— Предупреждаю. Уверен, за убийством Таймуса стоят серьезные силы. И вас они просто пожрут.

— Как Анри?

Я снова остановилась и теперь гладела на герцога с вызовом.

— Как Анри, — согласился он. — Все же мне не дает покоя это убийство. Другого магистра света до сих пор нет. Посмотрите, что происходит с погодой. Жара стоит немилосердная. Двое оставшихся не справляются, это не в их власти. Кому помешал Таймус? Зачем?

Связано ли его убийство с Анри Вейраном? Или он просто попался на пути, как удобная мишень?

Слишком много вопросов.

— Если у вас остались вопросы, то где же тогда справедливость? — тихо спросила я. — Почему Анри отвечает за чужое преступление?

— Потому, что так было надо, — нахмурился герцог.

— Кому?

— Уж точно не мне. Убийство магистра вызвало бы волнения в народе, сомнения в самой власти магистрата. Поэтому суд произошел так быстро. Но вы ведь и сами это понимаете, мадемуазель. Я по-прежнему вас предупреждаю — не вмешивайтесь. Сам граф Вейран не справился с этой силой, а Виктор был одним из сильнейших магов, которых я знал. Куда уж вам? Хотите, я провожу вас домой?

— Проводите, — ответила я.

Поработать в архиве герцог все равно не даст, да и я была немного выбита из колеи этой встречей. И у мадам Жаннетты провела дольше, чем планировала. Но завтра я все-таки доберусь до архива. Что такого было в семье Анри, что от них поторопились избавиться? И

правдив ли рассказ магистра тьмы? Мне нужны были ответы, потому что вопросов становилось все больше.

Герцог предложил мне локоть. Оставалось только опереться на его руку, и мы медленно двинулись к особняку Лерьеров. Представляю, что скажет матушка, если увидит нас вместе.

Без сомнения, у неё появится еще один кандидат в мои будущие мужья. Дареаль молчал. Я тоже.

— Послушайте, Полина, — заговорил он, когда до дома осталось всего ничего. — Я вижу, что вы — настойчивая девушка. Мой совет остается в силе, но если вы все же узнаете нечто важное, придите ко мне.

— Зачем? — спросила я. — Вы вернете мне жениха?

— Увы, я не властен над пустотой. Но все-таки надеюсь, что рано или поздно правда восторжествует. Таймус не был моим близким другом, однако был хорошим человеком, который не давал этим двум... магистрам сталкиваться лбами. И мне не хотелось бы, чтобы его убийца остался безнаказанным. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Я кивнула. Пусть думает, что хочет. Раньше надо было действовать! Раньше, когда можно было спасти Анри. Теперь же справедливость нужна только мне и Филиппу, потому что нам с этим жить.

Поэтический бонус

Пустота (Анри)

Взгляни, мой мальчик. Мир — всего лишь сон.

Он — сон, тобой увиденный напрасно.

Я — Пустота, а пустота прекрасна,

В ней нет чужих проклятий и имен.

В ней нет ни понятий, ни палачей,

Ни горечи, что сердце разрывает

— Что? Счастья в этом мире не бывает?

Опомнись, мальчик! Ты никто, ничей.

Никто, ничей... Опять летишь на свет,

Как будто свет твои излечит раны.

Ты — не такой, как все они. Ты странный,

Других таких в моих объятьях нет.

Ну, посмотри! Не отверни лица,

Не проклинай, как проклинают люди.

Вот есть они — а через миг не будет,

Но я с тобой останусь до конца.

Не надо звать ни брата, ни жену —

Они, мой милый, о тебе забыли.

А, может, никогда и не любили,

А ты ведешь за них свою войну.

Иди же, мальчик! Будет сладок плен,

Утешу я навек твои печали,

И клятвы, что когда-то прозвучали,

Верну назад, а дам тебе взамен

Незримый бег времен.

Здесь солнца нет?

Ну что ты! Ты в груди запрятал солнце.

Захочет — и оно к тебе вернется,

Но только ты свой потеряешь свет.

Глава 28

Филипп

В том, что Роберт Гейлен не простит свой позор, я даже не сомневался. Что скрывать? Я бы тоже не простил, если бы рога украшали мою голову. И весь следующий день против воли ждал подвоха, но то ли Роберт оказался умнее, чем я думал, то ли ему было некогда заниматься такими глупостями, но возмездие не настало. Нам удавалось даже вполне мирно сосуществовать. Роберт не заговаривал со мной, я — с ним. Если приходилось обмениваться репликами, то это были дежурные фразы. Эдакий зыбкий нейтралитет, в который я ни капли не верил.

Видимо, Гейлен вынашивал план. Я даже на всякий случай обновил защитные заклинания на своих вещах. А то вдруг останусь без них? Нет уж, так не пойдет.

— Что ты смотришь на меня, как на змея? — лишь раз сорвался Роберт, когда заметил мой очередной взгляд. — Все равно тебя ни одна зараза не возьмет!

Я промолчал. И даже в какой-то степени смирился, что все время надо быть настороже.

Пусть так. Но были в ситуации и свои плюсы. Например, тот, что Роберт все время находился на виду, а не подстерегал меня в коридоре с сообщниками. Правда, от него так и исходило желание придушить меня где-нибудь по-тихому, и оно было вполне взаимным.

Нам задали достаточно объемный конспект, поэтому после ужина я направился по привычному пути в библиотеку. Там сегодня царил небывалый ажиотаж. Конспект нужно было составить всем, и студенты горланили и толкались. Зато, стоило присесть за стол, вокруг тут же образовалось пустое место. Хоть какая-то польза от дурной репутации.

Я просидел над конспектом до самой ночи, затем почти на ощупь добрался обратно в комнату и рухнул в постель. Привычный кошмар настиг уже под утро. Видимо, и правда сильно устал. Я сполз с кровати. Надо было одеться и умыться. Странно, что Роберт никак не прокомментировал очередную бессонную ночь. Молча сидел и смотрел, как я в рассветном полумраке нащупываю штаны.

Я натянул штанину на ногу — и вдруг понял, что отпустить ткань не могу. Она прочно приклеилась к руке.

— Что за демон? — прошептал, вцепившись в штанину второй рукой. И теперь обе ладони оказались накрепко приклеены к ткани.

— Твоя выходка? — уставился на Гейлена.

— О чем ты? — Тот невозмутимо пожал плечами. — Руки мыть не пробовал?

Я дернул так, что ткань затрещала — и штанина канула в прошлое. Но лоскутки так и остались на ладонях. Ну, Роберт! Вот не надо лезть под горячую руку! Гейлен почувствовал, что пахнет жареным, потому что осторожно поднялся с кровати, а я схватил первую попавшуюся книгу и запустил в него. Попытался... Потому что книга тоже прилипла намертво.

Значит, заклинание, не клей.

— Убери немедленно, — попросил по-хорошему.

— Еще чего, — усмехнулся тот. — Потерпи, к вечеру книга отвалится.

— Зараза!

И я кинулся на Роберта. Зря, конечно, потому что к нему я тоже прилип. Мы кубарем покатались по полу. Причем, ко мне прицепилось все, чего коснулся — заклинание распространялось. И коврик у кровати, и шнурки ботинок, и какой-то конспект. К счастью, не мой, а Роберта.

— Пусти, идиот! — вопил Гейлен.

— Сними заклинание. Как я тебя отпустить должен? — орал ему в ухо, умудряясь при этом брыкаться, попадая коленями, по чем придется.

— Да чтоб ты провалился!

— Только вместе с тобой, как видишь.

— Рассет!

Заклинание рассеивания подействовало. Я сел, отряхиваясь от пыли и перьев из подушек. Вот откуда они на полу? Роберт и вовсе щеголял стремительно наливающимся синяком под глазом — кажется, я лягнул его лбом. Картина та еще!

— Ну, Вейран, — прорычал он.

— Что? — Я поднялся на ноги и уставился на остатки штанов.

— Все равно отсюда вылетишь.

— После тебя. Ты же позади меня в списке.

Роберт кинулся вперед, я увернулся. Он пролетел несколько шагов. Это ему не впиетером на одного! Однако, Гейлен был парнем упрямым. Развернулся, и мы снова сцепились.

Наверное, ничем хорошим это не закончилось бы, если бы вдруг не прозвучал троекратный сигнал.

— Это еще что? — замер Роберт, забывая, что собирался расквасить мне нос.

— Понятия не имею, — подумал я о том же. Пришлось плюнуть на Роберта, найти штаны, которые покупала еще Полли. Оказалось, что они мне слегка коротковаты. Видимо, вырос за месяц. Но выбирать все равно было не из чего, а форма пришла в негодность из-за кое-кого.

Поэтому пошел, как есть.

Мы собрались в главном зале. Никто не понимал, что происходит. Студенты галдели и вертели головами по сторонам. Я же забился подальше. Утро и так выдалось сложным, а день обещал быть не менее «приятным». А перед нами замерли кураторы всех восьми групп.

— Уважаемые курсанты, — заговорил один из них, и мы мигом затихли. — Точнее, пока еще кандидаты в курсанты. Вы уже могли видеть предварительный рейтинг, в который занесены ваши результаты за эти недели. У меня для вас две новости. По традиции, хорошая и плохая.

Хорошая — у вас есть шанс набрать максимальное количество баллов и изменить ситуацию в рейтинге. Плохая — в том, что экзамен первой ступени вам предстоит сдать уже сегодня. А если точнее, прямо сейчас.

А я-то думал, впереди еще как минимум неделя... С другой стороны, это к лучшему.

Раньше сдам экзамен — раньше узнаю, чем могу помочь расследованию Пьера. И увижусь с ним, хотя бы. Можно было лгать себе до бесконечности, но я скучал. И не только по родителям и брату, но и по Пьеру, Полли. Они стали для меня близкими людьми, пусть мы и недолго прожили под одной крышей. И я надеялся, что когда обучение закончится, наши пути сойдутся снова.

— Мы откроем для вас врата в лабиринт, наполненный магическими ловушками и разными существами, — продолжал профессор. — Ваша задача — пройти его на время и получить как можно меньше повреждений. Проходить лабиринт вы будете четверками. Когда первая четверка удалится на достаточное расстояние, стартует вторая, и так далее. Если вы поймете, что не можете идти дальше и хотите прервать экзамен, используйте заклинание «верите», мы вас услышим. И так, я называю имена, вы делитесь на группы.

И почему я не удивился, когда услышал, что буду проходить лабиринт с Робертом? К нам присоединился Майк и парень из пятой группы, Джефри. И Майк, и Джефри держались от меня подальше, а Роберт, видимо, привык, потому что продолжал подначивать:

— Что, Вейран, боишься? Это тебе не рога выращивать.

— И не накладывать глупые заклинания, — фыркнул я.

— Держись у нас за спиной. Может, не опишешься.

— Делишься своим жизненным опытом?

Роберт зыркнул на меня так, будто готовился разбить лицо. Я же только пожал плечами.

Пусть злится, если хочет. Не я это начал!

— Пора!

Кураторы прочитали заклинания. Затрясся пол, и перед нами на пустой стене возникла дверь. Первая четверка замерла перед ней. Мы же попали в третью. Дверь распахнулась. За ней клубилась тьма портала. Кураторы пожелали курсантам удачи, и те шагнули в портал. Четверть часа спустя свой путь начала вторая четверка. Наконец, пришла и наша очередь.

— Удачи, — улыбнулся куратор Синтер. — Филипп, утри всем нос!

— Дерек, — шикнул на него куратор группы Роберта.

— Что?

— Меньше говори и больше делай!

Дверь снова распахнулась, и мы ступили в лабиринт. Сам момент перехода оказался не слишком приятным. Я в мгновение ока замерз. Стены лабиринта покрывал слой инея. Он был длинным, извилистым, и сразу же предстояло выбрать один из трех ходов.

— Может, поделимся? — покосился на меня Джеффри.

— С удовольствием, — ответил я и зашагал к правому коридору.

Джеффри двинулся к левому, Майк — к центральному. А вот когда Гейлен догнал меня, я и правда удивился.

— Чего тебе? — спросил хмуро.

— Хочу убедиться, что ты не пройдешь лабиринт раньше меня, — ответил Роберт и вырвался вперед. Пусть идет. Жалко мне, что ли? Сам же я, наоборот, замедлил шаг. Кураторы говорили о магических ловушках. Попытался ощутить чужеродную магию, прислушался к пространству. Что-то мне не понравилось.

— Стой! — крикнул Роберту.

— Обойдешься, — отозвался тот и шагнул прямо в ловушку. В него тут же полетели огненные сгустки, и только вовремя взметнувшиеся щиты уберегли Роберта от провала экзамена. Дальше мы уже шли медленно. Я продолжал прощупывать пространство, положившись на интуицию и магию, а Роберт то и дело отправлял вперед заклинания. Поэтому следующая ловушка сработала раньше, чем мы до неё добрались. И тоже была огненной.

Теперь я вырвался вперед, пропустив мимо ушей замечание, что от меня нет толка. Шаг, еще шаг.

— Проверь левую стену, — обернулся к Роберту. — Я не знаю твоего заклинания.

Тот кивнул и запустил магией в указанную точку. Что-то ухнуло, и мы едва успели пригнуться, потому что прямо над головой просвистело несколько лезвий.

— Это не экзамен, а тропа смерти какая-то! — возмутился Гейлен.

— А ты что думал, на прогулку попал? — буркнул я.

Коридор вильнул, и мы оказались на берегу подземного озера. Вот только как перебраться на другой берег? Ни лодки, ни кромки суши.

— Может, воду заморозить? — предложил Роберт.

— Даже если мы возьмемся вдвоем, сил не хватит. Вот вчетвером справились бы.

— Ну... Тогда можно покрыть льдом узкую полоску. Умеешь?

— Да.

Мы замерли на берегу, читая каждый свои заклинания. Вода постепенно покрывалась тонким слоем льда. Я принялся его утолщать, пока Роберт стабилизировал магию.

— Рискнем? — обернулся к Гейлену.

— Ты первый, — сказал тот.

— Да все равно! Только в спину не толкай, если хоть немного ума есть.

И ступил на кромку льда. Но не подумал, что лед — это не просто непрочно, но и скользко! Шаг, еще шаг. Ноги разъезжались.

— Не утони, Вейран, — летел в спину довольный голос Роберта.

Я сделал еще шаг — и едва не полетел в воду.

— Да заткнись же ты! — крикнул Гейлену, а тот уже шел следом за мной.

Мы, как два канатоходца, осторожно перебирались на другой берег. Я уже почти достиг его, когда из-под воды вдруг вынырнуло нечто... «Нечто» напоминало жуткое морское чудовище с огромной пастью и зубами в три ряда. Зубы опасно щелкнули возле моего носа. Признаюсь честно — испугался так, что помчал по льду, забыв, что он скользкий. И остановился только, вывалившись на сушу. Упал, стараясь отдышаться. А вот Роберту пришлось хуже. Похоже, он показался монстру вкусным, и тот норовил откусить у моего врага какую-нибудь аппетитную часть тела.

— Шарахни его чем-нибудь! — с берега советовал я.

— Сам бы шарахнул! — взревел Роберт, но все-таки приложил «зверушку» темным заклинанием. Тварь обиделась, забила хвостом по хрупкому льду. Утонет еще, хоть и дурак!

Я кинулся обратно к озеру, восстанавливая лед, а затем использовал на монстре заклинание слепоты. Тот взревел, а мокрый от пота Роберт рухнул рядом со мной.

— Ненавижу тебя, — поделился он впечатлениями.

— За то, что помог?

— Мог бы раньше помочь!

Не поспоришь. Но мы, вроде как, друзьями не были. Поэтому я пожал плечами и пошел дальше. Джеффри и Майк, наверняка, уже на полпути к цели.

Внезапно я почувствовал что-то впереди и остановился. Роберт едва не влетел мне в спину.

— Что? — спросил недовольно.

— Там что-то есть, — тихо ответил я.

— Само собой! Это же экзамен. Тут повсюду что-то есть, если ты не заметил.

— Подожди!

Но разве Роберт меня слушал? Он вырвался вперед, шаря магией по полу и стенам. Что ж, каждый делает свой выбор сам. Я мысленно обозвал его дураком. А разве не так? И замедлил шаг, полагаясь на предчувствие. Вот Роберт свернул за поворот — и резко вернулся обратно.

— Что такое? — спросил я, хотя, вопрос уже был бессмысленен. Раздался дикий, оглушающий рев и быстрый топот. Что это?

— Бежим назад! — крикнул Роберт, вот только позади — озеро с монстром, и отступить было некуда. Поэтому я поднял щит и приготовился встретить врага лицом к лицу. Точнее, к морде, потому что это было... нечто. Черная масса, больше похожая на грязевое облако, с копытцами, которые бодро выстукивали по полу. Я понятия не имел, что это за существо! Но, кажется, имел Роберт, потому что улепетывал так, что сверкали пятки. А я огляделся — и увидел нишу, вполне подходящую, чтобы переждать в ней, пока чудовище проползет мимо.

Нырнул туда и замер. Масса, как и ожидалось, проползла мимо, а я пошел дальше, к выходу, который уже виднелся за её логовом. Вот и все!

Только позади меня раздался истошный вопль. Что мне до Роберта Гейлена? Что мне до того, что он вот-вот провалит экзамен? Мы враги, не друзья. Не будет Роберта — может, и прекратятся косые взгляды в мою сторону. И уж точно никто не будет поджидать в коридоре.

Я повернулся и пошел назад. Да чтоб он провалился! Но, стоит признать, Роберт успешно справлялся и без меня. Масса выстреливала в него черными кляксами-щупальцами, он рубил магией одно за другим. На лбу врага выступила испарина, но он не сдавался. Я подумал — и сзади атаковал чудовище заклинанием оцепенения. Масса замерла. Так просто?

— Бежим быстрее, — кинулся ко мне Гейлен. — Оно скоро придет в себя.

И мы помчались к двери. Нам оставалось каких-то пять шагов, когда мир вокруг дрогнул.

— Это еще что? — крикнул Роберт.

— Некогда. — Я бежал к цели. — Шевели ногами!

Земля между нами и дверью вдруг треснула. Послышались крики. Чьи, если здесь мы были одни? Хотя, идут же за нами другие четверки.

— Что за... — прошептал Роберт, а я вдруг понял, что это не экзамен. Тьма всколыхнулась, окутывая тело. Все нутро кричало об опасности.

— Здесь что-то не то. Надо звать на помощь, — проговорил я скороговоркой — и отшатнулся, потому что из пролома полыхнуло огнем. Я отскочил, а Роберт не успел.

Только что он стоял рядом — и вот уже рухнул в проем. Я кинулся к краю. Гейлен висел, уцепившись руками за осколок пола.

— Давай руку! — склонился я, пытаюсь подхватить его. Не достать!

— Уходи, — крикнул он в ответ. — Пока можно!

— Нет! Попытайся дотянуться до меня.

Если я и знал заклинания, которые могли ему помочь, то сейчас они выветрились из головы. Было только непонимание, что происходит, и желание оказаться как можно дальше.

Бездна снова выстрелила огнем.

— Хватайся! — Я нагнулся сильнее, вцепился в горячие пальцы врага и потянул на себя. — Ну же, Роберт!

Еще одно усилие — и мы рухнули на край пропасти.

— Верите! — крикнул я форму заклинания-призыва, и... ничего. Зато тьма вдруг стала настолько плотной, что я с трудом видел Роберта.

— Что это, Вейран? — прошептал он.

— Что-то пошло не так.

— Сам вижу. Давай попробуем все-таки добраться до двери.

— Как, Гейлен?

Ответить Роберт не успел. Земля снова задрожала. Позднее я никак не мог вспомнить, что было дальше. Помнил только черную фигуру демона, поднявшуюся из бездны. Его полыхнувший алым взгляд. И глупого Роберта, который закрыл меня спиной и швырнул в него каким-то заклинанием, от которого пошла вонь. Демон дернул лапой — и Гейлен отлетел в сторону, ударился об осколки камней и замер. А потом стало светло... И я в каком-то недоумении понял, что свет льется из моих ладоней. А после света пришла тьма.

Глава 29

Анри

Я сидел и вырисовывал палочкой на пыли цифру сорок восемь. Уже нарисовал раз десять — и начал одиннадцатый. Вот короткая палочка, теперь штрих вправо, вверх — и вниз. А рядом — восьмерка, похожая на знак бесконечности. И еще раз... Пустота сидела напротив и смотрела, как вывожу цифру за цифрой.

— Ты скучный, — заявила она.

— Так отпусти меня.

— Выход ищи сам.

— Не хочу.

Я действительно не хотел. Слишком устал. Очередная дверь выпила силы до дна. На первый взгляд, за ней не было ничего страшного. Просто долгая дорога, уходящая в туман. Но чем дальше я шел по ней, тем длиннее она казалась. И тем больше был соблазн остановиться, лечь, уснуть. Однако стоило замереть на месте, как из темноты начинали таращиться глаза.

Нечеловеческие глаза, и слышалось чье-то дыхание. А еще там не было дверей, и я уже думал, что дорога будет вечной. Дверь появилась только тогда, когда «нечто» напало, и я его убил. Не знаю, что за существо это было. Уже ничего не знаю...

Четыре... Восемь... А еще не менее пятидесяти дверей кружило по пространству вокруг меня. Сил не осталось. Если бы я мог уснуть... Стало бы легче. Это были бы хрупкие мгновения отдыха. Но нет. Я был лишен и этого. А когда останавливался, Пустота начинала показывать мой мир. Я старался не смотреть. Слишком больно. Да и верить Пустоте нельзя. В том, что она питается страхом, ужасом, отчаянием, я уже убедился и не желал её кормить. Вдруг прямо из ниоткуда возникла еще одна дверь. Я рванулся к ней.

— Стой! Это не твоё! — крикнула Пустота в спину, но я уже дернул ручку и ворвался внутрь, чтобы увидеть знакомую фигуру. Это был Филипп. Он стоял спиной ко мне, а перед ним была виселица, и на ней — два тела, чуть покачивавшихся на ветру. Значит, вот о чем Полли так и не смогла мне рассказать. Только сил на горе у меня не осталось. Я подошел к брату со спины, закрыл руками глаза:

— Не смотри.

— Анри? — недоверчиво спросил он.

Я заставил Филиппа обернуться ко мне.

— Анри! — вскрикнул он, а я заметил, как брат изменился. Передо мной был почти незнакомый человек. Сколько же времени прошло?

— Я в пустоте? — озираясь Фил.

— Да.

— Но это значит...

— Эй, ты! — обернулся я туда, откуда чувствовал посторонний взгляд. — Выпусти его, немедленно.

— Анри, подожди, — затараторил Филипп. — Ты все-таки жив!

— Жив. Не знаю, надолго ли. Отсюда нет выхода.

— Он должен быть, послушай, надо только...

— Э, нет. Хватит! — вынырнула из тумана фигура в сером. — Так нельзя, мальчик. Я тебя не звала.

— Ты кто? — уставился Филипп на незваную гостью.

— Пустота, — ответил я. — Как видишь, вполне материальна. Как ты? В порядке?

— Судя по тому, что я здесь — нет, — поморщился он.

— А Полли? Как она?

— Я не видел её после суда, — качнул головой Филипп.

— Эй, вы, двое! — возмутилась Пустота. — Хватит щебетать так, будто меня тут нет. Тебе пора, Филипп Вейран. Тебя зовут. Заходи в гости.

— Стой! — крикнул Фил, но его фигура уже пошла рябью. — Анри, я тебя жду!

И он исчез, а я снова был в комнате с дверями. О лишней двери ничего не напоминало.

— Почему мой брат оказался здесь? — спросил у Пустоты.

— Откуда мне знать? — Она устроилась на валуне, и я чувствовал, что хозяйка пространства недовольна. — Взяли привычку, шастают тут! Дома ему не сидится. Мал еще, а туда же. Видно, помереть надумал, да не дали.

— Что? — Я подскочил с камня.

— Говорю, твой брат оказался здесь потому, что был в пограничном состоянии. Что существует между жизнью и смертью?

— Пустота, — прошептал я.

— Именно. Поэтому отсюда два пути. Вперед или назад. Не беспокойся, он выбрался, я больше его не чувствую. А вот ты — здесь.

— Ненадолго! — рыкнул я и огляделся. Пятьдесят дверей? Ничего, рано или поздно они закончатся! И зашагал к очередной двери.

Филипп

Я даже умереть спокойно не могу! Эта мысль почему-то раздражала. Наверное, потому, что не чувствовал тела, зато откуда-то волнами приходила боль. Прилив — и я ухал куда-то вниз. Отлив — возвращался в реальный мир. Настал момент, когда ухнул так глубоко, что вокруг поплыл серый туман, но и здесь мне не было покоя. Картина осталась неизменной, мой кошмар вернулся снова. Вдруг на глаза опустилась теплая ладонь, и раздался голос, который я узнал бы из миллиона:

— Не смотри.

Анри! Я глазам своим не верил, но это определенно был мой брат. А рядом с ним — женская фигура в сером балахоне. Пустота. Я пытался выпросить хоть что-то, понять, но не успел. Сказал только главное — что жду его. И верю, что он вернется. Сон ли это был? Видимо, сон. Всего лишь одна из разновидностей кошмаров. А потом зазвучали уже реальные голоса.

— Он умирает! — рычал куратор Синтер.

— Я вижу, — это уже директор. — Его тело не справляется с силой.

— Так иницируй его.

— В шестнадцать? С ума сошел? Может, еще сразу дать ему в руки диплом и выставить за дверь?

— Надо что-то делать, Эд!

— Почему с Вейранами всегда столько проблем?

— Мне почем знать? Так что? Рискнешь?

— А у меня есть выбор?

Я силился открыть глаза — и не мог. Очередное погружение вниз, на этот раз — даже глубже пустоты. Барахтался, пытаюсь выбраться, но ничего не получалось. Ну же! И вдруг в темноте показалась серебристая нить. Один её конец был в моих руках. Второй терялся где-

то вдалеке. Я пошел, наматывая нить на руку. Куда она ведет? Кажется, холод тьмы отступал, становилось теплее. Еще теплее. Свет!

— Дыши! — требовал кто-то. — Дыши, мальчик. Давай!

Я судорожно глотнул воздух. Легкие обожгло, мир пошел алыми пятнами. Но я видел! Видел склонившегося надо мной директора Рейдеса, белый потолок лазарета, светильник. Больно!

— Тише, тише, — забормотал он, удерживая меня, не давая подняться. — Все позади, Филипп. Все в порядке.

В порядке? Ощущение, будто тебя разрезают на сотни кусочков? А еще плечо пекло невыносимо! Будто кто-то пытался содрать с меня кожу. Я едва сдержал стон.

— Вейран, ты меня слышишь? — Лицо директора исчезло, зато появилось лицо куратора Синтера.

Я моргнул, потому что язык не слушался.

— Отлично! — развеселился вдруг куратор. — Ну и заставил ты нас поволноваться, парень. Так вступительные экзамены еще никто не сдавал.

Что ж, я буду первым. Закрыв глаза. Еще будет время спросить, что это было. Потом. Не сейчас, а сейчас хотелось только одного — отдохнуть. Только разве дали? Директор и куратор куда-то делись, а голоса остались. Странно, да? Точнее, не голоса, а неясный шелест, шепот. Меня кто-то звал, кто-то о чем-то спрашивал. Я пытался ответить — и не мог. Опять кошмар... Поэтому даже физиономию Гейлена я воспринял за счастье.

— Эй, ты меня слышишь? — громко поинтересовался он.

— Слышу, — просипел я, вдруг приобретая ощущение реальности. — Что...

— Тебе вообще-то говорить нельзя, так что молчи.

Логично! Зачем тогда спрашивал?

— И меня тут быть не должно, но все равно моя палата за соседней дверью.

Еще логичнее...

— Что случилось? — прошептал я.

— Никто ничего толком не говорит. Вроде как был прорыв темной магии. Стихийный прорыв, правда, я в это не верю. Такое чудовище — и просто так? Пострадавших немного. Двое еще в лазарете, остальные, вроде, целы. По крайней мере, так говорят кураторы. Тебе больше всех досталось. Но знаешь, Вейран, а ты ведь демона убил.

— Что? — Я даже сел. Голова закружилась так, что рухнул на подушку.

— Не знаю, я не помню ничего, только вспышку света. Но пока ты тут валялся, я держал уши открытыми. И куратор с директором говорили, что ты уничтожил демона какого-то высокого уровня.

Похоже, мы тут уже долго, а Роберту безумно скучно. Только этим я мог объяснить его разговорчивость, учитывая, что мы — враги. Но в минуту опасности он не бросил меня. Наоборот, помог и прикрыл собой. Конечно, он вряд ли понимал, что делает. В такую минуту включаются инстинкты. Только я уже не мог смотреть на Гейлена как на врага. Недруга — да.

Но недругов много, а враги — это совсем другой уровень.

— Сколько мы тут? — просипел едва слышно.

— О! Уже долго. Думаю, около суток.

Что ж, я буду первым. Закрыв глаза. Еще будет время спросить, что это было. Потом. Не сейчас, а сейчас хотелось только одного — отдохнуть. Только разве дали? Директор и куратор куда-то делись, а голоса остались. Странно, да? Точнее, не голоса, а неясный шелест, шепот. Меня кто-то звал, кто-то о чем-то спрашивал. Я пытался ответить — и не мог. Опять кошмар... Поэтому даже физиономию Гейлена я воспринял за счастье.

— Эй, ты меня слышишь? — громко поинтересовался он.

— Слышу, — просипел я, вдруг приобретая ощущение реальности. — Что...

— Тебе вообще-то говорить нельзя, так что молчи.

Логично! Зачем тогда спрашивал?

— И меня тут быть не должно, но все равно моя палата за соседней дверью.

Еще логичнее...

— Что случилось? — прошептал я.

— Никто ничего толком не говорит. Вроде как был прорыв темной магии. Стихийный прорыв, правда, я в это не верю. Такое чудище — и просто так? Пострадавших немного. Двое еще в лазарете, остальные, вроде, целы. По крайней мере, так говорят кураторы. Тебе больше всех досталось. Но знаешь, Вейран, а ты ведь демона убил.

— Что? — Я даже сел. Голова закружилась так, что рухнул на подушку.

— Не знаю, я не помню ничего, только вспышку света. Но пока ты тут валялся, я держал уши открытыми. И куратор с директором говорили, что ты уничтожил демона какого-то высокого уровня.

Похоже, мы тут уже долго, а Роберту безумно скучно. Только этим я мог объяснить его разговорчивость, учитывая, что мы — враги. Но в минуту опасности он не бросил меня. Наоборот, помог и прикрыл собой. Конечно, он вряд ли понимал, что делает. В такую минуту включаются инстинкты. Только я уже не мог смотреть на Гейлена как на врага. Недруга — да.

Но недругов много, а враги — это совсем другой уровень.

— Сколько мы тут? — просипел едва слышно.

— О! Уже долго. Думаю, около суток.

— Нам надо поговорить.

Да уж, точно, надо. У меня накопились вопросы, и нужен был кто-то, кому можно их задать.

— Послушай, Филипп, думаю, ты понял, что твое ранение совсем не было частью экзамена. — Директор тщательно подбирал слова. — Произошел неконтролируемый прорыв тьмы. «Черная звезда» — особенная гимназия, само здание стоит на мощном темном источнике. Хотелось бы сказать, что у нас все под контролем, но ты сам видишь — далеко не все.

Я молчал, решил не перебивать директора, но количество вопросов росло и росло.

— Ты был серьезно ранен, — продолжал мой собеседник, глядя на меня, как на смертельно больного. — Мы едва вытащили тебя. И провели инициацию, пробудили твою магию, чтобы она могла тебя спасти. Признаю, раньше твоего восемнадцатилетия это было опасно, но и выбора не оставалось.

— Чем опасна ранняя инициация? — не выдержал я.

— Теперь уже почти ничем. Ты пережил главное — раскрытие магического потенциала. Ритуал достаточно сложный, но он прошел успешно. Несколько дней будешь чувствовать скачки магии, а дальше научишься ей управлять, и все будет хорошо. Если бы мы не были в гимназии, посоветовал бы тебе найти девочку. Сразу баланс возобновится.

И подмигнул мне, а я покраснел. Только о девочках сейчас думать!

— Интересно другое, Филипп, — задумчиво произнес директор. — Вокруг портала остались следы светлой магии. Твой сосед по комнате говорит, что ничего не видел. Я подозреваю, что он лжет. Но, сам понимаешь, заставлять не стану. Надеюсь, ты мне объяснишь, что это было?

— Я ничего не помню, — ответил почти чистую правду. Разве пару обрывков воспоминаний можно считать чем-то важным?

— Точно?

— Точно, — уверенно кивнул. — Я же темный маг, вы сами провели инициацию.

— И то верно, — пробормотал директор Рейдес. — Ладно, поживем — увидим. Думаю, тебя порадует новость, что ты получил достаточно баллов для поступления на первый курс. Поздравляю!

— Спасибо, — улыбнулся я.

— Церемония вступления — через два дня. Надеюсь, к тому времени ты будешь чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы принять в ней участие. А теперь отдыхай. Кстати, как станет лучше, перенесешь вещи в новую комнату.

— Надеюсь, мне сменили соседа? — спросил без особой надежды.

— С чего бы? — Брови директора поползли вверх. — Вы ведь так хорошо уживаетесь с Робертом. Только не убейте друг друга, не стоит повышать процент смертности по гимназии.

И гулко рассмеялся, похлопал меня по плечу, а я поморщился от боли.

— Ах, да! — Директор будто вспомнил что-то. — У тебя на плече — магическая татуировка.

Она появляется у всех первокурсников, но дело в том, что у них будет только один луч, а у тебя полная черная звезда. Постарайся никому её не показывать. А то старшие курсы не так поймут. До встречи.

И сбежал раньше, чем я успел хоть что-то спросить. И как это понимать? Почему звезда на моем плече полная, а у первокурсников — всего с одним лучом? Я перестал понимать хоть что-то. Зато, раз я поступил на первый курс, ко мне сможет прийти Пьер! Осталось только подождать.

Глава 30

Полина

В архив я попала только через несколько дней. Мать будто что-то подозревала: бродила за мной коршуном, возила на многочисленные приемы, частые в столице в летнее и зимнее время. Я мечтала, чтобы наступила осень, и это жуткое лето наконец-то закончилось! Зато магистры не появлялись на пороге. Оба оставили меня в покое и забыли о моем существовании. Что ж, так легче. Я понимала, что, скорее всего, они наблюдают издалека. Ну и пусть наблюдают! Я не делаю ничего предосудительного.

Чтобы избавиться от надзора матушки, пришлось притвориться больной. Я лежала в постели, служанка то и дело меняла мокрую повязку на лбу.

— Ох, Полли, — причитала мать. — Как жаль, что ты не сможешь поехать со мной на загородную прогулку!

— Да, жаль, — пробормотала я, хотя ничуть не жалела.

— Ну ничего, в следующий раз мы обязательно съездим вместе. Выздоровливай, милая. Матушка пожала мою горячую ладонь и поторопилась прочь, её ждал цвет столичного общества. А меня — главный городской архив. Стоило колесам экипажа заскрипеть по подъездной дорожке, как мне сразу стало лучше. Я сказала, что буду спать, и отослала прочь служанку, переоделась, чтобы привлекать меньше внимания, и выскользнула через черный ход.

День выдался пасмурный. Срывались тяжелые капли дождя. Я смотрела на серое небо — цветом оно напоминало плащ магистра пустоты. Усмехнулась — наверное, теперь магистры будут мерещиться мне повсюду, и ускорила шаг. До городского архива не шла — летела.

Двери мне открыл суровый охранник. Он поглядел на меня свысока.

— Чем могу помочь, мадемуазель? — спросил с таким видом, что стало ясно — помогать он не желает.

— Мне нужно увидеть главного архивариуса, — ответила я, до конца не зная, что нужно искать.

— Идите за мной.

Мы миновали длинный ряд коридоров — тихих, будто за дверями многочисленных комнат никого не было. Наконец, охранник остановился у двери и постучал.

— Входите, — раздался ответ.

Он скрылся в кабинете главного архивариуса первым, и лишь через несколько минут пригласил меня внутрь. Главный архивариус оказался седым мужчиной лет шестидесяти в аккуратной шапочке, прикрывающей плешь, и мантии, на которой гордо красовался значок архивной службы страны.

— Добрый день, мадемуазель, — поднялся он навстречу. — Чем могу помочь?

— Здравствуйте, месье Лестер. — Имя значилось на золотой табличке на двери. — У меня для вас письмо от вашей кузины.

И протянула маленький конверт. Архивариус быстро пробежал глазами по строчкам, задумчиво кивнул каким-то своим мыслям, потерев седую бороду.

— Жаннетта просит помочь вам, мадемуазель...

— Лерьер. Полина Лерьер.

Кустистые брови взметнулись вверх, и месье Лестер деловито кашлянул.

— Чем могу быть полезен? — спросил он.

— Месье Лестер, мне нужно все, что вы можете найти о Викторе Вейране и его супруге Анжеле.

— Гм-гм, — сухо кашлянул архивариус. — В последнее время это имя не в чести в городе, знаете ли, и негоже молодой леди...

— Я — невеста Анри Вейрана, и это вопрос жизни и смерти.

— Хорошо. — Архивариус продолжал изучать меня глазками-буравчиками. — Вам придется обождать. Рауль проводит вас в отдельный кабинет. Рауль!

В дверях появился сутуловатый смуглый мужчина, который больше напоминал подземного жителя, чем человека.

— Проводи мадемуазель в кабинет номер два, — скомандовал архивариус. — Как только документы будут готовы, вам принесут их.

— Благодарю, — ответила я и последовала за Раулем. Чтобы попасть в кабинет номер два, снова пришлось бесконечно долго блуждать по коридорам. Зато сама комната оказалась неожиданно уютной. Большое мягкое кресло, табурет, круглый стол с ярким светильником. Стены, украшенные интересными гравюрами. Они-то и привлекли мое внимание, когда ушел Рауль. На гравюрах изображалась история развития архивного дела, старинные книги, личности известных архивариусов. Я даже не заметила, как промелькнуло время, а очнулась тогда, когда скрипнула дверь. Рауль внес несколько папок. Внес так осторожно, будто в его руках был ценнейший клад.

— Работайте в перчатках, — попросил меня, указывая на подготовленные перчатки и листы для записей.

— Благодарю вас.

Рауль вышел из кабинета, а я тут же углубилась в чтение. За ближайшие несколько часов я узнала, что у Филиппа и Анри, оказывается, есть две тетки. Они, судя по всему, жили далеко от столицы. Я вчитывалась в скудные строки, пытаюсь понять, что стало причиной гибели семьи главы рода. Листала и листала. Вдруг взгляд зацепился за что-то.

Оказывается, сто лет назад Вейраны породнились с королевской семьей! Сестра короля Белла снизошла до мезальянса, на взгляд окружающих, и вышла замуж за прапрадеда Анри, Жозефа Вейрана. От этого брака появился всего один ребенок — прадед Анри.

Любопытно... Особенно учитывая, что и во времена магистрата Вейраны пользовались особым положением. До недавнего времени...

Затем я углубилась в документы, касающиеся самого Виктора Вейрана. Понятное дело, ничего тайного мне бы не дали, но иногда истина находится на поверхности, и я отчаянно пыталась её отыскать. Вот и упоминание о конфликте Виктора Вейрана с предыдущим магистром тьмы. Причина, впрочем, не указывалась. Зато было много документов по другому делу. Виктор Вейран разоблачил продажного судью, Тонию Гарднера. Дело было громким, и многие газеты писали о нем. Виктор поймал Гарднера на крупной взятке. Но за спиной судьи стояли сильные покровители, однако Вейран не сдался и довел дело до конца. Гарднера лишили должности и выслали из столицы без права заниматься судейской деятельностью.

Наверняка, сам Гарднер и его семья затаили немалую злобу на Виктора.

Я написала на лист все, что показалось важным. О самом судье говорилось крайне мало.

Лишь то, что он был женат и имел сына. О дальнейшей его судьбе также умалчивалось.

Листала дальше... Этот конфликт был не единственным. И громкое дело при участии Виктора Вейрана было не одно. Я выписывала каждый случай, понимая, что не смогу проверить все, но надо хотя бы попытаться и обратить внимание на случаи, указанные слугой Вейранов Жераром. Да и слова магистра Фернана не давали покоя...

Я просидела за бумагами около пяти часов, а записи на листе так и остались скудными.

Вот бы еще поговорить с тем магом, которого Пьер приводил на суд. Он ведь знает список тех, кто имел доступ к зеркальному заклинанию, мог бы помочь. Но я понятия не имела, где его искать. А спросить Пьера... Я представляла холодный взгляд серебристых глаз — и становилось не по себе.

Из архива вышла, когда солнце клонилось к западу. Медленно шла вдоль улицы и пыталась понять, что же делать дальше. Несомненно, нужно узнать, как сложилась жизнь судьи Гарднера. И...

Что дальше, додумать не успела.

— Мадемуазель Лерьер! — окликнул знакомый голос.

Я обернулась и увидела черный экипаж. Сердце ухнуло в пятки, стало тяжело дышать, в груди будто образовался ком. Главный дознаватель. Снова. И, кажется, по мою душу.

— Давайте, подвезу вас до дома. — Герцог Дареаль поклонился, но в каждом его жесте сквозила легкая ирония.

— Благодарю вас, я дойду сама, — ответила спокойно, едва сдерживая чувства.

— Негоже юной девушке разгуливать одной.

— А уж тем более — ездить с посторонними мужчинами.

— Садитесь, Полина.

Герцог отбросил шутливый тон. Значит, отказа не примет. Мне оставалось только занять место в его экипаже. Захлопнулась дверца, отделяя меня от мира, и заскрипели колеса, а я чувствовала себя в ловушке.

— Что удалось узнать? — спрашивал Дареаль.

— Ничего особенного. — Я пожала плечами. — Архивы — это так нудно.

— Именно поэтому вы провели в архиве половину дня?

Он следил за мной постоянно? Но утром не было никакого экипажа. Следящие заклинания? Или что это было?

— Наверняка, вы спрашиваете себя, откуда мне это известно, — главный дознаватель правильно истолковал мое молчание. — Видите ли, Полина, я уже говорил вам, что намерен разобраться в деле Анри Вейрана до конца. Но мне кажется, что вам известно гораздо больше, чем вы говорите. И если это действительно так, я готов предложить вам сотрудничество.

— Вы ошибаетесь, — ответила я.

— Да неужели? — недоверчиво улыбнулся герцог. — Послушайте, Полли, вы ведете опасную игру, а я мог бы защитить вас.

— От себя самого?

— Нет, от тех сил, с которыми вы связались. Так как, расскажете, что удалось найти в архиве?

— Ничего.

— Дело ваше, — отвернулся Дареаль. — Но, раз уж на то пошло, скажу всего один раз.

Если вам понадобится помощь, приходите на улицу Вассет, дом пять. Это не моя официальная резиденция, просто убежище. Я дам распоряжения, и вас там примут.

— Откуда такая забота? — спросила я. — Простите, герцог Дареаль, но у меня нет никаких причин доверять вам. А о мужчинах, которые предлагают сотрудничество, имею и вовсе особое мнение. До встречи.

И так как экипаж остановился у моего дома, я спрыгнула на мостовую, не дожидаясь помощи, и поспешила к дому. Вот только у ворот замедлила шаг, заметив, что у нас гости. Почему матушка вернулась так рано? А главное, чей это экипаж замер у нашего особняка? Идти домой мигом перехотелось, но сбежать не успела.

— Мадемуазель Лерьер, — кинулся ко мне один из слуг, — госпожа баронесса приказала немедленно найти вас, скорее. Переодевайтесь, вас ждут в большой гостиной.

Что успело случиться? Я кинулась в свою комнату. Долго ли ждет матушка? Терпение никогда не было одной из её добродетелей. А самое скверное, я догадывалась, кого занесло в наш дом, и не желала видеть этого человека. Однако через четверть часа, как примерная дочь, входила в большую гостиную.

Я оказалась права. Матушка чинно сидела на краешке кресла и улыбалась до того приторно, что можно было сахар есть с губ. Напротив же, вальяжно раскинувшись, сидел барон Вольден. Было заметно, что он чувствует себя в доме хозяином.

— А вот и наша Полина! — радостно воскликнула матушка. — Полли, милая, иди же сюда, ты заставила нас ждать. Ох, эти девушки, пока припудрят носик, пройдет целая вечность.

Я присела в реверансе. Барон поглядел на меня свысока и лишь слегка кивнул головой, давая понять, что оказывает честь, появляясь в нашем доме. Внутри закипал гнев. Я заняла свободное кресло, а матушка уже заливалась соловьем:

— Полли, не правда ли, такой приятный сюрприз? Месье Вольден, мы так рады видеть вас в нашем доме.

— Давайте ближе к делу, — крикнул барон.

— Да-да, конечно. Полина, барон Вольден только что попросил у меня твоей руки. — И матушка радостно хлопнула в ладоши. — Само собой, я ответила согласием. Разве может мать стоять на пути у счастья дочери?

— Что? — замерла я.

— Говорю, что ты станешь женой месье Вольдена, — повторила мать, сурово глядя на меня.

— Отказываюсь. — Резко поднялась на ноги.

— Полли! — В голосе матушки звенела угроза.

— Я не собираюсь замуж, и уж тем более — за барона Вольдена. Прошу простить, у меня болит голова.

И поспешила прочь, в свою комнату.

— Она просто волнуется, — зашептала матушка. — Я поговорю с ней, любезный барон. Каждая невеста беспокоится перед свадьбой.

Продолжение разговора уже не слышала. Влетела в свою комнату и рухнула на кровать. Как она может? Как может отдавать меня, словно вещь? Так не терпится избавиться от непутевой дочери? Ненавижу! Всех ненавижу! Слез не было, они давно уже иссякли. Только горечь и опустошение. А когда в коридоре раздались шаги матери, вернулась злость — и отчаяние.

Дверь распахнулась.

— Полина! — рявкнула мать. — Поднимайся немедленно.

Я встала с постели и замерла перед ней.

— Как ты смеешь меня позорить? — Её глаза метали молнии. — Я тебя спрашиваю! Завтра барон приедет снова. Ты извинишься за свое поведение и станешь готовиться к свадьбе.

— Ни за что, — выпалила я.

— И слушать не желаю! Ты сделаешь так, как я сказала. Думаешь, многие мужчины в городе готовы закрыть глаза на твою связь с Вейраном?

— А ты как думаешь, многие мужчины в городе готовы закрыть глаза на то, что невеста далеко не невинна?

Признаюсь, мне хотелось укутить, уколоть побольнее, сделать так же больно, как мне.

— Ты лжешь, — осипшим голосом прохрипела мать.

— И не собиралась, — расправила плечи.

Прозвенела пощечина. Я едва не упала, схватилась за гудящую щеку.

— Ты! — Сейчас Кристина Лерьер была не похожа на саму себя. — Ты, глупая девчонка.

Мало позора ты навлекла на мою голову, решила еще добавить!

— Теперь ты понимаешь, что я не смогу стать женой барона?

— Ничего. — Матушка запустила пальцы в волосы. — Я научу тебя, как притвориться, и...

Я не выдержала. Ни минуты здесь больше не останусь! Не знала, куда пойду. Не на квартиру Пьера, нет. Но наеду жилье, нашла же в прошлый раз.

— Полли, ты куда? — окрикнула мать. — Вернись сейчас же!

Я пронеслась по своим комнатам, захватила маленький мешочек с сокровищами Фила, оставленными мне на сохранение, и побежала прочь. Лестница горела под ногами. Зато даже душный вечерний воздух показался прохладным. Я бежала и бежала, не чувствуя ног. С меня хватит... Хватит этой лжи и фальши. Пусть считают меня распутной девкой, кем угодно. Но Полины Лерьер, студентки коллежа, и так нет давным-давно. Так к чему держаться за призрак?

Я упала на какую-то скамейку и закрыла лицо руками. Не плакала, нет. Только судорожно вздымались плечи, и хотелось рвать на себе волосы. Наверняка, матушка надеется, что вернусь и упаду ей в ноги, но этого не случится никогда!

Вдруг я услышала близкие шаги. Подняла голову и уставилась на мужскую фигуру в лучах заходящего солнца.

— И снова здравствуйте, Полина, — усмехнулся герцог Дареаль.
— Здравствуйте, месье Дареаль, — ответила я. — Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Глава 31

Филипп

Наконец-то меня выпустили из лазарета! Даже постная физиономия Роберта Гейлена казалась высшим счастьем. А еще вдруг понял, что после приключений в лабиринте злиться на Роберта я перестал. Что по этому поводу думал сам Роберт, я, конечно, не спрашивал, а он не стремился рассказать, да и времени на это не было. Я нацепил новую форму — к счастью, никому не пришлось объяснять, что случилось с предыдущими штанами — и мы отправились на церемонию вступления. Правда, добраться туда было тоже тем еще испытанием. Сначала мы поднялись по широкой лестнице на первый наземный этаж. Я с удивлением заметил, что листья на деревьях начали желтеть. Наверняка, от удушающего зноя. Здесь всем первокурсникам протянули черные плащи с капюшонами и серебряными звездами на спинах.

Оба парня из четверки, с которыми мы проходили экзамен, не поступили. Что ж, пусть так. Я только надеялся, что они не пострадали. К счастью, и количество дружков Роберта поубавилось. Их осталось всего двое, и оба опасливо жались к главарю.

— Следуйте за мной, — сказал незнакомый профессор в черной мантии, и снова — ступеньки, ступеньки, ступеньки. Сколько же здесь этажей! Я сбился со счета. Затем мы миновали длинный коридор, снова поднялись выше, спустились, свернули раза три — и очутились в огромном зале. Здесь выстроилось семь групп студентов, и наша стала восьмой.

Восемь курсов. Восемь лучей звезды. Вот только я замер с разинутым ртом. Я-то думал, что «Черная звезда» — мужская гимназия, а оказалось, что часть каждой группы составляли девушки, и только первый курс был исключительно мужским. Хотя, это вскоре объяснилось — в противоположную дверь вошла еще одна группа из шестнадцати человек. Женская.

— Хорошенькие, — шепнул Роберт.

Да уж, хорошенькие. Все-таки темные магички всегда отличались очень яркой внешностью. Все черноволосые, с алой помадой на губах.

— Вейран, не спи, — Роберт толкнул меня в спину, а я только сейчас заметил, что нас просят занять место рядом с женской группой — впереди остальных курсов. Как только мы замерли в нужном порядке, на возвышение перед нами поднялся директор Рейдес. У него за спиной выстроились восемь магов. Все они курировали группы претендентов. Кто же станет нашим куратором? И к восьми мужчинам присоединилась лишь одна дама. Это, видимо, куратор девочек-первокурсниц.

— Курсанты гимназии «Черная звезда», — заговорил Рейдес, — сегодня — один из самых знаменательных дней в году. День, когда мы принимаем в наши ряды новых магов. Для них обучение только начинается. Прошу вас поделиться своим опытом и знаниями, чтобы в будущем эти юноши и девушки сделали то же самое для следующих первокурсников. Также сообщаю вам, что кураторами первого курса в этом году будут Дерек Синтер и Вайнона Гайр.

Ура! Не скажу, что куратор Синтер был особо мне симпатичен, но его сарказм помогал двигаться вперед.

— Для новичков — немного о правилах «Черной звезды», — продолжил директор. — Как вы уже знаете, у нас нет понятия учебного года, но есть понятие курса, или же ступени. Ваше обучение может занять как несколько месяцев, так и много лет. Зависит лишь от вас. К каждому первокурснику куратор приставит студента второго курса. Как только вы ощутите, что сможете победить своего наставника в поединке, вы сможете бросить ему вызов.

Победите — станете студентом второй ступени, а ваш наставник, наоборот, займет ваше место на первой. Проиграете — у вас будет еще две попытки. После третьего проигранного поединка вы покинете гимназию.

Любопытно, а как же тогда второкурсникам перейти на третий курс? Бросить вызов наставникам раньше, чем мы столкнем их с «пьедестала»?

— Сейчас первые и вторые курсы пройдут за своими кураторами, и новички узнают больше о процессе обучения в академии. Так как количество юношей и девушек с первого курса и второкурсников не равно, на первом этапе один курсант будет приглядывать за несколькими новичками. Удачи!

Синтер махнул рукой, и мы поплелись за ним. Я настолько задумался, что упустил момент, когда кто-то наступил на мой плащ, и я полетел вперед. Раздался громкий треск, я же пролетел несколько шагов, врезался в какую-то девчонку и едва не сшиб её с ног.

— Ты что, ходить не научился? — развернулась она. Симпатичная! Я почувствовал, как краснею. Стало еще более неловко. — Эй, новичок, ты еще и не разговариваешь?

— Простите, — пробормотал я.

— Да ничего, — «смиловилась» девушка и пожала плечами. — Смотри, куда едешь. За спиной раздался дружный смех. Мне даже не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто мне так «удружил». Рано я вычеркнул Гейлена из списка врагов. Ох, рано. А девушка поправила нетипичные для темной рыжие локоны и поспешила вперед.

Мы очутились в зале поменьше. Здесь перед кафедрой стоял ряд скамеек, на которых и расселись второкурсники и девчонки-первокурсницы, а мы остались стоять. Куратор Синтер поднялся на кафедру и окинул нас тяжелым взглядом. Рядом с ним замерла мадам Гайр и незнакомый мужчина — наверняка, куратор второго курса.

— Итак, начнем собрание, — заговорил Синтер. — Как вы уже поняли, легко не будет. Правила остаются неизменными, но к ним добавляется еще одно — никаких любовных романов.

Вот доучитесь, тогда и влюбляться будете. А пока — учеба и только учеба. Понятно?

— Да, — ответили мы слаженно.

— Теперь распределение. На одного второкурсника приходится два новичка. Второго курс выходим ко мне по одному.

Среди второкурсников не было рыжеволосой девушки. Значит, она еще старше. Я даже не удивился, когда нас с Робертом определили к одному и тому же парнишке. Он был выше меня на голову, гораздо шире в плечах, но при этом двигался мягко, как хищник, и поглаживал нас с выражением кота, которому на блюдецке подали двух доверчивых мышат. Будет весело.

Мы с Робертом даже забыли, что не друзья, и слаженно вздохнули. А Синтер и мадам Гайр закончили распределение, и теперь куратор говорил:

— Вечером состоится общий праздник в вашу честь, на котором соберутся все курсы. В дальнейшем вы тоже будете пересекаться, но не так часто. Если вдруг кто-то захочет испытать свои силы и перейти на вторую ступень, это не означает, что вы должны поймать вашего старшего в коридоре и избить. Вы официально приходите ко мне, я передаю ваш вызов куратору второго курса, мы назначаем дату и время поединка. До шести часов свободны. Парадную одежду найдете в комнатах. Кыш!

Наш старший увлек нас за собой. Он, похоже, прекрасно знал дорогу к новым комнатам первого курса.

— Меня зовут Дилан, — говорил он по дороге. — Дилан Альбрас. И вряд ли я с вами надолго, потому что уже собираюсь бросить вызов третьей ступени. Но зато именно я смогу рассказать вам о том, о чем не поведает куратор. Во-первых, правила — для слабаков. Их нарушают все, кому не лень. Потом получают от директора, кто-то иногда вылетает, но все равно продолжают нарушать. Во-вторых, сегодняшний вечер — ваш шанс. Присмотритесь к девчонкам. Читайте, что вам крупно повезло дважды: родиться темными и учиться с темными. Знаете, как происходит инициация темных?

— Секс и смерть, — ответил Роберт, а я удивленно на него покосился.

— Именно, — подмигнул Дилан. — Девчонки не хотят никого убивать — и умирать, конечно, тоже, поэтому предпочитают первый способ. Иницируются, быстро

оканчивают гимназию и улетают. Это светлые будут нить, мол, до свадьбы ни-ни. У темных все проще.

Главное, не попадитесь. Вот с отношениями в гимназии строго. И — проследите, чтобы ваша подружка не забеременела. На девчонок в таких делах полагаться нельзя. Они, конечно, сами заинтересованы, чтобы чего такого не вышло, но мало ли. Что еще? А! Расписание висит на первом этаже. На пары не опаздывайте. Лучше вообще не являйтесь, лишь бы не опоздали.

Профессора очень суровые, поэтому учитесь, как проклятые. Будут вопросы — второй этаж, комната двадцать пять. Перетаскивайте свои вещички в тринадцатую. Удачи, молокососы!

Перед танцами загляну.

И Дилан удалился, оставив нас на первом наземном этаже.

— Дурдом, — тихо сказал Роберт, и я в кои-то веки был с ним согласен.

Тринадцатая комната оказалась почти у самой лестницы. Она была больше, чем наша предыдущая комнатка, и намного удобнее. Здесь без труда размещалось два стола, два шкафа, две широкие кровати, ковер на полу и даже по светильнику над каждой кроватью. Уборная, правда, на весь этаж была одна, как и душевая, но нас ведь всего шестнадцать. Девчонки, видимо, жили в другом крыле, потому что я не заметил ни одной.

Роберт тут же облюбовал себе кровать справа. Я занял левую. Какая разница? Мы быстро перенесли вещи, не обменявшись и парой слов. Я представил, что будет, если неугомонный сосед повторит свою выходку и объявит во всеуслышание, кто я такой.

Синяками не отделаюсь. Но просить о молчании не стал, велика честь. Вместо этого достал из шкафа обещанную парадную одежду: белую рубашку, черные брюки, черный жилет и короткий плащ. До шести оставалось еще четыре часа. Обед нас лишили — сказали, что потерпим до ужина. Пусть так. Я лег на кровать и закрыл глаза. Все-таки приключения на экзамене еще давали себя знать. И магия после инициации скакала, как безумная.

Меня никто не тревожил. Я даже не заметил, когда Роберт куда-то делся. Наверное, пошел знакомиться с теми из соседей, с кем еще не был знаком. А когда я проснулся, понял, что безнадежно опаздываю. Одевался на скорость. Причесывался и вовсе из расчета, лишь бы волосы не торчали в разные стороны, и как раз застегивал последнюю пуговицу на жилете, когда в двери постучали, и на пороге замер Дилан.

— Поторопись, первокурсник, — подмигнул он. — Всех девчонок разберут. Твой сосед уже промчался мимо.

Я не стал с ним спорить, хотя совсем не собирался пользоваться его советами.

Наверняка, Дилан сам только недавно стал второкурсником, вот и радовался достижению.

Успет ли он пройти дальше до того, как я верну его на первый курс?

— Чему улыбаешься, новичок? — поинтересовался Дилан.

— Да так, ничему. — Я пожал плечами. Пусть думает, что мои мысли заняты исключительно девушками.

Оказалось, что женское и мужское крыло соединяет общий блок. Пользуясь им, можно было попасть в сам корпус гимназии, располагавшийся отдельно, или же в те помещения, которыми пользовались как девушки, так и парни: столовая, тренировочные залы для практики, бальный зал, несколько помещений для лекций. Туда-то мы и направились. Двери бального зала были распахнуты настежь. Он не был похож ни на одно знакомое мне помещение. Высокий потолок поддерживали черные колонны, украшенные серебряными звездами. Всего таких колонн было восемь. Здесь не было зеркал, в которых отражались бы танцующие пары. Стены были украшены гербами. Множеством гербов. Я подозревал, что это

— единственное свидетельство того, какие родовитые темные маги получали здесь образование. И вдруг я ощутил, как глаза расширяются от удивления. Среди темных полотен с серебряной вязью находился и герб Вейранов. Кто из моих предков учился здесь? Мама всегда говорила, что я унаследовал темную магию от её отца. Но её-то отец Вейраном не был! Мои предки по отцовской линии — все наперечет светлые.

— Что застрял? — подтолкнул меня Дилан. — Глаза разбегаются? Выбирай любую, только вон та девчонка с родинкой над губой — моя.

И он умчался к даме сердца, а я замер, не веря своим глазам. Что ж, мне было бы, о чем спросить отца, если бы он остался жив. Теперь же вопросы задавать некому. Разве что тетушкам. Но отец давно с ними не общался.

Я прошелся по залу. В соседней комнате всех студентов ждали столы с закусками и напитками, вот только есть не хотелось, несмотря на отсутствие обеда, поэтому остался в бальном зале и замер у стены. Приветственную речь директора слушал вполуха. И очень удивился, когда заметил, что начинали первый танец кураторы и профессора. Оказалось, что в гимназии хватает темных магичек, преподающих какие-то дисциплины. Любопытно. Танец завершился, и на смену наставникам потянулись студенты. Я не собирался никого приглашать.

И пришел сюда только потому, что так было надо. И не хотелось весь вечер сидеть одному в комнате. Заметил еще одну странность — не только парни приглашали девушек, но и девчонки без стеснения звали танцевать парней.

Чуть повернул голову — и встретился взглядом с той самой рыжеволосой девушкой, которую чуть не сбил утром. Она наблюдала за мной и что-то говорила подружкам. Наверное, что первокурсники разучились ходить по коридорам. Ну и пусть. Отвернулся, разглядывая танцующие пары. Нашел среди них Роберта с какой-то девчонкой-первокурсницей, других ребят из группы.

— Значит, ты не только ходить не умеешь, но и танцевать? — раздалось над ухом, и я обернулся. Рыжеволосая стояла рядом, глядя на меня с насмешкой.

— Умею. Не хочу, — ответил скупно.

— У, какой бука! Тебя надо было отправлять сразу на восьмую ступень, ты бы смотрелся, как свой. Они к выпуску все такие же вороны.

— А ты на каком курсе учишься? — спросил я.

— На третьем, — подтвердила магичка мою догадку. — Вообще-то вежливые юноши представляются дамам.

— Филипп.

— Элизабет. Можно Лиз.

— Можно Фил.

Неожиданно рыжеволосая рассмеялась, заливисто и заразительно.

— Да что же ты такой нелюдимый, Фил? — сквозь смех спросила она. — Разве не догадался, раз девушка сама к тебе подходит, значит, следует пригласить её на танец? Я почувствовал, как предательски вспыхнули щеки. Да что же я краснею, как девчонка! Протянул Лиз руку:

— Можно тебя пригласить?

— Можно, — она сжала мои ледяные пальцы, и я увлек её в круг пар. Казалось, что я не танцевал целую вечность. А ведь прошло каких-то месяца три с последнего праздника, где мы были вместе с родителями. Три? Или четыре? Я окончательно потерял счет времени. И только тепло, исходившее от Лиз, было настоящим. Я не понимал, чем привлек её внимание.

Наверное, и правда тем, что стоял в сторонке.

Зато сейчас впервые разглядывал большие голубые глаза, пушистые ресницы, темные, в отличие от волос, аккуратные губки, вздернутый носик. Я бы не сказал, что она — красавица, в ней было нечто большее, чем красота. На неё хотелось смотреть еще долго.

— Эй, я настолько скучная, что ты сейчас уснешь? — весело спросила она. — Эх, первокурсники пошли не те!

— Прости, — пробормотал я.

— Прощаю. Слышала, на экзаменах претендентов случилось что-то.

Имел ли я право говорить об этом?

— Да, похоже, явился демон, — ответил спокойно, как будто ужинаю с демонами каждый день.

— Ух, ты! А нам еще живых демонов не показывали. Ты его видел?

— Видел.

— И как? — Лиз забыла о плавности движений танца и едва не подпрыгивала от нетерпения.

— Страшный. Я думал, он нас уничтожит.

— Конечно, вы же новички. А мы уже учим демонологию. Правда, только в теории, до практики далеко.

Музыка стихла. Я с сожалением выпустил ладошку новой знакомой.

— А знаешь, — она будто и не заметила, что мы не танцуем, — давай прогуляемся? Тут душновато, снаружи лучше.

И увлекла прочь, к небольшой лесенке. Мы спустились по ступенькам и очутились перед стеклянной дверью.

— Нам туда можно? — спросил я.

— Почему нет? Не будут же тебя все время обучения держать в четырех стенах. Это территория студентов, тут не бывает ничего опасного. Идем.

От свежего воздуха закружилась голова. Кажется, я начал отвыкать. Так действительно стану темным — темнее некуда. Лиз же увлекла меня к ряду беседок. В двух из них кто-то громко разговаривал и смеялся. Значит, она не солгала. Мы заняли крайнюю. Внутри была полукруглая скамейка и небольшой столик.

— Мы иногда тут учимся, — указала Лиз на столик. — Но чаще болтаем или пьем чай. Так расскажи мне о демоне. Как он выглядел?

Я постарался в двух словах описать то жуткое существо, встреча с которым едва не стоила мне жизни. Лиз не перебивала, слушала очень внимательно.

— И как ты остался жив? — спросила излишне серьезно.

— Не знаю. Я ничего не помню.

— Забавный ты, — хмыкнула она. — Другой бы уже придумал описание невероятного боя с демоном. Не будь таким скромным, ни к чему.

— Я и не собирался.

Я вообще мало задумывался о том, как вести себя в стенах гимназии. Учился, впитывал новые заклинания, ждал Пьера. Мне было все равно, каким меня видят другие. Однокурсники, кураторы. Какая разница, если прошлого меня уже нет, а кем-то новым я еще не стал? Но Лиз заставила подумать об этом. Наверняка, я кажусь странным.

— Слушай, новичок, — улыбнулась моя собеседница, — я гуляю здесь каждый вечер с девяти до десяти. Станет скучно — приходи.

И упорхнула, оставив меня в одиночестве. Это что сейчас было? Намек на свидание? Может, я казался наивным, но дураком уж точно не был. Лиз старше меня года на два, год — минимум. Зачем ей желторотый парнишка, если есть старшекурсники? И в симпатию с первого взгляда я не верил. Что ей нужно? Может, Роберт уже успел растрепать, кто я такой, и ей просто любопытно?

Качнул головой, прогоняя наваждение. В ближайшие дни я не собирался проверять, действительно ли она здесь гуляет в названное время. А потом... Будь, что будет.

Глава 32

Полина

Дареаль сел рядом со мной на скамейку. Видел бы нас кто-нибудь со стороны! Главный дознаватель магистрата и зареванная девчонка. Картина та еще...

— Почему вы плакали? — спросил герцог, будто мы были старыми друзьями.

— Матушка нашла для меня мужа, — честно призналась я.

— Так полагаю, домой вы не вернетесь? — Дареаль покосился на сумку в моих руках.

— Не вернусь.

— Отчаянная вы девушка, мадемуазель Лерьер. Храните верность призраку, верите в справедливость.

— А вы не верите? — обернулась к нему.

— После стольких лет работы дознавателя? Нет.

Герцог улыбнулся, странно и жутко, одними уголками рта. Этот человек был воистину страшен и заслужил прозвище демона.

— Но иногда... Иногда так хочется справедливости, правда, Полина? Я предлагаю вам сделку. Да-да, именно сделку. Не смотрите на меня, как на сумасшедшего. Расскажите все, что знаете, и будем искать убийцу Таймуса вместе. Конечно, неофициально, но разве вас это смутит?

Я не верила своим ушам. Главный дознаватель предлагает мне совместное расследование? Зачем? Этот вопрос и сорвался с губ.

— Зачем мне вы? — усмехнулся Дареаль. — Не беспокойтесь, Полина, я не буду вам лгать, рассказывать, что проникся к вам с первой же встречи и думаю о вас днем и ночью. Это буде неправда. Всё гораздо банальнее. Вам известно то, что неизвестно мне. Вы врад ли захотите делиться знаниями, а мне они нужны. И потом, к вам испытывают странный интерес оба магистра. Значит, вы можете задать им неудобные вопросы, а я — нет. Мне нравился такой подход. Он был прост и ясен. Дареалю выгодно использовать меня, как доступ к магистрам. Мне выгодно прикрыться его именем, чтобы выяснить истину. Никаких эмоций, сплошной расчет.

— Хорошо, — ответила я. — Допустим, я вам верю. Что вы предлагаете?

— Конкретно сейчас? — Герцог смотрел на меня с толикой веселья. — Взять вашу сумку, сесть в мой экипаж и поехать ко мне.

— Нет.

— Вы снова неправильно меня поняли, Полина. Куда вы пойдете? Снова найдете какую-п нору, чтобы забиться? Думаете, ваша матушка оставит вас в покое? Или те силы, которые идут за вами? Я предлагаю вам убежище. Да, по городу могут поползти слухи, но...

— Я не боюсь слухов. Мне нечего терять.

— Тогда тем более не вижу причины для отказа.

Лицо судьи Вайхеса так и встало перед глазами. Лицо человека, которому я желала стореть заживо. Поверить Дареалю? Можно ли вообще кому-то верить?

— Согласна, — склонила голову. — Будь по-вашему, герцог Дареаль.

— Можете обращаться ко мне по имени. Идемте, Полина. У нас еще будет время обговорить наш план и поделиться соображениями, а вот погода стремительно портится. Тяжелые капли упали с неба. Я взглянула на черные тучи — и вложила руку в ладонь Дареаля. Ошибка? Или нет? Что еще я могу сделать? Дареаль увлек меня к экипажу. Дождь барабанил по крыше, пока мы ехали в убежище герцога. Конечно, он не собирался везти Меі во дворец. Как и у Пьера, у него был свой личный угол на той самой улице Вассет, пять. Это оказался аккуратный двухэтажный домик, в облике которого, а главное — в разбитых вокруг клумбах чувствовалась женская рука.

— Чей это дом? — спросила тихо, не торопясь выбираться из экипажа под дождь.

— Женщины, которую я любил, — ответил Дареаль.

— Почему в прошедшем времени?

— Потому что её больше нет в этом мире, Полина. Идемте, время позднее, вы устали.

Слуга раскрыл у дверцы экипажа большой зонт. Он предназначался мне, герцог же только накинул капюшон плаща, и мы двинулись к входу. Внутри оказалось светло и уютно.

Сразу из прихожей по маленькому коридорчику мы попали в небольшую гостиную. Горели светильники, делая комнату больше, чем она есть. И здесь тоже все еще чувствовалась рук; ушедшей хозяйки.

— Присаживайтесь, Полина. — Герцог указал на диван. — Поужинаете со мной?

— Не особо хочется. — Я на мгновение закрыла глаза, жутко устала.

— Тогда я прикажу приготовить вам комнату.

Он ушел, и сразу стало так тихо. Я разглядывала обстановку гостиной: мягкий диванчик, два кресла у камина, портрет на стене. Его избранница была красивой. Уверена, что это именно она. Светловолосая, ясноглазая. В нежном бледно-розовом платье. Как давно она умерла? Год? Меньше? Потому что её присутствие все еще есть.

Дареаль вернулся с подносом в руках. На нем стоял чайник и две чашки, от которых шел пар.

— Держите. — Он опустил поднос передо мной. — Комната будет готова через полчаса. Я не ждал гостей.

Дареаль казался настолько простым и домашним, что стало не по себе. И где же господин главный дознаватель? Обычный мужчина с чашкой чая в руках, чуть усталый — и все.

— Что? — спросил он, заметив мой пристальный взгляд.

— Я вас не понимаю, — ответила искренне.

— В последнее время я сам себя не понимаю, Полина. Неудивительно.

— Эта женщина... — Я обернулась к портрету. — Она была вашей женой?

— Нет. Моя должность слишком опасна, чтобы называть кого-то супругой. Увы, Диану это не уберегло.

— У вас есть дети?

Да, мы говорили не о деле, но в этом была своя суть. Мне надо было узнать Дареаля лучше, чтобы довериться или не довериться ему.

— Есть, — кивнул он. — Сын.

— Он живет не в столице?

— Нет.

Мы замолчали. Я пила чай маленькими глотками, а мыслями была далеко. Пустота была внутри меня. Безмолвная, беспощадная. Не только Анри сейчас сражался с ней, но и я.

— И все-таки, зачем я вам, Этьен? — рискнула назвать Дареаля по имени.

Он помолчал мгновение, затем сказал, глядя куда-то в сторону:

— Ведите ли, Полина, я всегда хотел выступать на стороне закона. Учился, рвался вперед, старался достичь истины. И у меня получалось. Чаще всего, но иногда приходилось отступать.

Впрочем, и в отступлении была своя польза, оно делало меня сильнее. А когда умерла Диана, я вдруг понял, что мне плевать на правосудие. Суд не смог приговорить её убийцу.

— Но он ведь заплатил за содеянное? — спросила я.

— Конечно. Я убил его, если вы об этом. Выследил и убил. На этом все закончилось. Я понял, что правосудия нет. Мне стало безразлично, кто окажется на скамье подсудимых. Каждому есть, за что расплачиваться. Былого меня нет. Но я говорил с вашим женихом, Полли. И тот маг на последнем заседании суда... Он не давал мне покоя. Конечно, приговор был вынесен еще до суда. Это не редкость. Однако Анри Вейран казался мне искренним. Вне всякого сомнения, он знал больше, чем говорил. Уверен, даже вы не знаете о нем всей правды. Только был ли он убийцей? Судя по всему, нет. Пустота — это страшное испытание, Полли. Один мой знакомый хотел получить силу и отправился в пустоту. Он вернулся сумасшедшим. Все твердил о прекрасной деве, которая украла его сердце. А потом умер со счастливой улыбкой на губах. Отправился к ней.

— И вы решили все-таки восстановить справедливость? — спросила я, стараясь не содрогаться от ужаса.

— Да. Для себя, не для вас. Но вы можете быть мне полезны, как и говорил. А я — вам. Пейте чай, остынет.

Мы долго сидели в полной тишине — пока не появился слуга и не доложил, что комната готова. Тогда Дареаль поднялся на ноги.

— Продолжим нашу беседу завтра, Полина, — сказал он. — И займемся, наконец, расследованием, если вы не против.

— Я только за, — ответила тихо.

— Тогда отдыхайте. У вас был непростой день. Я пойду работать.

Он развернулся и ушел, а служанка провела меня в маленькую спальню. Без сомнения, гостевую. Здесь тоже было уютно, но близко. Впрочем, мне было все равно. Я развязала тесемки на сумке, достала зеленое платье — свидетельство моих бед, переоделась.

Пожалела, что не захватила ночную сорочку. Хотя... Повесила платье на стул и скользнула в ванную.

Теплая вода помогла ненадолго забыть о печалях, расслабиться. А вот сон долго не шел.

Анри

Десять дверей. Всего десять. И — никаких сил. Я выдохся. Каждая новая дверь давалась все с большим трудом. Все страшнее становились видения. Хотя, назвать их видениями язык не поворачивался. Слишком реально, слишком. Я будто умирал — и возвращался к жизни, раз за разом. А Пустота наблюдала за мной с ироничной улыбкой. В последнее время она даже не уходила, а все время оставалась рядом. Я был для неё любопытной букашкой, которая скрашивала будни. Наверное, даже ей было интересно, когда же опущу руки и сдамся. В

этот раз из двери я не вышел, а вывалился. Даже не удивился, увидев вместо свободы знакомый пейзаж, рухнул на землю и закрыл глаза. Медленно восстанавливалось дыхание. Вспоминал иллюзию, нарисованную Пустотой. Ведь вначале я был уверен, что выбрался. Мир вокруг стал слишком реальным. Я бежал, бежал, когда вдруг понял, что на улицах столицы нет людей. И тогда все дома вдруг рухнули. Камни сыпались с неба, пытаясь задавить, а дверей было так много, что я нашел выход в последнюю секунду перед тем, как очередной булыжник рухнул на голову.

— Устал? — ласково поинтересовалась Пустота, глядя по голове. — Потерпи, Анри. Каких-то десять дверок. А может, тебе повезет раньше?

— Замолчи, — попросил я, задыхаясь.

— Фу, как некрасиво по отношению к девушке, — оживилась хозяйка этого проклятого места. — А я ведь к тебе со всей душой. Ой, забыла. У меня ведь нет души!

И Пустота гулко рассмеялась.

— Отдыхай, — опустила мою голову себе на колени, а я был не в силах сопротивляться. — Отдыхай, Анри, а я расскажу тебе сказку. Точнее, покажу, хочешь? Я буду так добра, что расскажу о тех, кого ты любишь.

— Не желаю!

Я кривил душой. Безумно хотелось увидеть Полли, Филиппа. Но от картин Пустоты становилось только хуже.

— Я не спрашиваю, а утверждаю, — тихо добавила Пустота и опустила ладонь мне на глаза.

— Смотри, Анри Вейран.

Полли сидела в незнакомой комнате. Дверь открылась, на пороге появился мужчина.

Поначалу я не понял, кто это, а когда узнал, едва не взвыл. Это был Этьен Дареаль, главный дознаватель магистрата. Опасная тварь, которая руководила моими допросами. Полли, беги!

Но Полина улыбнулась этому чудовищу и поднялась навстречу, позволила взять за руку. Дареаль говорил о чем-то, она кивнула, опустила руку на его локоть, и они пошли куда-то вместе.

— Занятно, да? — поинтересовалась Пустота. — Твоя подружка времени зря не теряет. Уже и до главного дознавателя добралась.

— Ты лжешь! — Я резко сел, и закружилась голова. Отросшие волосы упали на лоб — единственное свидетельство, что прошло время.

— Я уже говорила тебе, Анри — мое воображение ограничено. В этих образах нет лжи, потому что я могу показать лишь правду. Именно поэтому ко мне обращаются за справедливостью. Потому что меня нельзя обмануть. Но знаешь, я готова пойти на компромисс.

— Какой? — обессилено спросил я.

— Допустим, такой: я подскажу тебе, на какой двери остановить выбор, если...

Ледяные губы коснулись моих губ. Пустота запустила пальцы в волосы, привлекая к себе. На мгновение мир закружился, пошел колесом, но я резко вырвался и отодвинулся:

— Нет!

— Почему? — спросила она весело. — Я недостаточно хороша для потомка королевского рода?

Я молчал, мысленно посылая её к демонам.

— Ну же, Анри, не упрямясь, будь паинькой. — Пустота снова придвинулась. — Это так просто — отплатить своей невесте той же монетой.

— Я сам просил Полли не ждать меня.

— Но не в объятиях твоего палача!

Она была права. И я знал, что она права, но — нет. Нет, нет.

— Глупый. — Пустота обиженно пожала плечами.

— Не стану. Ты не заслужил. Да и что интересного? Мальчишка играет с огнем. Может, вы встретитесь раньше, чем ты думаешь? Неприкаянные души иногда забредают сюда.

— Катись ты, — прошептал я.

Пустота хмыкнула недовольно и исчезла, а я снова рухнул на каменный пол моей темницы. Надо отдохнуть. Десять дверей — это ведь немного? Когда впереди вечность.

Глава 33

Филипп

Учебные будни. Уже привычно и даже банально. Начиная от пробуждения посреди ночи, после которого «добрый» сосед выставил меня за дверь, и заканчивая занятиями. Только список пар стал очень даже разнообразным. К общей магии добавилась истинно темная: проклятия, боевые темные заклинания, способы защиты и трансформации, ритуалы, темные артефакты.

Остались и нейтральные предметы, но их стало меньше. Я изучил не только расписание первокурсников, но и старших курсов. И уже на третьем заметил то, что меня интересовало — зеркальная магия. Может, я все-таки получу ответы? Надо быстро добраться до новой ступени, но для начала — послушать, что расскажут профессора.

А пока что я плелся в столовую. Теперь общую, полную студентов, так что о том, чтобы остаться за столиком в одиночестве, не приходилось и мечтать. Я сел за самый крайний стол, надеясь, что удастся позавтракать. Первокурсники держались подальше, а когда старшекурсники что-то спросили, те, чуть ли не тыкая в меня пальцами, что-то пробормотали.

Я быстро ел. Надо уйти как можно скорее.

— А что это ты один, новичок? — плюхнулась рядом Лиз. Она, видимо, еще не знала.

— Люблю завтракать в одиночестве, — не слишком дружелюбно ответил я.

— У, какой ты грозный. Может, еще и спишь стоя в шерстяных панталонах?

Я и вовсе захлебнулся от возмущения, а Лиз рассмеялась.

— Элизабет, нехорошо вгонять мальчика в краску, — к нам присоединились её подруги.

— Знакомься, Мишель, Одри, Лили, — представила Лиз трех девчонок. — А это — Фил, будущая гроза темной магии, на экзамене победил настоящего демона.

Ей что, нравится, когда я иду красными пятнами? Отвел взгляд и едва ли не уткнулся носом в тарелку. Ну, Лиз! Зато не один, и это было странно.

— Ух, ты! — оживились барышни. — Демон? Какого ранга? Какого цвета? Рога не отпилил?

Или не взял соскребок с копыт? Ой, ты же не знал! Зря, когда еще попадетесь?

Похоже, я чего-то не понимал. Очень так не понимал, а Лиз уже тараторила за меня:

— Девочки, ну что вы! Фил ведь только поступил на первый курс. Чудо, что он вообще цел, а то демоны любят невинных мальчишек.

И все вчетвером рассмеялись, а я залпом допил сок и сбежал. Зато на пару по темной защите пришел первым, но весь урок не слушал лектора, а мысленно отвечал Лиз и её подругам. Да уж, мысленно мы все герои, а как доходит до дела... Эх!

— Что, Вейран, нашел себе подружек? — ехидно поинтересовался Роберт, пока мы шли в другую аудиторию.

— А тебе что, завидно? — Я уже понял, что Гейлена исправит только могила, причем, — Конечно. Сразу четыре! Не разорвись на части.

И Роберт обогнал меня. Он успел собрать новую компанию единомышленников. Видимо, относился к типам, которым надо хоть кем-то руководить. Уже у самой аудитории нас нагнал Дилан.

— Привет, новички! — махнул он рукой. — У вас сегодня всего три пары. После третьей жду у расписания.

И умчался прочь. Что же ему нужно? Но некогда было раздумывать. Я сам не заметил, как ушел в учебу с головой. Старательно записывал формулы, пытался понять их применение на практике. Это помогало забыть. Хорошее лекарство — быть вечно занятым. Как бы его ночами использовать? Ночами ведь приходится отдыхать.

После третьей пары мы с Робертом спустились на первый этаж, не глядя друг на друга. Дилан уже мялся с ноги на ногу у расписания.

— А! — заметил нас. — Готовы, новички? Сейчас я преподам вам самый важный урок первого курса. Можете считать это особым обрядом посвящения.

Я покосился на Роберта, тот оставался спокойным. Я же во всем чувствовал подвох, и идти с Диланом не хотелось. Тем не менее, противиться не стал и позволил увлечь нас в одну из пустых аудиторий. Дилан забрался на кафедру, изображая из себя профессора:

— Итак, внимайте, первокурсники! Сейчас я раскрою вам секретное заклинание всех студентов «Черной звезды». Но сначала поклянитесь, что никогда не выдадите его другим. Только для личного использования.

— Клянемся, — нестройным хором ответили мы.

— Представляю вашему вниманию заклинание невидимости.

И Дилан замер, ожидая нашей реакции. Что скрывать? Заклинание было редким. Я слышал об артефактах, которые способны на короткое время сделать человека невидимым, но ауру ведь не замаскируешь. Так к чему? Но Дилан был настроен серьезно.

— Вытяните руки перед собой, — показывал он, — затем резко разведите в стороны, будто очерчивая купол, и произнесите заклинание «иникто». Представьте, что вас скрывает тьма. Пробуйте!

С первого раза ничего не вышло, впрочем, со второго тоже. Тогда горе-учитель показал нам сам, и с третьего раза я действительно перестал видеть свое тело, только чувствовал его.

Забавно! Вдруг по спине пробежал холодок. Интересно, можно ли сейчас считать мою ауру? И если нельзя, мог ли убийца магистра Таймуса быть под заклинанием невидимости? Пусть Пьер и говорил что-то об отдаленном ударе, но как знать? Слишком высока вероятность, что убийца вышел из стен «Черной звезды». Скорее бы пришел Пьер!

— А теперь слушайте меня, новички! — продолжал буйствовать Дилан. — Любое заклинание надо закрепить на практике. Нацепляйте невидимость — и за мной. Помните, срок действия ограничен пятью минутами.

Мы всего лишь пересекли коридор и открыли противоположную дверь.

— Идите и без трофея не возвращайтесь, — напутствовал Дилан.

За дверью был коротенький темный коридорчик, а затем — еще одна дверь. Она была открыта, мы вошли — и я замер, судорожно сглотнув воздух. Мы находились в женской раздевалке. Девчонки с третьего курса готовились к каким-то тренировкам. Кто-то менял форменные платья на тренировочные костюмы, кто-то поправлял нижнее белье.

Надо убираться! Вот только в самый неподходящий момент заклинание развеялось, и мы с Робертом оказались среди настоящих фурий. Девушки завизжали, в нас полетело чье-то платье, а самые бойкие кинулись мстить обидчикам. Я рванул к двери первым. Прости, Роберт! Вылетел на хохочущего Дилана и помчался прочь. Остановился только, ввалившись в свою комнату и судорожно переводя дыхание. Тьма! А Роберта не было... Не растерзали бы они его там. Женщины — страшная сила. Так всегда говорил мой отец. Наконец, и Роберт ввалился в комнату. В неравной схватке он лишился рукава пиджака. Точнее, рукав был, но наполовину оторванный.

— Вейран! — прорычал он.

— Что? Дилану высказывай претензии! — Я тут же пошел в оборону.

— Трус!

Но нашей словесной баталии на этом пришлось завершиться, потому что отворилась дверь, и на пороге появился куратор Синтер со словами:

— Филипп, к тебе посетитель.

Я тут же подскочил на ноги. Ко мне мог прийти только один человек. Пьер! Сердце билось, как сумасшедшее. Скоро я узнаю, почему Пьер так настаивал, чтобы я учился в «Черной звезде». А куратор Синтер провел меня на второй этаж в отдельный кабинет. Пьер сидел в кресле и ждал меня.

— Здравствуй! — радостно воскликнул он и подскочил навстречу. — Здравствуй, дорогой кузен.

— Здравствуй, — ответил я, чувствуя одновременно и радость, и предчувствие, что впереди еще много испытаний.

— У вас полчаса, — сказал куратор и оставил нас вдвоем. Пьер тут же сотворил заклинание.

— Чтобы не подслушивали, — пояснил он мне и увлек к креслам. — Рассказывай, как ты?

— Хорошо.

Я не собирался делиться трудностями. Пьер здесь не за этим.

— Как Полли? Ты видел её? — единственное, о чем рискнул спросить.

— Полли в порядке, — губы Пьера тронула едва заметная улыбка. — Она вернулась домой и строит свою судьбу.

— Рад слышать.

Об Анри я спросить не решился. Да и откуда Пьеру знать? Хотя, может, ходили слухи?

Или что-то еще? Однако Пьер понял и без слов.

— Твой брат жив, — ответил на невысказанный вопрос. — Он по-прежнему в пустоте.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Разве это сейчас важно? Знаю, и все.

— Ты говорил, в «Черной звезде» есть нечто, что может помочь наказать убийцу родителей. — Я решил, что медлить не стоит.

— Да. — Пьер склонил голову. — Я говорил тебе, что заклинание, которым погубили Таймуса, было очень редким. После долгих поисков мне удалось узнать, что оно было создано здесь, в «Черной звезде». И к нему имел доступ крайне ограниченный круг людей. Их было всего пятнадцать. Но это не все. Мне нужно подтвердить одну догадку. Фил, я знаю, что прошу о многом, только сделать это можешь ты. Больше никто.

— Что надо делать? — сосредоточенно спросил я.

— Проникнуть в кабинет директора. Не сейчас, сегодня или завтра, а тогда, когда немного подучишься, разумеешь, какая защита на нем стоит. Списки. Мне нужны списки всех выпускников «Черной звезды». Гимназия существует сорок лет. Значит, таких списков тоже сорок. И еще один — участников магического исследования «Аргентум». Это та самая зеркальная магия, которую мы с тобой обсуждали.

— Я постараюсь, — ответил спокойно. Время есть. Анри все еще в пустоте, а я пока что заперт здесь. Надо подготовиться, не допустить ни одной ошибки.

— И не спеши, Фил. Ради всех богов — не спеши, собирай знания. Попытка будет только одна. Пробуй не раньше зимы. Я больше не еду сюда, если не будет острой необходимости.

Когда все будет готово, используй это.

И Пьер передал мне небольшой пергамент.

— На нем — заклинание перемещения. Разорви надвое, на всякий случай. Вдруг тебе срочно понадобится моя помощь. Ты все понял?

— Да. Сорок один список, проект «Аргентум».

— Именно, — кивнул Пьер.

— Хорошо, я сделаю все, что смогу. — Я не знал, стоит ли продолжать. — Пьер, у меня остался один вопрос. Кто ты на самом деле? Простой защитник не может столько знать.

— Ты уверен, что мне стоит ответить? — усмехнулся Пьер.

— Если ты мне доверяешь.

— Доверяю, Фил. Я — магистр пустоты Пьер Эйлеан.

Я даже не удивился. Наверное, даже ждал этого ответа. Кто же еще? Не темный магистр однозначно, магия Пьера темной не была. И странные заклинания на его квартире... Дух-хранитель. Связи, которых не могло быть.

— Тогда у меня будет к тебе еще один вопрос, — сказал я Пьеру. — Но уже после того, как завершу обучение, или хотя бы наше задание. А пока, если увидишь Полли, передай, что я очень соскучился и беспокоюсь, все ли у неё хорошо.

— Передам.

— Спасибо!

Я поднялся и пошел к двери. Сейчас нам больше не о чем разговаривать. Но когда у меня в руках будет диплом гимназии, а её стены станут прошлым, я спрошу у Пьера, почему пустота приходит ко мне. Как я мог в неё провалиться.

Кристалл и свиток перекочевали в карман. Надо спрятать их незаметно для Роберта. А то еще найдет, будут проблемы. О том, как попасть в кабинет директора, думать рано. И потом, надо точно знать, где находятся списки. Что Пьер собирается в них найти? Ладно маги-зеркальщики, но выпускники? У него есть подозрения? Потому что я ничего не понимал!

В дверях чуть не сшиб Роберта с ног.

— Кто приходил? — спросил он, останавливаясь.

— Кузен, — ответил я.

— Какой, к демонам, кузен, Вейран? Мы оба знаем, что твои кузены живут у темного на рогах. И вряд ли горят желанием общаться.

Я промолчал. Роберт в сердцах сплюнул и вышел из комнаты, а мне нужно было скрыть от посторонних глаз свои сокровища. Куда? В шкаф? Найдут. Под матрац? Или... Достал старую сумку, с которой пришел в гимназию, взял ножницы и аккуратно отпорол подкладку.

Положил в образовавшийся кармашек пергамент, а затем использовал бытовое заклинание, и ткань снова стала цельной. Вот так.

Видимо, Роберт использовал такое же, потому что его пиджак, совершенно целый, уже висел на стуле. Иногда и бытовая магия позволяет вершить великие дела. Я с горечью улыбнулся. Появление Пьера напомнило, что ничего не закончилось. Наоборот, только начинается. И от этого становилось страшно.

Вечером я никуда не пошел, несмотря на то, что Лиз открыто намекнула, где её искать.

Не до свиданий. Вместо этого с головой зарылся в учебники, пользуясь желанным одиночеством. Пьер — магистр пустоты... Сказал ли он Полли? И если сказал, как она отреагировала? Почему он вообще решил заняться делом Анри? Вопросов было больше, чем ответов. Неужели список из десятков имен способен часть этих ответов дать? Интересно, если я увижу его своими глазами, смогу ли понять, что задумал Пьер?

Глава 34

Полина

Как ни странно, утром я поняла, что выспалась. В окно светило ласковое солнышко, но в доме Дареаля совсем не было душно. Неторопливо умылась, переоделась. Снова здравствуй, свободная жизнь. Только страха почему-то не было. Наверное, я разучилась бояться. А после вчерашнего вечера мое отношение к Дареалю неуловимо изменилось. Да, передо мной по-прежнему был главный дознаватель магистрата. Палач. Иначе было сложно его назвать. Но за этим титулом стоял человек, переживший страшную потерю, и я понимала его. А того, кого понимаешь, обычно не боишься. Что он хотел мне предложить? Зачем привел к себе домой?

Хотелось уже получить ответ, поэтому, когда служанка пригласила меня к завтраку, я почти побежала в гостиную. Дареаль уже был там. Сидел за накрытым столиком, идеальный до невозможного. Каждая складка на форме, каждая стрелка на брюках, даже волосы на голове

— волосок к волоску. Само правосудие.

— Доброе утро, Полина, — кивнул он мне.

— Доброе утро, Этьен, — ответила тихо. Нескоро привыкну так его называть.

— Как спалось?

Светская беседа супругов после десяти лет брака. Стало даже весело, и я села напротив Дареаля, потянувшись к чашке ароматного отвара.

— Собираетесь на службу? — спросила я.

— Да, и хочу пригласить вас с собой.

Чашка выскользнула из рук, разлетелась на мелкие осколки, а на ковре расплылось некрасивое коричневое пятно.

— Простите! — Я подскочила на ноги.

— Ничего. Молли!

Служанка тут же появилась в дверях и в две секунды очистила ковер бытовым заклинанием, а осколки смела на совок. Еще минуту спустя для меня принесли другую чашку.

— Я напугал вас, — усмехнулся Дареаль. — Если хотите, оставайтесь дома, но мне надо поговорить с господином Андре Паскуалем. Мне показалось, что вы хотели бы пойти со мной.

Паскуаль? Напарник Анри? Я едва не опрокинула вторую чашку.

— Я пойду с вами, — ответила торопливо.

— И не сомневался. Только прошу вас, Полли, сохраняйте спокойствие. И накиньте что-нибудь, чтобы никто вас не узнал. Ваша матушка подняла на уши всю столицу, ищет пропавшую дочь. Правда, старается сделать это без лишнего шума, но не выходит.

— Мама сторговалась с бароном Вольденом, — с горечью ответила я.

— Возможно, она просто желает вам счастья вдали от семьи Вейран.

Я промолчала. Дело не в этом. Матушка не слышала меня и не желала слышать, вот и все. Она думала только о себе.

— И все-таки, Полли, что вам известно по нашему делу? Думаю, стоит отставить тайны, раз уж мы решили действовать сообща.

Решили? Видимо, да, раз я сижу в доме главного дознавателя. С другой стороны, кому я сделаю хуже? Уже никому. Поэтому начала с самого начала — зеркального заклинания, о котором говорили на суде, затем пересказала беседу с магистром тьмы.

— То есть, Фернан настаивал, что проблемы у Вейрана возникли из-за старого магистра? — Дареаль задумчиво потер подбородок.

— Да. Вы знали его?

— Магистра Тейнера? Знал. Какое-то время нам приходилось сталкиваться по долгу службы. Но я никогда не думал, что Виктор Вейран разругался с ним в пух и прах из-за женщины. Всегда было видно, что Виктор любит Анжелу, свою жену.

— Тогда какая была официальная причина ссоры? Из-за чего граф Виктор покинул столицу? — спросила я, допивая остывающий чай.

— Официально? — Дареаль уставился на меня тяжелым, пронзительным взглядом. — Политика, Полли. Тейнер пытался обвинить Виктора в попытке восстановить монархию. Вы же знаете, что Виктор — дальний родственник королевской семьи? Скажем так, не прямой потомок?

— Я что-то такое читала, — припомнила документы архива.

— То-то же. Прошло пятьдесят лет, а при слове «монархия» у магистров до сих пор поднимается шерсть на загривке. Магистрат — это власть. Неудобная, но все же.

— Почему неудобная?

— Посудите сами, Полли. То ли один маг, который управляет тремя видами силы, то ли три мага, которых выбирают артефакты, и которым надо как-то договариваться между собой, даже если они терпеть друг друга не могут. Занятно?

— Да.

— О том и речь. Например, Эйлеан иногда даже не здоровается с Кернером, а Кернер всегда терпеть не мог Таймуса, но им приходилось действовать слаженно, чтобы поддерживать баланс. Сейчас без Таймуса дела в магистрате обстоят неладно. Он все-таки был стар и мудр, а эти два мальчишки меряются носами.

Я улыбнулась. Представила магистров тьмы и пустоты с линейкой в руках, измеряющих, чей нос длиннее. Когда-то в Гарандии существовало поверье, что чем длиннее нос, тем больше ум.

— Вот и получается, что Тейнер открыто объявил Вейрана государственным преступником, — вернулся Дареаль к нашей теме. — Тот забрал сына, жену и уехал. Мне тогда было лет семнадцать, я еще оканчивал высшую школу дознания и защиты, когда поднялась шумиха. Мы даже разбирали это дело, как пример.

— И чем все закончилось? — Я пыталась понять, как же графу Виктору тогда удалось выйти сухим из воды.

— Тейнер так и не смог доказать вину Вейрана. Вскоре об этой истории позабыли, и граф спокойно вернулся домой. А еще несколько лет спустя магистр тьмы умер при странных обстоятельствах. Тогда многие говорили, что это Вейран отплатил за свою обиду, но, опять-таки, никто ничего не смог доказать, и состава преступления не обнаружено.

Я задумалась. В чем бы ни была причина конфликта графа и магистра, дело выглядело странно. Может, и сейчас кто-то решил, что Вейраны хотят получить власть? Если

рассудить, у них было бы на это право, если бы не существовало магистрата. А может, Виктор и хотел?

Откуда мне знать? Избавились ведь не только от него, а и от Анри. И Фил едва не стал жертвой этой бойни. Хотели прервать род? Опасный...

— Время. — Герцог взглянул на часы. — Идемте, Полина. После допроса у меня еще много работы.

Я сбежала в комнату, переоделась, накинула ту самую накидку, которую использовала на суде, чтобы не привлекать внимание. Дареаль оценил мой внешний вид и усмехнулся.

— Такое чувство, что вы готовились, — заметил он. — Что ж, Полли, давайте сразу обговорим условия. Вы не вмешиваетесь в ход допроса и на некоторое время превращаетесь в немую. Идет?

— Да, — без колебаний ответила я.

— И не пугаетесь, что бы вы ни увидели.

Сразу стало не по себе. Зачем Дареаль вообще разрешил мне присутствовать? Чтобы доказать свою добрую волю? И готовность сотрудничать? Мне виделось именно так. Но я готова была пойти и за самым темным богом, если бы это помогло добраться до истины. Поэтому без сомнений села в знакомый черный экипаж. Как все-таки быстро привыкаешь к подобным вещам — всего пару дней назад я не подошла бы к экипажу и на пушечный выстрел, а уже сегодня готова была ехать в нем вместе с человеком, которого должна ненавидеть.

Экипаж тронулся. За окнами поплыли столичные улочки. Поймала себя на мысли, что начинаю ненавидеть этот город, такой чистый и прилизанный, но скрывающий сплошную тьму.

— Светлый артефакт так и молчит? — спросила, чтобы развеять воцарившуюся тишину.

— Молчит, — Дареаль склонил голову. — Занятно, да? Мне кажется, Таймус недаром уговаривал Вейрана разорвать помолвку и посвятить себя светлой магии. Он хотел, чтобы Анри унаследовал его пост. И я не удивлюсь, если артефакт будет молчать и дальше.

Я поняла, что Дареаль имел в виду. Если преемником Таймуса должен был стать Анри, то, пока он жив, у нас не будет светлого магистра.

А экипаж остановился у домика на окраине столицы. Здесь не было огромных особняков и величественных садов или парков, только ряды бедных домишек. Паскуаль затаился тут?

Почему? Опасается чего-то?

— Признаюсь, найти нашего свидетеля было непросто, — сказал Дареаль. — Идемте, Полина, пока мышка не почувяла кошек.

По спине пробежала дрожь, и я сразу ощутила мышкой себя. Маленькой и беспомощной, которая рискнула дернуть кота за усы. То ли Дареаль заметил мое замешательство, то ли просто был вежливым человеком, но он тут же предложил мне руку, и я хотя бы не рисковала упасть. Мы замерли перед покосившимся домиком. Герцог ободряюще улыбнулся мне — и трижды громко постучал.

Каждый удар отозвался в сердце. Я приказала себе успокоиться. Не затем я пришла, чтобы развернуться и уйти. Шевельнулась занавеска на окне. Уверена, нас увидели. Заметил это и Дареаль.

— Оставайтесь здесь, Полина, — шепотом попросил он, а сам скользнул за дом. Мгновение спустя раздался чей-то крик, я кинулась туда — чтобы увидеть, как герцог Дареаль повалил на землю Паскуаля и сидит сверху, связывая его руки заклинанием.

— Готово, — поднял он голову. — Не будете ли вы так любезны придержать дверь, мадемуазель?

— Конечно, месье, — распахнула я дверь запасного выхода, и Дареаль втащил Паскуаля в дом. Он бросил свою ношу на диван, сам подвинул стул и сел напротив, а я стала чуть сбоку, чтобы видеть обоих участников действия, но не раскрыть себя Паскуалю.

Бывший напарник Анри трясся, будто листок на ветру, и страшно вращал глазами. Но Дареаля сложно было удивить или разжалобить.

— Вам известно, кто я? — холодно спросил он Паскуаля.

— Д-да, — проблеял тот. — Его светлость Этьен Дареаль, главный дознаватель магистрата.

— Так почему вы попытались бежать?

— И-испугался, — мямлил Паскуаль.

— Чего? — Дареаль сдвинул брови, и Андре затрясся еще сильнее.

— В-вас.

— Я такой страшный? — полуулыбка искривила один уголок рта.

— Нет.

— Тогда давайте побеседуем, господин Паскуаль. Речь поедет об убийстве магистра Таймуса.

— Меня там не было! — выкрикнул Паскуаль.

— Вот о том, почему вас там не было, мы и поговорим. В котором часу вы покинули пост, месье?

— В начале одиннадцатого. — Андре едва не терял сознание. — Я почувствовал себя дурне и...

— Дурно? — И глаза Дареаля сверкнули желтым, как у зверя. Что это было? — Вы уверены?

— Да, есть подтверждение...

— Вашей любовницы? Да, месье Паскуаль, не составило труда узнать, что вы увиливали с работы, чтобы провести с ней время. А так как она — штатный целитель магистрата, то с подтверждением проблем не возникало. Но ведь в тот день вы ушли со службы не просто так Герцог чуть наклонился вперед, а Паскуаль, наоборот, втиснулся в спинку дивана.

— Я пошел к Тонии, как всегда, — жалобно пробормотал он.

— И вы всегда не оставляли после себя замену?

— Нет, только в тот день.

— Почему?

— Потому что магистр Таймус отказался.

— Вы знаете, кто его убил?

— Нет! — выкрикнул Паскуаль.

— Спрашиваю еще раз, — и снова этот странный желтоватый блеск в глазах герцога. — Известно ли вам, Андре Паскуаль, кто убил магистра Таймуса?

— Нет, неизвестно, — простонал он, кусая губы в кровь.

— А знаете ли вы, кто сделал так, чтобы убийцей считали Анри Вейрана?

— Я не видел его лица... — простонал Паскуаль. — Не видел. Это был молодой мужчина, в плаще с капюшоном. Он попросил меня сообщить, когда будет наша с Анри смена, и уйти со службы. Я больше ничего не знаю! Ничего!

— Опишите плащ, — потребовал Дареаль.

— Обычный, черный. Только застежка... Да, застежка была в форме восьмиконечной звезды. Прошу, отпустите меня!

И Паскуаль зарыдал. Я замерла от удивления. Он настолько боялся Дареаля?

— Чего вы боитесь, месье Паскуаль? — спросил герцог. — Почему заперлись здесь?

— Я не...

Видимо, герцогу надоело, потому что он щелкнул пальцами — и напарник Анри пронзительно вскрикнул, упал на диван, тяжело дыша. Он хватал воздух ртом, будто испытывал сильнейшую боль.

— Кого бы вы ни боялись, — склонился над ним Дареаль, — я страшнее. Поэтому советую ответить на мой вопрос, Паскуаль. От кого вы прячетесь?

— От магистра Кернера, — простонал он. — После суда он приходил ко мне, тоже выпрашивал о возможном убийце. И сказал, что вернется, если я открою...

Вдруг Паскуаль захрипел и забился.

— Полли, вон! — скомандовал Дареаль, и я бросилась к двери. Уже у самого выхода услышала нечеловеческий вопль, а затем появился сам герцог. Он взмахнул рукой, и дом вспыхнул от фундамента до крыши.

— Зачем? — прошептала я. — А Паскуаль?

— Паскуаль мертв, — ответил герцог. — Темный магистр позаботился, чтобы мы не узнали о его интересе в этом деле. Но мне удалось отсрочить заклинание. Все больше вопросов к Кернеру, а допросить его я не могу.

У меня не укладывалось в голове, что Паскуаль умер. Это казалось дурной шуткой.

— Идемте, Полли, — Дареаль увлек меня к экипажу. — Не стоит, чтобы нас здесь видели.

Паскуаль получил свое. Да и мы узнали нечто интересное. Кто-то изначально предполагал гибель Таймуса. Был ли он убийцей? Не факт, иначе от Паскуаля избавились бы раньше. Я склонен думать, что враг Анри и убийца Таймуса — это два разных человека.

— Почему вы так решили? — спросила я.

— Много несостыковок. Зачем было просить Паскуаля уйти? Наш убийца мог бы избавиться от Таймуса и при двух гвардейцах. Он ведь действовал на расстоянии. Но нет, кто-то хотел, чтобы именно Анри первым пришел на место преступления. Чтобы именно Анри ответил. Не сходится, не находите? Избавиться от врага можно было, и не убивая магистра. А убить магистра — не избавляясь от Вейрана.

В словах Дареаля была истина. Все-таки на его стороне был опыт.

— Вы правы, — ответила я.

— Да уж... Скверно другое. Мы понятия не имеем, кто эти двое. Придется проверить как дела бывшего темного магистра, так и судью, у которого был зуб на Вейранов. Этим и займемся, Полли. Я постараюсь узнать, где сейчас живет Гарднер. А затем уже наведу справки о темном магистре.

— А что делать мне? — спросила я.

— Вам? Пока что ждать. Если Гарднер уехал, вскоре нам придется немного попутешествовать.

Экипаж остановился у домика герцога. Он не стал меня провожать, но пока я шла к дому, чувствовала взгляд между лопаток. Дареаль наблюдал. И мне казалось, что он ведит больше, чем говорит, и больше, чем мне хотелось бы ему показать.

Глава 35

Филипп

Занятия первого курса отличались разнообразием. Спустя пару недель усиленной учебы я чувствовал себя выжатым, как лимон. Радовало одно — страдал не я один. Каждый вечер мы с Робертом приползали в комнату и падали на кровать, даже не выключив светильники. Конечно, я не стал спать лучше, но Гейлена теперь не смог бы разбудить и гром с небес, а я, привычно проснувшись после очередного кошмара, сразу засыпал. Магия моя, впрочем, справлялась с заданиями неплохо, и арсенал постепенно пополнялся самыми разными заклинаниями. Конечно, пока что в них не было ничего необычного, но я в силу возраста не умел и этого.

С такой нагрузкой даже не хватало времени, чтобы подумать о списке. Недаром Пьер говорил, что придется подождать. Я и ждал, лениво удивляясь, что первокурсники до сих пор не вывесили мою фамилию и титул на двери большими буквами, только продолжали обходить меня стороной, а со студентами старших курсов иногда даже удавалось перекинуться парой слов. Постоянными соседями по столу стали те самые девчонки с третьего курса, а вскоре к ним подтянулся и Дилан с двумя товарищами. Судя по всему, он имел виды на одну из девушек, ту самую, с родинкой — Одри, и решил воспользоваться случаем. Так что скучать не приходилось. И даже пикировки с Робертом вошли в привычку. После вводных лекций и практикумов оказалось, что на магической подготовке фантазия профессоров не ограничивается. И в один «прекрасный» день, потому что других в «Черной звезде» не существовало, как не было и выходных, нас разбудили в четыре часа утра. Причем, весьма оригинально — засыпали мы в своей комнате, а проснулись от капель дождя с темного предрассветного неба. Мне повезло — я спал почти одетым. Так устал накануне, что раздеться не хватило сил, но большинство студентов щеголяло нижним бельем, а некоторые, как оказалось, предпочитали спать и вовсе без него, и теперь переругивались со смеющимися товарищами.

— Доброе утро, первокурсники, — раздался откуда-то голос Синтера, а вот его самого видно не было. — Хочу сказать, что магическая подготовка — это лишь мизерная часть

обучения в «Черной звезде». Кроме магии, вы будете тренировать силу, выносливость, ловкость и многое, многое другое. И ваши тренировки начинаются сейчас. Грянул гром. Стало не по себе. Мы озирались по сторонам — это место явно было за пределами гимназии. И что от нас требуется? Только в следующую минуту все вопросы исчезли, потому что за громом послышался утробный вой. Что это? Студенты удивленно озирались по сторонам. Я же приготовился защищаться и медленно пятился в сторону, противоположную вою. Первые волки показались на горизонте поля мгновение спустя. Огромные, размером с три обычных. Оборотни? Я слышал об этих существах, но оборотней перебили еще во времена становления магистрата — их глава выступал на стороне короля, и серых убийц, как их называли, уничтожили всех до одного. Так что перед нами, скорее всего, были очередные питомцы неугомонного куратора — или их иллюзии. Однако, как бы там ни было, они опасны. Тренировки ловкости и силы, говорите? Пятеро первокурсников собирались принять бой. Среди них — Роберт. Само собой, в первых рядах. Но темная магия не всегда предполагает прямой бой, и я побежал в сторону, противоположную надвигающейся угрозе.

За спиной послышались первые истошные крики. Я только прибавил скорости. Конечно, это не особо помогло — первый волк настиг меня уже минуты через три, но он был один, а однокурсники сражались со стаей. Я запустил в волка заряд темной магии. Не помогло... Из всего арсенала известных мне заклинаний лишь огонь немного припалил его шкуру. И я отбивался огнем. Волк рычал, прыгал на меня, скалил зубы. Нельзя подпускать его близко! Огненный сгусток попал волку прямо между глаз, тот засипел — и растаял дымкой. Так и есть, оборотни ненастоящие. Зато укус на ногу самый что ни на есть настоящий. И болит! Наложил на рану ледяное заклинание, оно временно обезболит, и побежал дальше. Лишь пара ребят пришли к такому же выводу, как и я, и теперь перегоняли меня. А впереди замаячил портал.

Вот только гарантии, что за ним не скрывается еще большая опасность, не было. Уже у самого портала меня настиг второй волк. Ему удалось повалить меня, и острые зубы клацнули у самой шеи. Внезапно оборотень захрипел и откинулся на бок, а Роберт рывком поставил меня на ноги и, не тратя времени на объяснения, толкнул в портал. Ненавижу! Порталы вообще вещь неприятная, если к ним не подготовиться. Надо сначала задержать дыхание, и только потом шагать, но Роберту было все равно. Я вывалился из портала, кашляя и задыхаясь, а он спокойно вышел и окинул взглядом местность.

— Щиты! — скомандовал кратко.

Заклинание настолько въелось под кожу, что щиты взметнулись сразу же. А когда я быстро поднялся на ноги, увидел, что на нас несется нечто... Нечто! Другого слова не подобрать. Гора с десятком глаз и двумя десятками рук. Как раз хватит, чтобы оставить от первого курса мокрое место. Да чтоб мне провалиться!

Заклинание настолько въелось под кожу, что щиты взметнулись сразу же. А когда я быстро поднялся на ноги, увидел, что на нас несется нечто... Нечто! Другого слова не подобрать. Гора с десятком глаз и двумя десятками рук. Как раз хватит, чтобы оставить от первого курса мокрое место. Да чтоб мне провалиться!

— Филипп! — рыкнул он.

— Что?

Еще два ледяных заклинания — и Дилан смог двигать только головой. Я победил?

Холодная ладонь опустилась на плечо. Я обернулся. Дилан, как ни в чем не бывало, стоял за моей спиной. Удар — и я согнулся от боли, упал, хватая ртом воздух.

— Хитрый ход, Фил, — похвалил он. — Но я не хочу на первый курс.

И темное заклинание врезалось в грудь. Больно! Издевается он, что ли? Откуда-то изнутри пришла злость, такая отчаянная, что даже мир стал черно-белым, безжизненным. И тогда атаковал я. Дилан спешно отступал, я же превратился в магический вихрь. По крайней мере, так себя ощущал. Магия пришла изнутри — впервые так явственно после инициации. Целый поток, только и используй. И я использовал, как умел, больше не тратя времени на защиту. Хотя, щиты неплохо справлялись и сами, а мне оставалось заняться атакующей стороной. Весь мой пока еще скудный арсенал я вылил на голову опешившего Дилана. Тот давно уже перестал атаковать, уеда в защиту.

— Сдаюсь!

И поднял руки, а я едва сдержал следующий удар, остановился, стараясь отдышаться. Это было непросто и слишком ярко, необычно, непривычно. А Дилан подошел ко мне, потирая поджаренный магией бок.

— Ты победил, Фил, — усмехнулся он. — Только не думай, что и на следующие ступени переедешь с такой легкостью. Отправляйся к куратору Синтеру, он добавит луч к твоей звезде.

— Не в обеде? — протянул ему руку.

— Нет. — Дилан пожал мои пальцы. — Мечтаю только, чтобы сейчас твой сосед не свалился мне на голову.

— Он занят общением с желе, — поморщился я.

— Надеюсь, желе его не отпустит. А ты хорош, новичок.

— От новичка слышу, — беззлобно фыркнул я и пошел к двери. Мне было жаль отправлять Дилана на первый курс, но выхода не осталось. Выше, выше, как можно выше. К заклинаниям, которые помогут мне проникнуть в кабинет директора, и не попасться. Пока что сама затея казалась самоубийством, но я не был бы собой, если бы отступил.

Дверь оказалась очередным порталом прямо в кабинет директора. Эдуард Рейдес сидел за столом и через сферу наблюдал за ходом испытаний, а куратор Синтер отпускал едкие комментарии к чужим промахам.

— Взгляни! — как раз говорил он Рейдесу, когда я вошел. — Сожрут парня. Зуб даю, сожрут!

— Подавятся, — меланхолично ответил директор.

— Да, костями его и подавятся, будешь мне новых волков выращивать. А, первый победитель! Поздравляю, Филипп. Уж извини, лучик тебе рисовать некуда, обойдешься простым поздравлением.

Я немного опешил. Покосился на директора, но тот на меня и не смотрел.

— Значит, так, — продолжал куратор Синтер. — Ты перешел на вторую ступень, но расслабляться рано. Когда испытание завершится, твоим подопечным станет кто-то из сегодняшних проигравших, и поверь, они не станут медлить, а захотят вернуть себе утерянное место. Но также тебе полагается наставник со старшего курса, и им станет... Куратор достал свиток, пробежал по нему глазами, решая что-то для себя.

— Им станет Элизабет, — сказал он.

— Девчонка? — выпалил я.

— Она любого за пояс заткнет! — возмутился Синтер. — Что за предубеждения, Филипп? Затем нарисовал в воздухе какой-то знак.

— Элизабет, в кабинет директора, — произнес четко.

Я пылал от негодования. Мало того, что ко мне приставили девчонку, так еще ту самую, чье приглашение на свидание я проигнорировал. Может, конечно, я понял её как-то не так, но как еще расценивать настойчивое желание видеть меня в беседе?

— Остынь, — Синтер похлопал меня по плечу. — Лиз — очаровательная девушка, куратор плачет от неё демоническими слезами. Поплачешь и ты.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась сияющая Лиз.

— Привет, — шагнула она в кабинет, увидела нас и замерла. Привет? Странное обращение к директору.

Дверь оказалась очередным порталом прямо в кабинет директора. Эдуард Рейдес сидел за столом и через сферу наблюдал за ходом испытаний, а куратор Синтер отпускал едкие комментарии к чужим промахам.

— Взгляни! — как раз говорил он Рейдесу, когда я вошел. — Сожрут парня. Зуб даю, сожрут!

— Подавятся, — меланхолично ответил директор.

— Да, костями его и подавятся, будешь мне новых волков выращивать. А, первый победитель! Поздравляю, Филипп. Уж извини, лучик тебе рисовать некуда, обойдешься простым поздравлением.

Я немного опешил. Покосился на директора, но тот на меня и не смотрел.

— Значит, так, — продолжал куратор Синтер. — Ты перешел на вторую ступень, но расслабляться рано. Когда испытание завершится, твоим подопечным станет кто-то из

сегодняшних проигравших, и поверь, они не станут медлить, а захотят вернуть себе утерянное место. Но также тебе полагается наставник со старшего курса, и им станет... Куратор достал свиток, пробежал по нему глазами, решая что-то для себя.

— Им станет Элизабет, — сказал он.

— Девчонка? — выпалил я.

— Она любого за пояс заткнет! — возмутился Синтер. — Что за предубеждения, Филипп? Затем нарисовал в воздухе какой-то знак.

— Элизабет, в кабинет директора, — произнес четко.

Я пылал от негодования. Мало того, что ко мне приставили девчонку, так еще ту самую, чье приглашение на свидание я проигнорировал. Может, конечно, я понял её как-то не так, но как еще расценивать настойчивое желание видеть меня в беседке?

— Остынь, — Синтер похлопал меня по плечу. — Лиз — очаровательная девушка, куратор плачет от её демоническими слезами. Поплачешь и ты.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась сияющая Лиз.

— Привет, — шагнула она в кабинет, увидела нас и замерла. Привет? Странное обращение к директору.

Я едва не зашипел от такого обращения, но перед нами уже были двери лазарета, и Лиз подтолкнула меня внутрь. Здесь сегодня было людно! Первые выбывшие уже стонали на пяти койках, двоих как раз перевязывали. Я со злорадством поискал среди них Гейлена — и не нашел. Значит, Роберт выбрался из объятий желе, и бедняге Дилану предстоит еще один бой.

Нечестно? Возможно. Заметил я и то, что выбывшими были не только парни, но и девушки. Значит, и для них начались испытания. Видимо, те, кто находился в лазарете, вот-вот отправятся домой, а нашу группу пополнят девчонки. Интересно, сохранится ли само понятие группы? Вряд ли. Хорошо только, что Синтер останется нашим куратором, пусть он и язва.

Видимо, куратора закрепляли за отдельными студентами, а не за ступенью.

— Еще один! — заметила меня одна из целительниц. — Иди сюда, детка, подлатаем тебя.

Детка? Лиз хихикнула, а я обиделся — и сам не понял, почему. Наверное, со стороны и правда выглядело забавно. Но деткой меня еще никто не называл!

— Но-но, — сказала Лиз целительнице. — Филипп только что перешел на вторую ступень, повежливее.

Мои менее удачливые однокурсники тут же устали на меня, а я вжал голову в плечи и отвернулся, пока целительница призывала магию и избавляла от ран. Мы с Лиз уже шли к выходу, когда в дверях показался Роберт — тоже в сопровождении студента третьего курса. А этот-то куда торопится?

— Жив, Вейран? — шепнул он по дороге.

— И ты жив, Гейлен? — не остался я в долгу. — Не засиживайся тут, а то вдруг снова на первый курс провалишься.

Роберт усмехнулся, а мы с Лиз вышли из лазарета.

— Друг, да? — спросила она.

— Нет.

— Ошибаешься. Видно, что друг.

Я промолчал. Пусть думает, как хочет. Мы могли бы подружиться с Робертом после демонического прорыва, но он не пожелал, а теперь не хотел я.

— Вас переселят на второй этаж, — продолжала Лиз. — Так что у тебя будет около часа, чтобы собрать вещи. А я пока поговорю с профессором Синтером. Он ведь видел твой бой с Диланом, подскажет, над какими ошибками надо поработать. Встречаемся в беседке после ужина. Захвати список заклинаний, которые хочешь разобрать.

И потрепала меня по щеке. Я отшатнулся, а Лиз улыбнулась, развернулась и ушла. Что это было? Не думать! Зато для других мыслей в голове не осталось места. Мне нравилась Лиз. Наверное, в этом и проблема. Она была очень живой, настоящей и теплой посреди холода темной магии. Но отношения между студентами запрещены, а мне нельзя вылетать из академии. И потом, она лишь шутит надо мной. Разве может быть, чтобы Лиз я всерьез нравился? Нет, не может.

С этими думами я принялся собирать вещи. Через четверть часа появился злоющий Роберт. Тоже быстро смел в сумку все, что успел разложить в комнате, и плюхнулся на кровать. — Что, Вейран, решил по-быстрому проскочить все ступени? — поинтересовался он. — Ты, погляжу, тоже торопишься, — ответил я. — Нет, но не люблю плестись в хвосте. И это я тоже заметил. — Спорим, я перейду на третью ступень раньше тебя? — харахорился Роберт. — Я не буду с тобой спорить, Гейлен, — ответил ему. — Как получится, так и будет. — Да ну тебя! — Роб махнул рукой и отвернулся. Я пожал плечами. К причудам Гейлена давно привык. Даже, признаюсь, не хотел, чтобы у меня был другой сосед по комнате. Роберт не пугался моих кошмаров, только посылал к демонам и пару раз выставлял за дверь. Да и рядом с ним не приходилось притворяться. Он знал, кто я. Я — кто он. Вот и все. А мысли то и дело возвращались ко встрече в беседке... Что же задумала Лиз?

Глава 36

Полина

Оказалось, что найти следы судьи Гарднера не так уж просто. Факт был налицо — он уехал из столицы. Но куда точно? Герцог Дареаль рыл носом землю, а я седела дома и сходила с ума от беспокойства. Крайне быстро начала называть его убежище домом. Мне нравилось, что здесь было тихо и спокойно. Всего четверо слуг, которые старались лишний раз не попадаться на глаза, и долгожданный отдых. Думала, что после допроса Паскуаля не смогу спокойно спать под этой крышей, но страх ушел так же быстро, как и появился. Видимо, последние события изменили меня. Я стала сильнее — но, увы, этого было мало. Осень постепенно вступала в свои права. Накрапывал дождь, я седела у окна и ждала возвращения хозяина дома. Еще мне нравилось то, что между нами установилось взаимное уважение — и не больше. Этьен не старался стать для меня другом. Его устраивало, что мы действуем вместе. Меня тоже. Ни я, ни он не пересекали той границы, которая позволяет считать кого-то близким человеком. В тот вечер уже собиралась ложиться спать — герцог много работал и мог пропасть на несколько дней. О сути его работы я тоже старалась не думать, иначе можно было сойти с ума. Но неожиданно раздался стук двери, и в гостиной появился Дареаль. С его одежды стекала вода. Тут же примчалась служанка, забрала шляпу и плащ, а сам герцог подошел ко мне: — Хорошие новости, Полли. Я нашел Гарднера. — Наконец-то! — Я не сдержала возгласа. — И где он? — Достаточно далеко. Забрался на самую окраину Гарандии, так что нам придется немного попутешествовать. — И сколько это займет? — Сама дорога — около недели в одну сторону. И по пути я хотел бы остановиться кое-где, уж не обессудьте. — Как скажете. — Я склонила голову, думая о том, что будет, если Анри вернется, пока меня нет. Наверняка, мысли были написаны на лице, потому что Дареаль усмехнулся: — Вам не о чем беспокоиться, Полина. Даже если жених вернется в ваше отсутствие, а это вряд ли случится, за ним присмотрят. Прозвучало жутко. Но я ведь понимала: да, пустота докажет невиновность Анри, но разве тайная служба отступится? Нет, они еще трижды перепроверят решение высших сил. — Когда мы уезжаем? — спросила я. — Завтра на рассвете. Путь неблизкий, стоит выехать как можно раньше. — Тогда я немного прогуляюсь. — Вас проводить?

Дареаль выглядел утомленным. Да и не нужен мне был присмотр.

— Нет, благодарю, — ответила я. — Это ненадолго. К утру буду готова к поездке. Было ли, что собирать! Конечно, герцог и здесь мне помог — снабдил минимальными средствами, большего я от него не взяла и поклялась все вернуть, несмотря на его возражения. Поэтому хотя бы не было стыдно выйти в люди. И сейчас я спешно собиралась.

Зачем? Позднее объяснить не могла. Только выбежала из дома в дождь, прикрывая голову накидкой и отказавшись от зонта, и помчалась прочь, к серой пустынной башне, надеясь застать на месте её жуткого обитателя.

Я неслась со всех ног. Башня находилась далеко, и надо было торопиться. А когда оказалась у знакомых ворот, вдруг оробела. Что я скажу Пьеру? Зачем вообще сюда пришла?

Только отступать не стала, а постучала, и ворота безмолвно распахнулись. Я медленно вошла во двор. Вокруг тут же сгустились тени. Они будто плясали свой особенный танец, но страха не было. Только непонятная горечь. Я давно не видела Пьера. Знает ли он, что я ушла из дома? Знает ли, где живу? Почему-то казалось, что да. Двери башни распахнулись, и тот, к кому я пришла, шагнул навстречу.

— Здравствуй, Полина, — раздался знакомый голос из-под капюшона.

— Здравствуй, Пьер.

— Входи.

Он развернулся и пошел в башню, а я направилась за ним. Мы миновали узкую лестницу, поднялись выше в те самые комнаты, которые я когда-то назвала «личными». Здесь было тихо, и царил полумрак. Пьер махнул рукой, и светильники ярко вспыхнули, а хозяин башни указал мне на кресло, присаживаясь напротив.

— Я слушаю тебя, — сухо, без эмоций сказал он.

— Я завтра уезжаю, надолго, — ответила я. — Может, около месяца.

— Куда? — поинтересовался Пьер.

— Хочу побыть подальше отсюда какое-то время.

— Что ж, верное решение, давно пора, — ответил он. — Правда, мне не нравится твоя компания. Зачем ты связалась с Псом, Полли?

— Псом?

Я не слышала, чтобы кто-то так называл Дареаля.

— Да, Псом магистрата, герцогом Этьеном Дареалем. — Пьер снял капюшон и теперь изучающе смотрел на меня.

— Он мне помог после ссоры с матерью. Мне было некуда едти, и... — почему-то попыталась оправдаться.

— Ты могла прийти ко мне. Здесь ты была бы в безопасности.

Здесь? В башне магистра пустоты? Ни за что! Я разглядывала бесстрастное лицо Пьера, тонкие, почти бесцветные губы, серебристые глаза, и становилось жутко. Даже магистр тьмы не пугал меня так сильно, как он.

— Я понял. — Пьер склонил голову. — Что ж, жаль, что ты боишься меня, Полли. Зачем ты пришла?

— Я... Из-за Анри, — попыталась подобрать слова. — Если он вернется, пока меня не будет...

— Я присмотрю за ним. Что-то еще?

— Да. — Сама не знала, как решилась. — Пьер, можно мне увидеться с ним? Хотя бы на минуту, на мгновение.

— Ты понимаешь, о чем просишь, Полина? — нахмурился он. — Пустить тебя в пустоту? Я опустила голову и молчала.

— Нет, — ответил Пьер, и я вздрогнула. — Не пушу. Единственное, чем могу помочь — это заставить вас встретиться во сне. Сон снимает оковы тела, и ты можешь ненадолго окунуться в пустоту. На несколько биений сердца. Затем я тебя вытащу. Согласна?

И на мгновение показалось, будто в глазах Пьера мелькнула жалость.

— Да.

— Тогда идем.

Пьер взял меня за руку. Его пальцы казались ледяными, будто он и не человек вовсе. Мы миновали несколько комнат прежде, чем очутились в спальне. Постель была застелена темным покрывалом. Я вздрогнула. Почему-то вспомнился Вайхес, и стало жутко. — Не бойся, — тут же заметил Пьер. — Ничего дурного не случится. Ложись, закрывай глаза.

Я выполнила его просьбу. Пьер снова взял меня за руку. Вторую ладонь опустил на лоб и зашептал заклинания. О, боги! Сон пришел быстро. Пьер был в этом хорош. А вместе со сном явились и сновидения. Я шла по серому туману вперед, вперед. Мне часто снилось подобное, но сейчас все было иначе. Слишком осязаемо, невыносимо. Каждое прикосновение вязкого тумана к коже заставляло вздрагивать.

Вдруг впереди я увидела дверь. Толкнула её и очутилась в некой пещере — назвать помещение комнатой не поворачивался язык. Анри я увидела сразу. Он сидел на полу так же, как и в моих сновидениях. Перед ним прямо в воздухе висели три двери. Анри выглядел изможденным, измученным. Сердце защемило от горечи, и я бросилась к нему:

— Анри!

Он обернулся. В глазах вспыхнуло узнавание, но вдруг он отвернулся снова и уставился на двери.

— Анри. — Я села перед ним, позабыв о странном тумане, опустила руки на плечи, заглянула в глаза. — Любимый мой.

— Хватит, — сказал он, глядя куда-то сквозь меня. — Мало тебе дверей? Теперь еще и иллюзии? Думаешь, я поверю?

Откуда-то донесся смех. Я вздрогнула и обернулась, но никого не увидела.

— Анри, это я, Полли, — шептала, стараясь достучаться.

— Тебя не может здесь быть, — сказал он спокойно и безжизненно. — Ты далеко, в своем мире.

— Но это я!

Он поднялся и пошел прочь. Я не знала, как доказать, как убедить. Только чувствовала, что земля уходит из-под ног. А затем меня будто выдернули за волосы. Открыла глаза и гулко закашлялась. Пьер протянул мне стакан воды.

— Он мне не поверил, — пробормотала, чуть не плача. — Почему он мне не поверил, Пьер?

— Потому что тебе нечего делать в пустоте, — ответил магистр. — Анри это понимает. Только не понимаешь ты, Полина.

— А двери? Что это за двери?

— Мне почем знать? — магистр пожал плечами. — У пустоты для каждого свои игры.

— И в какую же сыграл ты?

В том, что Пьер сам побывал в пустоте, я даже не сомневалась.

— Лучше не знать. — Он качнул головой. — Иногда самонадеянность стоит дорого, Полина.

Крайне дорого.

Я не знала, что ему сказать. Хотелось рвать на себе волосы. Зря я сюда пришла! Зря.

— Я пойду, — сказала тихо. — До встречи.

— Счастливого пути, Полли. И не доверяй особо нашему Псу. Он — верный защитник, когда ему это выгодно. А когда не выгодно, может и укусить.

Можно подумать, я этого не понимала. Пока что у нас с герцогом одни цели. А если разойдутся наши дороги? Уверена, он без сомнений поступит так, как считает нужным, как диктует закон.

Обратный путь показался слишком длинным. Дом Дареаля уже спал, и я тихонько прокралась в свою комнату. Здесь меня ожидала собранная сумка. На мгновение задумалась, брать ли с собой амулеты Вейранов. Потом решила, что не стоит, и спрятала их на самую дальнюю полку шкафа, а сверху накрыла заклинанием. Вряд ли наша дорога будет полностью безопасной, стоит принять меры.

Легла уже ближе к двум часам ночи. Сон долго не шел, а когда пришел, в нем по-прежнему был серый туман. Только Анри я не видела. Вместо него передо мной замерла девушка в сером балахоне. Я откуда-то знала, что это именно девушка. Она чуть склонила голову набок и вглядывалась в меня. Её взгляд я ощущала кожей.

— Кто ты? — спросила у незнакомки.
— Та, у кого нет имени, — рассмеялась она. — Но ты можешь звать меня Пустота.
— Когда ты отпустишь Анри?
— Когда он заплатит свою цену. — Пустота пожала плечами. — Пока что он не понял главного.
— Чего?
— Все тебе скажи! Нет, девочка, твой мальчик должен до всего дойти своим умом. А я всего лишь даю подсказки. Намеки.
— Тогда дай намек! — попросила я.
— Иногда мы не можем найти что-то не потому, что его нет, а потому, что боимся найти. Я проснулась. За окном начинало сереть. Что же мог значить этот сон? Что должен найти Анри? Выход из пустоты? Тогда, получается, он не может выйти потому, что боится? Боится реального мира? Нет, этого не может быть. Пустота умеет говорить загадками. А я, если бы и разгадала, все равно не смогла бы ничего рассказать Анри. Пьер ясно дал понять, что пустил меня в пустоту всего один раз. Теперь оставалось только ждать.
В двери постучали.
— Мадемуазель Лерьер, пора вставать, хозяин ждет.
— Уже встаю! — откликнулась я. Да, надо поторапливаться. Как и говорил Дареаль, впереди непростой путь, и неизвестно, что ждет нас в итоге. Мне почему-то казалось, что за месяц моего отсутствия Анри не вернется. Сколько же времени понадобится ему, чтобы понять загадку пустоты?

Глава 37

Филипп

Переезд прошел быстро и привычно. Комната была точной копией нашей. В ней уже успели навести порядок после съехавших студентов, и нас встречало хрустящее постельное белье. А я все думал о встрече, назначенной Лиз. Если не приду, это будет трусостью. Да и хотелось узнать, что она может мне сказать. С другой стороны, она ясно сказала, что собирается дополнительно обучать меня заклинаниям. Может, мне просто хотелось видеть в её словах двойной смысл? Нечто большее?
— Эй, Вейран, тебя Дилан что, сильно приложил? — иронично поинтересовался Роберт.
— А? — обернулся я.
— Говорю, по голове не били? Ты уже четверть часа таращишься в стену. Надеешься прорубить в ней дополнительное окно?
Я промолчал. Что спорить с Гейленом? Себе дороже. Но, видимо, Роберту сегодня не с кем было поговорить.
— Как тебе удалось победить Дилана? — спрашивал он.
Хотелось ответить «легко», но это было бы ложью, и я сказал:
— Непросто. Но и не скажу, чтобы сложно. Он использовал какое-то заклинание и создал своего двойника. Ты знаешь такое?
— Нет, — качнул головой Роберт. — Но я должен сказать тебе спасибо. Мне Дилан достался изрядно потрепанным, а я и сам после демона был не в форме. Еле хватило сил на победу.
— Зато ты победил демона, а я убежал.
Роберт самодовольно усмехнулся и не стал отрицать. В этом был весь Гейлен. Но как-то же он избавился от «желе».
— А Лиз положила на тебя глаз, — вдруг сказал он.
— С чего ты взял? — Я вздрогнул и обернулся.

— Все говорят. Она с первого курса всех ухажеров гнала в шею, а с тобой сама за один стол села. Говорят, она из какого-то знатного темномагического рода, вот и пытаются парни увеличить силу за её счет.

— В смысле?

Я упорно не понимал, куда клонит Роберт.

— Фил, ты что, вчера родился? — Гейлен усмехнулся с легким презрением. — Помнишь, что сказал Дилан? Секс и смерть.

— Я уже прошел инициацию.

Роберт покосился на меня иначе, куда более серьезно.

— И кто она? Твоя «инициация»? — спросил полушутливо.

— Не было никого. Бери второй пункт.

— А! — Гейлен затих на минуту. Я уже думал, насовсем, но разве может он промолчать? — Тогда тем более надо закрепить успех. Инициация смертью — это одно, Вейран. А вот во время, так сказать, более приятной её части вы с девушкой обмениваетесь энергией и расширяете резервы друг друга. Так понятно?

— С любой девушкой?

— С первой твоей девушкой, балбес!

Я отвернулся. Нечего щеголять красными щеками. И так краснею, как девчонка, никогда раньше за собой этого не замечал. А Роберт только рассмеялся.

— Ну, или если ты у неё будешь первым, — добавил он. — Тоже неплохо. Так что не упусти шанс, Вейран. С твоей репутацией вряд ли ты рано женишься.

— Да катись к демонам!

— Спасибо, я с ними уже сегодня встречался.

Роберт откровенно веселился, мне же было совсем не смешно. Представлялась Лиз: маленький носик, теплый взгляд, рыжие волосы. Решено! Пойду сегодня в беседку и хотя бы прямо спрошу, зачем позвала. Наставница...

— Задумался о своей красоте? — не унимался Роберт. — Ну-ну! Удачи, Вейран. Только не торопись ей рассказывать, кто ты такой. Слухами земля полнится.

А ведь Роберт прав. Если бы Лиз знала, кто мои родители, то даже смотреть не стала бы в мою сторону. Проклятое имя... И кому мы так помешали? Может, и к лучшему я останусь здесь на ближайшие месяцы? Конечно, никто не забудет — ни я, ни люди, но все равно время стирает все.

— Что-то ты невесел, — заметил Роб. — Выше нос!

Он меня что, подбодрить пытается? Я не поверил своим ушам. Наверное, демон сильно приложил беднягу Роберта. Ничего, скоро придет в себя.

— А тебе кто-нибудь нравится из девчонок? — решил спросить я.

— Значит, Лиз тебе нравится?

— Я этого не говорил! — готов был удушить Гейлена.

— Да ладно тебе, что ты, не парень? Нет, мне пока никто не нравится. Но кандидатки для инициации есть. Чисто с магической точки зрения.

— Магия — магией, а чувства — чувствами.

— Вот именно, так что грех не воспользоваться таким количеством темных магичек.

Главное, директору не попасться. Он, говорят, в этих вопросах строг.

Учту. Но мне все равно не была ясна позиция Роберта. Зачем вступать в отношения с кем-то только ради магии? Как-то это... неправильно. А время неуклонно ползло к ужину.

После такого расхода магии очень хотелось есть, и на ужин мы с Робертом бросились едва ли не наперегонки. Я поел раньше, чем пришла Лиз, и тут же умчался. Куда? В беседку.

Потому что не прийти — это трусость.

Снаружи было темно и тихо. Территория вокруг гимназии не освещалась. Только в каждой беседке горело по одинокому светильнику. Я сел за столик и опустил голову на руки.

Внутри все горело от странного волнения. А когда послышались торопливые шаги, и вовсе захотелось позорно сбежать. Трус! А Лиз уже замерла у входа, улыбнулась, заметив меня, и сказала:

— Думала, ты не придешь.

— Но ты же обещала позаниматься, — стараясь казаться равнодушным, ответил я. Тьфу ты! Веду себя, как дурак.

— Точно, — кивнула она и достала из сумки несколько учебников. — Будем заниматься. Видимо, на моем лице отразилось такое разочарование и недоумение, что Лиз звонко рассмеялась:

— Фил, ты бы себя видел!

Она села рядом, опустила передо мной книгу по атакующей магии с десятком закладок.

— Смотри, — придвинулась ближе, — я наметила для тебя программу. Ты быстро перешел на следующую ступень, и я помогу тебе восполнить небольшие пробелы, которые заметил профессор Синтер. Начнем с атакующих заклинаний прямого типа.

Можно подумать, я её слушал. Вместо этого косился на чуть влажные губки, которые Лиз то и дело непроизвольно покусывала, объясняя что-то. На пару забавных веснушек на носу, которые я раньше не замечал. На...

— Фил, ты меня слушаешь? — Лиз махнула ладошкой у меня перед глазами.

— Д-да.

— Повтори, что я только что сказала?

И склонила голову набок. Видимо, у неё была такая привычка.

— Фил! Хватит таращиться, будто впервые меня видишь. В книгу смотри. Если бы ты проверил магический фон двойника, мог бы и не допустить оплошности. Для этого есть три общепринятых способа. Первый — заклинание развеивания. Человеку не сделает ничего, двойника уничтожит. Второй — заклинание проверки магического фона. На нем мы с тобой и остановимся. Стань напротив меня.

Я нехотя поднялся и вышел из беседки, чтобы ничего не мешало. Лиз замерла напротив.

Ей необычайно шла черная форма гимназии.

— А теперь атакуй.

И Лиз стало... две. Я попытался применить то самое заклинание, о котором она говорила, но ничего не вышло. Попробовал еще раз, заметив, что обе версии Лиз начинают плести заклинание атаки. Развеять!

Девушка справа лопнула, как мыльный пузырь.

— Умница! — сказала Лиз и... атаковала меня. Взметнулись щиты. Она ведь не серьезно?

Но Лиз атаковала на самом деле, и в меня летел черный сгусток. Я отбил его.

— Ты чего?

— Хочу, чтобы ты лучше владел магией. С Диланом тебе повезло, — заметила она, а я разозлился. Увидим, кто кого! И атаковал её сам. Мы носились по парку, как двое ненормальных, и швыряли друг в друга всем, что придет в голову. Конечно, не было никаких смертельных заклинаний. Больше нечто простое, вроде онемения или временной слепоты. Не знаю, сколько мы гонялись друг за другом, но Лиз первой примирительно подняла руки:

— Сдаюсь! Хватит на сегодня, Фил. Давай вернемся к теории.

И пошла к беседке, а я поспешил за ней. От Лиз едва уловимо пахло мятными духами.

Рыжие волосы прилипли ко лбу, тоненькая черная блузка, в которой она осталась, сбросив пиджак, и вовсе облепила фигуру, как вторая кожа.

— Фил? — Лиз странно посмотрела на меня.

— Прости.

Я сел напротив и постарался пялиться не так открыто. Лиз снова заулыбалась и подвинула свои учебники.

— Скажи, может, есть заклинание, которое тебе самому хотелось бы выучить? — спросила она.

— Есть, — ответил я. — Ты знаешь что-нибудь, чтобы не видеть сны?

— Кошмары?

— Да.

Лиз задумалась. Она даже не удивилась, и мне показалось: может, ей и так все известно?

Но тогда она бы не захотела со мной общаться.

— Есть один метод, — вспомнила она. — Только это не заклинание, а зелье. Не балуйся магией, сны часто несут подсказку, не лишай себя их защиты. А зелье я попрошу приготовить знакомую ведьмочку. Идет?

Где она будет искать ведьму в гимназии для темных магов, я не спрашивал. Только устало кивнул. День действительно выдался тот еще. И погода была соответственная — снова полил дождь. Без Таймуса все разладилось, даже осень пришла слишком рано.

— Ты уже клюешь носом, — заметила Лиз. — Идем, курсант второй ступени. Завтра нас ждут новые подвиги.

Я протянул ей руку, помогая подняться со скамьи, и мы пошли к входу в гимназию.

Поднялись по лестнице на второй этаж. Мне следовало остаться здесь, Лиз — подняться выше.

— Спасибо за урок, — сказал ей.

— Это тебе спасибо, теперь никаких физических упражнений не надо, — рассмеялась она и стала похожа на растрепанную птичку. — Спокойной ночи, Филипп. Пусть тебе снятся сладкие сны.

Поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щеку, а затем быстро взбежала по ступенькам раньше, чем я успел хоть что-то сказать.

Я же так и стоял, как последний дурак, прижимая ладонь к щеке. Снова пришла мысль, которую упорно гнал весь день: если бы Лиз знала, что я — Вейран, все бы изменилось. Но я должен был ей сказать, если хотел, чтобы наша дружба переросла в нечто большее. Не желаю строить даже приятельские отношения на лжи.

Развернулся и пошел в свою новую комнату. Внутри было темно и тихо. Роберт спал — все-таки экзамены были утомительные, а по полу вдруг пополз знакомый сероватый туман. И что это такое? Очередной подарок от пустоты? Кстати, раз мы на второй ступени, то можем пользоваться закрытыми ранее отделами библиотеки. Вдруг там есть что-то о пустоте?

Я зевнул. Нет, не сегодня. Тоже устал, и прогулка на свежем воздухе навевала сон.

Поэтому снял рубашку и штаны, поправил повязку на плече, которая скрывала полную звезду, и лег, надеясь, что ночь не принесет сновидений.

Куда там... На этот раз кошмар пришел, как только я закрыл глаза. Только в нем не было матери и отца, а была Лиз. Она стояла передо мной в светлом платье, залитом кровью. Кровь была на рыжих волосах, кровью пропитывался подол и область живота. Она с укором смотрела на меня.

— Лиз! — кинулся я к ней, пытаюсь помочь. — Лиз, пожалуйста!

— Ты уничтожаешь все, к чему прикасаешься, — раздался её безжизненный голос. —

Почему ты мне не сказал, Филипп Вейран? Я бы держалась от тебя подальше.

— Нет, Лиз, нет!

Она безжизненно упала мне на руки.

— Да заткнись ты, Вейран!

Сначала раздался голос Роберта, затем зажегся светильник над его кроватью, а я задыхался. Горло саднило от крика, глаза щипало.

— Эй, ты в порядке?

Наверное, вед у меня был тот еще, раз даже Роберта проняло. Он поднялся с кровати и подошел ближе.

— Извини, — пробормотал я, глянул мельком на часы — начало второго. — Пойду, прогуляюсь.

О том, чтобы снова лечь спать, и речи не было. Я потянулся за рубашкой.

— Да сиди уже, — махнул рукой Роберт и зажег второй светильник. — Сходил бы ты к профессорам, Вейран. Ты ведь так тронешься.

— Мне это не грозит, не беспокойся.

— Я не беспокоюсь, но соседствовать с психом не хочу, — искренне ответил Роберт. — Та что утром иди к куратору Синтеру, и пусть рассказывает, как с этим бороться, пока ты не натворил дел. Отсутствие сна, кстати, на магии тоже сказывается. На моей в том числе, потому что ты и мертвого разбудишь.

— Прости.

— Заладил тоже...

Роберт недовольно фыркнул и снова лег, отвернувшись лицом к стене, но светильники гасить не стал. Я потянулся за книгой, только сон не шел из головы. Надо держаться от Лиз подальше, как она и сказала! Может, дело действительно во мне? Может, это я приношу

несчастья? Но почему именно сейчас? Раньше ведь такого не было. Потому, что мне исполнилось шестнадцать?

— Спи! — рявкнул Гейлен.

Я покорно закрыл книгу и лег. Что все это значит? И как мне быть?

Глава 38

Филипп

Чтоб она сгорела, эта вторая ступень! Мне казалось, что с меня жаждут снять кожу живьем. Тренировка за тренировкой: магия, выносливость, даже бой на мече. Кому, чтоб мне провалиться, нужны мечи, если есть магия? Я ненавидел всех и вся, за исключением, разве что, Лиз. Все эти недели мы продолжали встречаться в беседке после ужина. Болтали, занимались, изучали новые заклинания. А я так и не решился сказать ей главное. Как? Как это сделать? «Знаешь ли, Лиз, я — Вейран, и тебе не стоит со мной общаться, потому что я, видимо, проклят, и был сон...».

Вот снов, к счастью, больше не было. Лиз сдержала слово и принесла волшебное зелье от подружки-ведьмочки. Пару капель перед сном — и о кошмарах можно было забыть. Главное, не пропускать приема. Я однажды пропустил, и чуть с ума не сошел, а Гейлен пытался силой оттащить меня к куратору прямо посреди ночи. Я убедил его, что зелье и так спасет. С тех пор он неизменно напоминал, что надо выпить лекарство. Конечно, в своей манере, проклиная меня на все лады, но — напоминал. Близился к концу сентябрь, стремительно похолодало, а я так и не приблизился к главному — заклетию на двери директора гимназии.

В тот вечер я решился все рассказать Лиз. Тем более, случай был удобный — один из практикумов отменили, и в голове царил не привычный сумбур, а вполне осязаемый порядок.

Только где взять решимости? Потому что Лиз нравилась мне все больше и больше. Тьма, да я был влюблен в неё по уши! И это была еще одна причина, почему все еще не рвался на штурм кабинета директора. Поймают меня, выгонят — и мы с Лиз больше не увидимся. А ведь после того сна я хотел не общаться с ней больше положенного. Только разве Лиз спрашивала? Она всегда делала то, что считала нужным.

В тот вечер я немного задержался после ужина — вроде бы зашел в библиотеку захватить книги, в которых, кстати, так и не нашлось ничего о пустоте, а на самом деле — оттягивал минуту встречи и признания. Лиз нетерпеливо пританцовывала возле беседки. Она была веселая, взъерошенная.

— Фил! — замахала руками, стоило мне появиться. — Ну, где тебя носит? Я тебе хотела кое-что рассказать.

— Да и я тебе, вообще-то, тоже, — ответил, проходя в беседку. — Давай ты первая.

— Ну... Завтра я постараюсь перейти на четвертую ступень.

И Лиз довольно улыбнулась.

— Что? — Я замер. — Значит, ты больше не будешь моей наставницей?

— Не буду. Поставят кого-нибудь другого, и ты без зазрения совести вызовешь его на поединок. Тебе пора, Фил. Твоя магия может гораздо больше, а именно на третьей ступени начинается все самое интересное. Боевые темные заклинания, проклятия. И зеркала! Жаль, что мне нельзя пройти курс зеркальной магии.

— Зеркала?

Те самые, что убили профессора Таймуса и стоили свободы Анри.

— А почему тебе нельзя? — спросил я.

— Не подошла. — Лиз пожалала плечами. — Я вообще не понимаю логику профессора Айденса. Такой молодой, и такой бука. Фу!

— И сколько ему лет?

— Двадцать один, вроде бы, — задумчиво ответила Элизабет. — Но ладно, тьма с ним. О чем ты хотел поговорить?

— О том, что нам не стоит больше общаться.

— Что?

Теперь уже Лиз тарасилась на меня, будто я сказал величайшую глупость в мире.

— Почему, Фил? — В её голосе читалась плохо скрываемая обида, и мне стало стыдно. Но я и так много дней думал, думал...

— Потому что я — Вейран.

Вот, самое страшное сказано.

— И что? — осторожно уточнила Лиз.

— Ты не понимаешь? — Мне казалось, что все ясно, как белый день. — Мое полное имя — Филипп Вейран, и общение со мной опасно для тебя, и...

— Фил, подожди, — перебила меня Лиз. — По-твоему, мне это неизвестно?

Теперь уже я молча уставился на неё. Она знала? Знала — и все равно проводила со мной каждый вечер?

— И тебе все равно?

— Фил, ты странный сегодня, — рассмеялась Лиз. — Скажу профессору Синтеру, чтобы уменьшил тебе нагрузку, пока мозги не закипели. Не беспокойся, я знала с самого нашего знакомства. Сплетни распространяются быстро. И потом, до меня с тобой отказались работать в паре четверо третьекурсников, уж извини за подробности. Тебя побаиваются, знаешь ли.

Я невольно улыбнулся. Рядом с Лиз сложно было не улыбаться. Вот только заметил, что взгляд её стал серьезным.

— Я надеюсь, это единственная причина? — спросила она. — Или, может, ты успел меня возненавидеть, или...

— Нет, что ты, — поспешил перебить её. — Наоборот, я...

Лиз ждала, а я чуть не проговорился.

— Смешной ты, — сказала она. — А теперь, может, объяснишься, как связан твой титул с нашим общением?

— Я видел сон.

— Сон?

Рассказывать было тяжело, и я начал издалека — с моих кошмаров, которые постепенно утягивали меня в неведомые дали. И с того сна, единственного за все время, которого я так боялся. Лиз слушала, не перебивая. Только смотрела внимательно и пристально, будто в душу.

— Я поняла, — кивнула она. — Но знаешь, Фил, вряд ли твой сон — вещий. Скорее всего, это твой страх обрел привычную форму. Посуди сам, ты ведь никогда и никому не приносил несчастья.

— Но моя семья...

— Ты тут при чем? — перебила Лиз. — Если бы кому-то был нужен ты, за тобой бы уже пришли. Успокойся, Фил. Здесь безопасно, для тебя и для меня. Только, раз уж у нас вечер откровений, может, расскажешь мне, что делаешь в «Черной звезде»?

Я молчал. Это была не моя тайна. Точнее, слишком многое от неё зависело. Нет, нельзя доверять. Нельзя.

— Не хмурься. Расскажешь, когда захочешь. — Лиз придвинулась ближе, и я, поражаясь собственной смелости, привлек её к себе, вдохнул травяной запах волос и закрыл глаза. Стало тепло и спокойно. Так, как и должно было быть.

— А знаешь, я тебя люблю.

Я ожидал, что Лиз рассмеется в ответ на мое глупое признание, но она только прижалась крепче.

— И я тебя, — ответила куда-то в плечо. — С первого взгляда. Забавно, да?

— Ни капли.

Мы так и стояли, обнявшись. Если бы кто-то увидел, нам бы влетело, но профессора были заняты своими делами, а курсанты редко совали носы в беседки, предпочитая темные подвалы или тренировочные залы гимназии.

— Ну, поцелуй меня уже, Филипп Вейран.

Я коснулся губами губ Лиз. Она потянулась навстречу, отвечая на поцелуй. И на мгновение показалось, что все осталось позади. Даже мелькнула мысль, что, если Лиз останется со мной, можно и отказаться от мести. Мелькнула — и пропала. Реальность навалилась с новой силой. Я отвернулся.

— Фил? — окликнула меня Лиз. — Я так плохо целуюсь?

— Нет, дело не в тебе.

Элизабет склонила голову набок и вгляделась в мое лицо.

— Идем, — сказала решительно.

— Куда? — растеряно спросил я.

— Покажу мое любимое место в гимназии. Только никому, ладно?

— Конечно.

Взметнулось любопытство, и я позволил Лиз увлечь меня за собой. Вопреки ожиданиям, мы вернулись к зданию гимназии, только обошли его с другой стороны. Я разглядывал острые черные башенки. Всегда считал, что они просто для красоты, но Лиз приложила палец к губам, коснулась стены — и открылся проход, а в нем — узкая винтовая лестница. Мы поднимались очень долго, пока не очутились перед очередной дверью, но и она не стала преградой для Лиз.

— Прошу в мое тайное убежище, — распахнула она дверь и пригласила меня внутрь.

Оказалось, что на вершине башни есть маленькая комнатка. Здесь не было мебели — только набросанные на пол одеяла, и большую часть стены занимало окно, только вместо стекла был магический барьер, защищавший от ветра, и, в то же время, дарящий ощущение, будто ты — на вершине мира.

Я замер у окна. Всегда знал, что территория гимназии огромна, но не задумывался, что настолько. Столица виднелась вдали, не подозревая о таком соседстве. Лиз подошла ко мне, я приобнял её, и мы долго стояли вместе, наслаждаясь покоем.

— Нравится? — тихо спросила она.

— Очень, — ответил я. — Тут волшебно.

— Вот и я так думаю, — в её голосе сквозило веселье. — Можешь приходить сюда, когда захочешь, я внесла изменения в заклинание.

— Спасибо. Как ты вообще нашла это место?

— Случайно. Башня была заброшена, здесь мало пространства, поэтому я облюбовала её для себя. Садись.

Мы оба уселись на разложенных одеялах. Так было даже удобнее — прекрасный вид, тепло любимой девушки рядом. Почти счастье.

— А теперь рассказывай, — Лиз первой нарушила затянувшееся молчание.

— О чем?

— Да о чем угодно. Сложно понять, какие мысли бродят в твоей голове, Фил.

— Может, лучше ты? Расскажи мне о себе.

Мой запас откровенности на сегодня иссяк, и Лиз это поняла.

— Ладно. Слушай, только рассказ будет нудным. Родилась я на севере, в Барджерии. Отец хотел мальчика, а получилась девочка, как это всегда и бывает. Учítывая, что больше детей у него нет, пришлось мне оправдывать надежды папочки.

— А мама?

— А мама умерла, давно.

— Извини.

— Не бери в голову, — отмахнулась Лиз. — Я даже её не помню. Конечно, иногда хотелось бы, чтобы мама была рядом, но это невозможно. А отец так и не женился во второй раз, воспитывал меня, нанял десяток гувернанток, чтобы учили меня светским манерам. И тут его ждал второй сюрприз.

— Дочь оказалась темной магичкой?

— Именно.

Мы дружно рассмеялись. С Лиз всегда было весело, и даже я не всегда хмурился.

— Тогда папа предоставил мне на выбор десяток темных школ. Я выбрала эту, чем еще раз шокировала родителя, и пошла учиться. Как видишь, за год добралась до третьей ступени, так что ты сильно меня опережаешь. Но у тебя и магия другого рода.

— Что ты имеешь в виду?

— Твою силу, Фил, — подмигнула Лиз. — Хотя, может, дело в том, что ты — инициированный маг, а я — нет?

— Откуда ты знаешь?

— А это уже особенности моей магии.

— И в чем же её особенности?

— А вдруг ты узнаешь, и не захочешь со мной общаться?

Лиз до того скопировала мои собственные недавние интонации, что стало весело.

— Тогда молчи и дальше, — со смехом ответил я.

— Ну, уж нет! Женщины — существа противоречивые, и я расскажу. Видишь ли, Фил, моя мама была непростым магом. И перед тобой — единственная черная ведьма во всей столице.

— Ты шутишь! — Я едва не подскочил на ноги.

— Какое там, — удержала меня Лиз. — Боишься? Я ведь и проклясть могу.

— Нет, не боюсь.

И правда, осталось ли хоть что-то, что может меня напугать? Такого было крайне мало. Но черная ведьма... Действительно, вымирающий вид магии, потому что ведовская сила после истребления королевской семьи стала редкостью. Ведьмы тоже выступали на стороне короны, так как королева была из их числа. Но именно черные ведьмы, самые опасные, давно уже оказались на грани магического вымирания. Их силы таяли поколением за поколением, поэтому само появление Лиз на свет уже было чудом.

— И как твой папа отнесся к этому факту? — спросил я.

— Нормально. — Она пожала плечами. — У него не было выбора. Только сам понимаешь, к вопросу инициации мне надо подходить осторожно и выбирать самого сильного мага. Хотя, я уже выбрала.

— Кого же?

— Фил, ты поражаешь меня сегодня! — Лиз все-таки подскочила и замерла передо мной. — Конечно, тебя.

Меня? Что скрывать? Мне безумно хотелось быть с Лиз, но ей так долго придется ждать! До восемнадцати браки в Гарандии запрещены, потом я сделаю ей предложение. Срок помолвки — не менее полугода, и того...

— Фил?

Я тут же озвучил Лиз приблизительные сроки. Она уставилась на меня, как на призрака, и едва ли не покрутила пальцем у виска.

— Филипп Вейран, а ты, случайно, не забыл, что перед тобой — темная магичка? — поинтересовалась она.

— Нет, Лиз. Но...

— Ты думаешь, я стану ждать, пока мы закончим гимназию? Да меня подружки засмеют. Тебя, кстати, тоже. Подумай над этим вопросом.

Она задорно подмигнула мне, устроилась в кольце рук и уставилась на небо. Подумать? Как раз на «подумать» не стоило надеяться. Мы оба понимали, что срок «размышлений» долгим не будет.

— Люблю тебя, — прошептал в рыжую макушку.

— И я тебя, глупый. — Лиз потерлась щекой о плечо. — Ты удивительный человек, Фил, и даже этого не понимаешь.

— Не говори чепухи, я самый обычный.

— Если бы.

Наутро Лиз, как и говорила, бросила вызов своему наставнику с четвертой ступени, а следующим же утром новому наставнику бросил вызов я.

Глава 39

Анри

Неужели этот день настал? Передо мной была последняя дверь. Последняя. И если Пустота не лгла, за ней меня ожидало спасение. Пустота была тут же. Сидела на привычном месте

— и чем ей так нравился старый валун? Наблюдала за мной из-под серого капюшона и посмеивалась.

— Что-то ты не торопишься на свободу, Анри Вейран, — говорила она. — Не хватает решимости?

— Хватает, — отвечал я. — Но легко не будет, ведь правда?

— Правда. — Пустота склонила голову. — И что ты чувствуешь перед последней дверью? Страх. Надежду и страх. Я не знал, сколько времени здесь провел. Не знал, что ждет меня снаружи. Доказательство невиновности — это одно, но отношение людей — совсем другое. И потом, там меня ждут враги, и они сильны. Те, кто лишил жизни мою семью. Те, кто сделал меня убийцей. Те, кто погубил Таймуса. Как же их много! Против меня одного...

— Ты боишься, Анри Вейран. — Пустота, как всегда, поняла правильно. — И пока ты боишься, ты слаб. Хочешь, я расскажу тебе, что происходит снаружи?

— Не хочу!

Я готов был заткнуть уши, но Пустоту это не остановило бы.

— А я все же расскажу. Тебя никто не ждет, Анри. Твоей невесты нет в столице. Она уехала с герцогом Дареалем в его родовой замок. Твой брат влюблен и счастлив. Он забыл обо всем, что мучило, и научился жить заново. Друзей у тебя больше нет. И дома нет, от него остались лишь стены да крыша. Но разве это можно назвать домом?

— У меня есть враги, — усмехнулся я. — Они вернее друзей.

— А твои ли они, враги?

— Теперь мои.

Пустота сняла капюшон, и на меня уставилась жуткая, морщинистая старуха с голосом юной девушки.

— Ты так ничего и не понял, Анри Вейран, — со вздохом сказала она. — Тебе некуда идти. Куда бы ты ни ушел, я пойду за тобой. Пустота стала частью тебя. Той частью, от которой нельзя скрыться и спастись.

— Я хочу домой. В свой мир.

— Хорошо. Тогда иди. — Пустота указала на дверь. — Выход перед тобой.

Я шагнул вперед, опустил руку на дверную ручку, толкнул — и сделал последний шаг. На мгновение стало очень холодно, так, что перестал чувствовать тело. Огляделся по сторонам — ничего. Никаких чудовищ, погибших близких, страшных испытаний. Только еще одна дверь. Я кинулся к ней, как приговоренный — к возможности помилования. Хотя, почему «как»?

Неужели все? Конец?

Распахнул дверь настежь. За ней, как и всегда, клубился серый туман. Пора!

Мир неуловимо изменился. На мгновение наполнился запахами и звуками. Пахло дождем и прелыми листьями. Я зажмурился — и боялся взглянуть на то, что меня окружает. Но ощущения были настолько реальными, что я решил и открыл глаза.

Вокруг была все та же серая, безликая комната. Пустота все так же сидела на валуне, а дверей снова было около сотни. Вместо цифр, которые выводил в пыли на полу, был нарисован знак бесконечности.

Изнутри поднялся гнев.

— Ты! — кинулся я к хозяйке этого мира, вцепился в наковку. — Ты же клялась!

— А я и не лгала, Анри, — залилась она звонким хохотом. — Дверь на свободу по-прежнему здесь. Разве кто-то виноват, что ты не можешь сквозь неё выйти? Ты не готов!

— Неправда! Я готов!

— Так докажи это, — Пустота злобно уставилась на меня. — Докажи, Анри. Пока что я вижу перед собой несчастного труса, который боится собственной тени. Как ты собираешься вернуть себе доброе имя? Наказать обидчиков? Защитить близких? Как, если боишься собственной тени? Я не выпущу тебя, Анри Вейран, пока ты не докажешь, что способен не только жаловаться на судьбу.

— Столько дверей, Пустота! По-твоему, у меня не хватает решимости?

— У тебя не хватает силы, Анри. До встречи.

И пальцы схватили не ткань, а сизоватый дым. Я взревел, как раненый зверь, заметался по своей тюрьме. Нет больше смысла, ни в чем нет. Как можно начать все с начала? Как?

Я упал на землю. Двери кружили надо мной, перемещались в пространстве. За каждой таилось что-то невыносимое. Но какая разница? Я уже прошел все, что мог. Закрыв глаза. Похоже, я останусь в пустоте навечно.

Полина

Я никогда не уезжала далеко из столицы, и сейчас тряска в экипаже казалась невыносимой пыткой. День за днем, день за днем. Кажется, Дареаль преуменьшил расстояние. Еще и постоянные дожди размывали дорогу, колеса экипажей застревают, мы часами простаивали в каком-нибудь безлюдном месте, пока прислуга герцога старалась справиться с возникшей проблемой. Ехали мы инкогнито — никаких гербов, никаких титулов, только два кучера, горничная и трое слуг — в отдельном экипаже. Дареаль ругался сквозь зубы, у меня жутко болела голова. На какие задворки мира забрался Гарднер? Заканчивалась вторая неделя пути, а его логова все еще не было видно.

— Пара дней — и будем на месте, — подбадривал герцог. — Потерпите, Полли.

Не скажу, что за эти две недели мы стали друзьями, но я привыкла к Этьену. Мне нравилась его способность поддерживать разговор на любую тему, а еще то, что он видел во мне кого угодно, но не женщину. Относился как к равной, подруге или сестре.

В ту ночь мы заночевали у добрых людей, которые согласились пустить на ночлег ораву незнакомцев. Комнат в деревенском домике было мало, и нам с Этьеном пришлось занять одну на двоих. Несмотря на усталость, спать не хотелось, и после ужина мы уехали у большого камина, в котором весело горел огонь. Как же быстро наступили холода! Погода творила, что хотела. Настроение тоже портилось, стоило пойти дождю. Хотя, откуда ему взяться, хорошему настроению? Я все время мыслями была в столице. А если там что-то переменялось за эти пару недель? Если, если, если. Вспоминала встречу с Анри во сне. Он казался совсем измотанным. Сколько еще он сможет продержаться? Эти мысли не давали покоя, и я почти не спала, почти не ела, надеясь только, что как можно скорее решу вопросы с судьей Гарднером.

— Вам стоит отдохнуть, Полли, — как раз говорил Дареаль. — Завтра негде будет остановиться на ночлег, а в экипаже сложно хорошо выспаться.

Я знала, что его слова — всего лишь вежливость, но все равно ценила их. Этьен приглядывал за мной, как умел. Сам герцог ни в чьем присмотре не нуждался. Он был крайне сильным человеком, морально сильным, но, впрочем, смерть любимой пробила трещину в его несокрушимом щите. Мы не говорили о ней, но Дареаль не расставался с медальоном, в котором, я уверена, был портрет его возлюбленной.

— Не хочу спать. — Я качнула головой, глядя в огонь. Пламя — это хорошо, оно может совладать с пустотой. — Лучше посижу здесь.

— Как знаете. Я поработаю немного, отправлю несколько документов в столицу.

Да, даже в ходе нашего расследования Дареаль не забывал о работе. Он регулярно получал донесения из столицы. У него был особый прибор связи, я таких никогда не видела. А главное, какое огромное расстояние он мог преодолевать! Прибор назывался визер. Он представлял собой небольшую линзу, на которую были наложены заклинания. Когда Дареаль получал донесение, линза нагревалась. Оставалось только навести её на поверхность бумаги и прочитать заклинание, и на бумаге проявлялись буквы, будто выжженные пламенем. С помощью визера Дареаль и сам отправлял многочисленные сообщения, контролируя работу своего ведомства.

Вот и сейчас он разложил перед собой листы бумаги и достал линзу. Она едва заметно светилась — значит, накопились сообщения. Я с любопытством наблюдала за происходившим волшебством. Герцог поднес линзу к листу, прошептал что-то — и темно-оранжевые буквы возникли перед ним. Дареаль бегло пробежал глазами по строкам и нахмурился.

— Что-то не так? — спросила я, ведь герцог крайне резко позволял себе проявлять эмоции.

— Да, не так. — Он отодвинул лист и обхватил голову руками. — Воспитатель моего сына пишет, что он серьезно заболел, и просит меня незамедлительно приехать.

Незамедлительно? А как же Гарднер? Впрочем, я могу продолжить путь и сама, но получить ответы на вопросы станет гораздо сложнее.

— Я понимаю, вы крайне разочарованы, Полли, но нам придется сделать небольшой крюк.

— Крюк? Ваш сын живет поблизости? — удивилась я. Вот об этом Этьен умолчал, только упоминал, что собирается заехать куда-то по пути.

— Да, мое родовое имение в пяти днях пути на север. И, если я правильно понимаю причину его болезни, мое присутствие там требуется безотлагательно.

— Он чем-то болен? — Я начала волноваться.

— Можно и так сказать. Ведите ли, Полли... Наверное, мне проще показать, чем объяснить. Герцог на мгновение прикрыл глаза, а я вскрикнула от удивления: его рука вдруг покрылась серой шерстью, а аккуратные ногти удлиннились, превращаясь в когти.

— Что это? — спросила шепотом.

— Магия оборотня, — спокойно ответил Этьен, словно это было чем-то само собой разумеющимся. — Мой род — последний род оборотней в Гарандии. Конечно, надеюсь на то, что вы сохраните эту тайну, Полли. Но даже если расскажете, со мной все равно никто не рискнет связываться. А вот моему сыну недавно исполнилось двенадцать, и раз ему резко стало плохо, значит, близко первый оборот. Мне надо быть рядом, чтобы он не натворил бед и не причинил вред, прежде всего, себе.

Я потрясенно молчала. Оборотни? Это же сказка! Выдумка. Вымерший вед магии. А Дареаль смотрел на меня с грустной полуулыбкой.

— Вы подарите мне немного времени, Полина? — спросил, будто не сомневаясь в ответе.

— Но Гарднер, — воспротивилась было я. — Он же...

— Что? Сбежит? Куда? Он ведь не знает, что мы едем за ним.

— Я продолжу путь одна, а вы поезжайте к сыну, ему вы нужнее, — ответила уверенно.

— Нет, я вас не пущу. Наш противник силен, Полли, а вы молоды и неопытны. А ехать с вами сейчас я не могу.

— А я не могу ждать!

Дареаль молчал, только смотрел на меня пристально, будто желал заглянуть в душу. Наверное, его сыну сейчас страшно. Он один где-то в забытом богами замке, ждет своего первого оборота. И надеется, что придет его отец, который оставил его наедине с болью утраты, уйдя в собственное горе.

— Хорошо. — Склонила голову. — Только, надеюсь, мы справимся быстро.

— Не могу этого гарантировать, но постараюсь, — ответил Дареаль. — Спасибо, Полли. Я знал, что вы поймете.

Кто бы понял меня! Хотелось плакать, но нельзя. Поэтому я легла, не раздеваясь, и с головой укрылась одеялом. Едва сдержала всхлипы. Снова все рушилось, снова требовалось время, время, время, которого у меня было, хоть отбавляй, и одновременно так мало.

А на рассвете мы снова сели в экипаж, только на этот раз свернули к северу. И вновь потянулись дни пути, одинаковые до бесконечности. Хорошо, хоть на этот раз герцог преувеличивать не стал, и вечером пятого дня мы увидели башенки его родового замка.

— Мои родители не были особо родовиты, — рассказывал Дареаль. — Титул я получил в награду от магистрата, как вам, думаю, известно, но у нас была огромная дружная семья.

Нас у родителей было пятеро — я, старший брат и три младшие сестры. Но охота на оборотней не прекращалась, и до столь преклонного возраста дожил я один.

— Преклонного? — стало смешно. — Вам всего-то тридцать пять!

— В моем случае мне уже тридцать пять, Полли. Думаю, вы сами почувствовали, что возраст — это нечто настолько эфемерное, и измеряется, скорее, пережитым, чем годами. Я сильно постарел после смерти матери Вильяма. Конечно, не физически, но глубоко внутри. Так о чем это я?

— Об охоте на оборотней.

— Да, точно. Наш замок почти выгорел в те времена. Нашлись добрые люди, которые узнали правду. Я уже жил в столице, брат скончался раньше — его застрелили во время оборота, а остальная моя семья сгорела во время пожара.

Мне стало не по себе. Особенно от равнодушия, с которым говорил Этьен. Я ведь понимала, что ему не все равно.

— Я восстановил замок Дареаль после вступления на должность, — продолжил он после секундной заминки. — Перестроил его почти полностью, а когда... когда умерла Диана, решил, что Вильяму будет здесь безопаснее.

— И после уничтожения вашей семьи вы все равно работали на магистрат?

Дареаль усмехнулся.

— На первых порах меня никто не спрашивал, — сказал он. — Я был безумен на тот момент.

Меня отловили, заперли, затем предложили сотрудничество в обмен на имена убийц моих близких. Думаете, я отказался? Как бы не так! Согласился, и очень быстро. Сначала вырвал им сердца, а потом решил, что предлагаемая служба не так плоха, раз у меня есть шанс не допустить подобного для кого-то другого. Кстати, как раз магистрат оказался не у дел. Расправу учинили соседи. Побоялись — или же решили обокрасть под благовидным предлогом.

Слушать его рассуждения было жутко. Я сжалась в комок и боялась пошевелиться.

Конечно, Дареаль заметил.

— Не бойтесь, Полли, вам ничего не грозит, — ответил он на мой наполненный ужасом взгляд. — Я никогда и никого не убивал без причины. Да и срывался-то всего дважды. Да, моя волчья половина требует определенных... условий существования, но они не мешают мне жить, и я полностью контролирую оборот. А вот Вильям может надеть глупостей. Он вообще пошел характером в мать, крайне впечатлительный, эмоциональный и склонный к недалеким поступкам.

И хоть Дареаль говорил не особо приятные вещи, в его взгляде читалась любовь к сыну.

Наверняка, разлука давалась герцогу непросто, и если бы он был уверен, что Вильяму ничего не грозит, он бы ни за что не сослал его с глаз долой.

А колеса экипажа уже скрипели по подъемному мосту. Навстречу высыпал огромный штат прислуги. Все склонились, завидев нас. Этьен первым прыгнул на мостовую и протянул мне руку:

— Вот мы и прибыли, Полина. Добро пожаловать в замок Дареаль.

Глава 40

Филипп

Стоит сказать, Лиз заменил крайне нудный наставник. Этот парнишка возмнил себя великим магом и следовал за мной по пятам, поэтому я и попытался избавиться от него в первый же день. Тот сказал, что сначала проконсультируется с начальством и кураторами, и только потом сможет ответить, разрешен ли мне переход на третью ступень после столь краткого обучения на второй. Об этом я и рассказывал Лиз в нашей башне, пылая от негодования и возмущения.

— Ты представляешь? — повторял раз в десятый. — И этот худосочный мне говорит: «Прости, Филипп, но тебе рановато. А раз ты настаиваешь, я проконсультируюсь с начальством и твоим куратором. Им виднее, достаточно ли у тебя сил. Не хотелось бы нанести тебе непоправимый вред».

— Джолис всегда был напыщенным индюком, — кивала Лиз. — Но тебе повезло, маг он не из самых сильных. И не дружит с заклинаниями защиты. Куратор их набора сам говорил, что Джолису стоит вернуться на ступень ниже и заново пройти курс. Знаешь, сколько он уже в «Черной звезде»?

— Сколько? — Я сел рядом с Лиз.

— Три года. Год на ступень — и ему советуют вернуться. Понимаешь? Но боев за ступень он пока не проигрывал. Помни, Фил, никогда не стоит недооценивать противника.

— Помню.

Я откинулся на одеяло и уставился в потолок. Очередной утомительный день подошел к концу. Но главное, что там, на третьей ступени, меня ждала зеркальная магия, если вдруг сумею попасть в группу избранных. Лиз раззадорила мое любопытство.

— О чем ты думаешь? — легко и беззаботно спросила она.

— О зеркалах, — ответил я. — Именно через зеркало убили магистра Таймуса.

— Да? Я не знала.

Лиз легла рядом, и теперь смотрела на меня, приподнявшись на локте.

— Разве твой брат владеет зеркальной магией? — поинтересовалась она.

— А ей может владеть светлый маг?

— Не слышала о таком. Тогда как...

Я поморщился, Лиз тут же заметила и замолчала.

— Прости, Фил. Я понимаю, тебе неприятно об этом говорить. Но у меня и правда много вопросов, на которые некому ответить.

— Давай не сейчас, хорошо?

Лиз смирилась, отступила. Вместо этого стала рассказывать, какие заклинания мог бы использовать против Джолиса.

— И защита. Главное — защита, — твердила она.

— Да помню я, помню. Лишь бы кураторы разрешили.

— А они разрешат. Профессора любят щелкать по носу самонадеянных студентов, таких, как ты.

И Лиз звонко рассмеялась. Я привлек её к себе и поцеловал. Мне хотелось касаться её каждую минуту, и если бы не проклятые правила гимназии, мы бы вообще не расставались. Но правила были, и на людях мы вели себя как хорошие приятели, которые временно работали вместе, теперь разошлись, однако продолжают поддерживать приятельские отношения.

Звучало смешно, смешным и казалось.

— Ты победишь его! — уверенно сказала Лиз. — Я верю.

Я тоже верил и хотел победить. Мы расстались далеко за полночь. Тихонько проникли в общежитие и разбрелись по своим этажам. Я чуть слышно приоткрыл дверь комнаты и скользнул внутрь. Нашупал на столике капли, проглотил горькое лекарство.

— Явился? — зажегся светильник Роберта.

— Разбудил? Извини. — Я завозился, раздеваясь.

— Слушай, Вейран, нашел себе барышню, так хоть сияй поменьше. Людям же завидно.

У меня, наверное, покраснели даже уши. Неужели так заметно? Хотя, как иначе объяснить, что я уже третью ночь прихожу так поздно?

— Не бойся, я пока что молчу, — усмехнулся Роберт. — Пока ты не создаешь проблем. А как только начнешь, отправишься за пределы гимназии.

Вот, это привычный Роберт Гейлен, с которым я умел разговаривать.

— Мне за пределы нельзя, — ответил спокойно, ложась в постель.

— Опасно?

— Не то, чтобы... Скорее, нежелательно. Врагов хватает.

— Тут их у тебя не меньше.

— Думаешь?

Роберт молчал, а я ждал ответа.

— Уверен, — наконец, сказал он. — Я сегодня случайно оказался в кабинете директора.

Начудил слегка на индивидуальной тренировке с наставником. И к нему приходил странный такой парнишка, тайная служба на лбу написана. Угадай, о ком он спрашивал? Я насторожился. Неужели?

— А ты что, подслушивал?

— Нет, — ответил Роб. — И подслушивать не пришлось. Директор, видимо, ему тут же обозначил маршрут до выхода, а я мялся у окна. Парень подошел ко мне, описал тебя и спросил, не видел ли похожего.

— И что ты ответил? — Я ощутил напряжение.

— Что у нас вся академия подходит под описание. Поголовно темные маги, темноволосые, часть — зеленоглазые, и весь первый, да еще и часть второго курса — шестнадцати лет, я у всех возраст не спрашивал. Зачем ты им, Вейран?

Сказать? Не сказать? А ведь меня продолжают искать. Почему? Анри ведь уже в пустоте, у тайной службы не осталось ко мне вопросов.

— Не знаю, — ответил я, поняв, что молчание затянулось. — Думаю, что из-за брата.

Боятся, что от меня будут проблемы.

— От тебя? — Роберт рассмеялся, но смех его звучал фальшиво. — Да ты шутишь! Слишком мелковат ты для проблем. Да и потом, какое отношение ты имеешь к проблемам брата? Или ты уже в шестнадцать лет встал на преступную стезю, признавайся?
— Знал бы, кому я так мешаю — встал бы, — признался искренне. — Но мне ничего не известно.

Роберт замолчал, думая о чем-то своем.

— Я бросил вызов своему новому наставнику, — сказал ему зачем-то.

— Правильно, — кивнул Гейлен. — Я тоже собираюсь. И как Синтер? Одобрил?

— Не знаю, но подозреваю, что Джолис к нему и не ходил. Боится потерять место на третьей ступени.

— Так сходи сам.

— Схожу, если дело не сдвинется с мертвой точки.

Светильники погасли. Я думал о том, кому могло понадобиться искать меня, а главное — зачем. Неужели и правда из-за Анри? Но он-то в пустоте. Приговор вынесен и приведен в исполнение. Кому я так мешаю жить?

Из-за нахлынувших мыслей проворочался до утра, а уже ближе к рассвету мне приснился странный сон. Не кошмар, нет. Капли блокировали все возможные кошмары. Там, во сне, передо мной стоял человек в черном балахоне. Я не видел его лица, но ощущал силу, и эта сила мне не нравилась.

— Так вот ты какой, последний Вейран, — заговорил незнакомец. — Мой будущий убийца.

А я-то думал...

— Кто вы? Что вам нужно? — спрашивал я.

— Просто знай, что я приду за тобой. Легче обстричь усы тигренку, чем взрослому тигру. Не находишь?

Я открыл глаза. За окном светало. Роберт уже проснулся и зубрил заклинание, заданное накануне Синтером. Я встал и поплелся умыться, но сон не шел из головы. Странный сон...

Потянулся привычный учебный день. После второй пары я отыскал Джолиса, который весело уплетал обед в столовой.

— Ты узнавал насчет поединка? — спросил я.

Джолис, хмурый высоченный парень, отрицательно качнул головой.

— Некогда было, — сказал он.

— Тогда я узнаю сам.

— Что, не терпится истратить попытку? — приподнял он брови. — Гляди, с каждым разом все сложнее будет.

— Я знаю, что делаю.

— Ну да, ну да. Ведали мы таких, самонадеянных. Иди, не порть мне аппетит.

Ах, так? Я наскоро пообедал — и то больше потому, что соскучился по Лиз и хотел провести время вместе, а затем поспешил в кабинет куратора Синтера. Тот, к счастью, нашелся на месте. Мое появление воспринял без особого удивления, словно ждал.

— Что на этот раз, Филипп? — спросил он. — Снова жаждешь магической дуэли?

— К счастью, нет, — ответил я. Действительно, то ли старшекурсники были умнее, то ли не желали терять место в гимназии, но мою слишком известную фамилию никто не припоминал. — Я хотел бы перейти на третью ступень, но мой наставник Джолис, мне кажется, не желает принимать бой.

— Джолис, говоришь? — Синтер поднялся и прошелся по кабинету. — Неудивительно, снова подняться со второй ступени для него будет непросто. Конечно, ты мало пробыл на второй ступени, но учитывая проведенную инициацию, я готов пойти тебе навстречу. Попробуй.

Однако не хочу, чтобы ты навредил Джолису. Да-да, — заметил мой изумленный взгляд. — Я слежу за твоими успехами, Филипп. Ваши с Джолисом шансы равны, так что... будет вам бой.

Жду тебя в восемь вечера в тренировочном зале номер два. Джолису передам сам, не трудись.

— Спасибо, куратор Синтер! — просиял я.

— Не торопись благодарить. Может, это сослужит тебе плохую услугу. Но я действительно за то, чтобы перевести тебя на третью ступень, а там карабкайся.

Потянулся привычный учебный день. После второй пары я отыскал Джолиса, который весело уплетал обед в столовой.

— Ты узнавал насчет поединка? — спросил я.

Джолис, хмурый высоченный парень, отрицательно качнул головой.

— Некогда было, — сказал он.

— Тогда я узнаю сам.

— Что, не терпится истратить попытку? — приподнял он брови. — Гляди, с каждым разом все сложнее будет.

— Я знаю, что делаю.

— Ну да, ну да. Ведали мы таких, самонадеянных. Иди, не порть мне аппетит.

Ах, так? Я наскоро пообедал — и то больше потому, что соскучился по Лиз и хотел провести время вместе, а затем поспешил в кабинет куратора Синтера. Тот, к счастью, нашелся на месте. Мое появление воспринял без особого удивления, словно ждал.

— Что на этот раз, Филипп? — спросил он. — Снова жаждешь магической дуэли?

— К счастью, нет, — ответил я. Действительно, то ли старшекурсники были умнее, то ли не желали терять место в гимназии, но мою слишком известную фамилию никто не припомнил. — Я хотел бы перейти на третью ступень, но мой наставник Джолис, мне кажется, не желает принимать бой.

— Джолис, говоришь? — Синтер поднялся и прошелся по кабинету. — Неудивительно, снова подняться со второй ступени для него будет непросто. Конечно, ты мало пробыл на второй ступени, но учитывая проведенную инициацию, я готов пойти тебе навстречу. Попробуй.

Однако не хочу, чтобы ты навредил Джолису. Да-да, — заметил мой изумленный взгляд. — Я слежу за твоими успехами, Филипп. Ваши с Джолисом шансы равны, так что... будет вам бой.

Жду тебя в восемь вечера в тренировочном зале номер два. Джолису передам сам, не трудись.

— Спасибо, куратор Синтер! — просиял я.

— Не торопись благодарить. Может, это сослужит тебе плохую услугу. Но я действительно за то, чтобы перевести тебя на третью ступень, а там карабкайся.

— Куратор Синтер, а правда, что накануне меня разыскивали? — спросил неуверенно.

— Правда, — ответил куратор. — Но пока ты — курсант «Черной звезды», никто не тронет волоса на твоей голове. Поэтому не торопись покидать стены академии, Филипп. Хотя сейчас ты и идешь на покорение рекорда.

— Какого рекорда? — не сразу понял я.

— Минимального срока окончания гимназии.

— И какой же срок является минимальным на данный момент? — даже стало любопытно.

— Год и три месяца, — ответил Синтер. — И если хочешь знать, кто его установил, я отвечу

— нынешний магистр тьмы, Фернан Кернер. Он, как и ты, слишком хотел как можно быстрее завершить образование.

— Но зачем?

— Это уже не мои тайны, а лично Фернана, только магия у него особенная, и ему нужен был контроль над ней. Иди, Филипп. Увидимся вечером.

До вечера оставалась еще уйма времени. Конечно, большую его часть заняли пары — к счастью, в основном теоретические, иначе Джолис победил бы меня до начала поединка. Я понятия не имел, что предложит куратор Синтер для нашей схватки, только был уверен, что это будет не бой в прямом его понимании.

Ровно в восемь я входил в тренировочный зал номер два. К удивлению, здесь был не только мой противник, но и много знакомых ребят, среди которых — сияющая Лиз и чем-то недовольный Роберт. Сам Джолис выглядел сосредоточенным и даже злым. Наверное, не думал, что я пойду к куратору. Пусть думает, что хочет. Этот поединок должен свершиться. Синтер остался верен себе — он появился с восьмым ударом часов, расположенных на одной из башенок гимназии, вместе с куратором Джолиса, профессором защитной магии.

— О, да у нас тут зрители! — окинул он взглядом собравшуюся толпу. — Что ж, пусть. Джолис, Филипп, подойдите к нам.

Лиз подмигнула мне, я улыбнулся и направился к куратору. Тот пристально посмотрел на нас, будто оценивая, можем ли мы на самом деле сражаться.

— Итак, курсанты Джолис и Филипп, — продолжил Сингер. — Сегодня вам предстоит доказать, кто из вас достоин обучаться на третьей ступени. Так как вторая ступень не предполагает изучения исконно темных боевых заклинаний, то вы оказываетесь в заведомо неравных условиях, поэтому мы, посоветовавшись с куратором Абером, пришли к выводу, что испытание должно проходить не в боевой магии, а в физической подготовке.

Забавно... Учитывая, что я здесь только несколько месяцев, а Джолис — три года, и даже визуально сильнее меня. Но я готов был показать все, на что способен.

— Условия вашего поединка таковы. Нужно на время пройти полосу препятствий. Обе полосы абсолютно одинаковы, и ваше испытание начинается сейчас.

Дрогнуло пространство, и посреди тренировочного зала появились две арки. Понятно, придется шагнуть в подпространство. Перед стеной же возник большой кристалл — видимо, чтобы все присутствующие могли наблюдать за ходом испытания. Пока что изображения не было. Но вот Синтер манул рукой, и мы с Джолисом кинулись каждый к своей арке. Я шагнул, лишь на миг ощутив, как всколыхнулся воздух — и едва не повернул обратно. Что ж, у куратора Синтера было своеобразное чувство юмора. Я готов был поспорить, что полосу препятствий продумывал он. Прямо передо мной тянулся длинный шаткий веревочный мост.

Все бы ничего, но под ним несла свои воды огненная река. Да чтоб мне провалиться! Лучше бы был боевой поединок.

Приказал себе уюмониться. Вряд ли кто-то в гимназии жаждет нашей с Джолисом смерти. Значит, река безопасна. Безопасна, я сказал! Оказывается, все-таки остались вещи, которые меня пугали. Но некогда было себя уговаривать. Вместо этого я ступил на мост.

Старался идти как можно быстрее, только мост подозрительно покачивался, и я едва не встретился с огненными волнами. Нет, надо быть осторожным и аккуратным. Шаг, еще шаг.

Вряд ли Джолис там бабочкой порхает. Я неторопливо дошел до середины, остановился на миг

— и снова продолжил путь, как вдруг из огненной реки выстрелил вверх фонтан лавы — прямо мне под ноги. Я едва успел защититься, заклинание, как оказалось, прочно въелось в память, и использовать его стало легко. Все-таки обучение приносило свои плоды. Шаг, еще шаг.

Новый огненный фонтан, и на этот раз я был готов. Поднял щиты, защитил ноги, постарался стабилизировать мост. Теперь можно и чуточку ускориться.

До конца пути оставалось каких-то пять перекладин, когда на мост с высоты спикировала огромная птица. Неживая. У неё был металлический клюв, а вместо глаз — горящие рубины. Узнаю фантазию куратора Синтера.

— Кыш, — шикнул на птицу, она противно каркнула и кинулась на меня, когти оказались тоже металлическими. Она норовила впиться в лицо, нападала сверху, била крыльями. Поначалу я попытался отбиться, затем призвал заклинания, блокирующие магию, и направил внутрь птицы. Ничего! Что же делать? Изловчился — и с безумным криком кинулся бежать, когда птица пошла на очередной виток. Долетел до последней перекладки — и прыгнул.

Вовремя, потому что в эту же секунду крепления моста оборвались, и он рухнул в пропасть. Моя противница тут же испарилась, а впереди пролегла дорога. На первый взгляд — безопасная. Она шла между двух скал, вилась узкой змейкой, но что-то я не верил безобидному виду. Пошел медленно, прощупывая заклинаниями пространство перед собой. Первой среагировала магия — сигнал опасности почти оглушил, и я рухнул на землю, а там, где я только что стоял, пролетела стрела. Так, значит? Стрелы — полбеда, от них защитит элементарный щит. Вот только они не появлялись из ниоткуда. Стрелок поджидал меня в конце тропинки. В его руках был арбалет — тяжелый, увесистый. Лица у моего противника не было — его скрывала решетчатая защитная маска, из-под которой доносилось гулкое сипение. Как только стрелок понял, что его оружие меня не достать,

арбалет полетел в сторону, а он молниеносно выхватил кнут. Огненный язык коснулся моей щеки, брызнула кровь, а я вскрикнул от боли.

Мне нужно оружие! Но, увы, призывать его я не умел. Придется действовать хитростью.

Я дождался, пока враг снова замахнет кнутом, призвал ледяное заклинание на руки — и вцепился в кнутовище. Попался! Дернул на себя, лишая противника игрушки, и замахнулся сам. Кнут весело щелкнул, выбивая искры. Незнакомец отбил атаку щитами, подхватывая с земли арбалет, и выстрелил. Стрела летела точно мне в грудь. Не знаю, как хватило ловкости извернуться и отбить опасное оружие, но кнут помог и тут. Стоило ему коснуться стрелы, и она отлетела в сторону, а я прыгнул вперед. Хватит игр!

Противник рассмеялся — и растаял, а я замер, озираясь по сторонам. И где он? Меня пропустили дальше? Вот только тропка сворачивала под прямым углом. Как бы заглянуть за поворот? Помог тот самый лед. Я подумал — и создал из него небольшое зеркало, которое вместились в ладони. Высунул зеркало из-за поворота — и отражение мне не понравилось. Ну, куратор Синтер! Когда-нибудь я припомню такие шутки.

Спокойно, Фил, еще немного. Подумаешь, трехглавый дракон из легенд. Зато за его спиной виднелся выход. Уже близко! Надо только сосредоточиться, всего один бой! И с пальцев сорвалось атакующее заклинание. Дракон облизнулся и с удовольствием его проглотил, а я снова спрятался за угол. Это что еще значит? Магией мне его не достать?

Другого оружия у меня не было, да и бросаться с мечом на дракона — скорее, глупо, чем дальновидно. Что же делать? Что я вообще знаю о драконах? Есть миф, что они — существа разумные.

— Добрый день, — крикнул, продолжая наблюдать за драконом в зеркало. — Не будете ли вы так любезны пропустить меня к выходу?

Ответа я не ждал, но проверить надо было. Поэтому, когда раздался хриловатый голос, едва не сел на месте.

— Сначала надо было спрашивать, потом магией швыряться, — просипел дракон. — Кхе-кхе.

Что? Я не сплю, не брежу?

— Значит, не пропустите?

— Пропущу, если разгадаешь мою загадку. Выходи, не бойся, я детьми не питаюсь.

Я покинул свое убежище и замер перед древним ящером. Конечно, это была иллюзия, но Синтер мог призвать и какого-нибудь духа, так что надо быть вежливым.

— Итак, дашь правильный ответ — пропущу к выходу, ошибешься — испытание будет провалено.

— Слушаю тебя, — ответил тихо, а дракон уставился на меня сразу тремя парами желтых глаз, и стало жутко.

— Она была одной из прекраснейших воительниц Гарандии, но полюбила человека, который не мог ответить ей взаимностью, потому что в его сердце жила другая женщина. Тогда она убила его возлюбленную — и лишилась всего, потому что тот, кто был ей мил, умер от горя. В безумии своем она разрушила половину мира прежде, чем нашелся тот, кто лишил её силы, но не бессмертия. Имя её известно всякому в Гарандии — а вот о том, кто она, люди забыли. Твой ответ, Филипп Вейран?

Если бы я знал! Говорил мне отец, что надо хорошо знать историю. Я сел на каменистый пол и задумался. Разрушила половину мира? Даже не слышал о таком. Тем более, из-за несчастной любви. Странно... У ног за клубился знакомый серый туман. И вдруг вспомнилась фигура рядом с Анри в моем видении. Женская фигура. Может ли быть...

— Пустота, — ответил я.

— Что? — переспросили три пасти сразу.

— Мой ответ — Пустота. Так мы её знаем, а её истинное имя мне неизвестно.

Дракон хрипло рассмеялся и наклонился ближе.

— Неудивительно, — хмыкнул он. — Я вижу её печать над твоим родом, Филипп Вейран. Будь осторожен, ступая на путь. Не уподобься ей, не стань пустыней.

И дракон исчез, а я так и остался сидеть, глядя на выход. Что он имел в виду? Неужели Пустота — это не другой мир, а чья-то сила? Или тюрьма? Но время шло. И третья ступень была близко. Я пошел к выходу, распахнул дверь настерж — и свет ослепил глаза.

— Ты пришел первым, Филипп, — раздался довольный голос Синтера.

— Ура! — радостный возглас Лиз.

На меня налетели зрители: хлопали по плечу, что-то спрашивали, а я слышал их будто сквозь толщу воды и пытался ухватить что-то важное, ускользающее от меня. Вот только что?

Глава 41

Полина

Конечно, у Лерьеров тоже был родовой замок, но имение герцога поражало воображение. Нет, его отчий дом не был изысканным. Скорее, он дышал силой, мужеством.

Стены этого замка могли выдержать многодневную осаду, а сам он казался исполином, наблюдающим за суетой мироздания. Мне понравилось здесь с первого взгляда, первого вздоха. Внезапно стало так спокойно! Может, у замка Дареаль есть собственная магия? Слуги суеились вокруг нас с герцогом, но он даже не стал переодеваться с дороги.

— Где Вильям? — спросил у высокого сухопарого старика. Видимо, дворецкого.

— Месье Вильям в своей спальне, — ответил тот, и герцог поспешил к лестнице. Я подумала минуту, будет ли уместным пойти за ним. Но все-таки, как светлая магичка, я владела некоторыми навыками исцеления и могла быть полезна, поэтому решила и пошла следом. Комнаты юного герцога располагались на третьем этаже. Здесь было так темно! Даж вдоль коридора окна скрывали тяжелые шторы, а Дареаль уже толкнул массивную дверь.

Внутри и вовсе было смутно видно кровать. Лицо Вильяма выделалось белым пятном на подушке. Мальчик действительно выглядел плохо.

— Вил! — Этьен сел на край кровати.

— Папа? — прошептал тот недоверчиво, открывая глаза. — Папа! Ты все-таки приехал!

— Конечно. — Дареаль осторожно обнял сына. — Разве я мог не приехать? Что случилось?

— Я не знаю.

Глаза постепенно привыкли к полумраку, и теперь я могла разглядеть худощавого мальчишку, очень похожего на отца. Только глаза у него были светлые-светлые — то ли серые, то ли голубые. Нет, все-таки голубые. Темные волосы обрамляли худенькое личико. Губы и вовсе казались бескровными. Вильяму сложно было дать его двенадцать. Видимо, оборотни взрослеют как-то по-своему.

— Мне стало плохо на прошлой неделе, — тихо, почти шепотом говорил мальчишка. — Во время прогулки. Перед глазами возникли красные пятна, но потом прошло, а ночью начался жар.

Дареаль кивнул каким-то своим мыслям. Убедился, что первый оборот близок? Надолго ли мы здесь?

— Жар не спадает? — спросил герцог.

— Спадает после настоек, но возвращается снова. А это кто, папа? — И мальчик уставился на меня так пристально, что вдруг стало не по себе. У маленького ребенка — серьезный испытующий взгляд. А Вильям Дареаль не так прост! Везет мне на странных людей.

— Это Полина Лерьер, моя подруга, — представил Дареаль. — Мадемуазель Лерьер, это мой сын Вильям.

— Рад встрече, — совсем нерадостно буркнул Вильям. Наверняка, посчитал, что у меня есть веды на его отца.

— Я также рада познакомиться, — отдала дань вежливости. — Герцог Дареаль, позвольте мне осмотреть вашего сына?

— Целительница? — прищурился Вильям.

— Светлая магичка, — с достоинством задрала подбородок.

— Да, конечно, Полина. — Дареаль все-таки отбросил официальный тон. — Только сначала отдохните, путь был неблизкий. Я распорядился, чтобы для вас подготовили комнаты.

— Тогда увидимся позднее.

Я поняла, что Этьену хочется поговорить с сыном наедине. И в другом он тоже был прав

— я безумно устала. Хотелось спать, поэтому, несмотря на разгар дня, я позволила служанкам помочь мне раздеться, вымыться — и легла. Вот только стоило им задернуть шторы и удалиться, как сон будто рукой сняло. Я лежала и смотрела в потолок, разглядывая замысловатые цветочные узоры на персиковом фоне. Усталость никуда не делась. Она будто давила на плечи, но глаза оставались открытыми. Что-то показалось мне странным. Что же именно?

Прокручивала в памяти приезд в замок, встречу с Вильямом. Болезнь. От мальчика не исходило боли, которую я, как светлая, могла ощутить, даже не применяя магию. Пусть и не всегда явственно, но в спальне Вильяма был очень спокойный фон. Может, потому, что оборот

— это не болезнь? И мальчику действительно просто требуется присмотр отца? Как бы там ни было, но мне хотелось, чтобы задержка поскорее завершилась. Да, я понимала герцога Дареаля. Он беспокоится о сыне. Только что делать мне самой? В одном он прав — двери, закрытые передо мной, открыты перед ним.

Кажется, я все-таки уснула, потому что, когда проснулась, в комнате было темно. Поднялась, решив, что не стоит беспокоить прислугу, надела платье и тихонько вышла в коридор. Куда направиться? Этьен, наверняка, уже отдыхает. Все-таки наш путь был совсем не легким. Может, прогуляться самой? С такой защитой окрестности замка безопасны.

Я спустилась на первый этаж. Расположение комнат пока не знала, но помнила, где находится выход. Увы, входная дверь оказалась заперта, и рядом не было никого, кто бы мог её отпереть. Замок спал. Попавшиеся по пути часы показывали третий час ночи. Но должен же здесь быть выход! Я бесцельно побрела по комнатам. Раз Этьен тут не живет, вряд ли здесь можно найти запретные помещения. А если и найдутся, их двери будут под магической защитой, я почувствую. Шаг, еще шаг. Комнаты были обставлены дорого, но казались безликими. В них будто отсутствовала жизнь. Я прикасалась к тяжелым рамам картин, массивным подсвечникам. Вряд ли юному наследнику Дареаля здесь нравится. Ведь там, в столице, дом дышал уютом, а тут — холодным покоем.

За очередным поворотом меня ждал подарок — дверь, ведущая в сад. Я прикоснулась к дверной ручке — открыто! Наверняка, сад огорожен стеной и целым рядом заклинаний, иначе вряд ли я бы вышла так просто. Зато снаружи сразу стало легче. Я любовалась на ухоженные клумбы, старые яблони, каким-то образом уцелевшие после пожара, о котором рассказывал Этьен, молодые деревья. Здесь было привольно и хорошо.

Вдруг почувствовала чей-то взгляд между лопаток. Медленно обернулась. Никого! Только слегка качнулась ветка на ветру. Странно... Ощущение чужого присутствия не покидало. Я сделала вид, что все нормально, и продолжила идти вдоль аллеи, но попыталась осторожно прощупать магией пространство. Тут определенно кто-то есть! — Выходи! — обернулась я. — Выходи, или будет хуже!

И для внушительности призвала светлое заклинание, напоминающее сияющий шар, но, увы, навредить оно никому не могло, потому что было исцеляющим.

Ветки кустов дрогнули, и на тропинку вышел белый волк. Его янтарные глаза поблескивали в темноте.

— Этьен? — спросила я. Волк не пошевелился. Значит, не Этьен... — Ты кто?

Волк недовольно рыкнул — и прыгнул обратно, взметнув ворох сухих листьев. Это что еще было?

— Эй, ты куда? — кинулась за странным зверем. — Стой!

И вот зачем я за ним погналась? Но в тот момент выиграло любопытство. Кусты остались позади, и передо мной открылась большая поляна, залитая лунным светом. Вот только она была пуста. Может, в землях оборотня Дареаля водятся и другие оборотни? Хотя, он же сказал, что всех истребили. Тем более странно.

Я решила, что хватит ночных прогулок, и вернулась в дом. До утра проворочалась в кровати, а к завтраку почти бежала. Этьен уже ждал меня в малой столовой. Он снова приобрел свой столичный лоск: сменил дорожную одежду на пусть простой костюм, но я-то видела, что пошит он из дорогих тканей. Волосы, отросшие за время пути, стали короче — видимо, герцог предпочитал короткие стрижки.

— Доброе утро, Полли, — поднялся он навстречу и дежурно склонил голову. — Как спалось?

— Доброе утро, Этьен. Спасибо, замечательно.

Увы, только картинка приличий. Но меня сейчас интересовало другое. Мы сели к столу, а я выжидала удобную минуту, чтобы задать свой вопрос.

— Как себя чувствует Вильям? — решила узнать для начала.

— Неважно, — признался герцог. — Целитель говорит, что не находит причину его болезни.

Он тоже склоняется к тому, что виной всему — скорый оборот.

— И мальчику никак нельзя помочь?

— Пока процесс не завершится — нет. Увы, все, что я могу сделать — это быть рядом и помогать своей силой. Слишком мало...

Я замолчала, помешивая чай. Герцог предпочитал легкий завтрак без большого набора блюд, и я тоже, поэтому сейчас передо мной на тарелочке была только воздушная булочка, а чуть поодаль ждал джем.

— Этьен, скажите, а в вашем роду были белые волки?

— Белые? — Дареаль удивленно вскинул бровь. — Нет, только серые. По легенде, белый волк — хранитель нашего рода. А почему вы спрашиваете, Полина?

— Я проснулась ночью, — призналась откровенно, — и немного прогулялась в саду. И там я видела белого волка.

— Вы уверены? — нахмурился герцог.

— Абсолютно.

— Странно... Может, это связано с оборотом Вильяма? Мне дух рода не являлся никогда.

— Не знаю, я просто удивилась. Думала, все волки серые.

— Не все. Но белых точно среди нас нет.

Дареаль задумался, а я быстро доела завтрак и теперь ждала, что он скажет.

— Можно мне посмотреть, что с Вильямом? — напомнила о своей просьбе.

— А? Да, я провожу, — будто очнулся герцог.

— Не стоит, лучше я сама.

— Хорошо, как скажете.

Этьен поднялся из-за стола, и я тоже могла уйти. Да, мне казалось, что в присутствии отца мальчик со мной разговаривать не станет. Поэтому, попрощавшись с герцогом, я поднялась на третий этаж и замерла перед знакомой дверью. Пора!

Внутри все так же царил полумрак. Вильям лежал на кровати, закрыв глаза. В первую минуту мне показалось, что он спит, но стоило сделать пару шагов, как на меня уставились огромные голубые глаза. Стало не по себе, даже холодок пробежал по позвоночнику.

— Привет, — заставила себя улыбнуться.

— Здравствуйте, мадемуазель Лерьер, — ответил Вильям, и, готова была поклясться, в лосе его доброжелательности не было.

— Можно просто Полли.

— Это не по правилам, — фыркнул юный герцог. А у кого-то характер еще хуже папиного!

— Зато по-дружески, — мягко ответила я.

— Мы — не друзья, — прищурился Вильям.

— Но можем ими стать.

— Не нуждаюсь!

Я оторопела. Станный мальчик, очень странный. И как мне себя вести?

— Я — целительница. Позволишь тебе помочь? — предложила спокойно.

— Нет, — четко ответил Вильям. — Я доверяю только целителю Эррону.

— Послушай, Вильям, я знаю об особенностях твоей магии, и...

Вильям отвернулся лицом к стене, а ко мне спиной. Я все-таки призвала магию, но, стоило попытаться коснуться его силой, как натолкнулась на... щит. Самый настоящий щит.

Светломагический с непонятными вкраплениями. Видимо, дань его звериной половине.

— Вильям?

— Уходи, — отчеканил мальчик. — Я не стану с тобой разговаривать.

И про «мадемуазель Лерьер» забыл. Попыталась задать еще несколько вопросов, но ответом служило только глухое молчание. Вот упрямец! Но все-таки было в его щите что-то неправильное. Что-то, не дававшее покоя. Может, в нем и есть причина болезни?

— Ладно, я пойду, — сказала безмолвному мальчишке и вышла из комнаты. Дареаль ждал меня в коридоре. Я даже отпрянула от испуга.

— Ну что? — встревожено спросил он.

— Вильям со мной разговаривать не пожелал, а от попыток определить источник болезни отгородился магией, — признала честно.

— Я могу приказать ему снять блок, — чуть сильнее нахмурился герцог. Хотя, казалось бы, куда уж сильнее?

— Не стоит, пусть привыкнет ко мне, снимет сам. Думаю, долго это не займет.

— Да, судя по всему, в ближайшее же полнолуние совершится оборот, а до него всего четыре дня.

Четыре дня? Точно, вчера луна была очень яркой и почти полной. Что ж, четыре дня я могу подождать.

Мы попрощались с Дареалем. Он пошел к сыну, а я решила снова прогуляться. Погода выдалась солнечная, дождь наконец-то прекратился. Только я не знала, что в герцогском замке нам придется пробыть не четыре дня, а гораздо дольше.

Глава 42

Филипп

Как я и надеялся, Лиз ждала меня в башне. Она села на одеялах спиной к двери, скрестив руки на коленях, и смотрела на небо. Услышала мои шаги, обернулась и улыбнулась.

— Наконец-то! Я думала, герой дня до меня не снизойдет, — весело сказала она, пока я присаживался рядом.

— Куратор задержал, — обнял её за плечи. — Задавал какие-то глупые вопросы о ходе испытания, будто сам не видел. А Джолис, кстати, вообще его не прошел. Теперь ему не позавидуешь.

— Он заслужил! Нечего было задирать нос. Ты уже перебрался на третий этаж?

— Нет, — качнул головой. — Попросил Синтера, чтобы мне пока позволили остаться на втором. Не хочу привыкать к новому соседу по комнате, мне Гейлена хватало.

— Может, зря? Ты же говоришь, что Роберт тебе враг.

— Нет, — ответил я. — Уже нет. И потом, я знаю, чего от него ждать. А от кого-то другого?

— И то верно, — согласилась Лиз. Она была смешной и взъерошенной, её глаза сияли, и мне было уютно рядом с ней. Привлек её к себе, вдохнул аромат волос. Все хорошее быстро входит в привычку. Само присутствие Лиз пьянило. Я не мог поверить, что она моя. Она, кажется, тоже до конца не верила.

— Люблю тебя, — шепнул в пушистую макушку.

Она подняла лицо, позволяя коснуться губами губ. Магия хлынула изнутри, и привлек Лиз ближе, и она обняла меня за шею, целуя в ответ. Если бы меня раньше спросили, собирался ли я ту ночь проводить с Лиз, ответил бы категорично — нет. Я по-прежнему считал, что вне зависимости от цвета магии все должно быть по правилам. Но что делать, когда магия льется через край, а рядом с тобой — самая желанная девушка в мире? И я будто с ума сошел.

Наверное, со стороны мы выглядели смешно, будто два слепых щенка, которые примерно представляют, что и как, но точно не знают и открывают опытным путем. Но на самом деле смешалось все — адреналин боя, торжество от пройденного испытания, повышенный магический фон — и желание. Мне хотелось быть с Лиз. Хотелось иметь право называть её своей, прижимать к себе, целовать. И она целовала меня в ответ, до звезд перед глазами, и касалась так, что забыл обо всем на свете. В ту минуту для меня существовала только она.

А затем... затем будто произошел взрыв. Видимо, это и была инициация, потому что башня едва не содрогнулась от фундамента до крыши от выброса магии. Мы оба тяжело дышали, не выпуская друг друга из объятий, а потом Лиз прошептала:

— Да чтоб мне провалиться, Филипп. Ну у тебя и магия!

Мог бы сказать то же самое, потому что внезапно почувствовал её всю до доньшка, до последних темных крупиц необъятной колдовской силы. Я упивался этим могуществом, и мне было мало.

— Подожди, — приподнялся на локте. — А в гимназии никто не почувствует такой магический выброс?

— Ты что, Фил? — рассмеялась Лиз. — Башня защищена лучше крепости, никто ничего не заметил. Знаешь, сколько я сама защиту с входа снимала?

— А ты умеешь?

— Это не тот вопрос, который хочется слышать девушке после её первого раза, — хихикнула моя возлюбленная. — А что?

Я все еще сомневался, но она доверилась мне, и я... Я должен был довериться ей. Минут пятнадцать спустя, приведя в порядок себя и наше убежище с помощью бытовой магии, мы сидели, обнявшись, и я говорил, говорил. Обо всем по порядку, начиная с ареста Анри. Стоит отдать должное Лиз — она не перебивала, слушала очень внимательно. Я повторялся, конечно

— что-то она знала и так, о чем-то я обмолвился раньше. Но мне нужно было выговориться и объяснить... объяснить, зачем мне надо снять защиту на двери директора.

— Ты понимаешь, что если тебя поймут, тут же исключат? — серьезно спросила Лиз.

— Конечно, — кивнул я. — Но выбора нет. Мой... друг говорит, что в этих списках есть что-то важное. Что-то, что позволит ему выйти на след убийцы. Не знаю, прав он или нет, но ради этого я здесь.

— И что будет, когда ты получишь списки? Уйдешь? Бросишь обучение?

— Нет, — уверенно ответил я. — Ты же здесь. И мне нужна сила. Вся возможная сила, Лиз, потому что моя битва еще и не начиналась.

— Наверное, ты прав. — Она задумчиво кусала губы. — Хорошо, Фил. Будь по-твоему. Я помогу тебе проникнуть в кабинет директора, но пообещай мне, что не уйдешь из гимназии.

— Клянусь!

— И еще одно. Мы не сможем забрать оттуда списки. Я достану экспериментальный кристалл, и запишем их на него.

— Пропажу кристалла заметят.

— Нет, не волнуйся. Встретимся завтра в нашей беседке ровно в полночь, хорошо? Только постарайся, чтобы тебя никто не видел.

— Хорошо, — тихо ответил я. — Лиз, ты не обязана...

— Я? — Она весело усмехнулась. — Ты пробудил темную ведьму, маг. Отвечай за последствия.

И поцеловала меня нежно-нежно, а затем вдруг грустно сказала:

— Пусть моя сила хранит тебя, Фил.

— А моя — тебя, — откликнулся я, снова прижимая её к себе.

Мы долго еще сидели рядом. Я обнимал Лиз, она задумчиво выводила узоры на моей руке. Разошлись мы, когда уже начинало светать. Я прокрался в комнату, так никого и не встретив. Да и кому надо бродить по общежитию в такое время? Приоткрыл дверь в комнату, скользнул внутрь. Светильник не зажегся. Фух, не разбудил.

— Вот скажи, Вейран, ты совсем идиот? — послышался вопрос из темноты. — Если развлекаешься со своей ведьмочкой, так хоть появляйся не с первыми лучами солнца. Тебя, между прочим, куратор Синтер искал, я еле отговорился.

— Спасибо, — смутился я. — Что он хотел?

— Убедиться, что ты жив и здоров, я думаю. В любом случае, мне он говорить не стал.

— Но я же был у него вечером, и...

— Если ты сейчас не ляжешь и не заткнешься, я применю на тебе заклинание онемения. Я замолчал. Быстро разделся, улегся в кровать. Внутри царил полный сумбур, как будто кто-то вкачал в меня запрещенную магию. Перед глазами стояло лицо Лиз, её кожа

молочного теплого оттенка, огненные волосы... Похоже, рано мы расстались. Но день предстоял сложный, и я заставил себя уснуть.

А капли выпить забыл... Наверное, поэтому тот сон с Лиз вернулся снова. Я видел её в окровавленном платье, пытался остановить кровь — и не мог.

— Только не умирай! — просил её. — Не оставляй меня!

— За все приходится платить, Филипп Вейран, — вдруг ответила она чужим голосом. — Готов ли ты принести мне плату?

Пробуждение вышло таким, будто я вдруг вынырнул на сушу из воды. Я задышался и кашлял, пытаясь сделать вдох, а ничего не получалось.

— Ты чего? — кинулся ко мне Роберт, похлопал по спине, перехватил, заставляя дышать. — Вдыхай. Вдыхай воздух, чтоб ты провалился!

Я судорожно вдохнул — и снова закашлялся. Но уже стало лучше, воздух наполнил легкие.

— Спасибо, — просипел я, забрав из рук Роба стакан воды. Пил её мелкими глоточками, опасаясь поперхнуться. И только когда стакан был пуст, смог говорить.

— И что это было? — сурово спросил Гейлен. — Ты остался тут жить, чтобы довести и себя, и меня? Если так, перебирайся на третий этаж, мне тебя уже с головой хватило.

— Сам виноват, — фыркнул я. — Не лез бы ко мне, и никто бы не вздумал селить нас в одной комнате.

Роб замолчал и отвернулся. Ему что, стало стыдно с запозданием в несколько месяцев? Я усмехнулся. Нет, стыд и Гейлен — понятия несовместимые. Зато был в переходе на третью ступень и свой плюс. Для меня еще не составили расписание и не назначили наставника, да и после тяжелого испытания дали целый выходной. Поэтому я подначивал Роберта, который раздраженно собирался на занятия, а сам лег обратно. Куратор Синтер подождет. У него сейчас у самого пары, не стану отвлекать. А если дело срочное, он придет и сам. Это был первый день в гимназии, который я провел в блаженном безделье. Даже на тренировку не пошел, хотя не пропускал ни одной. Выходных тут не было, так что ловил случай и наслаждался покоем, пусть и после такого пробуждения на покой было сложно рассчитывать.

Заглянул только на обед и ужин. Куратор не вспомнил о моем существовании, а я, если честно, забыл о его. Все мысли были в том безумном плане, который мы с Лиз собирались проверить сегодня ночью. Роберт вернулся глубоко после ужина, раздраженный и злой. — Случилось что? — спросил я.

Тот только рыкнул в ответ. Понятно, не моего ума дело. Ну и пусть. Я дождался, пока он уляжется, надеясь только, что уснет быстро. Сам же делал вид, что сплю, и за десять минут до полуночи осторожно выскользнул за дверь. Один этаж вниз, недлинный коридорчик — и вот я уже в саду, у той самой беседки. Общежитие спало, ни одно окно не светилось. Измученные занятиями курсанты давно видели сны. А я ждал, пока появится та, ради кого сюда пришел.

Лиз немного запаздывала. Не случилось ли что? Но пару минут спустя послышались знакомые шаги, и вот она уже спешит ко мне по дорожке.

— Здравствуй, — поднялась на цыпочки, поцеловала в губы. — Готов?

— Да.

Нам надо было попасть в учебный корпус. Задача не из легких. Если общежитие мало кого интересовало, и защита на нем была исключительно магическая, то корпус, я уверен, охранялся куда строже. Мы никогда не бывали там ночью — все ночные занятия пока что сводили к внеочередным тренировкам прямо в зале общежития.

— Что скажем, если нас поймают? — спросил шепотом.

— Надо сделать так, чтобы не поймали, иначе и спрашивать не будут, — ответила Лиз. — Кстати, я достала кристалл.

— Спасибо!

— Рано благодаришь.

Мы замерли перед знакомой дверью — только обычно мы пользовались переходами, а эта дверь подходила только для уличных практикумов. Лиз шепнула:

— Держись за моей спиной и молчи.

Я был против, но она так на меня посмотрела, что я замер на шаг за её спиной, а сама Лиз склонилась над дверной ручкой.

— Магический заслон пятого уровня, — шепнула мне.

Можно подумать, я в них разбирался. Работу с защитой мы пока что рассматривали только на базовом уровне. А Лиз шевелила пальцами, бормотала заклинания, и вдруг дверь со скрипом отворилась.

— Свободно, — тихо сказала она. — Идем медленно.

И снова нырнула первой. Мы шаг за шагом продвигались вдоль коридоров гимназии. Нет, здесь не было охранников или дежурных профессоров, только тоненькие магические нити, которые Лиз выводила из строя — ненадолго, потому что иначе заметят. Так мы добрались до кабинета директора. Лиз снова замерла, снова заговорила с замком, будто убеждая его открыться. Ничего!

— Не выходит?

— Не отвлекаяй, — отмахнулась она и снова попыталась снять защиту. Её лоб взмок, рыжие волосы стали темнее, став влажными от пота. Щелчок!

— Ты гений, — шепнул я, а Лиз самодовольно улыбнулась.

— Не трогай ничего, пока я не проверю, — сказала она и скользнула внутрь первой. Я не стал спрашивать, где Лиз взяла переносной светильник. Видимо, она знала, что делала. На этот раз ей пришлось убеждать особую задвижку на шкафу, в котором стройными рядами стояли папки. Еще один щелчок — и нужные документы оказались передо мной. Мы копировали их, не глядя. Быстро проводили кристаллом, перелистывая старые и новые списки.

— Быстрее, — шептала Лиз. — Скоро защита снова заработает, как надо. Всё!

Папки вернулись на место, шкаф закрылся, щелкнул замок на двери, и мы бегом бросились обратно на улицу. И только когда очутились в саду, я спросил:

— А почему мы не пошли через переходы?

— Потому, что их охраняет не магия, а люди, — сбивчиво ответила Лиз. Мы добежали до беседки и рухнули на скамью. Ну и ночь! С ума сойти! Но главное, что нам удалось! На кристалле были все необходимые списки, кроме одного — магов, имеющих доступ к редкому зеркальному заклинанию. Увы, я подозревал, что такого списка просто нет.

— Спасибо, — шептал я Лиз. — Без тебя ничего бы не вышло.

— Не говори глупостей, — упиралась она. — Давай взглянем хоть одним глазком, что там, Фил. Может, пойдем и сами?

— Хорошо.

Я тоже сгорал от нетерпения, поэтому мы добрались до нашей башни, расселись на одеялах, и Лиз активировала кристалл. Она листала страницу за страницей, список за списком. Там содержались имена сильнейших магов Гарандии. Неудивительно, Пьер говорил, что так оно и есть. Но один список вдруг привлек мое внимание.

— Стой, — перехватил ладонь Лиз, которая собиралась его перелистнуть. — Дай мне взглянуть.

Пробежал глазами по строчкам — и вдруг замер, будто током ударило.

— Не может быть, — прошептал, едва веря тому, что видел. Потому что в списке тридцатилетней давности значилось: Виктор Вейран. Это мог быть только мой отец! Один из сильнейших светлых магов страны.

Эпилог

Анри

Во мне не осталось сил на отчаяние. Не осталось сил на страх. Было ли что-нибудь, на что сил хватало? Да. И это была злость. Я уже понял, что дело не в дверях, и Пустота не собирается выпускать меня из своих объятий. Сдаться? Еще чего. Мне надо выйти — и я выйду. Я открывал двери одна за другой, проходил сквозь новые испытания, даже не останавливаясь. На меня сыпались удары, кто-то пытался убить, вокруг царили хаос и разруха, а я просто шел, не сбавляя шаг, чтобы выйти в знакомой комнате.

— Ну, так не интересен! — разочарованно вздыхала Пустота, когда следующая дверь оставалась за спиной. — Разве так поступают светлые маги? А доставить удовольствие даме? — Катись во тьму, — от всего сердца пожелал я, выписывая на пыли: сто пятьдесят. Сто пятьдесят проклятых дверей, которые я прошел. Уже в третий раз передо мной оставалась только одна, но она снова вывела в пустоту.

— Ты становишься скучным, Анри, — обиженно говорила моя соседка.

— Так отпусти меня!

— Нет! — потешалась Пустота. — Ни за что. Анри, не злись. Тебя ведь все равно никто не ждет. Взгляни, как счастливы твоя невеста и брат.

Я не смотрел. Давно уже не смотрел. Мне было плевать! Ненависть — вот и все, что мог ощущать. Жгучая, слепящая ненависть и боль, которая шла откуда-то изнутри. Сколько еще будет проклятых дверей? Тысячи? Миллионы? Но я выберусь. Все равно выберусь, чтобы взглянуть в глаза тем, кто позволил себе играть моей жизнью, будто мячом. Уничтожу! Найду и уничтожу каждого, заставлю их заплатить.

А дверей снова стало больше. Значит, впереди — новый виток.

— Ну же, Анри. — Пустота опустила ладони на плечи, заглянула в глаза. — Сладкий мой, к чему тебе все это? Я ведь могу дать тебе все. Надо только...

— Заплатить, — выплюнул ей в лицо. — Так вот, Пустота. Мне все равно, что ты говоришь. Все равно, что показываешь. Я выберусь, слышишь?

— Наивный мальчик! Разве ты еще не понял? Выхода нет!

И Пустота рассмеялась нечеловеческим каркающим смехом. Я бросился к ней, вцепился в горло с такой силой, что она захрипела, а потом обратилась в пыль в моих руках, чтобы снова возникнуть за спиной.

— Такой грубый, — прошептала на ухо, проводя пальцами вдоль позвоночника. — Мой милый добрый Анри. Или уже не такой добрый? Ай-яй-яй.

— Катись в пропасть. Сгинь!

Я сбросил ей руку и снова замер перед дверями.

— Ты сильный мальчик, Анри, — прошептала Пустота. — Такой мужественный, честный. Но что же ты, такой честный, сидишь здесь, как преступник? Не потому ли, что честь — это слабость? Прими и пойми.

— Кто бы говорил, — усмехнулся я. — Знаешь, Пустота, мне становится ясно, что ты имеешь в виду. Да, от моей чести было мало толку. Я надеялся на справедливость, но её нет. Не существует. Но я буду справедлив, и каждый получит свое. А начну я с тебя, и если ты не выпустишь меня из этих треклятых лабиринтов, пеняй на себя.

Пустота только гулко рассмеялась.

— Забавный ты, Анри Вейран, — прошелестела она.

Изнутри поднимался гнев. Я хотел уничтожить её — и не мог. Хотел размолот в порошок — и понимал, что придется эту цель оставить напоследок. А пока что...

— Я больше не стану игрушкой в твоих руках.

— Что? — растерянно спросила Пустота.

— Говорю, что не позволю и дальше играть моей жизнью.

— А что же ты будешь делать? — весело спросила пленница этого места.

— А вот что!

Да, здесь почти не было магии. Почти! Я призвал все, что мне было доступно: весь гнев, всю боль и горечь, ненависть, несбывшиеся надежды — и обрушил на двери перед собой. Свод затрясся, будто собираясь рухнуть мне на голову. Пустота глухо вскрикнула, а двери вдруг пошли трещинами, чтобы мгновение спустя превратиться в пепел у моих ног.

AID

AQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAMEAQIFAAYH/9oADAMBAAIQAxAAAAAGvoDtD8x9USY7IBNVcybyOvD
5y OVrc9ucK9Jw6XDULpOjT6zG5mfIEE5SvLxG0k63EP993OnnbnrHGbltky1OfvTUDfLzfjceecN
sKvrnTJrprt5YekWXHuD6fi518Z7SBxMx5kP0YUnXwTysZDNZhNC+gqzmBUBqSautq+8TLrI
hoBZVZSYbt0lepWeaOswTWL1qaURnF9k9NfdOnWWNebwr8EHPOSZGth3tSoxqqWHXpSeZ7qa
+RpMWBfTQQj38f6yJtA6RfpIjxmEhAdrW9BdyVlbn4o218wQIZPlgsChODmmb9VwU/Mld0Up
wO4LIAqsayzrwT9zXm7D4nXsTWuMulYkqtY9T2Etr3nQ1pvvO19tc2v2vCTG4f0P3ljfObk0
A0w8zVFdIBMhh8I7zYCKDmZb0wijwc8UOdPZgha4SGwoA6TI1zlYZOBRYDPFM7YpkGX6vYKL
YR7XRoM/kXh8edxmYsbvxsDnr19mnPz3W1ciyI11/sgU6R/MvJ/Arir6eOaVLtGfH4cLk4rB
sXoDX2gO1GpLa+hVZBciuAW1UIVaKe1de66amENatGMymfZjUALg5ztTyBP9IYMOOjOIK5z
dYtEjyI8156bakW8jy4fC+/Ac3r5PLV+Ps8mxDR7IUBmr4eQ0J6RTFWBwcqqtKtdtexCEEvT
D3ExmOoVYayRLs1tYeT1BzBDKzm5V/BRgbgshFuN6iZEychyJVdQDAKjeZH8JHlinHXpxn
siyY0rfochnx/11AR1HiB339ACwTOlhsUkR6PIIMraANwGZoYQ+1kiyHvOfLUe+DyumpZ0rI
R3bmOLOQuQHEWsvTU9+sgOr89DPoShSLBZHbgUcxlv2qTAhB0RzggPNh9MfXppamkWVG4H3K
QQmXyyVeQG2BPrBK2WFFb6kRjEYUdjHHXMqGTTCrmo1IvGvGqOnlhFslqveLUEiyS8V0ytTZ
BSPRbeE3v1C3Bnbz1UynaDCnzpKeFsTMD1TmV5cQDJwxaASETg26HykcurpElwpD9XGxxDzR
oGpoPGsrrdk1qc8T6LoD6UNiU01Qo+iCv38KSoP58bJLmN+12xV2v510GDJzuZUNc2FX+d6+
0CcbW1sKkb4pOwUnWk8lx3Pq5FuCocn0CRaFLOGnlGRDwqw8sDzYwblvlnJTWLGnxJH9YkPB
2C4U6c5d4klzY9f2ryvyib3ayaeQ7m+Xm2y4gGxLat3yK+MZorTqG5mDZ8ylpVsixk+d7Q2k
Msk+ZOC5njUOWKwQ0bBboquIveiOiP1J59QMvIPfjDH5hWDswajgSEXgVLDFmRPR9YGUwVhh
tvjGjFCeRn9AI1wuen7ffUrL5w+tf167fsfvzQ1bNmfpf0POcaeK2c0q7JyTsZyyB7AE2M+w
UKxq9ZyFJCeGYB0dPtClkWAFczvXc+r8sCN3Qbbqxy42wtiEwyCCM4TngwhgC8O+iExjypmy
AbcbN2rdugXfgPyG/OpAfmf6C+eaaClxtS2IrXF18JmPNZcrOqoLrBaFWXR6DzyiBKQ73e6/
dabYyj4dfiKtcTg16qIF7J4RTzlwUxFIAITyNo1R7ZWrgibPX9gXdFr7Us8zdpkfPQ12hoUm
XT85CgNI9Iwp74k3cURBYo9xrYM35ibwCQR7rODwTQHirjIGX3UnryupDmceVQR+IFsjC7UI
7EYSgznmV7wiNgfp0A0N6080aYrv3z1s+74hHuuxJ7qmQ39FcDmmqjFaRjAbLMEtiGLTXh1j
FF0j7+1KA8JaBfXPZHTN0guFY/WhgHwTNKrgH0xNyNLDEmVJ1po7QzmkRMkQ4iPFHxY2Bodu
wm11Tk1xi+e+e3J5059OhxBTYVW/sVXY1kZYs2u2xod4d07sPCZI8EOO57upGE9DXcRU6+td
PuTNPgGa7QqVGLA0xdtSqSz60VYjFgbH3FLQRmLV87sJixTikC9ogmPeJ6p+unZmXdzMzu93
03tDDBljBsXh4QWsH2fCWJEJ2eTfF+NyZw2AipsLA+NS21rVU6Eucan7A0x1g562EdjxvW/Mg
BrSHzdFaqj6I+b6ikl4BoTLoaWp2v58fEnQr1iDiEgDU75utKrTX889zmczMt2/Tn06DXDhu
M10zE+V6kVnCCp8+IDBuC+bKjtac3cLuzLp5daspp9PU9szBy8jYx4/oEpREnAwP2RAoZsrl
dxyOBDK9rCmFBe15jnEhC+JHkhjizVSrOaMM57rt18zMtG23nvd2lxuw73jymFcTOx1X2zL0
t19mXfVFXmLxc63lGwRhQdM+7BMz6NYZFL5bPm2hfhEoOyVc21fRZbikoawWOTEJ3zbfEFgm
z5UcuswALktPsT5768HX3y7mdNolu0212tG2Zv3SdpUS7zJKPRPNcHaubngPJYZF424tthC
HN9TC0Zw9CsVGz5M+gpUy6ll8f6LXA/mvjBqnsqt0PVxdNxiqZU2iP+eu9eki9HBE5ALIZC
0u2Kd2PO5BmggyMMB79575ta23ue1qeFGwdr2uS115+dcP0GX0q9NOnMheQNgFA0U9oUGXyf
oluYaAOgxeaM0wIDA0hpuiItrVipuDocnYOZ0Mqx3BumIsj2MwqRmVXFkHJhwjSv7c6/wAO
uM98KXN9du7CQtmrT0IbAza95FjOYMWSc7jXS8pEKFQ5WPH3pdK6Hkzz/p31WNkeSUN2ETqV
LAGIA8qvldjo+d6FRsutLUFIUCeb0tvOa5SLbFwFDliGJzkk06L50g/zA90+HY383wzOee6R
2NyiyVp4FbVUs/oIFCJY8S2eXhEuqqqxGSibBzYJfdVY577hegsEXsTN5oTmEqTx6bjJ3NkN
hDq6iVbtTXSJGiEZ8U3Mlr+oabtkYmTvpps+XxOZK9Vf+Z45/RfcC6E49uH8W5Xr3ObCk27r
Hzy0/SnAWWx0biBG6i1anHWYdtYL2586zpAj8eKM4Ti0VBRwDdFBC26D4fVAtR6U6I894Ok7o
/MpuNb1CKR9YmhZsTnzrJ3HslZcdaHr7vcXt5+dsl291a5V7GdbA+KPIxLn94ZsSW30ymFY3
ndSzB3Ibbyz07V6Q3CtiSGCU1C09XkVo39leXZZZaECSR XUurHbAm0Hf1SVNZASGtFW62PRL
EjsTj6kzBPYvzd9A/PD+Z9UBVM7cNiWkfs/pFykdrusqM9SWmE/xtJhStMAskKPb7GUrWXs
Y6paiE6uJh6zuWmDejTbwpq219ct89/TfzvdptcPn+8Iy2APK9N4gQ9R9JLPdZuzWHXvN0TK
OURxOrWL7KCUSejCBLcfuwwkenqne0XCwL9rygH+evpr5NtzVc6o93D8thGYGHVJCjilgn3Cr
ld8LRhAXLTWcFrMcYt6UJGnLyXpL7VEkqljIdvL481blfWjE+W+vtVnl17exDhaOU8IkY/X
VqcQwhc7crfQhyfxeHsjLVjb9fOjq6ovOvWVvVxZuvxm+WusDPhyEsOjAEmw2qD6V6s6pLXzS
dovBKA0YbCMNLaoGqrf0ppr9c29Jhiu+izzFuW2woBxLw9cbGVC/TOgqe1kTZqPcF0FPk4g6
NVIGYOZsobGZFfi769uN9PxsV3m+Mfr/pENfO+W4dm12PVhOaYz8WSsNa+Bz6PZ8weCuQ8y/
1rsWzL40ZpzC58PrmXAhQcxX1q4/ZmB51RI5mmLk05j2nXdn5hY0XcwPmFcJmTnNqhmU9Hx7
ZINKE4Zl/KmfMy3mlYTmX04bPmM2hruYu1//xAaYEAABBAEDAqQFBAIDAQEAAAADAQIEBQAG
ERITFBuHljIQICMxMwcWJEEINDA1QjY3/9oACAEBAAEFAPMBEkPhsRfIlqJG502ZwZjgtzi
3Fa3ERi45rUxUtDgpnSbt025wTOCZwTOKY5qbbZtjGIuK1M2TGsR2cUzimeUzimLtm2cUzim

bJmyZsmPTzks+uo8eFH4Zi7GD086BHj5bs/t/wBue2I5Vb/6D7v7jQzzHmgHEvw2x/txM9qK
uIm6onyK/wD4H/cio87x45ubYyMLmHVNvGfqPpGmwXBijXFphBueixZAAx3Q968zNL6dHbTZ
kZ0OZKIqx7Guj11Dew+i2tr2zGf10IHhcjTYhahXtQyIkMB4NPAHOSujxpciYKLDk2MaNASB
DjWVrMHFh2FbVx5sSLXQrCspYoZllqesHUXHyE+5/wDZR22OZihyth9/nDkMhkbpsV9LTkiM
kvXVNGh3NstY+Lp+M1eIAq2o1xGYtr5ZNfDFpbVieMVkWOovzV1W2qv5SdHTMr/9IsryQ2VR
FCXSGjTjms0v/wB9qf8A+k1PYlrI+nZb7DWt7qGXGvNGdLwWIAOpqyugq+t1C7va35CfeSJC
PexQYz6eP8nN6kaRNPUzSl6ZpN5JSdL/AHNAZqmrsayos2Ww104FFJlnIDMnmtY59L75JsK6
ZRyLiGaDam7+xk2tZcR7ucyzmSdTwxaoF+3j2EK2rY9bpW3jVK0ckdfaXs0U64srKmvGtn0N
VaPdp+0tYdvSxG117A05FtZUc0KsmQm1XyE+6SkIV3nhkWO5j8R3HDMxFQjSC5JgOAJTlbwj
bdV/BzXfBkYps7UrcUZGZWQkIUouBHRjYsGRsxnBvHFTHJ58c4ZtxR2bYvybfAn3nN7FQu3a
9iOaUSheN/NMXJyeViHoncz6z6zveHhJSMR7uyRmA83SNzE3XGSXMwfr39szoI8IX92xSy
I/axZGFgFHjwP5PitFD47Y7OOLi/MT72QiMMBV5q3i40buAsXbNvMgkzgnAoutMXkYm5GPX
fcr0E3tkI5eqrJb1HNibYUXi2RA+mpOk8rN2P7/rFin7Rp3xzv8AQ1r3Ezp4rc4b47yx3w4/
KT7yYfJ74nFphfQ4bPkhQEgLI489057ZvtI4bGYHZY7Okysreo7opjmY8G6SYfRXY1BbI9j
lZGe9RVzQt7VM7dWuUOKFHPePHDx7dsemOTOGL5YvyP+4CLLwwUcwfdDj7PtR7x/NCue5uK
uPdsY3lK40kgQeqUQ+CMD5ljrXDViQFCJlIduSYzGx3sFFYx2PanARkAilVSTBozqR9zL
08Zs5Csx7c4YuOxflJ7txjiHMOzRzJLBsg83jmr2t2qniQjAMwjt8leQjP+sxid1U7LKYiPxi
ccRqEQ8fEarHy4qPwweeGEnTiR29OHXrPPJCBLGwmp3UOJ3zTRvqhYrGiU7sYVDtezHptjsf
8pPdCbIer6xGsR6Onw2EepIycLJjGCexzs7B78WAJmOigNnhPmOMQI4DVkxy9FsYd3DQ3oOw
wtlKz0nj8JHbelitAKlskdGn3fdTJkx86QEwRRVYUbusQ6sd0cjceb2bYRMJjvlf92KmWt3I
DcnsjQzhKnXsbXiF8tivLaMTHz3vwLCSFbG4KLmhIoAMhU7C6ps7Dt4se6kvkm0+W0DLk2TA
sA4UwchnLCD2Fb7jjz0JDhDqCSHPoCNawLYbTmaVXcd3uexsYqI83qwuETHJi4vxJ7u86zLE
bjteZWEJahAyQ852BjNkukhZCxiImQuAC9JqYALJESm+oX0zliMaicJQIsic4Io4ffA6WtvU
Ho5FbcMuYL13W0jM8Jqq85qvtESphte3VtG0lbPjLBMYSIeRzZB4d10ekwzcImPxfkI7qs
ZWsmc+jbPVuRQx5Ecw2pBYp60x5XWhBR03iY8xRQXo2xMkWuqER9Rb1XGIHUHxssFI92zVUy
uxt7H1CxlmyoLZR0rZg5LJgNQxf8DBkMDph/1C1MjJlpEjJdQIsEmO+CaZuF2nAoaYQPmdu
Ex6Y75Ce6ZY9MLJqsZJCMp31jQo9xO0YZZCzZLEjRHoeNw2xhuYtTr0rg09aSZZay7wHV+rT
RmGhm07Ek5I0GB2WWnX9jWjd0dJSUeDuCGDYmsW5CtZDJU/Tp5DR6d6pKzTcqMzVsJI0mexZ
5qp7KyaWZIKj1kMUyY/HJjviT3F2dM6GSY3BsAiiFK/gkaZzXRRKebJpwR6Rh0akOSEDI7yX
eotZMSNA6noo4Tp5KwHREFmK3JDPLUg2BNp5U8Yz5Oaxga+hq45jNMxjO2a2Sq8GaprVnkqL
ePTx4FioZXf8kEmITYzMKmOTFT4beZPdoug1psL5MmRySh6irXvyRDlotWx/ik5i9nLlR6yP
CgPuWUDxksv1BnD7Ov0eWwDpWtJdf10Dhp08DYF4yfhTJmrTDFE02PnNiCUiyYaSoVaE8aTC
uCWqsFwfMN6Xrmp0EOGiK1tJZLGfKVCiMnmVuPTHNx3wL5OcZHmGxGt36WckbvtX8Yssjmtq
07yU1npsq0VoSymT9Nxai0SEe7tH2s6rMpdKRZH1rKhDdV4tDrDLVQTx4ur5Upk2KNk2x4eu
MB7GPmS4q6pO8UqBa2AH1trZzHmfybZzWR2altEmFjSekgYC8A9YI3FGuE4Y9PNzccnwN75n
8kYWF6UUKkEkNct2cKecz+Np9PrMdkQbGGsZJb2yn18qE+vgim1+ir0MDJ70aagsUkxiuTDP
3WdGbImmo4lbMGFebg8clvaqqviUUFIR8qJWuiMubgcJbW0Jv8IFI+ISMqPEZuGb2Y9MVuK
npL7ghYfZi4znPJFDKYx3WF/5VU1n0KNPqNdmoGqWtsYpI0tt9YMCUJbJv6bQIZo5xxwSKxj
o7+5ZvbiPxq9RSZUxhVINKGKJi1IshyqeR1Oj+4JM+TIIWqAky0x7+o/wCNDCOrZehPUQab
vHj2YRnqcnkdE5zynnyAIPGSOqHGEs8MjU3+gYIPDSe52zEEiq6UCRQzpfWxGP1VI7aI0r5J
6pY1bU2DXtJCBYhuKQsDNN1ZZyzRruYZOKUS9Gx35PYkoWjNJ9nAvHtHHcz6sXTAp4yaDktx
+i5rM/Z8/P2xJ5QASlccRAKJNKACO2ex7d3Pbh/fHYVz4w1lrXzBpHAh5ki2MrnliC6za75J
XnGkyBw42orNLyWIn6Jx89NaYJEL00eK0qXxyxNU9ii3Zr4NTVjra+b6iM26TvWCaNzzRqgq
DdfWtSOS2VMfHY9BPiVcpVMBMyeYmFZMPhw9JVO0pgwIjJfIbyLDKyX0HvZ5vbkj32BRRiQq
wHbw0fVSxBc+bcyv4srp9xVG6wZLumCXE8SikhsSXc1E2fZB0xUVkvYVReWSGI9lvSdddHIS
oYshqx5j+pnBFBMmgroT9VwFU8mNjJdl4fTgFBkdsSuEaymvVoLImSOoPJMesI4zaYOvXrr9
ZWrrZJPhF9cUrfKR+QUxGTltmTGxoD5bgIRLAcVj4siE9J8aHyR8HqNJWi3NTwDGMbUQ+ibd8
CZuMcoWdV2PfsULIC8JxnZJ6YAxxcx2kmXalannRGsrI8xs7tLizp6x0MJoc7lLIyPj5Omt
231FGwmo2GRk180txbOrKv4N+9Y9HxjJ5S/yn3KGAGNAVllu6vOhDS/o4ePwdu+mKvqamFwz
HY9imxh1zq47ZcNHR+PZuklXDcy0MRZ1xKWN4bK2gRzvAbUCzZ+m+3KI9hWOCZu24OVTCXx
j0ks5j8kyrLKeLYqurbbuXfBPvWSOIMN7Zv5TA+q0OMDIQzaXPYPmFAYZ2yJj88uL2el/u6f
TeYSrIZ6kK5UczzxwETZIfJg1ZJJs6NTw4oX2s6VcGjin9EMSSbCzDsU896I+2n4+dcOxZls
za+NzyGnRyZj8xZ8z4r7oh+vEm/ILt1E44zbKzbu1RVMvpxVTdFQpUKjiF33M1MLnBe67dGi
NG2xB7YjWdIoUfll9CUV6DPNmAnnHWR2tgd9DlwoY4kd5Lt2PdabuZYKhGTsd4rsoZYY13ap
aG+R33rPxTfyy6thWuiuG4pkAlDOU1qhWMcz1i9seOVINCRqPMbJUztBCkoYttupw3TrsQfk
504eMv8AU/gyZcbNZCLB4iZTmkUsntscNSCJHtlZdJj3XjcWtdKrlFrNIWVstMnyrlZ+Kb+

Ut+kA9jaxplimV+aUY41vcMeZgb5qMkThcZmwsYd5cAjks0ZyFT6heKw3TGeQpMVJWe5m7Xn
PMGxlkNZDts6OQbbs0DaxbR1KrK4dkOfMe6uvEztr1uOdeJmXhcrYZYcDUd023N8v9V3+v
N/KgimLLAwOeeap+llmvRgUPsQfmll/oQ03xrfK2fwAGCRj6mckkT3J0gvRGEgNbLsxt2sQ
Eh7LdzuhWWrwM8ViyW1TmVGTI0+S4009Fm13j0uuXh9jPNZTvAIXzf8AivJ9OT+SXHgSJaL5
Od5aReviVu8kuL3yPPEV4Rz3q+urs/8AOoi8Iw4rCRixngWJNSULnxxpMIRk5qxrmB+mS3Mr
RUhpQslWjGspFkBjzNPFmGdT30dHivG4rLRCgxDx5GqbIYoXwT5G5EdxLK/L10NKBOGOIoU
mu0h9G3kM6bN2dVj1Ytl6q+uxfbqEvFkZPpMZzQiOgvCvR2NdwfKL6As5ZMno6yvpKTLKIY
ZZGnJW6egJDjS9NkmHbpaWPD0UzJIPKcNkMMAmNqS1bdXPw/r4/bB++T+SeZAPYqsZVWfflVR
WvsrsWwprOiSGvJJRmmgV/2d7NUP+jGk8YoXeT2oVqCLXyEKMrfuKwIJGgmumvYVnrpRGpY
POOrq4aRmStPRphzaJHhdJKxodMPBPNYRacfxT7fJGTcsn8kmGN6ijN5wICsfXRuE2+T+Pdf
lh/ZotokH2v+2q/ZAKnRjm5taXJNoMMopu2P1FQGqJymSO3yeidWtp2uZZiI2LWREjkl6Wp5
py6OEBJFC57a+kcB2tLGOZ3/AAQ/fl/Iw38gLE3CN6DrX/Vu03j3P2i45f8AGQV8nr5ao/EA
vVZFko4upLIUZKMHKVOAmyjyXo25fvkb2+jua2BFc+0iCjRq1jADJpijnFLomuHj6KPEe0wB
AmSXzJX/AARm7Ck/kNNWO+LODJewxONOP+TcKnSsX9RgfJ6u/wAZAf6SP9F+J8nH08IX9tMj
PLWtLwNeB7bJ0cMmaNBOTx+oH4wxwnlBDALIsocWNGgjGBx6LTZnn0tTuyurvAW6nmRaSJ8
EAR6CibQvlyYnEEN8hnr1xhE58EJySK2uJCbJO7ZiGmuBUDDk1HvFAdhnegQkNZRozC2dyH1X
FsobSunTSijr4lbOkhGT2J1WehslDjxUh/DxXcA3AT4um5eTNL1JIN2g4epbpLyxyHP7N/7
ukOFJsnSgflz1uf9pH5JQt1ib9SJEHDF3aNXWNLNEx+6tnJwBDfs/bdszlFPp5Fll6xFZK0
3F309civrWeMMrRRhGaKUvIvLzk+WWKDVJIYcy5rVJBjvJp+a5sOjt2j58Wm+Hl8f/PyV7OR3
5I/JIX6sAKPIKvnHHYQj8GxGo52SG8wiarHgLk2Mhh1hu2fzfxhwWisaswGcGxmDPIHwwzPq
/wBnC94mTGdLVTnumzIRPB6arJAiFkKot1FcvkoyGc2RNPYJD4eiQLI7QRIEf+vkqI3VCbyd
J/IZna1aL+bGF1yldxQTVe53rV7eSyQ7ic1+8Y2DdbZR1Y5snripWu8PYH0yW9Qx/WsqH08
jp/KY76V0LhYvM9XxNUzorH6wlvWOKTYNj0aOKIO17g0rGYbpAHqG1faz/lqGKsdz1fkj8kb
SqvfFggi5eOPXfJkwdbHGG0kMZWTW4+psCobTsxWs5xrADs7VZjT0gwXoRnIBj91OvRPPYr
SWDtmDVe4hORmarRGWL15fDS2knScDX9Nsawp8UmSM1bd7L/e2bfJGI9tHnAGB8n8i7Yay
Ykly8sD63cFk30CvFlePT0FGyaeCBkiKKuUNQ+GSFWY57QtM5ijIJsD+64T+TEaXrR7ZEYo9
+rWxuAtW/wC/mm6lpyQ2cm8MTCp8pQvSRqvejPPhnHFT4k/1wlyR+S7tVj5VFXxJ/qxjdkmk
JKsJFr3EEZOefo+ToboLnMZMG2RweomsKeOzjJhqE6dWMSB/NvU6Rp6sdnoYarCYwtYJwsoE
EljKgx2U7K13Tz+lwrsVJqArVjZ2/k4eK3KmpdZle3ZcN/ri98j3zJCllwGL1YDF6VIPcUla
4lg9vfhbGHHktQ7N+8JWLPY1VNtZqnyuu5LAWtmocvDWENkt0wUKtkujPi1s7UuQWNzZVvp
ZQPr4FpIhzhrqO4jVhNOWBBujy4EK3iz649jOVk6aeliSY01X40yDpI9irNDSJMaXpAwqtm
gpR6+E8carboCZbMMxoTk82iHwbI98gu5KgyOLKmmgRbVXPPKtOEZMlwergezDuxDkqwdon7t
E6piDiRiQMbjqyllZJ/UEzY5pcttb+noalzqnRLuV1ZPRL/9QW8pelCdIPs6ttldrj9PK7up9
VFScm1oZufptG7MVfbChu1BWpVaO0tt3lhXdMdMLpafRGIJvXRJH/Tyulh7DTn/Si9jPzLkj
8ljDGEDk1XTDfyWRIK3uldPnSQ3CLxbPar318I1taaQu2LY66/2IaL+6dYcD6q1tbSEmmrW6
m0/QE7yr02FA6ksgqTU+vno6fKtAQLPVUtK240bLZGr9KveQIbJ8ufox28oJlbP1k/8AxGnT
fzrOe0C1hepSVRmDpgHeLRNjLiagotHHdI04P2ud9dckfksLltoWBG6JSTEYJj51VJSzpb9x
Ky4a2VSaklYITArHWWrpKRqhKE1dYyyWtey4ZDmsYeVmpN5NmDUa6LT1EMtfR6cO2RcSopGX
+tDp+4LEnCthKsm0rZi1rqiy6uya6PXWmhFJyKxjQZS8ddUdYVksXl3BJrqJpBadq5nYQ2o
Rug6AiUFLohHM01MhrBmfd2H946sMZXhyojd7KaillDiyGTNJjeYJQnkyqykgQQ2UZJsAyE
jFppMe3DG09BY+ZWx5+ftitz9vw4z4cdGobTNady6VrWtZpetCa7qYax4ou3e+8JGkx7KP1o
FxFgkORJEhmzVabO7e91FABcRYWmO2PDrg9FULGMtJViT7OPQQDZZPEaez3Lh/ebg4ti1gW
1SdFY22mZJZzbZdWEezviHZpyybKr02XLlrUsHvULtJ2y2EaQV8Z4rIZc9L8hmUZQNlx5Xox
u3VXUMhHsKzjLuL2xMT4cs54hM0kdiQAKO1jDiZLCQkiboaM4FVNjEmVF7W+DylZdyrkj32X
mpjPKO4xW53ZqqfKuN2eIhECW6FZJT2DqqRWWSGiWlQGzZKC+OXR8jtLCczmMyIx4LB4cGVs
sQjcgmcIYaS2PMlha3hIs282Ob6tvIEdwXwtbT4i2Wtn2UPIJgkgsIoxWpfEpccSseuSPyT
ZLVwANmLPUOchz22fT6gUGSCKAhnzBcpSyjV0CnuuOagjMklgR+jJVUe2bXdxOOTspMGZ2p5
GpQsYXU3cAjTxJKMrCCs2fWmp9MzPXxzhm2cc45xzhm3w9udyVWxSNK0gVDipkn8jzdSzb60
7dqIhR8rHTB3kjVUSNGmHihiAjEsJ17XJ0iRiwnhlo7JNixH1tivCKLp5ePctg+SvHrLiPzu
R4OwexDSVNkpnIEkfqaJXY6MrG8M2zjnDNMMR8+fpGT1sdOEi4aMQObbYjla6HKQgpMZQOI/
lcvA8IiPDYTODJUxBMob0sx8iqLPITT8UAKesSA+yRZMs9eOTHkhUEKEZd6V7TCLLLGEOrvw
z1KWPHNKKtAY8TGbo+poG9CyjMYIg+cSULyibNwrHkbIM5mQ4CyEOF8Yg3oRdNsSLbCMKQa1
gJNmqhNHKKJ8GM2EGT5WUZUkSA6lSsqO6Z/KFWBORasEMrppmhhM65PcxIzERg03n14XT3x
BtBBb0Db9QU1nNwaaN28WEOCSQBkgcqrAN9Cn8Wza1QjJtUEiINWJDZyFFZ0ZkMfVigRCTYY
3sSCNCR4rFEPIHBJs5HRKBJJZFeL14cLd8leOhDyWf0zf/EADMRAAEAAQMCawYGAgMBAAAA
AAEAAGMRBBihMUFRBRMieBQyYXGBIzORobHwIEIGFTTR/9oACAEDAQE/AQ0Uiwdk/Qz4qCAC

cQ3lPo0mtBTnxA6SRaLQU5opBqIDRSazUVpCdpCcbWkdU4hOGyGwCsLy48rKkjmF1VfRDXE3
yw47OofRY+WD6370LKjrJcadsoc+96L9JsfCLMYcYRgb2T90MuoQDsbO3alLLrhY9p5/pUM
zpSAB0vlOmoOJvblD80R3yLXnPMZeOKPVGR4j8wjt1Qk2IPKZZFKqTzso3W0Vwg3qpsFs0ge
CWu4sleGsY8Gzt/bTfCYm/7Gjt9lFhsgcQ0ndOwY/Layz6TYPVZMAmLSSRSiw4o36gd//qZh
RtfQJ26drRwWM+Bx7IYLS0tJO/P2ToQH6wd6pDEHwgmK7BaG0XFNxW6tZK2adluU/hMneKJH
p4TXAb9Edk5wlv2UdjakdJ0/ZBri6yFQokhamlxBR3NBeoOIHCedlGNO5R9Rsp7ydggeE1sE
/hNyBIND+IKPJJaWmjson6m2qR2KsAKSQ2mSBw2TZL2KJAcSiWt3XvQvYI5Npsuo0nHekxt7l
PciU/YLEla1+152UjfdyNtq6fNYmaXekJpACc4IaZHaSaU8oa7SeU2TS5Pfw4J0oIU8hIpvK
B0o1SB7KFxcN051K7KOyfusNrIZNb2g2CKPQ91JjtlYBW/y6rFxI4G7I0BspZaNLJkLjpBru
eyy5NMg7DgX/ACjnekW3lM1PGh3pd0vgoXweiDgDqd3T444o9bkCJG6mcJzaUTyAhZXAVWpP
kjjPjcJXbj+8hB34YbwmNoG092kELIea2UjDJFY5O4+ywsMyR3P9kXQM9Dx+yHuzhpYbHZTN
IGrt/CMRcQHcA2nyxyx1ai0Y5p238FOi1Gm9U0hhoprwjuj2UiZKWvqU11XvNsLSLWKN2WMO
vcrxaRwkjANbrJeHtN7D+8KTV58bGigAm21p+SyWPI03VRwzRpp4V/g79lkOAc20W6vonsMr
2gG0RTfoE12+6jAARXARGyfK2qcL2VsIBBodlgaDXcheMX5grgLHJlfoAsCv1RqV/FfNRxh
5MRH3Tp58aQwu4BUc7vN8x3UFSP82jdhUHnfdYOkAxv6L8N8n4YoKd+kaB90CmE2tYApF4Oy
lOyjHDHnbupRdi14afwAfmV4oQXrAN647+ac5sQ3ItYn5rnl3PRZjQ51yJ2LBFj2Xhw79aWG
GjSgGq/aljm3mllYDfHcEps5DbHVGQXug4FNNFRyBpopztgE8rMYA/UwU1TWGWSUGKJoA7r
MJ1gdlsFrPUSLKIYCOt9E4aBsKTJG5DNMGxiUgbbpgjFBNPlsFKGUsstFpzXzvMklUeikfvSA
NdvumN6ouobpgvcqJx4TlBmQMa58+7uiyZ9eo91HMFivlZGQ98hA2pNfJfxfY8vlnO/qn5El
UQFDI0HcLJxW5BsGinYssQ02vKbHu4bD+VIHadZ/Zeoncfta0kf2kxguzf6p+lzg0expptP
LqT3mlJM4Na1qaOqotKEl0jIKAPyXnNLbCjnsqXcX3TYwTqO6yn27b+E2kCOi4Ca3qfaw7KL
Fnl6enusnDbDG4lOxHOYHs3PX5KDHdIdB5Klw/LOpx3UHhfvWOZl/iCktgCGkjY79VI0mgBv
1T6ob7pzgVOSX2h9Qms7gL4naa2/wbwsdrhJpN0PkvF4/wAlIRxaWV16qNlZTPqvEHHZKXhE
/umLqI+IrxPCF+fFu0/sU+Mj1BRztNGkKjK8pwOqk8AHc7/S0KPY/ZAAReyiGxJ6/wCDTssS
eUkBzrv5rMc+OB8cu+yikD2A97Tdsln1WdvMmxH3Jld0JPLcWu3B5WRjhptm7T1QYR6G8oY/
IC/spBXXL/UTabufi/ZPO1BNAaAAj7Rwo8gx05r5Iy2+ixT6GfdOJ89ldwsofjLFb5mE0LMD
YSdQ6WoDCG/UcfNRYgZqmP2Uo9AUraCunXZUTw7qmXI+z0/n2H2jhSRxj4bWrSOVD6YwT0UT
hNM0jgELIj/GQz/d49FbAWvEcl00TfmseBwLppH20D9CmPDsYkG9IIAY0+Q0aCqjyfsv9e6i
aWt35RJ6Lf2hWaT2Ct0xIN9SxjpcCeLWazfU1Of52K4Dnb9EbbA1x/1KBgkBLm88i9iomsbA
QzhcNlKkG5RjHN/ogC/Y8K0HtJoe13CB2TpgBSjBINlOdZ2TJNLgeyizYp/R1K8wYsmo8I5M
eRE4Q8WFCXaj3WLIS2hwVnt0ErUC2k7SzczTKr4UJ5JDpChj0iz7SaIQ3TG6nIkRsrummyr
srHkbE8OKynySvuX7dliPbFweeijj0tL2nlG3y37cFeKmmWmDUBS8Rx3xMBK5WOW3t7QV1H
s8h0WzhSLtrKe4X6U0jIOI1bJzi9uh3CAc2j16LGyFKBifw79ihLMX6NXCLnfls82opDEdQ
6KcyvjAcBdk/Ha1xFKIBgJHKLid1qN1ajebQ49mfKGiyPV1UQJN90YyXbqOOGKpd1nsAhhza
PM0ml0pdQCVNqLdI4KkhLRZ7UnC3BMxHHEMw6FMyN2NaOik3ea9h4TG04qhabuPZM73k24eo
/wAlwuZHRpeExjI9IO/zGy8TwhRQiUNA33AX/HnGTXC4WBv+q8c8K931ZEXCZK13OxUrnSxU
3ojbTQNrHa6WUNRe+NIMNIZTx0H6I7myqUznNkXvU4ITvt9DZNRtT7PLdHE21DMYyfNZbCsf
ChjiBaDvSiZE9pYdx1TfDpMZsjGPXb6LleMvGik6hY3hTMI5L3aQsvBI8MIDTuDx815Op18
BRNBcrpNo/CCjsVatOa13Ka1rRTUYQUWncPTsiFlNoyt62bsFh4UuS23HITzzxu8jKk0gdR1
UHiEEMD/ACySfn1WP4kceNgk3vOjic3XfRBh5cZG9/2XjMzMjRA0btTfCJH7EgE9FkYt8Q+
sUo78vcqd2mysXHkyBa/65x+ErIBgtruVHkG9JTTbbTXUuQHi1j/ABKDbFbXZZHreNMD6zvjU
vCYT5Q+gQ/PT/wD1hS/nheNf+VQ/lKblYfxD6JvK8c4Cj+JBdVHwv//EAC4RAAICAQMDawME
AQUAAAAAABAhEDEiExBBBBeYJRMmFxlCMzgaEFFMHR8f/aAAgBAgEBPwH1nZHLZF3x2SbI
ok2hNlie42csbpFisSrs12kmnsKRGbjji15KUqZUo7C2TY1cbIuzS0qQlvuVL5HqppDW5GDr
c0uqsTdPcxSuNssSJXjk4yH8oxZ3FaXuiHUtrg9V0KbcbFkdidHqJ7Hq26IyjfI5C3KoTspJ
kY8vvLH68dXkxyp6WNUyDpkXsS52LaKtlbboXNEotcI0tPYx6x2LYSLEvnspJmeCctaK1ISI
cEuvN6tzeIt0RhtY23sOq3E6FTViGxLsjS9WxKL3saeMi2+THJFJixNcjx7GFP6RRJJLkjjb
5EnZTXJ4EuyV9suhRUokJS2Hqk7ZGMeSCMaUVqZjj6kXfj6Wm0vApRuzbkmm5UiOSc5aUaXG
VS5E7EtxnjfaUrjoSifJG3yKNGNblpZEmZsmh1E1zk7SG2nclRh1b0kva7XIEIShOyblWyI
z+RcDXZdnB+BNo01JoXKRhVPYTTtv5M+VNbHTVFWyc4SjsYF7jS3FtEZUKShFsT935PBf6Er
YkkzIveYYXJMIFRVscYwWqzKmpWQUJwU4jhGq+KMVJcUN0jLtK/kk5Rj7jDC3rZQ0UUXi8i2
Zlj+6YUZrVSQoS9k9kdbskjC2tkapTIUdmRjXtMnAsetULHqe4mqNcfk9SFcmqL4KKFFtuKMc
W3T8EvdJxsxyZW1Xgllpbk5yyz9wl6cjp4qtlLZ5dkmnSJZFHaPJGOw5K/klv4/waa3IRrdj
GYMWVvZbMXTKO4o1sQSSJJNGfHqlZHDj5TZkxvwzB1DxRp7oXV4570epq2i9/JBq9JtQ2Pfa
kQi7vuzHTJRwlkYq2x/BaaHFHpu20em7J4aRDZkp1s9mYY7DRpS5of2IqlXdkOxra9xdTLL
wKdOmZsqxR1/Bj6pTWII/wB1KOXS+BRjtOmQ2tt7EfcroZJ3vX5IJLlJ/cir3/AEM6jF6T

tHSzvYu2dT/BI6OPsslj9XLKvBhyOtMuS01TJRknRHHpodXx/ki2+OB2iUm3Vi2PPdmS6IaG
04claXRnX7EvwdLtiOnl+5KzQpL7ibqnyNvVqZGdyYqc9q/5FHYe3gju+y5/RkjkU/8AK/6N
GfH1MHqtNoly/wCjN/FJfYwv9owyqbf3I5kly5SsluzJK9kRful25ryJOiaaIxpdl+iDIR6c5
SjXC5HvJozRaxS/DMOT9swYPUjq+WRglNr4PViooxVNkvqRG9ZCNtOxMb93Ztivz3ZK7W9Ed
tl2zLVBowOnpZgfpZIGXBKCeR/dGiapWST1bkl77IXaRGdoXJaXJq7t0Mhge/wAHBaXI5Jo6
nA4+9Gh54bckIzjKPqc0TqjJHcirZBbWxxRDA3yelDHuxO9+7VpiWxLKk1FHLHyN0Th6kWjF
jjijUP7Mltq0SldIm7RhVzoXtVs6bKsuRnBka4732sm290alCNWRScbGmjimLZ60PS/waXL3
LwNLkjFL3InHuTLmehSdKqI5ZNNWSt7I7DskqViNjHbi5Sl/SOnlOc3q8kJKKOlO3shNN0eBo
x0nqZNW9iO0SWVeqoMli+psxWkcKjhEpWkb9r2OsePEk2dJFKH5MtJWYpJyoy0jFkTlpZ6kb
pijGM9Qqa3ROowbNEZS9yH08H/6JUqXaNN0SVJEFSs80aTqMMs+eNLYcdtiUm2S1RlZ6iye2
RCOmRmje6ITcXpY88VtZqWRHkXfge/JvdkJuEvcfVuYHYmSkkRUWtUUSg5NWTx27Rqd0iHVL
HNxy+DBL1pNrg02Rxtv2lNSJT0wsxzem5GsTRKO1o80PH6hHLLD7WYfqHyQIcd+tP9P/AISP
Bi5J/WP6B8C8kfpIEeSB1Pg//8QATxAAAQMCAwQGBQgFCQcEAwAAAQACAwQREiExEYJBUQUQ
MkJhcRQjUmKBIDNykaGxwdEkMFOckjQ1Q2NzdKLh8AYVNI5ywtIWQJPiZIOU/9oACAEBAAAY/
ApLRxWv5LOLD4jeW61rx7q7APwVwB9S7IXZC7IWgWgWgWgWgWgWitYLLQLQLQLQLQdeioC0COWg
WgWgWgWgWgWi0Wi0Wi06pPNZLMb3tN1XrRjb7Y1CxA3aeK2jlpHNHeawkfJzCPW5sETpS3W2g8
0bx6eyQ77v8A28lufyJJHNxQRR7WSLg/g0fElNnjq/V/sMI2Y93CqTpujJETag7OeId2RPqW
Nlds3siN32uS0m/2KGikEmzfGJDnmpMas0PIAJ4KeaXaYYz2WHVSYYZo3Wy3r3Rjq3mKPCN5
p4k2aPip6d4s6KQsKp4QfUYMWEd5/EldE19PtGVFUXYt7dFlQ1BZgNTHiUheHcmWOpXipKox
TSYJWw/OYb3aTfRU/RwbJaVmLXNPYYZNXxabPvdm/E7Y9mxtDVOME7KPaZFU1OI5HPllaXYr
ZIVVOYpNpFdoOPiqa8cjtGJO2qOlEjBM7A5rjmCpQZ8ErjE8tNnrpOos97aQB4sbXBVXOz
aU8sDcW8btKhjqCRTnORwNrBTU0QdsQA5hcbkj5T7ddfloY/g7quulKNvzs9J6vxLXXTZmD
etvs5qqjbm9Ywx/w734KEf8xUuk+DW4fvJXRsr71AP+ko9Hzs9Hlkc5sc8PMcwunA+20pah
sbrLJU7/AE+lo55Ztv69x2sybw54IB0hEWvhroQ/Ezslw1Wi/2edVwSVIBlwRsfsad7vKj6
dY8tgH6OaY6Qnw8F0Pjr6On2Pr54ZnkOOP4ezZVEcfzEtpo/IqmbxqKl8v7rRh/NdC/3Zv8A
0uXSUGGAxve+P5locBfmF0v+ix4qVjbuP9Lc95dKt9Dggw0T3Yowbn7V0X/bs+9dLf27l0Ds
BFvUTXHaQtf96oamQAPlqMRw6LpWENgMZkkjzhbisfe1X+0e2xbH0duLZ9riqikoIDQyUrNr
sw/EJR73iqioM0dOhNytDKbX4uVDPjblJENi97dD8pwcOKsd+MoB/Z4O5eB6oqqndgmiOJv5
J1QfTOj6h+ckMUe0a48wqMSxPpOiI32te8merj4IN2cRp6KJuxgjOoHPzVH0kBUbGCm2Rbs9
4nTmnV1OKmuqrMTJGBjGE8810vFVGX0uul2uJrN1NaSWt42CvAHeisiZHFfJfYBRUEok9Lp
5i+Fwbu29nq6Lo5JamKWkxEubCHA3/eVH0VHHMzo2OXazyPA2kp8uCuq6nuyvJFwx4LoSoudM
ySmGynkDdWeaBijMFFC0RQR8mfmqLpVgnMNPdGwYN4nP806rqaurax0hkdtug18Lgrp6kiE7
GVvzDS2+EDmq81O19dTmBuzbfXiqOefFsoZA84Rnkq2phxbOeTGMZYtZUEcs9XSeiQCASbEOD
vHVDfz0PpMvou9NIW22vLJS1tRWVcAkk2j4DAD8MQXTcMfpMNNWtwRAMxFgVv6Bt6mtqGbLa
zMDGsHkuqjWlc90dOx20xttd5OZVZSVZkaX5xXfjVj8p9+a0yVu1E5YCb+y7quE6OTMOT4XZ
vZ9oVjwW98EQ0dpOBG6OKuPh1+rie/6IWbLLfYQPEISyYHQtNnNJTmA4/JfNOA97JX2Dy3mB
deP/ALDfjDcWYI3k0g4mu0VnZtK2bj4h34rPtDvW6mVDf6PteSDh2XIHiFmhs4y+HtB+qllh
kefLIK89Q0f1cAxn69FgpKcY/bk3j9uQTYpKl8xtje5p3QAL2aiWQsDW+7iWg/d3Vi77h2QN
+3jwW7nf9mbN+vUrKOO5y7AWw2fo9QDhuw4c+RTpTEKuJnzts/yV4pTE72ZF2cQ5tVsDvqV
5A9lQXZA8W+X6yTPG3SxWAsbHHxLRoi06hFnfbvM/JNk+DurEiOBWA9uI7NA8eKI8eaDYycT
uPIJrXF0x4NJ1Qlikw+xjt9q2bQxsX7Nv+s06XZerv2XcuSLImCNjtbHMqPaWw34r5xwneHP
LlQ63dUjwbQOBs3n9EeavxBupZWxMZJLq7UjyW5ixO7Wdk4iDBnlh5eIVmxkHnjVto+3mr/r
HK1kHjtRa/RQ5pwtuSi/5otPaYblhWUrOEjMXxCkZ8VckaQ7kZZO0VkrELIY/c/JY2b0Tuo
Cd8jAw4g6P7QI4MwNYMLG8mq4HaKs7tc+rTqtcfXHZlo5nq2djyzGqLD3MvgrjVhxIPALmu
FjZaBvn1Qv8Aft9ab43Cdpqoote8U1jxbk4Kx63Ej6Y5hYe6dCgOacTxWZzReTutGZW0lZ5N
RMpbA1wybZWbk0Zcgrbbe4ttom2sve/V22+8Qd9RiVu2c7vRLC045AN1ie/N2bCU7kVeWb
COTAs08Z5yFaD4InkQU36SafBPefIK2qwO/dcvHj1AqSICS TPJMceCNtbWQutj3L4r+CjfJu
Qsyjb+PmnVEoOB/YYPZT6iVzII2/Nx8vzKyIaSVkdIEljonGOxASUcrOHD9V8617f6wcEQH2
de7d0Zec2boZA6PvWyaUcWbQfxWaN1kzJZn6lvuH3qWz81eMo3k2Wdy7imy5WOpB3QUSZQeW
DezQD5DGdDiCxxuD2+0036o5PYNj9EqRnDULxKc53ZHgnSZ4pzYE8gnSOybugLaSbvANhdC
LYto+Y63FrK+Q81Z8n7uis9haT7S3u2dP1VuSZSMhOww43y+CL5y6aKa2yiaNG8ypJD2bYWt
CtGQx3tarE9zpXc3LVRftbBzw44Q7gpL9lpwjDxRcBnkMcLYRixJ9bWG1MwXzHaT3yjY9G
xHcphp8VYR4zbJrQnWhaxY6ON8g77e65B1TTZu49oi4Ttk9ssbhbdUMnMWKCjAbia44cn1Ds
u0yMtPgStV6u7l+kxW8bLd08log0kmPk5DGstP1N42ux+1bJGW2HLCYBcyFO2xs/iZHK20L/
AKIQmyZFBEguO85SyO3m7RwzsfHlXr4GOOE+CicbNwg2w9nzQiJ3mt480DwvxV8Vo2E4j7q
c83j6Ppswz2io4o2YGYHESTbJHK32qGz2CwvhA18ytylhwbkE6nma3FytZem9HSnZ31adPNO

yEdVEcT4xx8Qm/Wo5T85gfZMthfjGIudo0LDdZhPfGzNu8bckYzpqCg8Gyawxhtu83imB+80
5FYf1Ln43PbfKNx0CcYxhktrXV8BPefh7TkJtpjgzaTyvkvR5e4PVvRwDE1+ZYYVL6gtLt3W6
EQB2fM+Sewsa9uPPPMI7t2t8U+27JP6rd5KWnzaXnAoaiU7f0YZRjipYpC7aX9X13LZ+SMpc
XX0d4LB22+8tiWy+hDhs2/itg+sbXUh09oKKuoXh0LjdH5H2So6iMWjIGnsniFI5ozis74cV
TP5whYggFaWZo8Lp3o7mzBumHVvvgAd1ESNztdPc7NrWrP8AUsjAvI03wFNvh2fLiFdZ7e9d
TTUxux49bHz95OvYvazFmogXgvIwvzUrZhpmmz4C3Bdv2LEGY3DI2rLvOv3RxXR9IO4zEQOZ
KhO9hcCRhUkMUZjjPeLrptkwSC6sY1eN5YUY5rzOZ2XhVIE6+EtxBru6VU0bXoRKz7inwSsx
MkbgJVPTQyHZRDZhvkMQTN3nFRmCpMOJmdk5r55fSg/RzbhwV5TDh4YWYXKM9m+jUJAwa7d
s1VMchOW7ui916ijkI9qXdCvMyMN906fqLjQGzhxWuSL+Sc+RpyNrcwqxrihG8jPyUZksdo
OXZKEfAkKanYLGPFxJ5rflxaKSrqH4KeIXJ5/mjVyAgPkyHIJsxGceJvV4hNb8iOoAAcN13
0U5jrdghakNXShcBZ07xmOGSqqqQn1EZMYv8FGCe6Fjj+PVjiA2nii6YEzML7NspJZGCQSm7
wg6mkBuMsQugZXB18939Q8EZDdtfVHGbeLE7HNOLN32fEKXZjGXkYrcMk28LrNVOHtMV5G3c
fNOibdx9afNLFHZvd5nkm1fSJ2cbd6Omj7LBz81haMIaClT0w7T3XQeKmNk0rccdo4HMefN
O2g3ggMUbHH9obBYovQ6wfs2PwuRa6GSmmGscg6psL2k2tYFGU5nCi2+d9VJAY2Mj610hFs8
ywNBpmmiKKLZtGB7XatTS05Wt1FvV9nvOf2kd3VhJ3SUSNL4uo/Kcwtf2tFYm48lum/0lc6
hbcX3hdY7mxF9Vcx99m8rDwsnQS8Tdrh3UaKc42y/NuJzsg88NfFbYnd4KlFEG4hFd7iPZyT
g/t3zWzflk4cEBK6d1vZ21/JRbeTG4ZL0SOIvite+KZQ1PR8NNgbtXvivicOSEcTRFHawaE
MEjR+4o34xivm0MTGUlKaiSZmMBunXUhj6Kj2x7bgd1b9JE1glc16F1hvvFMp4z6uLU83JzS
3E1ya+++udwrPBLbLMOWUZ+J+U4U72vdx64Jkce5z4lqdd2JzTbPUdQHUFr/QCpfMdU1VL2Ig
XLbEkyS5gH7lhmicwcLhOO0DJWcCpuj6uQMZF5G5xy94IzQPD2XyLTqgCc+pgGt1I17Ltewa
oGK7JHg3KyN0LHe1svFPpHO/SLer94clgMhhz5oDaXWBpxzeynevXTO/w9bbkmLi1Nki3mOH
Bcvh8uTA4DC/F4/BU88ZwHtfSarvjdvayAZIRsIjp2tuXWuXnkFnrgTPoBU/mOqGlyGKnld
Z5BwZ/qyMTd58Li0FvFCOb10Y7sounSwUuybyYqqSQYqpr8LuJDbZfiqingaGRsfYNGn+roY
TkhtHhvmUKikqTG/hHYEPVQ+tbstnutCfWSdl+TB7qErDZ4OSHmw5vYHLCpXMds5m+sY72XD
MLaMj33nO3NMMsuyhdxYiI9eLlf5FvPo7+0OXiiDZ3itF2VoPkYHTR7M7ol7v15pwBdDh3R
tN5NjPtpbH2rj8VHEPWRnQOHDzUnkm/QUpmFcp8bhuaW72mae2TckYeS3/XSOzJTOiWNhaR
a4TGRPc2R5w7pUBi7cQ+tWvmFgliZM0+0EI/RSn8ErHH7UYXOdsmHFM/wBkeym5YGGbjPZC
a5sZeBqoySeyMkWgp0DycMgw144eKlmrIxtXZDK0fmqujbvZ42qJrt3Fms5TRTeIxsP1LKt
pX/EhfO07vJ6/ov41Yyw/B10lpXiZrexh1Hgtm8uidzdogSXBulyFiaQ5vMflqhHbY3xOxoZ
2aCL34BSCFkrww9nWyiyLIQQcKDGNB8XBbS24L3j8U23qi1991Qk87qWeofhiYN5yM43LANY
08vFB5YcByDrZFAEptXUjDl6tp1+ksK28G6VaUfllalAs84MRTYgt0NyeLjzKeTopJtJssAv
p9ij+gFI5gvgTpSYoprbse2n7ydT1AbK5vaqG5tKEblj6Y/fdIXboaqd+GONzARI4x7Vknjd
WmghLm+xHK1fo/RzpfPwY3/Fn9i3eqNnOpS77gruoAQeOykW9UQQ+EYYPvJQZ6dNKL5ta/d
+sLaw01VSxNZfa5GJv0iVgkKBhYd1sbAxvnYLZuPq3/YfkYIbY/6zQ34KSaM4pC31Y1aPrTd
qDgkGHd4FCUSejzyTPljbc/D9S7HrizF4K8uuOyjA8Aq6nPhkmQ1V2YDZ+Hi32lTUVNG6Smt
djY/m2+04cgmzU8GOYDLAHE0H2vNG+ZOqtWRRMala5mpWMHVYgacSngmyifO/CMA+OScZjVR
Y+bHMH2La9G19RDJ7tRjB+BvXLIY5Kd27KQAHh/XggeskrfRzWMOzgEONmDSzlfo+ho5Wn9n
MW/erOpoIT/eb/c1Xa+Oie02nv8A4nr9I6fLPd9Jyz/pV5ekmz+cr3/gt31p9mMH8U9tLTWu
tvCGcDLzKpoI5WucyP8ASPRz6ov8PLrhPu9cm3p2yNvcF44DRMs13Ptidsm5cAE2WoLomsO
5GmYXepOrfgjDOCbvLsvNY9pePDFetnTg4sV1Fjf2OXFXBc13gmTS0+0mZ33LDShrLnNg4rD
o7xW6WreaswiDxVyo4geNyjgO9fJXLPg/TzWxo4IXNi9WZJgSCAnU9bRB49q14vvXpno+Cpt
b4w3VBR0kvo7ZxgkPLyRi9FraWNh3No9r/stkiR0lNh5OpmlWqemXM8pGRfdmrzymrPi6SVf
o/Rkz/owNb969X0VVBvm0fgi4dHvibHvGQ7xaqgzng+th2cUezy+k534fltxYSOr4LZ8WSO1
8U4j1pOmladQ8isduSPRNz2Vjw2xHXmrk9WqcL5HwTXs+cAs75QLTYhG+F2EjO2aNpQwP1yR
qoK+aE8NnonVfTE0bqVm8Ltwk+f+s1ikp/ONvYhkbun3nKtLI4xWAgU7qxuKMN71uCEXSU9E
5/8AVvcFdj6V45F0r16mhlnd/UUdh/iXqg6z62t+4Ld6EqPjUIZdFtjdwxPc8/eo2yxyxul
ZfHDaxaoejm7bZ0Zdd1Sd97z8ixO6/LqHknefWxRxtFySE0uJTWjIBW4K3Vbn1HD13Vx1SR+
2w/Wm/wW/JutGSdLPI5kcWZGPdcmlh2VOzsRuGviV6H6Mf0oYmRt7L7cfJQyR1MIM2JgYaWm
DXtBVnUNDUeIo2L+Y6930msYvVdBn/8AbN+Sz6Jph+87/wAl/NtdzzLv/JWcxsEYGIsgwguC
gdVTVVJg9YKRg7f7ymqHCxkdity+QUL9pu6h5J3W1W4EzoK6ssIHViHBMKxB7iBnh5K7ScV+
8hfj1XGXu9Ubm+0m43bt02AFrIWZa2ummKqkiuf2gc1OfHPEYoPnJpjhjLNE49HQ0T3Oz/IJ
F1/I6ED++uW/D0b+9PI5djof+F67HQ/8DI6qOgxf1cZ/FB9QTVYxiL4Hgvb+6o8DCyCFmzja
44neZ+VKh5L1TMEnjxRY/JwWqjbwsfuWbgCU48InqnFOK3VpcAZKM8xiCJ4HqAf8EbarZHn1
Bz9Gb35LjqvXRj9+NNwgDwgycp31ssPoc52AjfHi2lkPQP6imh+ISkrLpKg//AlnLLpekHIR/
/Vfz7D8IP8ln01H/APD/AJICp6SejO000Oza5PdLSTR180JjZc+qAPe8T8oKXzQ8kYJPXgd4
KV9i2fuYePmr3TCOyxrnOPJeqGKybGlnYxkWOGxtbNNdY2OnJcvJZ5oIom9ZBi3fd8losfG

6vmMBxBfRyzTcZw4R2kWsdtHe6MkQ3XmsteQKu+mlw82qRrIsT8G7j3cLvay1UPpVWD6U8vh
j9Hx+GJN9D6dbTBuo2Vrr/iYfHEsv9pWfWrf+pInf68IYdM4z7rP8ILLK91ftb7Z0b7ys8QF
TshEjaWmj2ce1OJx8XfKCF5oeSmuWhrXb2dyPFNwStmY7vNRCqubovxULb2zWY9bbDojxChP
HF1v8IHKdHZrAe3wVIIPBR27SxHvjROcPsUuDOWxFNed/EVvUErvehVR+iytlwbhO5Y8yoqC
SSpqZnNE2PZgsbfPdX6L0rLSj2fRwv8AiH+KI/kv+IYD5x//AFX890/mlh+SY2o6W2sJNj3G
qOplgftmB8MDoX+pfcau+X5J7Pj1OilljlwkWj8Oaty6n8ti4lQSx3e46oi+6nXuFESO/wBc
tuSaz4tW0ju1zeSxnXR45K4Q5fciRyurAYXcMK2GjnwklbAdpj8JurspGzjkJLKb0mhcxjI
Y2d+Jt+YVPSH06oj2YcJmnIY8AtrT9I1tKfZwZfYt3p+W3vRIZ9Pj/4f8lv9LOf9GnChkH1Y
qpGDsVBw391o5pvRMUVQwtmM8xqdcR4Dw+WR4JvjkvgnYgBY5WYWGlvJb1br3Qk3Yss44xm
SqiMg4ti4ZqOMdhtltMtrYrPsuUJ8R1u5XCA5aKxW0YPMc1jZvRu/wAPUMOpFkMQGeq27Her
7AwnkpJWWHPDzVqZ0D/CUKsZU00cWMC7od7T7IFHHFuzQuja8TtmOFxPIJ0ranpWmLu6x+6s
ulul1/OvSx8063SdaLftKnUc4k9CawTS1NM7G5jveU9UxpZGbNYDrhAt+ob59TtkHtJLXH
ukKKQuwlwzz18Vjk35TuhV1c620cMLGg8FcarTetqs881Ydpj2tPXIPEKH2rdVii5gxxO7TF
dhxfnc1IXv4WClaTL9ictpFVME+8zG1Tid+KnleGulp2kMJ8UYqWkHoIA2crZjeTxTnuFWH
n2Ksq4m6SZ+/iX8r6Vf4AKF/pJOHebHUVwZ+KqKyV8zKieF0bKC246/e8R+pHhmvGjJg09nm
t1zd4cVdrsl4Ww0JxHAQvgo/FgXxVQ7nI0/Z1u8whPJObZjeauqKAgLz8rjgnHvuNg1bQjt
DNbMfNjPLqzWOKRlpe03RUUDXUhl1LL85x13nYVNDf0dFFRxm0T8ZONvtXT5DG1kzjns6wB
Xjn6QZ/ZzYkQzpqKvY4ftzuplPHap9IHrHiTFI3xsqKgppJJ20THRuml7Tj+pJ8OqfjY55JgI
yfc29pAMswg51NBOI2K/dUB/q07zUnw63pjijHtZamsxhreLjwTWRsOY69nWtaqGBG4HHN
bUyNldwasONO+HUMd7LcqCx3uPLSqUtZYo6ibC97nYpGtGpTmei0kVO0+pwY3xN4G905+CBj
3HPZ1ivFJN+7UpshqJX8oZ34g33jZf78qInVMIEbNNO/CHeyXt4Kaof25Xl5+P6knmV8FJGC
ML3cO0FYmYBIndYHR66EppY7EO0jfkoxwsiPFSm2X+fXs2ZucVga60gHBy2co3HZYgqbG04
XD7AscGd+Q4BNjtfUuHbwYrJ9iT5qQeI6gJ34I+Ll+kPjZf27qltKz0SWfC4NN3YeJ8IKI4O
j2UF/Uujk1b4okspcR12dZb8UdkZlfeE7XBNlpHwVdQ94adu7tt9kD8VVdGUIDLS1FWQ+faG
4w8m9dxG4jyUtQ/ngb8pq+CmDnWuVFj2jXNG9h+xNZAHGov/AApz5Hh8pGgRNvhZEMj87DIL
HOdo72R2VMSbNazJg0164wVVP9ltkzLjkoTGFVxDCMOVjzRwY3AB3uyg/its4vc1oIDW9kc
FMNMBwoDjofFW6ommOnnY6wJnHaXR7Jqd1LStsZ43DLzTtrV9HYb7pZh0+Czl6NLjyfhX6PV
sidyjkx3+CjoayjqZKSfMTU7sT2t963BbWNhigY2KJhOYaOq4gf8ASWzdEMP0ysBFgDi+
SB1yyEOycnd4v3QmxwSDF33OHb+KtI3CfsV7bv3qwyA4BeKIHuq3UJW6hVUp7xTZP2RxKSoL
u0MW8d0J8TopJaEu9W8cPLwUkdFGZmk7m9uffTGoIMj891fRPVdUPqXUwJ33A7p8QqJ8/SLa
uF+6cW7a2gcj6XUdGRNAzAa0i3wRZB6DNLyjpnfkozGY4axnrA1rHNb8VUdJkVMMk0ZjFHs/
VuceOLl+qv71Xdbxwvmqdwtk9v3rJYnacuq5V07HxCIOo65IDocwp2D2FTl4u1zM2rhu5qRl
vVuTvDX807JFXEBiPUJ7bu20Ug3XHdUYdTxxwLL+qOLEvQ4g0TOa1utvNVINWRvZt7Fs9M9r
nC3BCWPD6fSDLHm7AfxXosc8s0RdtHiQ3s/kFuROd8FZ+4rzY3N806VrzHybfVD5NRJ7OHii
F8FJccVFa+G4TvYbr12CsPiiE6Mjfbmx3McuVg3VX79rKxj/AKR1k66wjXDiV3HD4o+8boef
U4gappLjibpfgi07Oe/7ZmKyuYqcfRZZY3jYtkzwc/NB5jbh5WVhHYe8rvN061m7k51/Us3
Yx8qXkbq51PVjqpsvZj/ADVoywzx49d3nM/aVicYaBp02mblu9JQO82f5qxrYP4Vc18LLccC
mpnvEhvbWFrjqsB8U/Z32vtLZnUOVrKJ/PdKOHij1BlstK7dFfqrKoWjOcUZ73veSyJXD
+FXOacBw1TqWA7x+cPLw+XADfZueceHWyaYnh7HjGOsQMzdxWa2nDupwy2kMBfChaY+al6T2
kvSR7QmOnkv5O1X2Q+CxbEPn/NQ/s/ePijUTuMs0mT3ckHzHLg0LTTg1YyQG21KBEgkz3iO
a4AKT2mOyTb8MI4OTT9qDxo7vHj1tqpWxg7rDxQdx+RM/HzTiTck6/Lg+Kw9WYj7Sbc5IBg
1crDROwljHw/NkSYJPMX1WxqTE+vDvVubqPE20TSSCbZ2WO7drwvWtppY8dzd0uqBY4OahFI
bHgeaMuhtnZB7RfPS+RRklcC2fdNhoeCcyQ3toVUfTKfHfjdWeM0wZ4boPe3yCwnVNhj1OpO
jRzTYwHSUvf9q/tJoxY2OzY7mPkTnFhkJLGN59Tj1u12bBmV5dUPPNN6pHIY75rG7tOUseUo
p4YW4qioPcH5q/R1HFDB/wA3WjHl/wDJeuipq1nECPCUTSOMEje1A9GGVmyk5LESX0veHs+K
gkj/AJHVHDlo13+amdGWR00Js+ol7N+Q5lGTaCugj+cc1hbIwcyDw8VD6PhEb94SPLsLT8FE
OkJaOJkhsyz3Zu/hTH1ccb4XgWq4HYmqoYRmCnvpJKdkjM3RyYgR/hTqWtpCibMx+zLn/tfw
qKorKikbc+rY0uJef4V6ZDNSSwWO9idw/dUcPplNA45Mkkvhf9idQbSGtrZN0tp7kjk1ehzd
IUzKvjCWuLR7rn6BHo31ON0XpOB7so87aqVtNNQ1GxOF+CR2R/hU9TFJRzRwX2mCQ4hb91GW
LC2JjLyTsdlqM0U7aoxjMNaWuA8jqpcL44xGLkyFOlhq6Z8Tb3cL8PgndINraWamFrujJ5r0
9ldSGkw1213tB8EWU0Y0yPd7/iqitp6ul2Ac6/by4+ynRtmZUAf0keiiHgs9ep5HZug3vFXO
tl0U3h0hVOll8bdKJuQb4dW1jdsp26OCdTT+prYs7t+8KrpKq21hGfioAfnvVbPzxCy6FoRn
EagYveyUeADC+neHD+FdIdEH5tr2SwfRPdXQ8jjZrZnH/CgKluF00LmhjvG9ISzEfpgYbfxX
SPD1bPvK6TbxPSP/AHL0Ef8A5B+5VfR7uy/18f3O/BCKkB9Hhl9IH9n2IX9KTC8uOwPic3Lp
CaTeknnff604nH6T/u/0PFh72P8A8VXxciz7lVRF1nSieI/Hs/aoKRvtsx+J4qI2s7CWnxVW
yPdE1v8ANTs+mukqJodgqGC2WWIO/JTxDRkEo+9UdpGI4a0ELpT+2l/6Qvloh1zADLW6DhJg

sU4vN8IHBBb07o+Ylg5+HxBRLnkSjddG7Vp6tU2eCQMqYzUUvViLZX4qh7NGj2FQ0EFnMgm
ZLORo2xyC6E/vX4Knv8AsX/9qqOcUMX14lQU1LO6C8tnFvHJM6QlbfPcNdrP4OwHiPGYjm/o
3jEF0pbjGw/aV0k7usr7/wCJdBtB3hOfuVJUCQbSF++3mw5FbcWLnjYt+jddKRh29DN/2hTW
GTJXXTWvhxs98Dvatkulfps+5TOys2pPD3lGWZ3maomd434eC2fHDdTv+morAYrHQKplacMj
Y5SD8SpPSow+oDrNqWsDxD6l0g5/a2kgPnhXxXl1yQRtwgHNC6AQRqOIvxfORcHhB0j3dG1/
Nx2b/r0cv0Wvp6lnDaC33LempYm88Z/JYul+nRK7/l6c/wCihS9EUTujqPTbyNs74BPpm/PS
dtzjvOKo2Wx9I9HzNc+LvSN0xN5qXpWrY+CKKIsia9tnSOPIfBT1E8bzXVz9rgaNGhQGPFJs
5cRwZ2U8M7mmrld8EDTc3cqGntgda5LIW1Vi2F0YaHOyuQSukmbFxnq9pGObcXaVJjffHE/
ES3gqyFrMcu0JNtTfsqmjeR+jsxO+kpXknZlOJsp5G6qqeNmN0shdG7hn4rodsUzKiOOkeTJ
GbgneB/auk55mGGOeRrosfebZVEDREYi97ntxcW3UNJ2q2mc07PjIBYU1fKx9LRxtNts3C6/
IKWrdutecLG3UzJW4JTjs12qljnY4SMFiw81URSMwVD4pPVnXMI09LkETy7Fs+JVYJBgkle9
waTrcIRSMmclsT207qv1ySOGblI9g3Wre7LVYBWnga4eSc6gnfGfZa+y2dTNLS264nlYqenZ
f27ZpzCN4aK7TYhGOA2o0ctts9o9veecSG1jD8Kb+itWOOndEBLdVvMbf2xxRc+laSVIstV
jSg4tE5747Fje6nbPcde4TscLHxO1j8U7a07nQnRrX6JxFIXNOMEIfIAWBx7N9FdeKBfI95G
mJyqXSvLSC1ocE8zuFRGdFOxsQEfG6nbHutvo0rE9mNsTb5qSWWBUeAKqlgYQG3ws8kOsRv0
Kc1rLNTKLRrRfTv04JotgdxTBfeGqcpmcLq7DZOif840Lm1WORWWd0YHHxYU7GcQ4FXV+8NE
2nZq7N6Ku098vAJgyYvJLbrRszfBVDiCwu9pTSN7Jdkpp32btn7ikpY5NjtG4cXJNpNoJXWx
lwCHWCO0FHlVwFmDsXq0eqdt4cT+aOzGz4JzSck6YlOmjyk5rZvG8EAdH5LmtbFarGz51m8
FtHGzUw926wX1F052rnG903qPyg6NxY4aFDHhmb9Ski2RjcdHA9UMUcrMmbBZrSjaoOXtKaW
TtPORTr9dwc0HvG8tFnGpBtNm0ck5zDjcFjtbAsjqt7vLA9Ryx/FRHxQaCtm3TiVsj2dECT
kpImSL2uCjjIwEauTnvcX4uLjFkw9R/VZZKxkd80GP+tWOnV8Fu/Nh2aCuUWhGVj8Yveya
dHHVSiMjE5BrOahZ3gFcdQBOSaGHeur6p0pN3OT/PJNB16rkrVbpyTSQR9WSufkujI7TU87
PDhY1275IkOytexW+wsvnn1XQjmG67Ry5tXwRPimlYQcysjvJ0T7ZLffgj8FYG7k5xGq91qw
kcFJF4px9lFt1htdSVEnaW6tkxZm4VltJDe4yTbDij1G6yGSthWN5sFa+StxTzh9nA5S2IIw
NCceQOSbGD2QxqHU1vgtnJm3gUMJywpwy8FqfrW/iPxWKLE0+advrG9znEeKzRQT3EZ3Utrr
cJCzRbnbwQdZ17c1jiuHeKleNVcYvrWHUBfvJ48EdUNfrVs0dURd1vNNJv8AWu99a4rEx7r+
a+ctj1+oLaSoc57jcm/gu99a731rj9a4/WmgE2wr/8QAJxABAaICAEEAgIDAQAAAAAAQAR
ITFBUWFxgZGhELHB0eHw8SD/2gAIAQEAAAT8hL1W0UxlZ4APrMeJHnJPbcsU0e6P+Y1WZAmMn
pOge0HL+iEYfFD6z+kEerqWX6l6imfEoA+KZv4om19Ub/wCKZ3g8Q/x0vv1SvR8SvR8RXSje
J/i0f8BFNKN4nXV6T/nT/nT/AJEr/qiF0+J4HxBuHxKdD4j0PiPQ+IE7Y56h7XxHrpGsQgaU
ej+QiMFqHT6wf36APcKlLviVWEDZYN7jJStXUYUc+PxNEFsYe04PdhBdyxvyZWZUd6gylYhV
omKT3fxvUQwo1EjHBmdWu5c5gHMX81D9ZzyHzYQdmGUOY18yxxl7SCeBQGulJtATBI/AYPT5
jM06gjfVt64eYC2rBaAFNHTzLbViuCXjEoaWgjRxmXBCFIy9TFQoAktuXWpeUUUEJobV/Eq5
dFvTH/ILTce4RxnQEoEpuWzWCuYla2yqtoB+5jGHQUFprqZtZQwkDKq+N6FLUY15lAoy55Cn
HiHMcDLhziOzEXUtqypYH0MXswCx1qs4KzUZ1VewjsqcqcpKs1qeiJgAI8ntN8Ya2nOKgW3
IEkpxHBqyvwdcy+cliGWt0zKyQoC7WvX8V3L6/H6Y6lQfCn9y6CZ0af6YCZJUUYSo3bPTU/U
cklVThsfJGCq55G/D9oeETH5Nb/RiYBCwwyx9i6hMI1K6XA5zVkbkylhr5eocjEqmUILGT4
gWCDWEFH0qUM0+I5PsZvBUtek4ek2lwzarnsmZlmIqKII4jM0JSzTx6Nx2MDDsQfl+E3pC1
StzgyANxArbtqkeRg0VFIXQX1LR9Q/6/CVlqtVPCSujC5dE0GuDgiokdPINDLO7hl42usXpe
LiQYDzDSXx8dExkL7KqDHBXzLrR27A1n/dzXr+bi+ss2FqeSW56Gf5gLu3hnK/0zLVOlJfFar
ryvCWMANKk8uuhfb0l0FiNIBIA4xQEUjPmBu3aVX1ihm9BQEJpVN+0K6rFoZVlq+KihgCBK
l0t3lvjEvFKCsTzXPPG543WEMlVnVvK2nOtrln3mjQXi5AaAdoYagj+Nli2g0PfrqYQUJoT
irij2mBJ9ZVihbZRXm2L6ahaTt7Sq+WERSmaQDmqcvaE1gUc28ppjUXDgA5xLXyteCYEBEa
OytNRkNgd2ugvmZQSYyO7LdSttABTaCxEUsJ2zgJw53qu4kTNyLbQjjjUrW0QItVtOXB1zNA
0mH2gVX+olIJbbBlsg9I4uShKMrkxqXLm/x+mHiyMXr1lDSFbHmW1eCX+mW0jvcnT5PuN5H
JCethsVKR5jdJ78b/ELzswfMuBVbamJZzc/xCEQIUQ9piENFOoMRKmsB7VPmLqd9KD+4b6ua
vmX7Uyos2nB57lAlGhzuLL6pH8pcELqPqLQILLCOhL5lRtqCvErR8zaZ5dTrF/8AP9MSkw22
Xd+sCoFkP16xiWsnXmJmU0Lk4EdipiB336M2OeYUub6mEsqh29/G4PrCPMt8hIroGmEh6CbC1
nlfTG7rLSPccE3G9D3Eg+X0jzmC8RHaijzXvBeDVFgyNtG3HRBJs4oPK384JmQPLt9Y+SXJ
Dhhhrpoc2l6fMx1D2vc2PcIVSEoDK+9syVUp1OgNe5UrKhv/Km+jXrUc5D/AG/4vpEW/cRF
UM9CgzNbCqMrsU8834hT5gqNnxMY84jKlVv8/pgVSymUD09Y4bOYMOFWMhOw0nDGA5V/fulM
XB8PfsUxh0dhC+ggj5JZZVL20/CfEtDhXqllBarikYBDur6i1OQRNXy8esBn13NPUFv1M/Q
jVQo3auV5bmzpYDGFwPlXUza4JEHhTEuaBzdTpf1AXKXNJZgi2N2r46uV2tAAXkMi12dEq
QmIxyMt2DXgU5av58y9rdMaKHfI3eWM5zXQXw4L8nxEajFXVHsS6YLRFeFvmbop+CDjLLEll
IBF/Fz9MvVbbliNnMSq4D329pYgjsVCxXAedCWKuwezH+IWruJIIFzhPgfp+oCsw4fzHQrm
XmAcb/ZwEujeZ8HR4lRVStEyPsGOxW5fJ5cPjTDGfYxr24ZU4LOItAwS1srwWVn53CJCWL6M

8u2/MpSTAE8sItLf6wcoUfOZgHbXmXaz6SokreZtCLdBNUNfcW8/hLMrifi/n9cvMisdDjiE
FQK3LpitrUXdMLMF0e9h+IbFpPTmXSEaNJpilpPPM5zTqeKLPQJKP8j9yjtNsmcxQP8AZR/M
W4JiVWjILE5ml5NMPjsmbzX8p6n6iLs1/wAUpg2xA7wTnMcLMigaCAZZ3K+D1iLBduVj5dX5
B33G26QpPaGJIz+ydR6mh1pX4loWhMiUk2v4FLDRR+L6jK/IIvYqt0hl1ox9Svpa2id17ytg
K3G+YINcT5TJ9K0EYyUZQWHefmZp/NPqFcoxgFEbzAnzGseLxNHNrl2Cwo5aOPuCWKsrCYc
9UZjgYHTPFmEmrHnmCbAH+nxqGAYWTqJK9hRJYqGLrmCm/0r+34IPqnZaNrtf1H2qIv0gf3N
AzA49B9moKjSBb+46pWnt6stg9aLL9ICPLTn1Kc2izRGVHEWfqjOqlAsVOvSZ4dUIPo4iwVB
cWHF8JemMCLkQoaRde8YestAA6uYxstulZ3sH+YRiVs2giDXkEWYxDWYNIAqPhXvDkEL8ws6
p3FVDytXqMfcrTazG/FwDIugB9yJVUQr5/3DzCosn5I1uZ5GCh0be8tkGiVW5+LjXwiJyrv6
/iNakgJgtAeI5G3fAP8AyYm6SjG2rWC1ITNWOH+SWJVJka9JXt9pnYeIKIRj+P1wTXFCjxUT
KABxS1eAKdxeU0dbeDxxLtundFjb8QESTpsHiNu9SiI0K6MoYz1oNZUcFAsowvpLIMA1o7Ql
GN+h2ekONmFD4VzfXM6KsB1qthtXXqXn0QYpWjuZK9QGLpvF+dzkAgIe5GZxJV169TKv5AmO
bcHvNGD1QUN+0VkvYQddFkKLQqs8dsEKDyWRnZ1zkIUrgYESAkz1VRiK0Q16ML0gNN8SgtCs
iQVmZ/8Ay/rFChpQK8B1bz7Sn4FdEFWc1WLIDv53PEPq4Ka6N5ZS1WSQ8BqMh2DQ4DuWL15H
ovGeouNnA5OwHGax5lcVer7WV9dSylXFow3HAtRzrmFrtemGF9DB5VhUdnAtAvL/ADLZbcFq
3p33Uc8mKefOzfRMM0NVHsQZ7qtW95RyS3OLJHPg8cQS8FwBgAL84f4laEc9yMNCr1
LF2py1Vw/Wlcy9koBz2fbcIMAnD8QkDT1I1cjp2GAgaR4ZiC2rr0/FnhrEMcSpufqijXoBWD
Ty3FOoisWmBhcqAlwZF67XmpjYl0yDt0ixewuZ2IYp9osEM0a9+HzDrgLLV7c3HbcQz05Wpp
FXhYbGmBzhNPJ4GUMEGoAbf6g0oVgyFZQ5g4RwWipix0YtlzMvhi4QdTfHSnmml0ADcgv4iE
V2G/3Q4CKsUfWdniUFijXIHSX7S8dIX0NexDbQmHtr9JQENA5xU8cWXWoVMieVaz8RZILvsO
xuukiQ7Jh+oMhtnjEALN0+dQILwcEK2jEO5IYmXl5fEqfqlUdSah7zxDQXhRWzpvCWed6Zbs
xUCE5aUeD+T3mylBF3TXzGBMIsImPuV8rUTsxX+9xMWAlYvIfiAaCmjhZ0xQEsGOLFwdzGop
XxkP6JRzKAFXjbpqg0Uy2Fv5uZHNbDWB4IKH1CWSprmoMsLHzXUHptGkNJDKK4dl6PpmQUwF
NJWYoHorQ4Nvr+4XLGK3Zw/EpoUh1vMveIBtBhvPMI0HZFPTMdZZVzB2+fEARRUtXxEbW5tS
HomUSxj9o3L5m02X/aeGHiZYOCJHET8IrKKBV7ziDQoYbHcyo0LYIBwLYuoUGAjpRCbDe1O
YpOJiSpA8q4PmMquJ5Ltrf0ggWwpeKlXU009tB28Sjst/YPYluxB82Y+4OhdMNU0sx7kJRTC
SBbBH7KqG1h+Nwxyuku6ziOujnKtkVyEc1P23AWFw5Oz8zCurF9CaGF07h2vUHpaK9HiBiRH
ngC+NRgS6XbePSAY9hqPvsYEFcIMMs2Qbo0TlnPEqZ0lemo0zso9C7es0yxAEtTNyqhLZfDc
zZEAt30J5jqd4d0UZkT1nmpSHUxgARRFAN8OcxWzABp4hCaEcFQ279X+I3BRi9ZgGBKvT/WL
J/eF7XUVNEAaEpHYw6oBmKnJz6PC4YYDF9U6YvbEAVga5lcK3RWtG/fMBAAtktYisIqVyCvmj
6lvNidBVkz3j4h4Ik0S0mJk5AV+OZSyW/AlbASlxxDqW8KcM5+YW6ZWTOeL39wcngZF3Mf4
BmBj1mhXEyoJOK/uOTM3WhxiXpo6M/uJUAg7uUFCxA9QSKQC+oLSjEW2mBjMKF+kKhBNogZU
4aGUP3XrE6sttleVuzHDFNVKtv2RzoHmyEuAreTHI7bNyu4EKd2XBpHeVPTGbqSvb5imktCh
bjCfuOhrBwt5XWbLntJAgeYoWeCrZ82xMOAgBV1V7mmBABxa4IK4gcM1i6PaWhAyefQYasF2
MMAW0EIAqp8u/Y18ykoOnh7izWp0o3seCFkBLj4Kjfm7k7pXpKBnDKz6R/WbldsvliPvBTna
Ryd11CVFUCvUI11LA2fsZb4P1Epfpdp8RUKyZ6MvxLDsteOnQX9QiqFtqY2rYj7OT5zGIQ9E
pk/fzMtYbQHRMWASzohk74AgktSdYYOacTbWMQpb/F4WDZiV+xipG0XkwsMUAla5n1cnvD1
Yoh/CYSobuMsCwHXrMCjxwfe8s5lFOcObPFy8yyrOrNSjAD6aTi69pmZjZmlaZ+uItim8Br
ScUksSwDaeJ7zkZW/CF+A1fpcEOnIBqF3pW06xLk4/gJW/X7PwOsSyr1u3gWi+YgrwaA4Suy
pU0auO/coIBVbSwirxoUCgdLi3VR+V9EHdeCx8RwYUCCywUFwBD0ggOM511Bfgeb2rAbpbe0
ar13KC1tDBhj70RDSkB02mNWyxE+i1/jle8EFmleClteOfEVINrbjYvDAIp5GVjO2+o7mdQW
CbirePoRaHQh5ssneIfSY2inVg7ThOI3KACV6z5cNtVKHdouB9P8AFai4KBXohl/pAIuLXLwr
0ZrctQaGTO5gfGq/9TMT0A1mEwBdBVMbjklR6no1/EoVEWiEoaG8OfefmlZBb9IYHJvvsfWG
IRKR2PTHB8wXV5OoDVHQKjxsWdlITJ/QOOI5YYa0I8GveOcKtCw6uIAFZLQNQXIKOXiX+5avK
q8gQs6uVaGi50j5F+IQ2bZPSbPj9RRZSctelJ27OPuWRDMZw/wBCDNOOL4JtJ2mBKwN/1oOn
KyUerZ1B6wOEB43dy5BrFofZZISDD2M4qYGH6RBwWJKE57vjEtA582J43V9dxkaU8jV/cdMg
ApM23ebxUuqeW5RdUHZEWMoFgS0QqhQWxsHUW+LQepMi0tyeh31LMDwJHK/mHkrlrDdPMC1A
Wrjr7YasuRwVg7uF2MVUWo8gaYlhNkLP7hRDginHHvMbF1m18kLiwxCDfBAtr9HxEodqvrRD
Ak2294DzbxGQzDNHunXXzMvmagloTVPFJxALBIFtfBqD/JgKbABzwmIO0mfqwh9FcP2TYHt
M6vvpg7KEX8qEZfBtB8idYUBTpACKX5pUgy2B9NRG5m4HoDKdy7odmuz8DEwfwBrDaVZsrU/
XOY5csWngnpl54i4oKVfMX3/EQkmqMRXXrK2F9vnI+4a0NR3yrruMAWqExGYZaPeBc1tF9+
PXf1BTd2PgAO6cpvcJIhtZrzDedXUfGGKkuA/wCuIqz3E5WKvKmGCjmU2zyRBSBKDS8/cqxp
KWzuwyX6lcxUph1woHdIH0CkrWxtK+GVa9Of1mUmIfh4+nDxy36w4liBb8hq6ggwLQmvTT0l
si2L+ln3O3pt09ypp9gKntKZT/qNoVSeCyfcFQYhAaC7T+dwG1xqXroXTTFzibl0G1NsoUP0
go9sRUGjwnpUZFHxwNrPMwaiew7tzvV9R82TRpFz8Q2SyOnamZcvmmQMVABskC+csAiChQbV
UM3VYobghtYsvrUoIAKRbh04W1R7IyaDq5rj1GNFVPJFNY0iMNHZ2QUI2t2EOE9Ad933KLJR

peXL0ipgUQAuq0r11uBDWE4r0Fw7jOkHtVHtEzRQgYCpwVqveGlcY7RbPDBAz06+aglC5Pr
ywjITbn2BMI8afvLMxIXYopRVbZngxFSZrQGIAWhoe8evxkTtRuQHWbJlsOEFDaUK7KaYQt
kUTj18xMzK0cv6JtG2Hpf+Y3ILcc7urhtpdwtiFT0gSoFrFiWptHkiAO5/I8za/IXdaZptiS
zti2hcQusjCazJgipG2I6iYEtYhd+2yBwjSousV0Q6rDRocued6mbmLeO/DoMqI8bS/VKKE
6HBChUnialwbv6lcOZ/0viNP/KWBK54kfK1+o0zZws5rH/s0EvZ/sY9Bp9R8TkVh2XXt9RbZ
EMdwtYAMATn8Oh6y5qIq9XxBnPrY7FlqWA1E94fTOPCHiLQBsMDGuAlAcEgebcyAK9pzbevE
GNy4TWYeywOojSA51mD2JQon0t+kscgrScx1FQUYDj7H9vmXjUuyYuseZRQIbu8nJ4N6hKU3
fC/Z0cERk0gLaY57Zxi5Uwcm0T+ZglNftlmPOORPoldB9P8YI8rIdfqHfuAyp6wXFraeLj
Q6iMWOOIY7hfGqPgTn8v5otxeU99T62L3UNuJI4zBg9P6YaGMI0XH6BuXlj5jgXQWszFVt4i
oAFiKC1ZemYImyk8w0ORCqvRES4Vy3cv4GliaYd916Turd0+5Zb+IHNEIFd4/mKrGLWiskNh
9ls9DxHtAF1Fu0TURg1E1ynktaPTEExVYDYpMhCCV57/PLoH/AKeGWr2F/wBsquB8X/uW0aM2
pPPCXp/HHV9Aixlm5gZU5VZxOJx+PsCffJ9bNg5sGIJIYIJ1OTWIPb9qYvIULUF1ZdS+I1bw
XGEhbzL32LUyLkumGhvFOX/MpNRYdPU2X2LmuZosxUapV2xEIwHC7O4JiiWL6ZV5TADJTt4f
MYd3JcPrUq7Zzd+6lBKCuVQwFtb5qU8vfm3d4rS1ctYgxij5hFQ8/wDaXND6MEKF4Mlr3qwx
VgVvq94+oODBWPJqDgqcQ1+dvTN7w/UfxYpVWtfz6TXtLf8AJ/MTsswg/DIIh9s56oWOMROE
MgEYhCCYLSaiyDdy9Z03pVM6JeFnYAYg33U7shxOQI3KIQ0F8EN4ohtfSK4G8k4viDY1ULJV
8ysBnID1WPAiAwOkwqja7DR1b5il5RWSwA11m0ng6uCR+qum1uLS6h6IYX6mIHkPQP4jdD1f9
RPJdXcILU8J8wvDKUipjkdeG4EMh1rana/qM4/JH76kFN3/GfWxqV67C5RwQRGNmCuxOJSRxn
EwPBfgXL2MdZq1X/ABL9QT8mcRhBzIxzjQ36I1+pfIBJs6b9Q1uCy7ZTR75P5JQdGYeK2B5j
mAnNXmHBUE1lDJTEkCIY+pDR5tGQxKFqBV53R6Q1SV139QcBjQV7A3XUQpvtmbWTWZZhxVmP
kzFs19FA5XsVjaXddCcFlip4UNQGHcWZA5Gi6s2NfhH/42vIYdnd0n65ZMcQp2yeyVpXelk2
D5j2MgT0p/cCpxacDBYFAprNxfOWy+ZWUUV6UwWHcqouG0iqsA3qZIORC74wWQApuczwxXIK
4ilmm1jWYLDohGtwjZBospKHXRh4/VxIqO8QcQCttmX3GPLicGAttI7tGhQI9lGtxqjgZEV6
phGH+nE2Erj/Ach/57P6lADGZDsGLdviJfUjAMBbgO/w7m//AI+RHoAxq9Ea2aAID3e4XvQF
VE0TDZugis3bEmTBGkpLuLjOH5bbi4QAsETUqrWzfto+D2ZajGO4/rLkvI9LJanFBXiAoCx
xaDZockJY3VLcj5lgZqmpmtJS9YhhFFSFbDrxOwQICFIjvdWX3ML0zvuXrBHLixnNV3nMp
baCBaBgCK4IwkehiA2auBP7hT3NSAdey5njFRLJL7mxyhxdTqDEsAvlq/ww2fwQg3E4Y9Mv
6xVaBo9Cu5jSBSivDjqLQIADbW7P5jplOt0Ls5cEosAPuGZW1mHS9VYZmXSPs1DKy9JX3P2E
oblVPSUBeSIAsZciO/fnwXguzkcPqnNyGqJXdC4dYMe8uaGhPt3LLEOcwX46VhYQjT6LbTLU
DJQrClqRxmMozJW9jMF6NwjDKP8AtzLMtVIIzldHpzDpuqunVbMzQEX8aP/ABxPDPwZcEQ3
ZLvtHx1AIsVluLgruDt2dRbFRl4sg28uCmDYnF0/3Ea/4yYCbZiX+IzjIOwijzQK3Ei7gYVK
D8MHfrF1ysqwHxExGIAmDws2PEWx0J1vMA+VJfV9zFGCUMAJwo55lxYbwLa1ZiM3O8ejcpz
OKP1mxNF/wDIheEycA1ZgpvEKjo6Lcmc4qo/149PyRIHqEfqm0QgFWB/ceDxiy5UB5i83DaJ
6RG6GbxTL85vCtHgMx92U9lr7Jhv4bFHHk+YFPBXg7l04bTQIe0ZmlKvH6jMWK6w8/FEHMko
OR8kqZXUji91KpOKQZvFRDvNV358RCc/feVP8QJY1IIWY1WncHauetZyPpGM4ON13i4K3XR
/wBRryNpeIZif1MIxUluhsd7lLOAdWri/gyx/BD8YtzR+AdE3BEolrqN8gqLsmjmFdjBvr6
41jiWqEFLzisdbggYal8sQrIrcRzGkZsKIX7JeAlSvqM11YEuqOF9pYq2vngRQyDrBfrqCq
CU2nwTZyqcy8XK62xs057lvUohpMbtXhde3MaDINQdYamB2V4GqFuqPzBYahg8aru40WygMv
RgonNbril1DVkrngFZYtBqmAbFFsvn19p6yuLbRpKIVQF75fyQIST8pb+Bu0rvbeJcBas4c6d
eYD/ANscD/c3KnkKO2Upd9Q+4PTHDPudTVS8l/uGgrMYycSg9ZYsxCFm32ftbjDOGARdj9x
5iWwqgUJpNe0CEI8xZ1CgAorZbK+kD43aPQ4YpOj6DYwK31BrKZynEUmqUp4SXP7Q1npyOL
riZGCKtOtAxiXyvZsd/UHDTNSo3Vr1CN0gOdOJfUJ3RmaK3t/FU6OTb88e0bgKcG/ueu7K/v
8n4Cjy1AFDRP1RtQUaKMwDG4Mt2LQHUB1NXyo76dRRY7LtejGDdPT/iIajicGIt0dSIHbt9y
UyeIGqAS/kh4uPLzURej8ZeIqXAw5SVhCDpTt7QIFcy736LHx9y676OHMdL3QPhmi+cMFacN
xeTHOaMHcyZohapsGKWs/qCDgTR7Gq7lqOLhMN1wErhWT07hrk/VVWQ9VOYFBctSzmLeYfZ/
8MJGWNHOfqi4BZeDOSkAdYS/oGUoeHf/ABM6DbOsH2xKUcTgIQubCjfZLtxm1moyOvmOphDk
h3UAjVl8nHyRWoGADpiPjwPMVutEHjX+UMSwLmJfgzHILbHFEBYUvVYceYQzFDF9Nn8zKxeo
BVNn2hYVZqB203AYo7kRixfIHYR64K9Av5nzhCqACz4C2VrkMuH0QWiNZluCfo/Afhi2AXGa
XuBcKRfxtYC2s3KkPgrXJLpkTLt6gUmMUBwRPZQZV4JgaTAfzOghymbKsiNiAe5/iUmXLzM
wgNiQGqGUeYBkKoVWLhBEtNEZtMj1hSQgs4X0+su9MDrxBorBy5l1AsgVUI6rcfZ5S/ZEQvW
IL3S/FNaX3Adf2rbbt10fM4YsEWfBKykqLfwRux3xRAezgUxhm5qINuc+rHX5fwLZoWoYv8A
MBGsMw/SJNtYWfdQs2rja9XcEWHodzb23rt6jBTsDKmggHVM8PkmHzNwO2yLIQ9P+4WBnAWO
e5SihXCc1xGAttjUCuVomfRF3euK4I7YKNBkxHLgKuHxCfQuOCQFlckY2SqM/McXtxGabreH
AbFUy0ctVMXmZF9RZ83XTv0lsFHZsirdOMYOyv5JqNGPI4mKcMGx/bmUo/G89Ywl2S9bVCaZ
hUDOBWr8x/WLk8G4yw2WceLuSqi2ByBGPXyw86xdgHsv7iJNNIXparyYISLPSI2TwbMrsr3g
f+I4nYsEez0j1nGVftlMMOBr2lzKwSjMuKIDWA1fqQZEO2MYVwn7QHkXIMdZaKfElEtG8cdwr

RwbPMJUIOr/FakOcI5fB1CUBZuArUITFO4yFGVjjiEYMwr5nWjD+GnEI8Xl/ZGM9OvE/VFrcj
fUYl6ZV3EJV5HwQCoAUHUK1wQMhsoDhLhUKw04OQLZQ56IZ+gJWXHkFM3j/KNQwG2D9hOA8a
5hnT44/D1hRXEsw+pKtMVPYzXkM4D/ojT92fSf3FJso9cxdKkKwQTBXZcrJFNncSMCZcUdBHq
ECqMCc2aA2vBENpydFw69NRjSDR1ALjGYAsJXouG1y11ljdQRU8SniVS9wMT74lJdU/hGzH
+Uyh+mMLdKEUBkbJlOPg4lOqt2cYHK4IsEHHqcDj0GIBHHQ9rZ9TxDyh6nB5MQlDTbSdjTY
50mU9PHiMwFsbPJXgX7nmD3zJadAr8BHNW7BWgrdsL1mKCr78hRg99VEhQNNBvD1BrqX6ulw
IPdVCFKUH5gZ9sAlQXTNcLMNCvYXqr8/MulHSQLo7esyggQaZWI2srVRb2VcuoAOWfiQarhd
XksKc37Zqo3wOOC6AWfXmG1xphkUAN+axE2wu06LwfaHxZBvIKRnDKFbLVfo7XwZi2Xy/Rdm
hfUGDwgBG82HiJ5u2r28qjJLCqrBkri8xWfPctrLh4hlWyw/Mgt+ktRwLRYWKQ8wTcDQ2+Q
YUwtt+5lhl9T9M7MFsCjaVUbrhiHdSmr6QMFeqr4lKcSgcHBHRZzqYjMjHb/AK8QoaFNh+87
P8McF3mNgSx9yWAGS2xF9WG/QrchKvaqvAlJMIKMR/atnhx+DYekHc3LFPgLoq1Q7yMCah
rmcP3GtmJV1B+av6xiNvLXCIss9mOA/b3Yb09PhD4qCaslF1nPhD3ZlqKnK5YmIm0WWja/PP
uZ2vp533HqH0FvKj5w+4V9YH3Wp95YZFUafF4jBg1HBaj0uAcUAfqPq4kkEfbaKlOfFDOyHz
7K/qArecEv2P3GCOA+4YenErXFYbKKzzC7cwuKRA1YVPAoX2RYqac2xOGKWjBpoc5lgnX30
9jpJXiuxp8HldeDM4uhnA/bb6EVQDKKuY0mQF6yfpkqqm91ZJd9iu1CtGHAwxyRpWufPpCI
USGzyXXrSoXxbTrCaQ/Tn+AN+0J1OcMqsf75h9Bnv/wYSZiXlb/X7maDC1ssnolTR6oteUam
QOGGxWJxdlMFQBYxTEXMmx4mrtaniV80wEZ7/zKdwYDScOo5LFe1CKgtH5JWZWh6Ef1L/N+
5QvID2jvMf0jGkJdKcEnK8SvtKf/AIk4eJUvVbR1bB637S3ci133sSyHG8IgRed27XrF/QnY
DSBy8D5bYtGHfK5uMBAvoig8KUM78R+TTnxhsuNqrMogTnLxR4Ar6lYhdnbDD8ylol1k1daC
8xdVAoKGA9IZsHfWMO6jzprl71PFDLfoKt0qotiBAsKW9A/TOPAtvDR/vUs7IPgwfjHvAHw
k2OToB3CuElxsCeTCrgth2SFGneQqYaqGUmlu22uPESoAFR4ocvMZ8thlXgjhZxQKzHzAE0D
5EYP1FgCbwwQK9GXpBNxSqD1xK2+6DRqvWFEwCpW/wDPvBe8txcF9T9cL6Day1Qs33AJyyoy
lADxEiBt2m7rrn6R0K2+H7hAXvsveHqQVVqL1t4jBiZMPzF17BF/C4GteLMBE1ctMVOJBQL2
PtMkYmbw+IjblVlOIC34j1nkX7hsakVSBxCodk23NM6EV6hzmBVgtC1+kl9o8jduI4BSB14R5
BXtbmUbQaRpJyT4Vr5m1DEt7b+o5oNFvDcC1lV57ljg4IoxHjXU5AuDfv8RY1cJwAc/v4jzi
wPYfQsFl5hn64Kpo08wBHJltNXlJtEphgmriN/2slmFf3MXMiQ4SqOKiLKDJf2zljFevZ7iV
zlCypGW1uuxKGlNlXye0JbzNu4gTVS9lrIOPkApTx17v6ggMWwHDAs9ZU6wWC7g+4/cXUyAu
sVZBHlrOpEQEsOBX/ZcBYy64iqAB2Qwv7hU1IaraHctkwKAzo+D7mSaMwynxgHHRM4SbhAmuZ
kWJnxLu1RthbHYjNwkRHB5nSYVD3BzBFHyDmPHEG0Ei2arMd91HDKuZcTod+ZS4FbiMoZAjrm
obQ8RAzMK9wlcLyGpQHTDOEr8DMqQg4hhSdlvkjpmP0K13HEH8IFeV83KURnSErulqbL0Gj
2qoHGqMPc9MP0I7a6eY5uPNS4G4dTDas5Jeq9oN2PwRm2K80XZGoK/2mfQuz0m6YZUsqBSEg
VQzM7CswCRoXZKVLbtwxa4tmLTOYdLEEWCDbZEUBylsFqgyVLjc3Ly9ko82Zt/5dHETwL6S8
TEFVpd7GKza2Lpjh5qiG6bWmXn4z18j5SzvEwSPLC1IpuBglnjKAhN3meENGHgvJ6l2t0bhB
VnDEMEDcD80WnECnuVcq3dv0gJvPCWYafMxYZxslAVdled6RtvDuVNNLQKxChAfJ+Cez8WBU
OOk+YDdhYWv9pkeDB5w1X3KbHAV2Om09xKgjotTTDs+maPRBE3mzxlhUCDBr4Nyyxwe4ptMc
coyY3bM7DRgxLYOxt0GPyyqS8R5RAZEoBk0xjmbL4iU0gJbVynEcFe6A3dqOfRyIXmUj6h0D
SM3OmBINrdlFKPMaJIU1uEPJpRnyvuKYiQyEeS7iV1qfeDLfyodUL/UpR2XElmGKRjb8JxNw
Gx8s5bvUObKNXKVR+kM7Y5MeYzQC1zE4WF4SjAJRI77lfrERz6kZgH1mUtnOY1MXEFBDqxTa
lyZSBY2rlrgGYYPnXZcqMWwtd+/wpxXXlLx+09SY6lruUrX1h58SMrnxAymAm+PcqQb7hLpI
NwLYXv4RxsU50jC8vwdSkFDw58s//9oADAMBAAIAAwAAABBwn/h004nzn2F+qvxGjyS+15xZ
hvj5y31CfHfIJ2eiLLVTxN9P2TBKpxrbQwK6T8jmZt4pgvS7kmN2w1IaaW9ukpz6/j/AF2M
rN+/JNbf9H4XRGaZlrro0W0/pG55dt606O/18+JOn2vXrp39S9jU+05/x8Ykeo+Lbv8Ah7W8
eFK9+g3TjGH0A7dBL/7bDdOHGdOWN+ee/VZ/NuutPaeONJn1vb7nHfCzvbBIjH1377uvocs2
1190vvtNxn7XtcfTO1i+7s9tP/v/AJyXPHwKL1d/ZXS37/zfPTHxzyvWx/hk/wBVI9AjF++m
W69zBmNDSTn18cNn92Yh9/09t23WDpNo8/sqYB+cffNW8K8ldUfYq++5N1i/U4Qw/BR8oYq
10zLY05sy/fSBgQYssit1YAx00PMX+d3k9TTHv5n2nOjoX1wsdGdk+x0zqetqm8jo6g6zZWR
NfWls9x6/wDNZdx4ce/vqPcKvF+zErp2/wDhtr+rKJzq6ihrczI6/r/+Pzf+/wBosfA/dfcj
fD8gj+BiDdhB/8QAJxEAAQMDAgYDAQEAAAAAAAAAAAAQAQ8BEgITAxQWFxobHRweHxUYH/2gAI
AQMBAT8QZkNUNyLXdxgZOzEQV1soYzh+igCI32wOyKJAZZSTQebsQAgAzDUCAFRAAsAfrQKS
8KOJYQVkanCTuRelsHmGAB1jSDREaur5AQMAQ0DEA4I7S/PabArUAKe2JBBA0BkwTpeKICSb
TRyQSebfAw2oUYY2A8DAYjJwgggK2T4h6EA87SNYijakKMDPwACsgUnHewwHJvB3KOewBldI
gDgJuRHRksC1fB5AxIUiqFHRgwoiN/73VcnBkKw37FIN0S0P6qEI4dA66AAqrwFah0sNqAOI
xf1BgQGIZIDMgwFdkIAMDaIQ6guIAKAIGrY87GBocGmKADKAGoE6s0Aaof6EgQ8qWgYVBr
OALLBVgJIQIYFEo+ELAHBCACVhlhZKjKjSuMsQiYSIdh1VdICElBGEzY0QBCFCiGEQbc0gOsh
oBAkFAJAgQEQf64QEoSqDVssqNqoK2bAXIEGwQsJLnVFH6on2q6d1KLE2DoxMIRg21AUABFv
hB+H0pD0gbsYIMMWHf0kq4IZUdEN4oFsG0JggHwgSPF8CLUfaSV79eVg4cuuzwGQhMAceflF

G0Vah5HIHoAIAUG5cGmAstmMmBTkw1WYEyJywJIgaC6QQtPuaBsf9YKKucQL6eYHSwQAcBP5
QqUupANjpBnlwHCUKKGfalAA6t4gbIxhow0FAFIWQZ4FqHV9RogRADIslzDFdQIAkj1ZgEA
0IG0gUz6qg4WdDIGPBAYUQBDCjF9+YVCDhwBF4GcLLgGM1agBdFSm6wAtAaA3kLVNnEqDDwR
WMCXlwNFkgJwEx5FMBQGelF/skuK4NGJFAERDd8sG4b31omgwRZ9M7pR6kvUs+phYUwKQHKI
G2+JPiMkiKiAPCtoShGGLInDjAifggjubKCgAijUt4IIsRGqsqi7YU2YBAix3//EACERAAEE
AgICAwAAAAAAAAAAAAEAESAweCFA8DFQcHh/9oACAECAQE/EOFGQAHAIAMoGYEp3oYISEA
A ABgAKxqJIoDiAKkIHTx5dAU4IdNGIBzmlelXBLgAEgBICUKFKBSEBLLoEZ6FCEhWSHxAhJB
1AQgiYx8EDh4gneiPioQDBkAEASTQu62HO+AMKLI4UGJagiwICQp0AByiDAHAZnZY81AMYDg
NhChgIkDNB2IAyKgAgpCcGoBRxNpXEGFBokGgABEeGGOkofoluARgUIFjQVAIOB8ogAkh3D7
uzNUecYNBiMWK9JAiYICUVtkgFgBMEUIPQOxgCmMT4gJgEidD8pgABXAFnZjXA+QYEBDgAic
kGHH+TDWIEmABAnDkbGmkqw3W0sEKc1AAPiZvFhTgOxAEUAlgNEBQY2CDQGWwQChHAUMAP
CqXKqQgCQUDDq2ZEGjARzQyEDnpU2uhQBFmzkIIJQGBEcm6D7eDEaf12qRwF2Zw2XEBCCABaQ
BmxgAiRyTrAFBRLkCMcf/8QAKRAAAQIFAwQCAwEBAAAAAAAAAAQARECEXUHEgQEEwUWHwsc
GB ofGR4f/aAaGbaQABPxAVJq25BfRxFzFrxf/ldr6GQDmygEwXVhKQOo99oAhAJrBzkrBIJiP
HQAEBBoRcA0GoGYsMBZQGYWZDheurHeDy+J9tcOqTlmTLcSW1778c63P6XWtQII/h+doMOKT
7gfrP39a6+vISXhNvpHqIhrHfeZ6ed0s7w0d2wNV55buP3/dDVfS7QPdKbp1yT9yqX/ZtFdU
2X37PbDITvZ7W09/ijfbmPq947Ef/k3f7r1Ve/8AvTdAmzymEbSbc5/+V8AdRh5Z9aG9z/o1
Tw6TetcsyYVwk+PSzKyZm+Tu8NL9vnr1IMR/ggWRsGtNIDppp5zWpjf1f8Ao/lqDXJ+Enbf
VUylf317OgRe3jaN+AHGUL/5+IdTy0GyH/q/U1RIzONC/oa+Zh5q6n0Ah5EILKVMypTyJ5G
YvenRyOG8Z/M3Hpn1+B/YT995I2HxNd2Z2v2ok0XZ+3MmbNxr0lb/wDIBr0Kv6Fmp/UndC75
7zy2Vq+jVzFv309ux7tpkf73zb3j+ntoKxKmYlMEltm9vtrXpo+dbMgb3m3/ACB/5v30t5/j
v+q9CcWBMvpp93B77kQvQF5U5K+eS+9i2cvfbGntzrrvo4dMlf8A0u5pvuw+l2fICXbz+v0+
nF3adTiWwrlvPv3RziLeRNR3lPlXtqb5DyB7pvoGKTU8LNs809D51bjX3vt11/31af3217f
9Ekj5qs7mx/+F7f+qHkv/f6uifwdTytQZZcmOrVLnp6fvTud76EPDPWu/wCrlc9eaXMU/G33
d+6z/qep4WZpCszVO9K5/wCcp4p3M7v8dvr4fnrH6rv9lfW+/wDaey2hf5nLlqsx/WFV+9y8
PX2mXf3t1eay9P7nNw4Q8t/KUg89MvPj8+vtX/ze1xsvq+nhZvFbQlNsYdqu5tU18q40ZDXE
du7W5Nw7zuWz+Np8mRhGNfElda8fHBs9fa+ZJuH8SWeoJIwxVAaGFhPWDdoYt9OdN6/V7nlp
8vxZHaU4bmz61i7i8XtfCamX461965NNiRo2fa79K/y/F/i+/fcdegvOfvZ8yZ4aV18Dcxzx
nu54n/PGs3Be5qhNp5zw7elzaP7YplyU3nLFRct/8rsnR+fz2Tqvuu5oz6KZ87m/MXw9W+/J/
ir/vXPOJXdku4Vn9DCL7G/tfjt+ET2bGHYCPDtn58jM+l8clc8PGzv89fvc7/3nr5zluV+c
zY/JJb7TJuPkZf8AG/X8KE6rPM6r/wDn/wASn1qj3nkcU/gFf0MLMe17TzTcDKDbcxGJvPV
LOZ88j/m+lKeSzjX62+DGVBZ/wBsa5McN/8AuyXXLKUxg/n84sqd74FzX2eOMl33unbFDu3D
n2/8p4+Q/wBBVmnvhF78RZq/z8zDtr7/AJpFdO1vTM+mMtdXuBa39lrwv+8PRV3OZovTybSh
l/s9Av7zqm0IqOO5/GGt75/kru4Sahug1yZXrLXuXjact3bWss/nzm+2TXbD6z82dxz9DCzX
r/X5y9enPLJI17Kv5Qc+18MOZ5GOH5X/AI32il+8SH9TI1urvun2zJPcBf7/AB8f8/3hi/dL
IKfd0WR2/bkeKF+X5b8xurx4l6P+Lp286/L2e7pQdHdpLP8A+hhZtsMtrF0ux3E/3MNzA/Sb
S/Tn7o3WeodKtDj3WiOzzTYj/MN5lWIcb/qtbj7T1sWWDnvK1+a/e9NZ830vV900rZxLHIKF
Yd+D/wAv3ztdKXGbD/x/wBLHVhJ4a55gP2Wb2es06sSNPT86hZX/wC3nVhu/Y6Qnu3DzzuL
D9/tvvv/AI+Br2ecQxlzJvKaPam8eWTe/wC5/fP79/b2G4R69R/2f65xq6fr7/8P/ORJOHN
INwWbPYe7XJrpp06u2/qteusVFImlR+Z9uttP+FQEvSx296ZycPhG/SAzVy+L5eqBiPg/fAI
fergL/uu5ob+RqbUdbvfO3fH/wDVg9TJzm33/wD6zVliNL/ib7CzfNfHcb6ePxnAR3ZafeSA
9sge7E9MchR/x5XXsO/vVB5hXj/3D43l+/8A19Qe+Nu73y3Gu1ZfudDErpQ219pRrv43IKIL
A6vauY9Ps1XZD/R1869advP9X7N/lcLCzXor/Bdjkt++ZO39e5+mW066hxlntOtvex7hCyA
l8Hn7/3me++gsTef7Z7X/a3sZqD1+W7qm/8Amg3CVbOkqdPKvbpvH3blIfGsgpie8aBwM3uv
ffevYN9xWcq5X/uRU3jj1/Wnofu2USIa39Hd+pFWz+33S+4/rWz/AMRoK09nVudfXdYTpt5v
/wCkNPewvfYh7KvH53RyzNxp/jvJz5arECbX4dlulVfsX8PRat3LvtYm/wDcFbw+/wDz7Wmh
cTl5kAHpluMOrdG9W82/ex2p/A9XwcAjTMI2IU9HKp972vvzLfe7+zZW5+/XGq2t72fomPs
8jdf8FabPvv4jtifCE778T8TV71B8LJ42a/Pk9M9PnpwI9Px0evYjzQ7/5f+rBY/Yu+ll8+
+34Jg1//AFT/ABE68kJvLOG7f9sHe21Zfq8vvdzV/wCBsyqanfrb58flffj0SqWlnMI7r9i
DIKVK619Mav9rew7v7jz4v4nKKy7k0Tlv1W78/L42bV110UVvZ55wz/J+V63/G4T96bf7L8
bzTbGbR+a0DQDVOjtUabpm+032c+3Usc8rWyoF+eazh16XWEZ+Y8l/N8gdTVmZpPbl2rXqf
zeayplIF5nW/1s/59633Vr/vq8/BOv5LGDU3tvkBoD0v0rhv5qRJB2TxaaT+Cb6Rnpboh21P
/wCxbRhRrdvcZuuJm/Dt71PZ/Vau77Nvd/Q19Vh/j8k+pdTkvnqp678ffCg/wD6v8ny0X+e
9O3OnOWTuD3PVEVw/wAMnvRJ/wBN/m/k2Z+ei+v9+2ALL8po9vtS3lezjlcY7nl0ZHPwtJGc
TzWprs5cLN75s38/0isfNNUbWozntHpY6M/Mn7JGnAFbU3MpLivm1ixMudguXV+F95vpevqO
5s0vikf8b9Ds9TGuvbKEWcXltZbu4Sa+G3Djt/vE+sFJaWM3qr9k/dg/uvM3r3sc81J87daf

rIaVRPXQ1o851LmO3IP1R0L6jubNwxPwl3/eGA2au+/hv3P8r8rNf33LdrwtNjUR+0eS99R+
v8bn/L0sKfnc/nQLc4OndhR6do3naz+y7sjMi8erN8vyH1Hc2bVFPpCqvbb1djWTKp+tXXZF
6qv3zW/ttNMc/wDdjnn04M77/wCul58WTPPX+Z6X2teZ5fvS9rc9drbpxDBY9aU+vvhX3jkw
pDbIJ5prJ16k5D2ufegn/G+1/wCc/aiUseqxeOVtziOtd3/RK9hbP0az2tziWb3yegxLmlv0
htqdXvVK9k53+4/cuM93e2192xXa3H/fz9R3NmadFq8itM/f66bvZncLbWmFuUL57VfynXJ/
7c1bYxPrN5972Zs8M/4i78ns3hHbfzXzJ490wNXj2eTelR5+/wBnSW2d35pb9jK+D1HKH37H
muXzHW2ade0K5VK5/T/y3mht6+uYxlKZfs+zG7P27H+OQI3u1OMxyhZZb0L+b09prLXgI7+M
6ylLX7SNuk/d2ab/AN7/AJMqe7jUsG/jbnY35+fZ4zvydflddtUjf/lp4dy2cHmbf9/mdO2Q
629372oxO/v2r13Pg3+PtJ1paneHXwjPlrbwQrJag1kDtPLScL+/vLK/pfuLLfEvX/f/AAHs
YOfbYMG/TT8VRs8rNkffnlJjwd2ZqDFaz8s5M31/wDbaw4/4wIRFtxN93xq9TXbPrkuHcBo
R7yg3A5t/wC4fQw++o+HR/u17W7/ALZbbI9wXt7t9bOLui6WO0y5d/8A1710JcNqsvD1zPQI
VX4buS3EmXXcX12tZULZJsG35i41niEC5o6/oY2ZQ74P+d64GX3RPv54vcq19iqBLVJNNYb9
zzaCb56r3/q4I8wjVaiKHLsn3HQB/EmO4n2OKunz/v8AbuU49ONqbOrSf733fRw+7Nc+Lv6/
P+61fPM9ZP01P8d+ny+z+hRcHase62q3nV/BSn6cNk+b23WWexjrr0c7i6hofVwz93fG97xV
dlS12rObPhk/+LWPLrf7l3/rIRw+7NTvWeJW+xm+mEtp7+BhXzEkCcm/va63VnFP1U1pP8A
8XUnmtsL75z93Bs7tvaNZdrycXtMP+zw5+j+XZtc9LLPcGb+GszOJ97fHu2aX0tzo5W1DGzJ
vU/p3Z9qev5v675vNTGGI4wOmIGd6sfU3Ku2u/D3452ATsWPW3qFW3ZY1C9740ax/R8d76fs
Edz/AF0H88eOvNPuvOiLNqhjv4yuR43PL+Tzf/Nbe+/djSAV0U08oNHGaswlPOX3puf0dfqX
eu816uk6HgOz978yH33PYn/jgwe98fv8v5inptTfnXvsI/RtaGH3ZtP/AKrfwZ/ZWemtbf
OmD06BJeLrhv/O3kSeeAX7r8d2Jbh6/vx+b547X/wAx+Tkdvab62YotUNlfez6vr+zc7dyS
x1kiv11oamEGuOu/e7MmF9AIKKT77t1scuiH/ZW6dcd7zGM7vnmKx/07qZ+fj6yTk99Fq3p
QF87TZ5tr8jX/uf/AHNd8eP579L96QmKB7K0wac+qYho2/mqe4wDg73PKQAyd6RhapPAf/Et
8OLZ/X177RMuR9k9nkrSHGo/uKszn25ZWSmqJdY582s1z9ooY6n5Xj5i70przhB96/HMOOp
vQAP7/Z8mExZj1je8sEF6+wLkYfelme8uF922V5RvmXxX2dThLqvPO26n9dzcmSsMl/3RK35
3YbSmWf60zSD5Tx1frJ061H0MmPjMeQMiaf3/wBYhAuEkoSKHZxg02k9dmZVhKUKao96P3DM
+cimzV/4gRoxpEeufwj6atv3VKOKbnri5PW2DsdAt+cPcm7CrSO32+7B2O9OMGhtWKw8Gd65
n70T+Su9BxKkXg43jiAGOkqbeBo3lu6TrvoLGa7V7g3CZZq2kmyo7Oj++3xWQ5WZGdpenjoz
ptllu75qleNg0Crd0EQIUo++6zjv8kClj+H7ZoQRPJZ63DIFMhEUvEEivHHO1cMoB/RDP3H
FancqsuRJE8LrVZm4IC7VLcvm8ScgyYT/8AFir0M1jAjVyyFEc7+0/HKFSZEySRNugerZR+
4fiqCvyejde7b0rFJ7pacfvQyXjT6XGP3vd10DDAbX84W4xy8EikhUR+M8erH5VoBi5BV/4
ih+ZRNjShuWpJW6CCf1U1voaxAdsA/YmdGzl69RRbni3Gi3T08TRPPfJHs/9n4UQ7rNQCGAI
7ldpo6SU/tQvQz86v6trwiHAavthSmv7B+2NJY6DW/B5t4poAIQOUAOp6cEUEn+vAebLh2Fb
Jhd2eVLsmNhJuDHB5flmYGridBYZlsFRtE7CBY3z9yhn8rEqAP5Snm478Em6o6X7hSirKdvF
2oE/3680opzUQdzfh19r2t+fr9008BUj8qeJv/ZoLZaTB7mCe90weN51zaET47/h8EYHRAq8
L9p+2hb9ktkwNuO+0MbMs2VxDhZde4ee/wBjxdN8fo7y1OH00/+vTSYkf8AVfCuT8777gzC
LWMXV6v1E1PVI/Fne/XveHGu92ntrf8A574zatfP93yXq1Xuq47Emr9cZvy6d/8AH515/mjQ
x1KjfhGddeFK00JYFUvuV9ak2N/U7UyfMLZmE0tyfXPzTI5eYsvdzA6SbMAFG7vH4ad+V7if
Ww7U5TMXvLtvvpVlCdCeW/x/RhBUD2Z+sCjuwyi/323qM6tXfn41UHThP+xO4X1faeFFJo3d
fvt/fJvxtv8A+P8Aeu6T/n0oLi/lkSWO7b/DLZT9NuQoqKJfqfTYK2IHEw85c3hQPV934fIp
Vlo3dcSSDht6ayo/GSy6WA37Ran47NFTbpUMPvo4Urm5nd2WHkKFofk3Gh9mCU3hu/adUz89
PDvbJkvvWuMvfxLQr7t6GVwnWnT5Czx/xvaUlclqkrWGihuKg9nuTc3yO5HhXfShB+t4lupp
tymh1Z7xmMOzb01v4WrLBa9cNX13kiuanpjJ3ui23/mZ+ifWcU89/nCAICpUyOEVxOgkO/gU
wo5Ggm9uJGYg8pkAUfJT8IsZQwguE6Awyz5RJk3OpXwVsJFpWPDVGaoF66McIxMJRHTyws6A
Lyn8pvk6HmQCAMrio7VAIBKKyUBJHYqPXnCGOFDAMcsI4gK5ojyUwnVRyYgIDpBVvAR3Nb7k
EY6jBp6tA0CgcAwAqf/Z